Ю. ЯКУБОВ

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ГОРНОГО СОГДА

АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ им. А. ДОНИША

Ю. ЯКУБОВ

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ГОРНОГО СОГДА

(к проблеме становления феодализма)

Ответственный редактор *Б. Я. СТАВИСКИЙ*

ДУШАНБЕ
«ДОНИШ»
1988

Якубов Ю. Раннесредневековые сельские поселения горного Согда. (К проблеме становления феодализма). Душанбе: Донш, 1988, с.

Впервые в советской историографии углубленно исследованы сельские поселения горного Согда. На основе изучения зернохранилищ сельских домов и дворца Гардани Хисор определяются доходы и расходы зерна каждого дома и дворца. Устанавливаются размеры площадей поливных земель, принадлежащих отдельным хозяйствам. Рассматривается вопрос о ремесле и ремесленном производстве горного Согда V—VIII вв. Большое внимание уделено вопросам семьи, общины, социального строя, формам землевладения, сложения феодализма в Средней Азии. Работа снабжена картами и иллюстрированными материалами.

Книга рассчитана на историков, археологов, этнографов, лингвистов, искусствоведов и преподавателей истории народов Средней Азии.

Рецензенты: канд. истор. наук *У. Пулатов, А. Исаков.*

Я $\frac{0507000000-126}{M\,502-88}$ 21—88

© Издательство «Донш», 1988 г.

ОТ РЕДАКТОРА

Период раннего средневековья был временем наибольшего расширения «согдийского мира», т. е. территории расселения согдийцев — предков таджиков и других народов Средней и Центральной Азии. Поселения и фактории согдийских купцов, ремесленников, земледельцев, проповедников разных религий, включая буддизм, манихейство и христианство, в VI—VIII вв. были известны в Китае и Монголии, в Восточном Туркестане и Семиречье, на севере средней Азии, юго-востоке современной Туркмении и даже на побережье Крыма. Еще замечательный русский востоковед акад. В. В. Бартольд, заложивший в начале нашего столетия основы научного изучения истории Средней Азии, сравнивал деятельность согдийцев на караванных путях с деятельностью финикийцев на древнейших морских трассах Старого Света (В. В. Бартольд. Собрание сочинений, т. II, ч. 2, М., 1964, с. 467). Новые открытия советских и зарубежных исследователей, с одной стороны, полностью подтвердили справедливость столь высокой оценки роли согдийцев в раннесредневековой истории Востока, с другой — показали первостепенную важность для исторической науки углубленных исследований собственно Согда, древней историко-культурной области, лежавшей в центре Среднеазиатского междуречья, в бассейне рек Зеравшана и Кашкадарьи. Успехи в изучении Согда, особенно его городских центров, таких как Пенджикент, Самарканд, Бухара, прославили советскую науку. К числу несомненных достижений нашей науки следует отнести и многолетние углубленные исследования сельских поселений горного Согда, которые нашли себе отражение и обобщение в книге Ю. Якубова, предлагаемой вниманию читателей.

Горный Согд, составлявший восточную часть согдийской метрополии, охватывал ущелья и высокогорья Кухистана (страны гор). Это был обширный и своеобразный район. Отсюда, с востока, вставало над столичными равнинными оазисами согдийцев обожествляемое ими солнечное светило. Здесь лежали истоки рек Зеравшана и Кашкадарьи, дающих жизнь полям, поселкам и городам Согда. Примечательно, что именно здесь в 1932—1933 гг. было обнаружено и первое, ставшее известным науке, собрание согдийских рукописей и памятников культуры — знаменитая кол-

лекция находок в замке на горе Муг (согдийские рукописи этой коллекции были изданы и изучены советскими иранистами А. А. Фрейманом, В. А. Лившицем, М. Н. Боголюбовым и О. И. Смирновой; вещественные находки рассмотрены в книге Ю. Якубова «Паргар в VII—VIII вв.» Душанбе, 1979). Согдийские документы с горы Муг начала VIII в. н. э. вместе с сообщениями, впрочем довольно скудными, арабо- и персоязычных авторов IX—XI вв. теперь удалось дополнить этнографическими и археологическими данными, в частности — материалами из раскопанных полностью (или в значительной мере) замков, крепостей и селений. Такой взаимодополняющий набор источников для комплексного, как принято сейчас говорить, изучения раннесредневековой истории горного Согда ставит этот район в исключительное положение не только в Согде, но и во всей Средней Азии.

Именно возможность опираться на местные письменные документы, сведения авторов IX—XI вв., данные топонимики, этнографии и полученные в ходе долголетних раскопок археологические материалы позволила Ю. Якубову рассмотреть разные (в том числе и редкие) аспекты истории V—VIII вв., недоступные для исследователей других районов Средней Азии. Таковы, например, вопросы типологии и динамики развития сельских поселений (см. главу II настоящего издания), структуры сельского поселения (гл. III), проблемы изучения экономического потенциала и населения сельского поселения (гл. V) и социально-общественного строя (гл. VI). Думается, что эти главы, как и другие разделы данной книги Ю. Якубова, написанной им через полтора десятилетия после его первой монографии, будут ценны для исследователей исторического прошлого Средней Азии и полезны всем, кто интересуется историей и культурой народов Востока.

Конечно, в этой книге, как и в любом обобщающем исследовании по древней и средневековой истории, можно найти отдельные спорные и гипотетические положения, равно как и некоторые недостаточно освещенные вопросы. Автор книги, например, из-за ограниченного объема издания не уделил здесь должного внимания проблеме религии и культов населения горного Согда в раннем средневековье (этой проблеме следует посвятить отдельное исследование). Не останавливается Ю. Якубов специально и на истории заселения ущелий и высокогорий Зеравшана и Кашкадарьи. Этому вопросу была посвящена моя давняя статья «Основные этапы освоения земледельческим населением горных районов Зеравшана (Кухистан)» в сборнике Географического общества СССР «Материалы по этнографии», вып. I (Л., 1961). Напомню, что в этой статье были названы три основных этапа заселения Кухистана оседлыми земледельцами: кушанский (II—I вв. до н. э. — I—IV вв. н. э.), домусульманский раннесредневековый (V—VIII вв.) и, наконец, X—XII (точнее, видимо, IX—XIII вв.). Работами Ю. Якубова и А. Исакова за последние четверть века в горном Согде открыто много новых поселений этих трех периодов, что подтверждает правильность их выделения.

В то же время новые находки и исследования свидетельствуют, что земледельческое население могло расселяться на землях Верхнего Зеравшана и раньше кушанского периода. Так, в ходе обследования поселения Холикназар на берегу Магиандарьи в нижнем его слое найдена керамика, которую исследователь этого памятника отнес к III—II вв. до н. э. (см. сообщение А. И. Исакова в сб. Археологические открытия в 1975 г., М., 1976, с. 566). Еще более заманчивые перспективы сулит открытие в 15 км западнее Пенджикента, на ближайших подступах к горному Согду, крупного поселения Саразм, существовавшего в эпоху бронзы, во второй половине IV—второй половине II тысячелетий до н. э. (А. Исаков. Саразм — новый раннеземледельческий памятник Средней Азии. Советская археология, 1986, № 1, с. 152—167). Это поистине сенсационное открытие (Саразм отстоит на многие сотни километров от поселений древнеземледельческих племен южных областей Средней Азии, входящих в мир ранних земледельцев Евразии) вместе со случайной находкой бронзового сосуда X—IX вв. до н. э. в верхнезеравшанском кишлаке Фатьмев (В. Г. Луконин. Искусство древнего Ирана. М., 1977, с. 40) можно рассматривать как сигналы о гораздо более раннем, чем это представлялось мне 25 лет назад, начале освоения предгорий и ущелий Кухистана древними земледельцами. В любом случае проблема проникновения в горный Согд земледельческого населения уже встала перед исследователями Кухистана, Согда и всей Средней Азии в целом.

Процесс познания исторического прошлого горного Согда (и других горных районов Средней Азии) все еще далек от завершения, и я уверен, что ученые и все те, кого волнует история народов Средней Азии, с нетерпением будут ждать новых находок и открытий в горном Согде, замечательном районе, которому посвящена эта интересная книга.

Москва, март 1986 г. *Б. Я. СТАВИСКИЙ*

ВВЕДЕНИЕ

Эта работа посвящена раннесредневековым сельским поселениям горного Согда, т. е. части Согда, которая располагалась в верхней части бассейна р. Зеравшан, к востоку от Пенджикента. Изучение сельских поселений вообще, а поселения периода раннего средневековья V—VIII вв. в особенности, относится к числу актуальнейших проблем средневековой истории Средней Азии. Однако, несмотря на важность этой проблемы для истории народов Средней Азии, до последних лет сельские поселения оставались малоизученными. История сельских поселений в основном реконструировалась по археологическим материалам городов. Только в последние годы среднеазиатские археологи стали уделять внимание сельским поселениям, и то не во всех историко-культурных областях. Наиболее изученным в этом отношении является Хорезм. Здесь исследовано много памятников различных периодов, в том числе раннесредневекового — афригидского периода IV—VI вв. На основе памятников Беркуткалинского оазиса С. П. Толстов постарался обрисовать социальную структуру нового — феодального общества и пути развития городов и селений раннесредневекового Хорезма (Толстов, 1948, с. 150—157; 1949, с. 33).

Сельскими поселениями Хорезма много лет занимается ученица С. П. Толстова Е. Е. Неразик, которая посвятила им две монографии. В первой из них, озаглавленной «Сельские поселения афригидского Хорезма», рассматриваются вопросы типологического и хронологического расположения памятников, жилища, культовые постройки, экономическая и общественная жизнь Беркуткалинского оазиса в VI—VIII вв.

Вторая работа Е. Е. Неразик «Сельское жилище Хорезма (I—XIV вв.)» является продолжением первой. Как отмечает автор, в процессе работы над первой книгой возникло много вопросов, касающихся путей развития сельского жилища Хорезма, типов расселения, особенностей его земледельческой общины, структуры семьи и др. Стало совершенно ясно, что их решение зависит от накопления новых материалов, далеко выходящих за хронологические рамки (VI—VIII вв.). Потребовалось не только углубление в древность, но и знакомство с более поздними и сред-

невековыми поселениями Хорезма (Неразик, 1976, с. 5). В этой работе на основе большого археологического материала рассматривается эволюция типов сельских жилищ, семьи Хорезма от начала нашей эры до позднего средневековья (Неразик, 1976, с. 8). Кроме того, в работе приводится уникальный материал для решения вопросов сложения и структуры сельских поселений в Хорезме. Выше упомянутые работы Е. Е. Неразик являются важным вкладом не только в изучении сельских поселений Хорезма, но и всей Средней Азии.

Значительный интерес представляет комплексное изучение материалов из раннесредневековых слоев поселения Токкалы (Гудкова, 1964).

Много сделал для изучения раннесредневековых сельских поселений Л. И. Альбаум. Раскопанные на юге Узбекистана, в Тохаристане, замки Балалыктепе, Джумалактепе, Зангтепе и Чаянтепе очень важны для изучения раннесредневековых замков Средней Азии (Альбаум, 1960, 1965). Так же ценен в этом отношении раскопанный Т. Аннаевым замок Куевкурган (Аннаев, 1984. с. 5—6). Последние годы изучением раннесредневековых сельских поселений Чаганиана занимается Э. В. Ртвеладзе. Он собрал интересный материал для археологической и историко-топографической карты городов и селений этого района (Ртвеладзе, 1975, 1977, 1978, 1979).

Важные данные получены Б. Я. Стависким в ходе раскопок поселения Яхшибайтепе, раскопано несколько секционных домов, некоторые с парадным залом (Нильсен, 1966, с. 173—174).

В Таджикистане, на территории древнего Кабадиана, частично исследовано двухчастное поселение Мунчактепе (100 х 110 м). Замок расположен в северо-восточной части (высота 6 м от поверхности поселения). Частично раскопана северная часть холма и обнаружены остатки здания, второй слой которого относится к VII—VIII вв., а третий к V—VI вв. н. э. Предполагается, что помещения третьего строительного периода являются остатками святилища огня (Мандельштам, Певзнер, 1958, с. 310—322; Мандельштам, 1954, с. 65—68).

В последние годы несколько сельских поселений небольших размеров раскопаны на Памире (Бубнова, 1976, 1977). Как известно, для Памира и Припамирских районов основным строительным материалом является камень. Камни из старых домов широко используются при строительстве новых. Поэтому в вышеупомянутых районах почти нет остатков старых поселений. Таких поселений осталось очень мало и то, что дошло до нас, — это памятники, которые расположены в труднодоступных местах и вдали от современных селений. Поэтому то, что удалось открыть и раскопать М. А. Бубновой, имеет большое значение для восстановления древнего облика сельских поселений и сельских домов древнего и средневекового периодов этих и других горных районов Средней Азии. Раскопанные сельские поселения Западного Памира, за исключением поселений Патхур и Варшез, не

опубликованы. Поселение Патхур расположено по обе стороны безымянного ручья, на левом берегу р. Патхурдара. Раскопано тепе на правом берегу ручья (размером 20 х 14 м), которое состоит из более 10 помещений различного назначения. По мнению М. А. Бубновой, на поселении жила одна семья. Второй холм несколько больше по размерам (Бубнова, 1982, с. 173—175). Поселение датируется VII—VIII вв. н. э.

Поселение Варшез II, площадью 42,5х30,5 м, располагалось на труднодоступном месте, естественная толща морены была использована как наружная защита. Здесь раскопано 16 хозяйственных и жилых помещений. Жилые комнаты оборудованы суфами и очагами. Поселение датируется XII в. (Бубнова, 1976, с. 147—153). Однако, судя по описанию некоторых фрагментов керамики, особенно тех, которые имеют лощение по светло-красному и светло-коричневому ангобу, оно относится к более раннему периоду.

Поселение Варшез III состояло из 20 помещений (Бубнова, там же, с. 150). Описание не дается.

В верхнем течении р. Вахш, в районе Ляхша, нами в 1975 г. было обследовано более 10 памятников-усадеб раннесредневекового периода. В 1978 г. раскопки на одном из них показали, что он представляет собой небольшой прямоугольный холм (25х22). Всхолмленные внешние стены поднимались от современной поверхности на 1,5 м. Вдоль восточной стены были раскопаны три помещения: 3,2х3,8 м; 4х3,8 м; 6х4,5 м. Последнее было хранилищем и кухней, так как здесь на суфах были хумы, обмазанные ганчем, для хранения зерна, очаг для приготовления пищи. Усадьба не была докопана, к сожалению, она уничтожена при последующих строительных работах. Раскопки восточной половины усадьбы показали, что посередине шел коридор, а по сторонам от него располагались другие помещения. Всего их было 6 или 7.

Шурф на юго-восточной части усадьбы помог установить, что наружные стены имели толщину не менее 5 м. Стены сложены из пахсовых блоков и сохранились на высоту 2 м. Бойниц на этой высоте нет, возможно, они располагались выше крыши помещений. Нет сомнений, что усадьба была укрепленной. По керамическим материалам она относится к V—VI вв. н. э.

В северном Афганистане, т. е. на юге Тохаристана, японскими археологами частично раскопано небольшое укрепленное поселение Чакалактепе недалеко от Кундуза (Mizuno, 1970, p. 25). На афганской части Тохаристана отмечен ряд поселений этого периода (Bale Gargin, 1982). Это — Қалаи Гаюби или Тохаритепа, в 26 км южнее Кундуза. Тепа стоит на естественном возвышении и искусственном холме высотой 70 м. Памятник укрепленный. Тохаритепа многослойный памятник. Здесь встречаются слои от эпохи бронзы до монгольского периода: Аликутан в 1 км от к. Аликутан — III—I вв. до н. э. и I—IX вв. н. э. (pp.33—35); Алисаи датируется кушано-эфталитским периодом; Андарови в провинции Тохаре V—X вв. н. э.; Андун в Фарабе, в 138 км южнее

Маймана, диаметр холма 100 м, датирован III—XII вв. н. э.; Актепе в Кундузе V—IX вв. н. э. Всего по Тохаристану отмечено более 20 памятников укрепленных сельских поселений.

Много сделано для изучения сельских поселений разных периодов, в том числе раннесредневекового, Н. Г. Горбуновой. Из раннесредневековых поселений подвергались изучению двухчастное укрепленное поселение Мыкты-Курган (150 х 100 м) III—IV, VII—VIII вв. н. э., Чунтепа VII—VIII, X—XII вв., поселение № 5 VII—XII вв. (Горбунова, 1965, с. 59—60; 1966, с. 85—86). Полностью раскопаны замок Аралтепе (Горбунова, 1971, с. 108) и замок Куюктепе (двухчастное укрепленное поселение — 100 х 100м). Площадь замка 20 х 20 м, высота 6 м. Куюктепе датируется III—V вв., VII—VIII вв. н. э. (Горбунова, 1972, с. 85—86).

На поселении Тепе-Арк «выявлена сложная многоугольная постройка из сырцового кирпича со сводчатым коридором, ведущим внутрь. С двух сторон сооружение ограждено оборонительной стеной с башнями. Назначение сооружения диаметром 30 м и высотой 6 м пока неясно. Датируется оно III—VI вв.» (Горбунова, 1974, с. 86). На холме Актепе раскопано круглое здание диаметром 30 м. В первом периоде оно было окружено одной стеной, а во втором и третьем (VII—VIII вв.) — двумя стенками с коридором между ними (там же, с. 87). К сожалению, планы этих интересных памятников еще не опубликованы.

Исследуется двухчастное поселение VII в. Майдантепе (90х х80 м). Раскопано здание с четырехколонным залом и другими помещениями (Брыкина, 1973, с. 113—123).

Важный материал дало исследование В. А. Булатовой поселения в предместьях раннесредневекового города Куби. Здесь раскопано несколько кварталов, которые состоят из жилых домов разного социального ранга. К сожалению, в публикации отсутствуют подробные описания домов, помещений, не дана их нумерация, а при выделении секционных домов не учтены помещения второго этажа (Булатова, 1972).

Археологические разведки, шурфовки и частичные раскопки, проведенные А. Н. Бернштамом еще в 30—40-х годах и П. Н. Кожемяко в 50-х годах (Кожемяко, 1959) на территории Киргизии, показали, что и там есть немало сельских поселений раннесредневекового периода (Бернштам, 1950, 1952).

В 1939—1940 гг. в предместье городища Сарыг были раскопаны помещения нижнего этажа замка раннесредневекового поселения (Бернштам, 1950, с. 30—36).

В Исфаринской части Ферганы в результате разведки 1951 — 1952 гг. обнаружено более десятка поселений, крепостей и замков раннесредневекового периода (Давидович, Литвинский, 1955, с. 138—152).

Полностью раскопан многослойный памятник Калаи Боло. Первый и второй периоды Калаи Боло относятся к VI—VIII вв. н. э. (там же, с. 134), помещения более поздних периодов не сохранились. Калаи Боло по своим размерам (62х15 м), структу-

ре и расположению является типичным памятником для горных районов раннесредневекового периода.

Среди многочисленных сельских поселений Чача V—VIII вв. Актепе у Абразивного завода в Ташкенте является пока единственным памятником, который подвергся частичным археологическим раскопкам (Тереножкин, 1948, с. 82—130, Филанович, 1978, с. 156—165, 1983, с. 100—116).

Из сельских поселений Мервского оазиса раскапывается холм Акдепе. Замок возник на месте поселения античного времени и представлял собой, по всей видимости, монументальное сооружение. Его площадь занимала 74х26 м. Вход в него оформлен двумя ложными башнями. В замке раскопано несколько хозяйственных помещений (в одном из них обнаружено множество булл) и храм огня времени Сасанидов (Губаев, 1968, 1970, 1971, 1972, 1977).

С изучением сельских поселений Уструшаны дело обстоит намного лучше, чем с Тохаристаном и Ферганой. Здесь изучено несколько типов сельских поселений: Тирмизактепе — так называемое «караульное» здание, полностью раскопанное и датирующееся VII—VIII и XI—XII вв. н. э. (Негматов, Пулатов, 1973). Его площадь занимала 74 х 26 м. Двучастное поселение Уртакурган, где раскопан замок Уртакурган, датируется VII—VIII вв. н. э. (Негматов, Пулатов, 1973). Полностью раскопан также двухэтажный замок Чильхуджра (Пулатов, 1975). У. Пулатовым изучен храм огня на холме Актепе (Пулатов, 1977) и замок — двухчастное поселение Таштемиртепа IV—VI вв. н. э. (Пулатов, 1976). Раскопана также небольшая усадьба Калан Сар VI—VIII и XI—XII вв. н. э. (Пулатов, 1977). Исследовано поселение Карабулак VI—VII и XI—XII вв. (Брыкина, 1974). Брыкина называет это поселение городищем, а Н. Н. Негматов — компактным поселением (Негматов, 1978, с. 146—159). На наш взгляд, Н. Н. Негматов прав, и Карабулак, действительно, поселение сельского типа. Все вышеназванные памятники имеют большое значение для изучения истории сельских поселений раннесредневекового периода не только Уструшаны, но и Согда, а также других районов Средней Азии.

Сельские поселения Согда изучены неравномерно. Бухарский оазис занимал значительную часть Согда. Археологические памятники его до сих пор изучены слабо. Работы В. А. Шишкина в сельском округе Варахши показали, что в IX—X вв. западная, северная и северо-восточная части области были густо заселены. Здесь зафиксированы десятки памятников раннесредневекового периода V—XI вв. Среди них только одно поселение двухъярусное — Дингилактепе, которое относится к V—XI вв. н. э. Дингилак состоит из замка (30 х 15 м) и поселения, примыкающего к нему с южной стороны (80 х 45 м). А. Р. Мухамеджанов, исследуя районы Рамитана, пишет, что только здесь можно насчитать более 70 крупных археологических памятников, нижние слои которых уходят в первые века до н. э., а верхние датируются IX—XI вв. н. э. (Мухамеджанов, 1975, с. 156). Шурфы заложены на

памятнике Аксачтепе, нижние слои которого относятся к V—VIII вв., а верхние — к XVIII—XX вв. н. э. (Абдиримов, 1979, с. 83). Размеры и структура раннесредневекового периода Аксачтепе не установлены. Памятники остальной территории Бухары не исследованы.

Благодаря многолетним работам С. К. Кабанова обследовано более 300 поселений древнего и средневекового периодов. При помощи шурфов и небольших раскопок изучено более 120 памятников сельского и городского типов. Все памятники III—VII вв. хронологически разделяются на три этапа: III—V, V—VI, VI—VII вв., причем отмечается, какие из них в первом этапе прекращают и какие продолжают свое существование во втором и третьем этапах. С. К. Кабанов отмечает характерные особенности каждого этапа. Так, в первом периоде крупные однослойные поселения имеют особо укрепленные замки. На этом этапе преобладают небольшие бугры, развалины отдельно стоящих домов. Во втором периоде распространяются двухъярусные поселения с вышкой-замком и прилегавшей к ней с одной стороны возвышенной площадкой. На этом этапе количество зданий-усадеб уменьшается (Кабанов, 1977, с. 90—92). На третьем этапе «продолжали основываться и развиваться двухъярусные поселения. Из вновь возникших наиболее характерен памятник Культепе — мощный замок с довольно большим капитальным поселением» (там же, с. 93). К сожалению, среди памятников, исследованных С. К. Кабановым, раскопан только замок Аултепе. Тем не менее С. К. Кабанову на основе материалов из шурфов и раскопок удалось поставить и отчасти решить ряд важных вопросов по этапному, хронологическому развитию сел и городов, количеству их в древнем и средневековом периоде и т. п. (Кабанов, 1977, 1981).

Памятники Кашкадарьинской области изучались и изучаются и другими учеными Узбекистана: Е. М. Массоном (1977), З. И. Усмановой и Г. Я. Дресвянской (1975), Н. И. Крашенинниковой (1977, 1977а), Г. Я. Дресвянской, А. С. Сагдуллаевым и З. И. Усмановой (1977); С. Б. Луниной (1977); З. И. Усмановой (1977)[7], З. И. Усмановой и А. С. Сагдуллаевым (1981); С. Б. Луниной и Н. П. Столяровой (1981) и Г. Я. Дресвянской (1981). Все эти ученые внесли заметный вклад в историю археологического изучения района.

Сельские поселения Центрального, т. е. Самаркандского, Согда изучены еще слабее. Здесь в результате разведки в 1971—1973 гг. обследовано 1500 разноразмерных памятников различных исторических периодов, но преимущественно раннесредневекового времени (Ростовцев, 1975, с. 100). Придаргомская система была обследована С. К. Кабановым сначала в 1961 г., а затем дополнительно в 1975 г. Здесь выявлено 19 памятников, преимущественно домусульманского периода. Среди них самым крупным является Кургантепа, площадью 120 х 100 м, с замком в середине, размером 50 х 40 м и высотой 10 м. Памятник датируется V—VI вв. н. э. (Кабанов, 1978, с. 66—70).

В. А. Нильсен в работе «Архитектура Средней Азии V—VIII вв. собрал большой материал об архитектуре сельского поселения раннесредневекового периода. В работе затрагиваются вопросы становления сельской феодальной архитектуры и типы сельского поселения. Так как во время работы В. А. Нильсена над его книгой сельских поселений было раскопано еще мало, многие положения, выдвинутые им, например об усадьбах типа Яккапарсан и двухъярусных тепе, оказались неверными (Нильсен, 1966, с. 115—118).

Верхний Зеравшан является единственным районом Согда, где сельские поселения в течение многих лет изучаются систематически. В 1953 г. А. М. Мандельштам на поселении Батуртепа раскопал несколько помещений (см. дальше). С 1957 г. сельским памятникам уделяется внимание Верхнезеравшанской археологической группы, ныне отряда. С 1958 по 1970 г. отрядом руководил Б. Я. Ставиский, а с 1970 г. и поныне — автор этих строк. Отряд кроме проведения археологической разведки частично раскопал замок Калаи Нофин и Калаи Муг на Магиане (Ставиский, 1957, 1958, 1959). С 1973 по 1978 г. А. Исаковым исследовано более 11 памятников сельской округи Пенджикента (Исаков, 1977). Материалы, полученные при археологических раскопках на раннесредневековых поселениях горного Согда, имеют важное историческое и культурное значение. Они затрагивают широкий круг неразработанных вопросов истории раннего феодализма. Если учитывать, что раскапываемые нами памятники в горах Согда непосредственно связаны со знаменитыми документами с горы Муг, значение этих памятников для истории еще более возрастает. Таким образом, для изучения горного Согда стали доступны как данные местных согдийских письменных источников — документов, так и вещественные материалы из полностью раскопанных более чем двух десятков археологических памятников раннесредневекового времени, в том числе двух уникальных — Гардани Хиссор и Кум. Такого сочетания пока нет ни для какого другого района Согда, да и для других районов Средней Азии.

Данная монография является результатом многолетних (более 20 лет) работ автора на памятниках горного Согда. Опираясь на анализ всех доступных ему источников, а также на раскопанные сельские памятники других районов Согда и всей Средней Азии, автор рассматривает малоразработанные или почти не разработанные проблемы истории сельских поселений.

Монография состоит из двух книг: «Раннесредневековые сельские поселения горного Согда» и «Религиозные верования и обычаи сельского населения». Данная работа относится к первой книге.

В раскопках Гардани Хисор кроме автора участвовали: Б. Я. Ставиский (начальник Зеравшанской группы с 1963 по 1970 г.), Е. П. Денисов (1965—1966, 1971—1974), Д. Довутов (1971—1974), Л. Т. Пьянкова (1973), Т. Веселовская (1971), З. Кусургашев (1964 г.). Чертежи и рисунки резного дерева двор-

ца составили В. Л. Воронина (архитектор) и Л. Луконина (художник). Планы и разрезы сельских домов (дехистана) составили С. Г. Хмельницкий и С. Шетухина (архитекторы). Находки нарисовали В. Скачков и Л. Ф. Каурова. Отряды обслуживали водители С. Якубов и Р. Сулайманов. В раскопочных работах участвовали рабочие из к. Мадм.

Ценные этнографические данные о сельском дореволюционном хозяйстве Мадма и района давали нам М. Джураев, Д. Рахмонов и др.

Автор выражает всем глубокую благодарность.

Приношу глубокую благодарность своему учителю, редактору данной работы Б. Я. Ставискому за ценные советы и замечания.

Автор приносит благодарность сотрудникам сектора археологии В. А. Ранову, М. А. Бубновой, В. С. Соловьеву, Т. П. Кияткиной и др. за ценные замечания во время периодического обсуждения отдельных глав данной работы.

Автор благодарен члену-корреспонденту АН Таджикской ССР, профессору Н. Н. Негматову, академику АН Таджикской ССР Б. А. Литвинскому, докторам исторических наук А. М. Беленицкому и Б. И. Маршаку за ценные советы и консультации. А также А. Исакову за предоставление материалов своих раскопок по сельским поселениям горного Согда.

Глава I

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГОРНОГО СОГДА (БУТТАМА)

Древний Согд, Согдиана античных авторов, после крушения Кушанской державы, в раннее средневековье, выдвинулся в наиболее передовую в культурном и хозяйственном отношении область Среднеазиатского Междуречья. Этот подъем затронул тогда и восточные земли согдийцев, лежавшие в горных верховьях Зеравшана, где располагались истоки этой реки, питавшей водою «столичные оазисы» — Самаркандский и Бухарский. Будучи теснейшим образом связан с Пенджикентом и Самаркандом, горный Согд представлял собой довольно обширный своеобразный и самостоятельный район. О положении этого района в древности и в V—VI вв. сведений у нас нет. Если прав Б. Я. Ставиский в его трактовке сообщения китайского путешественника Сюань Цзяна, то в 20-е годы VII в. верхняя часть долины р. Зеравшан в административном отношении обособилась от остальных владений Самаркандского Согда (Ставиский, 1959, с. 85—86). Более определенные сведения о горном Согде содержатся в арабо- и персоязычных источниках, относящихся в основном к VIII—XII вв. Арабские авторы знают его как Буттам (Истахри, 1340, с. 250, Хаукаль, 1340, с. 212), автор географического сочинения Худуд-ал-Алам называет его Бутаман. Слово Буттам встречается и в согдийских мугских документах. Согдологи считают, что согдийское слово Pyttman соответствует арабскому ал-Буттам — البتم и персидскому (или таджикскому) Бутаман — بتمان (Смирнова, 1961, с. 220; Лившиц, 1962, с. 95, 102).

Отдельные факты и вопросы исторической географии горного Согда впервые были затронуты в работе «Согдиана» (Tomaschek 1877, с. 67—184), в книге «Ираншахр» (Marquart, 1938, с. 81—83), в «Географическом очерке Мавераннахра» (Бартольд, 1963, с. 133).

Сведения средневековых географов о Буттаме частично приведены в работе «Из истории горной промышленности Таджикистана» (Массон, 1934, с. 45—46). Но М. Е. Массон основное внимание уделял не исторической географии района, а его природным богатствам. Об исторической географии горного Согда говорилось в работе «Историческая топография Верхнего Зеравшана»;

большое внимание в ней уделено и топонимике (Смирнова, 1950, с. 56—60). Вопросы исторической географии горного Согда в интересующий нас период частично освещены также в работе «Уструшана в древности, в раннем средневековье» (Негматов, 1958) и в статьях «К вопросу о замке на горе Муг» (Волин, 1940), «Исторические сведения о верхней части Зеравшанской долины (до арабского завоевания)» (Ставиский, 1959).

Исторической географией всего горного Согда специально никто из исследователей не занимался. Поэтому в данной работе мы попытаемся установить, как представляли себе исторические и географические границы Буттама согдийские, а также арабо- и персоязычные авторы.

Единственный из исторических источников, который приводит сведения о Буттаме, это труд арабского историка и географа Ибн Хордадбеха (рожд. 820). Последний, перечисляя титулы домусульманских государей Средней Азии, упоминает титул владетеля Буттама Зун-на-Наъа. По сведениям того же автора, Буттам при Тахиридах платил им 5 тыс. диргемов. Как видно из этого сообщения, Буттам одно время был самостоятельным государством (Хордадбех, 1889, с. 32).

Первое наиболее подробное географическое сообщение о Буттаме мы находим у ал-Истахри в работе «Масолик ва мамалик» (Книга путей и стран), где он пишет: «В области Буттам много недоступных крепостей, рудников — золотых, серебряных, железных, купороса и нашатыря. Рудник нашатыря — это гора, в которой находится пещера. Из пещеры поднимается пар, который днем похож на дым, а ночью на огонь. Там, где поднимается этот пар, строят дом с закрытыми окнами и входом, чтобы пар из него не выходил. На потолке и верхней части стен образуется слой нашатыря. Когда открывают дверь, человек, одетый в специальную мокрую кошму быстро входит, берет сколько сможет и выходит обратно; если он промедлит, то сгорит. Этот пар с места на место кочует, и там, где вновь появляется, добыватели нашатыря над ним строят новый дом.

Буттам состоит из трех частей: Буттам первый, Буттам средний и Буттам внутренний или внешний.

Воды Самарканда, Согда и Бухары берут начало из среднего Буттама и через Паргар — برغر идут до Самарканда. Из Маскхи مسخا (Матча) другие реки берут начало и в Паргаре сливаются с рекой Самарканда. Река Чаганияна тоже берет начало из Буттама. Кроме того, в другом месте говорится, что «все воды Самарканда идут из реки Согда, которая берет начало из горы Буттама выше Чаганияна. Эта река имеет водоем, который называется Бачн— بجن. Это место называется Бургар — برغر, и река течет оттуда до Бунчаката и дальше, в Варагсар, где расположена плотина. От плотины воды реки Согда разделяются на восточный и юго-западный» (Истахри, с. 258—259).

Далее, в разделе «Горы» говорится, что «самая близкая к Бу-

харе гора — это горы Варака или Варка — ورکه, расположенные между Кешом и Самаркандом, и они тянутся через Срушанский Шахристан, Фергану и соединяются с Таразом или Тирозом — طراز и переходят в Китай» (там же, с. 244)*

Таким образом, ал-Истахри коротко, но довольно точно описывает географию Буттама, хотя остается неясным, что он подразумевал под тремя частями этой области.

Говоря о горах Варака, расположенных между Бухарой и Кешом, он не упоминает, относятся ли они к Буттаму, хотя из его указания, что они тянутся через Уструшанский Шахристан и Фергану, соединяются с Таразом и доходят до Китая, ясна их связь с этой областью.

Главным истоком реки Согда (т. е. Зеравшана), по ал-Истахри, является Искандердарья, которая берет начало из Бачана-водоема, т. е. современного Искандеркуля. Ал-Истахри знает о местности Матча, но не называет р. Матчи, сообщая при этом, что в Паргаре она соединяется с р. Согда. Реки Ягноб, Паструддарья, Кштутдарья и Магиандарья ему остались неизвестными. По ал-Истахри, река Чаганияна — Сурхандарья тоже течет из гор Буттама. Но он ничего не говорит о Варзобе, Кашкадарье, Кафирнигане и их притоках, которые берут начало с Гиссарского хребта, равно как и о реках, текущих с Туркестанского хребта.

Более подробно о географии горного Согда сообщает автор таджикского географического сочинения X в. Худуд ал-Алам. Он пишет, что «Бутаман — это область (нохия) среди гор и ущелий (куххо ва ишкастагихо) в Саравшане (Уструшане). Имеет три части (хадди): Бутаман внутренний (андаруни), Бутаман средний (миена) и Бутаман внешний (беруни) (Худуд ал-Алам, с. 111). Кроме того, в Худуд ал-Алам говорится, что в «Бутамане много коз, дервишей и посевов. Там много селений и рустаков и в его горах много рудников нашатыря».

Автор Худуд ал-Алам, по сравнению с ал-Истахри и ибн Хаукалем, дает более подробные и точные данные о Паргаре и Искандеркуле. Он пишет, что «Баргар — برغر —это область, район в среднем Бутамане (нохияест аз Бутамони андаруни) и Дарьежо расположен в нем, и река Бухара берет начало из этого Дарьежа, и из среднего Бутамана берут начало другие реки и впадают в нее (руди Бухоро аз ин Дарьежа равад ва андар вай обхо дарафтанд аз Бутамони миена)». (там же, с. 111). Кроме того, в разделе о реках и заливах говорится, что «Дарьежо расположен в Саравшане (Уструшане) и он образуется из четырех рек (чахор руд), которые берут начало в горах Бутамана и находятся среди гор. От него берет начало река, которая дает воду Самарканду, Бухаре и Согду» (там же, с. 140). Таким образом, автор Худуд ал-Алам помещает рустак Паргара в Среднем Буттаме. Кроме того, он так же, как ал-Истахри, за главный приток

* Переводы из арабо-персидских источников осуществлял автор.

Зеравшана принимает Искандердарью. В отличие от ал-Истахри, он называет Зеравшан рекой не Согда, а Бухары. Автор Худуд ал-Алам, как и ал-Истахри, не называет реки Ягноб, Матча, Паструддарья, Кштутдарья и Магиандарья, а ограничивается фразой, что из среднего Буттама берут начало другие реки и впадают в реку Бухары.

Многие ученые (Массон, 1934, с. 47; Волин, 1940, с. 30; Смирнова, 1950, с. 57) считают, что арабские географы и автор Худуд ал-Алам главным истоком Зеравшана считали Фандарью. Это не совсем так. Фандарья — это Ягнобдарья в нижнем ее течении, когда она, минуя гору Фан, и получает свое новое название — Фандарья. Как мы уже видели и убедимся дальше, средневековые географы не знали о существовании Ягнобдарьи, им известна только та река, которая берет начало из озера Искандеркуль, т. е. Искандердарья.

Почти все средневековые географы знали, что река Согда берет начало из озера, которое находится в горах Среднего Буттама, только они по-разному называли его.

Ал-Истахри называет его Бачан — بجن водоем, автор Худуд ал-Алам—Дарьежа — دریاژه, ибн Хаукал — Чан جن ал-Мукаддаси—Маджма — مجمه, а ибн Хордадбех — Хаштодондар — هشتادان در

Маркварт считал, что согдийское слово «джан» обозначает канал (Marquart, с. 81). Большое внимание уделила этому слову О. И. Смирнова. Она считает более правильной конъектурой этого слова джай — ژی, со значением водоем или водохранилище. «Слово «джай» (водоем) отмечено в топонимике верхнего Зеравшана» (Смирнова, 1950, с. 57). Мы хотим отметить, что слово «дарье» в таджикском литературном языке до IX—XII вв. обозначало море, в отличие от руд — река (Фарханги точики, с. 337).

Возможно, что слово «дарьежо» в Худуд ал-Аламе является искажением слова «дарьеча». Кстати, в персидском переводе Ибн Хаукаля слово «чан» переводится как дарьеча. Тогда становится понятно название дарьежа в Худуд ал-Аламе как дарьеча (озеро).

Никто из средневековых географов, кроме ибн Хордадбеха, не приводит названия этого озера. Мы знаем, что современное название озера (Искандеркуль) — позднее; оно дано ему, видимо, в конце XVIII в., а как до этого называлось озеро — неизвестно (Бартольд, 1966, с. 185). Как мы отмечали выше, географы называли его просто озером, и лишь ибн Хордадбех обозначал его Ал-Хаштодондар — الهشتادان در (Хордадбех, с. 181). Маркварт предлагал читать это название как Хаштодон дара или Хаштодонзара — озеро (Marquart, с. 81). О. И. Смирнова считает, что значение слова Хаштодондара, приводимого ибн Хордадбехом, непонятно и что, видимо, оно дошло до нас в сильно искаженном виде (Смирнова, 1950, с. 57). Однако более вероятно, что ибн Хордадбех сообщил настоящее название озера — Хашто-

дон или Хаштозон, и лишь окончание «дара» может быть искажением слова «дарье» — озеро, т. е. озеро называлось Хаштодондарье.

Автор Худуд ал-Алам, в отличие от других авторов, отмечает, что озеро образуется из четырех рек, которые впадают в него. Как известно, в Искандеркуль действительно впадают четыре речки: Хазормеш, Саридевор, Саритаг и Сарима. Правда Хазормеш и Саридевор недалеко от озера соединяются, а потом впадают в Искандеркуль. Если говорить о деталях, то река Саритаг в свою очередь образуется из пяти небольших речек: Дукдон, Каракуль, Мур и Канчоч. Все они соединяются в районе Саритага (Мухин, Гусев, 1949).

Автор Худуд ал-Алам отмечает, что эти реки берут начало из гор Среднего Буттама, на расстоянии шести Фарсангов сливаются и образуют озеро — Дарьежо (хар чор як батиха гарданд ва Дарьежо хоханд) (Худуд ал-Алам, с. 141).

По данным современных географии и геологии, самая крупная и длинная из четырех рек, впадающих в Искандеркуль, это Саритаг, которая берет начало приблизительно в 40 км от озера, а Сарима еще ближе. Если считать, что один фарсанг равен 7—8 км, то шесть фарсангов составят 42—48 км. Таким образом, данные Худуд ал-Алама о размерах четырех рек, впадающих в Искандеркуль, подходят только к одной реке — Саритаг. Худуд ал-Алам сообщает и о размерах озера: четыре на четыре фарсанга (там же, с. 141), т. е. 28х28 км или 32х32 км. Как известно, сейчас озеро Искандеркуль имеет 3,5 кв.км (Щукин, Гилярова, с. 184). Автор Худуд ал-Алам, таким образом, явно преувеличивал размеры озера: даже если считать, что в IX—X вв. оно было намного больше, то вряд ли оно все же могло превышать 100 кв. км.

Ал-Истахри и ибн Хаукаль сообщают, что вокруг озера есть селения, а автор Худуд ал-Алам об этом ничего не говорит. В археологическом отношении исследуемый район мало изучен, но сейчас вокруг озера селений нет. Самое близкое селение Саритаг расположено в 7—8 км выше озера. Ниже его, в 15 км расположено селение Чичик. В юго-восточной части озера имеются посевные площади.

Никто из средневековых географов, кроме ибн Хордадбеха, не приводит названия Искандердарьи. Ибн Хордадбех называет ее Чирт— چرت Маркварт предполагал чтение слова Чирт Gaj—art—derechte и связывал его с названием канала Фай, Пай в Согде (Marquart, s. 85), но он не исключал и значения Джай-рут — «озеро», «река». О. И. Смирнова считала, что это — искаженное название р. Зеравшан. Однако более вероятно, что мы имеем дело с первоначальным названием р. Искандердарьи, и слово Чирт является искаженным названием Чичик, т. е. Искандердарья носила название кишлака Чичика, расположенного недалеко от озера, на ее левом берегу.

Несколько слов о названии р. Зеравшан. В. В. Бартольд в работе «К истории орошения Туркестана» о Зеравшане пишет: «Река, которой обязана своей культурой местность, оставшаяся почти до последнего времени центром политической и культурной жизни Туркестана, в мусульманской литературе не имеет особого названия. Предполагаемое домусульманское название Намик было забыто уже в первые века ислама; нынешнее название «Зеравшан» (золотоносный) не встречается в местной литературе до XVIII в.» (Бартольд, 1965, с. 185).

В китайских хрониках (II—VIII вв.) Зеравшан называют Нами. На основании китайской транскрипции На-ми Томашек предполагал, что китайские источники сообщают нам древнеарийское название Зеравшана Намик. Корень слова «нам» означает почитать, поклоняться (Tomasch, с. 19—20). С этим предположением согласны В. В. Бартольд, М. Е. Массон и др. авторы.

У греков река Зеравшан имеет название Политимет (многочтимый), что равнозначно слову «намик». Однако Страбон, называя, со слов Аристобула, реку, протекающую через Согдиану, Политиметом, оговаривается, что «имя это дали ей македоняне, подобно тому, как они вновь сочинили или изменили многие другие названия» (Пьянков, 1972, с. 14). Возможно, греки при переименовании названия реки Согда учли его содержание.

Ал-Истахри называл Зеравшан рекой Согда, автор Худуд ал-Алам — рекой Бухары. Ибн Хаукаль пишет, что река Самарканда, Согда и Бухары берет начало из местности Чан в среднем Бутамане и длина ее 30 фарсангов. Река течет через Бургар, Бунчакент в сторону Самарканда. Из Масча текут другие реки и в Баргаре сливаются с рекой Самарканда (Хаукаль, 1340, с. 131).

Таким образом, из сообщения ибн Хаукаля выходит, что он до Самарканда называл ее рекой Самарканда, дальше — рекой Согда, а на территории Бухары — рекой Бухары. Далее ибн Хаукаль писал, что «все реки и каналы в Бухаре берут воду из реки Согда и остатки реки Согда впадают в канал Зар, а Зар обеспечивает бухарский рабат водой» (там же, с. 132). Сами самаркандцы Зеравшан называют руди Кухак или оби Кухак («рекой горки»). Ибн Якут в XIII в. писал, что река Согда берет начало из Буттама (Якут, 1866, с. 490).

Таким образом, все средневековые географы до XIII в. Зеравшан называют рекой Согда (руди Сугд), а также рекой Бухары, т. е. по той области, района или города, где она протекала. Такой обычай сохраняется в Таджикистане и поныне. Например, Душанбинка возле селения Зидды называется Зиддинская река (Зиддыдарья), возле сел. Варзоб получает название Варзобдарья, а в Душанбе — Душанбедарья. Эта традиция не новая, она уходит вглубь веков и отсюда многие среднеазиатские реки не имеют единого постоянного названия.

М. Е. Массон, касаясь вопроса появления современного названия Зеравшана, пишет, что «название Зеравшан в европейской литературе переведено как «рассыпающий золото», при этом упу-

скалось из виду, что, во-первых, это наименование река получает только в нижней части, тогда как золотоносно главным образом верхнее течение, во-вторых, коренное население «зер» понимает здесь не в его буквальном первом значении, как золото, а в переносном, как («богатство» разносящий); в-третьих, это наименование в письменных источниках впервые встречается в историческом труде Сайда Ракима, составленном в 1701/2 г.» (Массон, 1934, с. 47).

Действительно, название Зеравшан в литературе появляется в XVIII в. Однако отметим, что, начиная с X в., Зер была главной водной артерией города Бухары. Город развивался и расширялся за счет рабата, а рабат обеспечивала водой р. Зер. Судя по этнографическим материалам, в позднем средневековье «водоснабжение всего города осуществлялось в основном через канал Шахр-руд — городская река (в древности — Руди-зер)» (Сухарева, 1966, с. 27).

Как мы видим, в позднем средневековье р. Зер была переименована в Шахрруд, а название р. Зер было перенесено на основную реку долины Согда — Зеравшан. Возможно, немалую роль в исчезновении названия р. Согда сыграли победа таджикского языка над согдийским и исчезновение географического названия Согда как области.

Вопреки мнению М. Е. Массона о том, что золотоносною частью Зеравшана является только верхняя, сейчас именно в нижнем течении Зеравшана в районе Кермине-Навои обнаружено самое богатое в Союзе местонахождение золота. Поэтому очень может быть, что в какой-то период река Согда в нижнем течении смывала золотые пески, за это местное население и дало ей название руди Зер, Зеравшан — золотоносная река..

Автор Худуд ал-Алам, в отличие от Истахри, кроме реки Согда и Чаганияна упоминает еще реку Хирсоб, которая берет начало из горы Бутамана и впадает в р. Узгенд. Река Хурсоб соответствует современной реке Курушаб. В Худуд ал-Аламе упоминается р. Ош (Уш— وش), которая тоже брала начало из гор Бутамана (Худуд ал-Алам, с. 42). Однако средневековые авторы не упоминают о других реках, расположенных к западу от р. Ош, в том числе о р. Сох (Сурх), Исфаре, Лайлак, Исфоне и Санзаре.

Автор Худуд ал-Алам упоминает еще безымянную реку, длиной 60 фарсангов, которая берет начало из горы Буттама, течет по направлению север—юг, проходит Бумак, Хульбак, а в Паргаре впадает в Чайхун (там же, с. 40). В. В. Бартольд предполагал, что автор Худуд ал-Алам имел в виду р. Кчи-Сурхоб, на берегу которой находился большой город Мунк на месте современного Бальджуана (Бартольд, 1963, с. 119).

Автор Худуд ал-Алам более точно, чем ал-Истахри, обрисовывает горную систему Буттама. В разделе «Горы» он пишет, что «одна ветка берет начало из Хутталяна и соединяется с веткой из Буттама, а из них выходит много веток, и в Чаганияне они

исчезают. Годы Буттама в основном состоят из двух ветвей, которые соединяются в Саравшане... Из внутренней части Буттама выделяется еще одна ветка и она охватывает Буттаман, Дарьежо и через Чаганиян, Самарканд, Согд доходит до Бухары. Каждая из этих веток имеет многочисленные большие и малые ветки» (Худуд ал-Алам, с. 43).

Действительно, горы верхнего Зеравшана разделены рекой на две части: Туркестанский и Зеравшанский хребты. Последний Фандарьей и ее притоком Искандердарьей разделен еще на две ветки, одной из которых является Гиссарский хребет (Мухин, Гусев, 1949). Таким образом, автор Худуд ал-Алам был хорошо осведомлен о горных системах Буттама.

Ибн Хаукаль, в отличие от ал-Истахри и Худуд ал-Алам, пишет, что «гора, которая находится вблизи местности Вараки, называется Катра, расположена между Самаркандом и Кешом и тянется в сторону Самарканда и Асравшана и соединяется с горами Буттам и дальше Шалги и Таразой (Тироз) и, как мне сказали знатоки дороги и очевидцы, доходит до Китая» (Хаукаль, с. 216). Далее: «Нашатырь в Буттаме, стекло, железо (зог — медный купорос), ртуть, медь, свинец, золото, серебро, нефрит, мазут, каменный уголь, (ангишит) и бирюза происходят из этой горы...» «Буттам — это место соединения горных систем. Известен под названием Буттам первый, средний и внешний» (там же, с. 216, 231).

На основании этих границ можно установить приблизительную границу Буттамских гор. На северо-востоке и востоке они граничили с горами Шалчи, Таласом и Памиром, на юге — с Хутталяном, на юго-западе и западе они сходили на нет в Чаганияне, Кеше и Бухаре, на севере от Шалчи и Таласа их отделял приток Сайхун (Сырдарья) Сием — современная Карадарья. Одним словом, системы Буттамских гор соответствовали современной горной системе Памиро-Алая: Буттам первый — Туркестанскому и Алайскому хребтам, Буттам средний — Зеравшанскому, Буттам внешний — Гиссарскому.

В каждом районе отроги Буттамских хребтов имели свои названия. Например, отрог среднего Буттама между Кешом и Самаркандом называли Катра, в районе Шавдара — Шоударской горой. Горы между Кешом и Чаганияном назывались Сием. Горы Чупоната возле Самарканда — Кухак и так далее.

В литературе существует мнение, что средневековые географы под Буттамом понимали всю горную страну между верховьями Амударьи и Сырдарьей (Бартольд, 1963, с. 183; Смирнова, 1959, с. 56). Это не совсем верно. Как мы видели выше на конкретном материале, все средневековые географы под Буттамом понимали горные системы лишь между Вахшем и левобережной частью Сырдарьи.

Понятие Буттам как области было намного уже, чем понятие Буттамские горы. Если в Буттам как область входили рустаки Ягноба, Матчи, Паргара, Куштута, Магиана, то другие районы,

расположенные в горах Буттама, входили в состав других среднеазиатских областей. В горах Буттама были расположены многие районы Ферганы, Согда, Чаганияна, Шумана, Ахаруна, Вашгирда и Рашта. Там же раскинулась большая часть Уструшаны, ведь не без основания ал-Беруни называл Уструшану «областью в стране Буттама» (Беруни, 1963, см. карту), т. е. в горах Буттама.

Никто из средневековых географов не указывал количества рустаков в Буттамской области. Только Худуд ал-Алам пишет, что в Буттамане было много селений и рустаков. Количества их он также не привел.

В среднем Буттаме автор Худуд ал-Алам называет только район Паргар (нохияест аз Бутамани миена), но не дает сведений ни о его площади, ни о границах. Кроме того, ал-Мукаддаси называет рустаки Вокр, Бангам, Буттам, которые (и в том числе г. Марсаманда) находились в горах Буттама (Истахри, с. 258; Хаукаль, с. 232; об Мукаддаси см. Негматов, 1957, с. 35).

Как мы видим, географы ограничиваются перечислением рустаков, а о месте нахождения их ничего не сообщают.

Н. Н. Негматов, специально занимавшийся вопросами локализации городов и рустаков Уструшаны, справедливо отмечает, что на данном этапе наших знаний не представляется возможной точная локализация всех рустаков, особенно горных с разграничением их территорий» (Негматов, с. 35).

Мы сейчас не будем касаться вопросов локализации всех рустаков, которые были расположены в горах Буттама, а остановимся только на тех, которые находились внутри Буттамской области, хотя мы точно не знаем, сколько их было.

Среди вышеупомянутых два рустака — Масча и Паргар — относятся к Буттаму. Они сохранили свои названия до наших дней. Рустак Масча (ныне Матча) охватывает район верхнего течения р. Матчи. Среди мугских согдийских документов сохранилось письмо Мадрушатского государя, т. е. правителя Матчи Кштутскому государю (Лившиц, 1962, с. 172—173). Матча, как отдельное владение (в XVIII—XIX вв. отдельное бекство), сохраняло свою самостоятельность до присоединения верхнего Зеравшана к России (Смирнова, 1950, с. 64). По данным письменных источников, до XVI в. нельзя установить границу между Матчой и Паргаром.

В начале XVI в. в Матче и Паргаре побывал Бабур, который определял границу между ними следующим образом: «Самое пижнее селение в Матче — Оби-Бурдон (Обурдон). Ниже Оби-Бурдона есть источник, у источника стоит Мазар. Местность выше источника относится к Матче, местность ниже принадлежит Паргару» (Бабурнома, 1958, с. 151).

Одним из самых больших рустаков Буттама был Паргар (современный Фальгар). Он охватывал нижнее течение р. Матчи, верхнее течение р. Зеравшан, Фандарьи, Искандердарьи и, очевидно, территорию по Ягнобдарье до сел. Маргиба. Слово Паргар

встречается в документе Б-7 из мугского архива и означает горный район (Лившиц, 1962, с. 172—173). Название Паргар в литературе где-то с XVIII в. заменяется на Фалгар. О. И. Смирнова пишет: «В XIX в. под Фалгаром понималась местность между Даштикозы и по Фан-дарье до самостоятельного бекства Фан, т. е. местности вокруг озера Искандер-Куль и нижнее течение Ягноба. В настоящее время под названием Фальгар понимается местность поселений Шамтич и Дарг (ниже Обурдона по Матче) до селения Ябон и Вата на Зеравшане и от Уратюбинского перевала до озера Искандеркуль. Таким образом, современное понятие Фальгар совпадает с Паргаром авторов IX—XII вв.» (Смирнова, 1950, с. 58).

М. Е. Массон считает, что средневековый Паргар арабских географов соответствует среднему Буттаману, Буттаман внутренний — Матче и Ягнобу, внешний — Қштуту и Магиану (Массон, 1934, с. 47). С такой точкой зрения трудно согласиться, поскольку, как мы видели выше, средневековые географы, говоря о трех Буттамах, имеют в виду только три части буттамских гор, по расположению которых нельзя проводить административно-территориального деления.

Ал-Мукаддаси кроме рустаков Матчи и Паргара называет и Буттам. Н. Н. Негматов предполагает, что рустак Буттам соответствовал современному Ягнобу. Думается все же, что на сегодняшний день вопрос о локализации рустака Буттаман следует считать открытым. Дело в том, что кроме ал-Мукаддаси другие географы об этом рустаке ничего не сообщают. И если он действительно существовал, то не на месте современного Ягноба. Этот район недостаточно изучен в археологическом отношении, но вряд ли название этого отдаленного малоизвестного рустака носила бы вся область. Если существовал рустак Буттаман, то скорее всего его надо искать ближе, т. е. в районе Туркестано-Алайских хребтов. (Буттаман первый). Относительно же Ягноба можно предположить, что он был самостоятельным рустаком и назывался Ягноб.

Следующим рустаком Буттама был Қштут. Он упоминается в документе Б-7 из мугского архива — письме Мадруштатского (Матча) князя Қштутскому правителю Виштаму (Лившиц, 1962, с. 173).

Очевидно, Қштут, как и Паргар и Матча, еще в VII—VIII вв. был самостоятельным рустаком. По этнографическим данным, в бекство Қштут в XVIII—XIX вв. входили ущелья рр. Артуч и Вору, а также долины реки Қштутдарьи. Кроме того, сюда входила левобережная часть Зеравшана до моста Дупула (Аминов, 1874, с. 6—7).

Следующим рустаком был Магиан. По предположению Федченко, он, очевидно, занимал весь бассейн Магиана, Шингдарьи и Фараба. Средневековые географы среди рустаков Уструшаны не упоминают Қштута и Магиана. Вероятно, в X—XII вв. не весь Буттам входил в Уструшану. Рустаки Қштут, Магиан и Офтоб-

руя вместе с Пенджикентом входили в состав Самаркандского Согда.

Средневековые географы ошибочно пишут, что Уструшана на юго-западе граничила с Чаганияном и Кешом. Н. Н. Негматов отмечает, что Уструшана на западе граничила с Пенджикентом (Негматов, 1957, с. 26). Возможно, Куштут и Магиан обычно подчинялись Пенджикенту, а временами были самостоятельными (как в позднем средневековье).

Глава II

ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИИ, СТРУКТУРЫ И ДИНАМИКИ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ

1. ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ТИПОВ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО СЕЛЬСКОГО РАССЕЛЕНИЯ

Письменные источники времен арабского завоевания часто упоминают о столкновениях арабских и местных войск возле того или иного населенного пункта и сообщают, что в Кане было 30 больших и 300 мелких городов, в Бухаре 20 больших и 100 мелких городов (Бичурин, 11, с. 210—212). Как справедливо отмечает А. М. Мандельштам, под малым городом указанные источники подразумевали селения, имевшие оборонительные стены (Мандельштам, 1967, с. 61). По-видимому, под малыми городами подразумевали большие селения с замком, цитаделью и большим числом жителей.

«Таърихи Бухаро» Наршахи является единственным источником, который сообщает о структуре некоторых бухарских селений, в частности о селениях Зандане, Баркан и Наршах. Наршахи пишет, что они большие, имеют кухендиз и окружены оборонительными стенами (Наршахи, с. 15—20). Таким образом, из сообщения Наршахи ясно, что большие селения состояли из двух частей: замка — места жительства правителя и дехистана — собственно селения. Большое селение имело свой базар, где в определенные дни проводились ярмарки. Сообщение Наршахи относится к крупным селениям, о мелких мы ничего не знаем. До сих пор остаются не совсем понятными сообщения Мукаддаси о 12 тысячах замков вокруг Миздахкана (Толстов, 1948, с. 150) и 16 тысячах селений в Чаганиане (Большаков и др., 1973, с. 180), Якуби — о 400 замках в Уструшане (Негматов, 1957, с. 34), Истахри — о 4 тысячах замков в Бухаре (Истахри, с. 230—231). Нет сомнения, что эти цифры по большей части преувеличены, но археологические обследования районов Миздахкана и Бухары показали, что в этот период там действительно было много различных по величине селений.

Письменные источники ничего не сообщают о топографии, количестве домов, семей тогдашнего селения. Все эти вопросы должны решать археологические раскопки.

Сейчас исследователи, изучая сельские поселения разных периодов, в том числе раннесредневекового, по внешним признакам делят их на типы. Однако, их типологические определения нередко противоречивы. Например, П. Н. Кожемяко, занимаясь типо-

логией раннесредневековых городов и сельских поселений Чуйской долины, один и тот же памятник обозначает то как городище, то как сельское поселение (Кожемяко, 1959, с. 131—165), а Е. Е. Неразик, описывая археологические памятники Беркуталинского оазиса, один и тот же памятник называет то усадьбой, то замком. В частности, она пишет, что «термин «усадьба» применительно к памятникам весьма условен...» и далее: «условен и термин «замок», который мы, однако, сохраняем, так как он принят в литературе» (Неразик, 1966, с. 15 и прим. 51). Такие противоречия наблюдаются и у других исследователей.

Е. Е. Неразик делит памятники Беркуталинского оазиса на две группы: усадьбы с донжоном и без него. Кроме них были отдельные здания, которые относятся к первой группе (Неразик, 1966, с. 15). Е. Е. Неразик отмечает, что «из 88 усадеб, известных нам на участке оазиса от Кум-Баскан-Калы до Уй-Калы, крупных 5: Беркут-кала (62700 кв. м), Кум-Баскан-кала (34400 кв. м), Уй-кала (19200 кв. м), замок № 32 (около 12960 кв. м) и Тешик-кала (1000 кв. м); размеры 33 усадеб от 2000 до 1000 кв. м.; 31— величиной не превышают 250—470 кв. м. и, наконец, площадь отдельно стоящих зданий (их 19) колеблется в пределах от 100 до 200 кв. м.» (Неразик, 1966, с. 43).

К сожалению, большие замки, кроме Тешиккалы, археологическим раскопкам не подвергались. Судя по изданным планам, внутри их общих оборонительных стен имеются строения; особенно это заметно вокруг донжона Беркуткалы. Е. Е. Неразик справедливо отмечает, что в VII—VIII вв. у его подножия возникает небольшой городок (Неразик, 1966, с. 49).

Общая типологизация всех памятников Уструшаны еще не проводилась, однако полностью и частично раскопанные памятники разделены на типы: 1) замки с усложненной планировкой (включающие парадные залы, жилые покои, святилища-капеллы, хозяйственные и коридорные помещения), с богатейшим декором и с мощной фортификацией, расположенные на самом гребне горного «языка» здания (Чильхуджра), или двор, окруженный линией стен, в центре которого на высокой искусственной платформе находится основное здание (Урта-курган); 2) замки с несложной, так называемой «коридорно-гребенчатой» планировкой, без декоративной отделки, расположенные на гребне горной возвышенности (Термизактепа) или на земледельческой равнине с укрепленными дворовыми стенами (Таштемиртепа) (Негматов, 1977, с. 13—14); компактное поселение типа Карабулак и Хон-Яйлов (Негматов, 1978, с. 150—160).

Памятник Нехшебского Согда разделены С. К. Кабановым на 4 типа. К первому относятся небольшие бугры высотой до 2,5 м и диаметром от 15 до 40 м. Раскопки на одном из них (Негузтепе) показали, что этот холм размером 16х12 м и высотой более 1 м, является развалинами небольшого сельского поселения типа усадебной постройки (Кабанов, 1977, с. 30—31). Такие усадьбы сохранились плохо, и количество помещений в них не установлено.

По-видимому, к этому типу относятся и памятники второй группы — холмы высотой 5—6 м и площадью до 0,2 га. Один из таких холмов (Учтепе I) имел на верху площадку 35х35 м. Раскопана ее третья часть, при этом обнаружено семь помещений хозяйственного характера (кухня и амбары). Таких памятников, как Учтепе I, насчитывалось 17 (там же, с. 95).

К третьему типу относятся холмы площадью от 0,2 до 0,9 га и высотой до 10 м. Характерный памятник этого типа — Пирмадбата-тепе высотой 9,5 м, почти круглый у основания, диаметром 70—75 м. Разведочные раскопки показали, что здание стояло на стилобите высотой 3,5 м. Всего зафиксировано 45 памятников этого типа.

К четвертому типу относятся холмы площадью от 1 до 3 га, к пятому — городища площадью больше 3 га: Ханаабадтепе, Чаукалтепе, Кандикалитепе, Калаи Захокиморон, Еркурган — всего пять памятников (там же, см. с. 95).

Памятники раннесредневекового периода Кешского Согда (Кашкадарья) обследованы Г. Я. Дресвянской, А. С. Сагдуллаевым и З. И. Усмановой. По топографическим признакам они визуально выделяют пять типов памятников: городища, крепости, двухъярусные укрепленные поселения, укрепленные замки и неукрепленные поселения (Дресвянская и др., 1977, с. 69—70). Вышеупомянутые авторы почему-то все сельские памятники называют усадьбами. К сожалению, количество памятников не приводится.

Неизвестно общее количество памятников раннесредневекового периода в Бухарском Согде. На обследованной им части Бухарского оазиса площадью около 50 кв. км В. А. Шишкин насчитывал около 100 тепе (Шишкин, 1940, с. 16).

О. М. Ростовцев разделяет памятники Самаркандского оазиса на пять типов. Он отмечает, что «из 100 обследованных тепе в сельском районе Самарканда около 50 оказались двухъярусными и датируются не ранее V в. н. э.» Размеры их колеблются от 0,2 до 0,5 га. Вместе с двором размеры замка от 10х15 м до 15х20, а самые большие — до 40х50 м. Высота холма замка от 6 до 20 м. (Ростовцев, 1975, с. 100).

Ко второй группе относятся двухъярусные памятники типа Киндиктепе. В отличие от памятников первого типа они многослойны и имеют цитадель, отделенную рвом от поселения, окружающего ее в виде кольца или полукольца.

К третьему типу он относит тепе небольших размеров, площадью 0,1—0,2 га и высотой 3—4 м типа здания под Кафыркалой.

К четвертому типу — холмы высотой от 2 до 4 м и площадью 0,5—0,8 га. Таких оказалось немного — всего 6.

Пятый тип похож на памятники Хорезма типа Яккапарсана, представляющего собой прямоугольник, стены которого имеют размеры 120х125 м или 300х400 м, с цитаделью высотой 10—15 м

в середине. Памятников этого типа известно всего три (там же, 101—102).

Типологизацию Ферганских памятников проводил А. Н. Бернштам (Бернштам, 1943, с. 30), но поскольку он не привел топографических планов городищ и поселений, судить о них мы не можем.

Общая типологизация сельских памятников Чача Тохаристана и Мерва не проводилась.

Кроме региональных типологизаций следует отметить труды В. А. Нильсена и А. Губаева, в которых сделаны попытки определить типы сельских поселений всей Средней Азии в целом. В. А. Нильсен разделяет их на три типа. К первому он отнес двухъярусные холмы, указав, что «размеры таких ступенчатых тепе бывают различные, от очень маленьких до довольно больших. В последнем случае возвышенная часть тепе является развалинами цитадели». (Нильсен, 1966, с. 117). В качестве примера он приводит Киндиктепе. Второй образец этого типа — Дуньетепе в Джизакском районе с замком на высокой скале. Развалины кешка ныне поднимаются над поверхностью земли на 20 м. Поселение примыкало к кешку с восточной стороны (размеры: 170х170 м) (там же, с. 119). К этому же типу В. А. Нильсен причисляет поселения Наршах, Мазандрантепа в Бухарском оазисе, Мудинтепе в древнем Нехшебе и Актепе под Ташкентом.

Ко второму типу отнесены широкие и плоские холмы: Чадиртепе около Варахши, Мунчактепе и Караультепе в зоне Сурхандарьинского водохранилища (там же, с. 122).

К третьему типу относятся небольшие тепе с крутыми скатами или окруженные хорошо сохранившимися стенами. Это развалины отдельно стоящего кешка (там же, с. 122). Надо сказать, что типы, которые выделяет В. А. Нильсен, слишком условны, площадь памятников не учтена, как и экологические условия их расположения.

А. Губаев, говоря о системе расселения, раннесредневековые сельские поселения делит на шесть типов: 1) отдельно стоящий феодальный замок типа Балалыктепе; 2) феодальный замок, расположенный рядом с сельским поселением (примеры не приводятся); 3) феодальный замок с бедными крестьянскими жилищами типа Яккапарсан; 4) соединение вместе двух предыдущих вариантов — феодальный замок с бедными жилищами типа Акдепе у Артыка; 5) крестьянские поселения без замка феодала; 6) отдельно стоящая крестьянская усадьба (Губаев, 1982, с. 16). Эта типология очень условна, к тому же основывается, как правило, на визуальных данных.

Таким образом, все вышеупомянутые авторы правы лишь в том, что в раннесредневековый период в Средней Азии существовали различные типы поселений.

Как видно из вышеприведенного, разные авторы по-разному судят о структуре и назначении сельских памятников. На наш взгляд, ближе к истине стоят Е. Е. Назарик и Н. Негматов, так как их суждения основаны на раскопочном материале.

Многолетние работы на сельских памятниках Верхнего Зеравшана показывают, что по нераскопанным видам трудно судить о типологии, не говоря уже о структуре, сложении, размерах и назначении того или иного сооружения. Поэтому типологическое определение по нераскопанным памятникам всегда будет неточным или неверным. Даже частичное исследование не дает точного представления о структуре и типологии памятника. Например, до завершения раскопок Гардани Хисор мы предполагали, что памятник состоит из жилого замка и двора с хозяйственными постройками. После раскопок стало ясно, что на месте предполагаемого двора стояли дома сельских жителей. Таким образом, Гардани Хисор оказался укрепленным двухчастным селением (см. дальше), а перечисленные ранее двухъярусные, двухчастные или двухступенчатые тепе являются его аналогами.

Другой пример — поселения Кум. До раскопок мы предполагали, что памятник состоит из замка и двора с хозяйственными постройками. Позже оказалось, что замок включал более 30 сводчатых помещений, преимущественно хозяйственного назначения. При этом здесь не оказалось второго этажа с жилыми помещениями для владельца замка: на месте таких помещений располагалась открытая площадка с парапетами. Дворец правителя помещался у подножия замка, т. е. на месте предполагаемого двора; здесь же раскопаны дома сельских жителей и дворцовые сооружения, о которых мы и не подозревали.

Как показали раскопки Яккапарсана в Хорезме, этот замок действительно являлся местом жительства катхуды, а вокруг замка располагались дома сельских жителей. До раскопок же этих домов считалось, что Яккапарсан является усадьбой одного феодала. Число таких примеров при желании легко увеличить.

Учитывая накопленный опыт при типологизации памятников горного Согда, мы, хотя и учитывали топографию памятников до раскопок, главным аргументом считали структуру памятника, выявленную в ходе раскопок. Мы постарались определить, какие виды сельских поселений существовали здесь в раннесредневековый период, что они собой представляли и как сложились, т. е. проследить генезис сельского поселения (кишлака) и сельского дома и их экологию (рис. 1).

По имеющимся сейчас материалам, все раскопанные сельские поселения горного Согда можно разделить на четыре типа.

К первому относятся укрепленные замки (кешк—кат) типа замка на горе Муг VII—VIII вв. н. э. площадью от 0,2 до 0,3 га (рис. 2. 1). Как известно, этот замок — небольшой (12,50х х18,50 м): он состоял из пяти сводчатых помещений. Четыре из них имели по 17,50 м длины и от 1,9 до 2,25 м ширины, пятое — 11,8 м длины и от 1,22 до 2,05 м ширины. По поводу назначения замка на горе Муг существуют разные точки зрения. Одни авторы называют его военным сторожевым постом правителя Деваштича (Негматов, Хмельницкий, 1966, с. 116, Нильсен, 1966; с. 190), другие — убежищем в случае военной угрозы (Неразик,

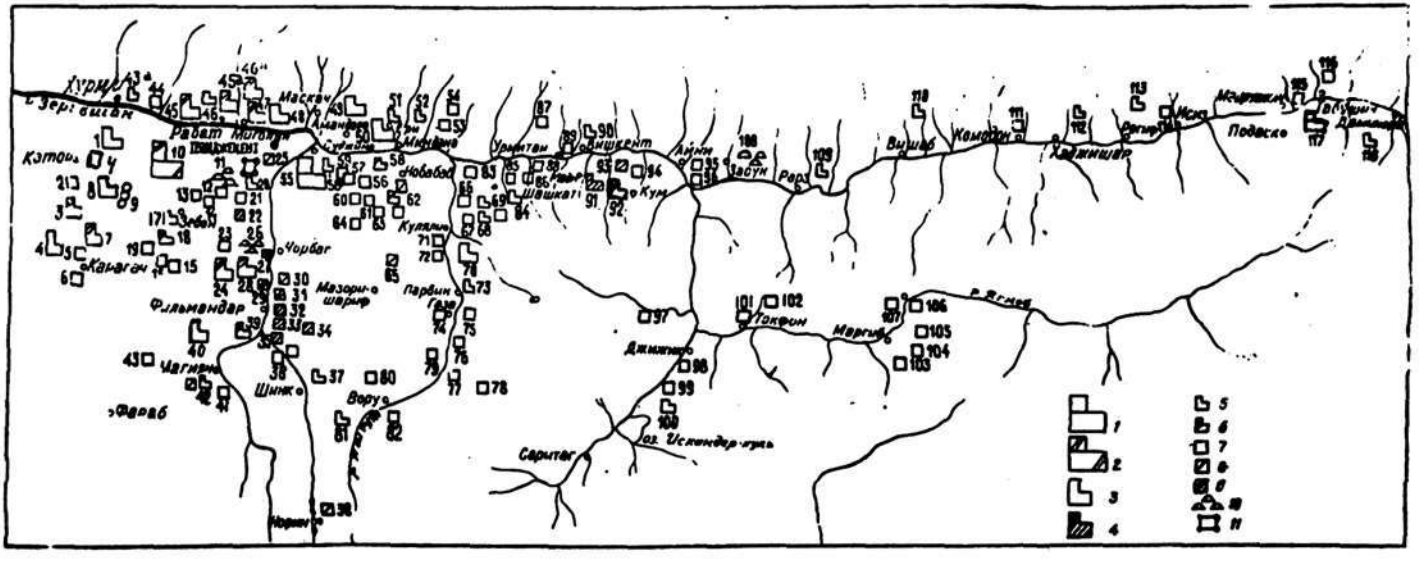


Рис. 1. Археологическая карта сельских поселений Горного Согда.

Условные обозначения: 1—городище типа Санджаршах площадью более 3 га (нераскопанное); *2*—частично раскопанное городище типа Санджаршах; *3*—поселение типа Гардани Хисор площадью более 1 га (нераскопанное); *4*—полностью раскопанное поселение типа Гардани Хисор; *5*—поселение типа Батуртепа площадью от 0,4 до 0,8 га (нераскопанное); *6*—частично раскопанное поселение типа Батуртепа; *7*—усадьбы, замки типа замка на горе Муг площадью от 0,2 до 0,4 га (нераскопанные); *8*—частично раскопанное поселение типа замка на горе Муг; *9*—полностью раскопанное поселение типа замка на горе Муг; *10*—курганы и могильники; *11*—городище Пенджикент

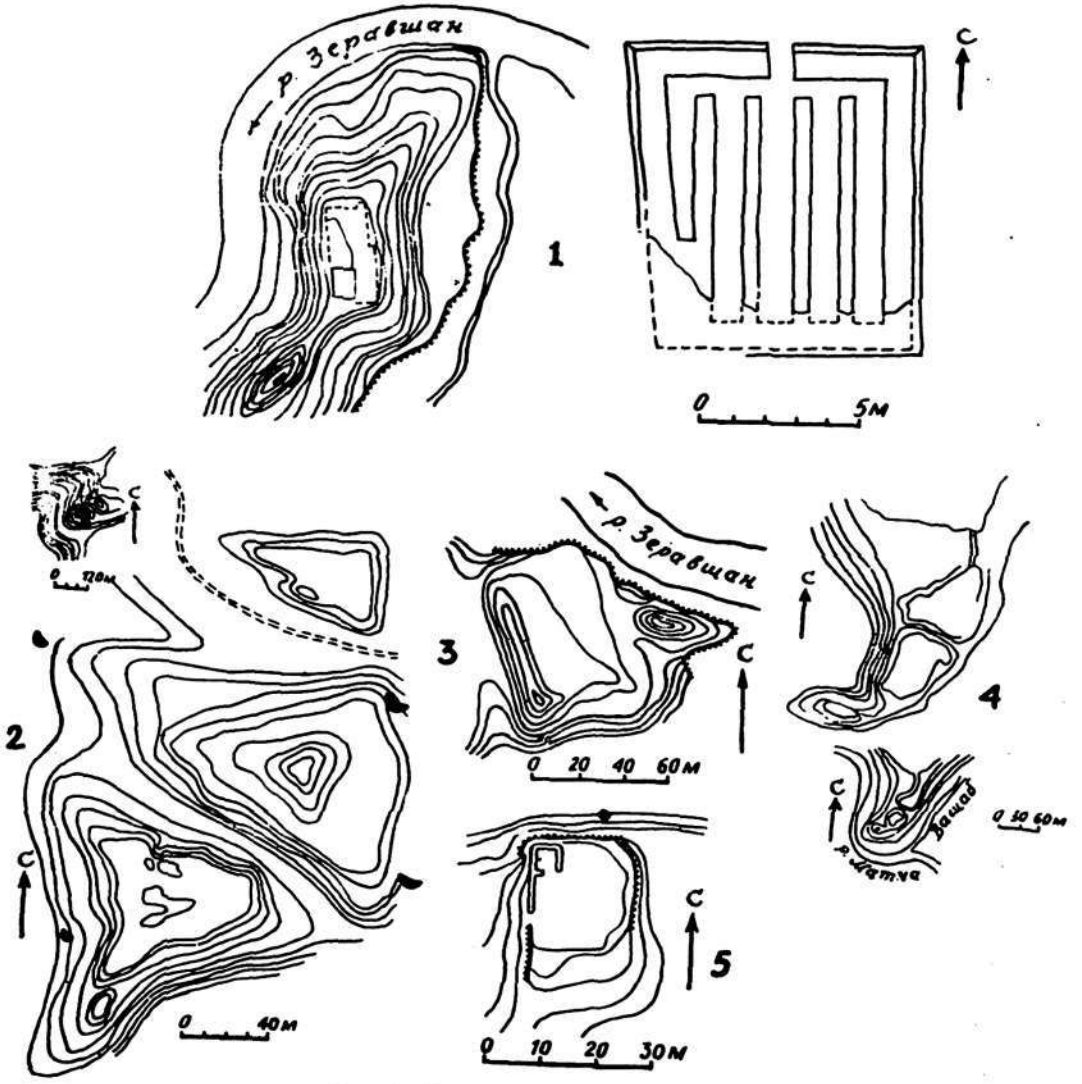


Рис. 2. Топографическая карта:
1—замка на горе Муг; *2*—Сабие Кала в с. Рарз; *3*—Калаи Дахони; *4*—Калан Джари Хисор в с. Вешаб. Планы: 1.

1966, с. 69), третьи — местом пребывания Деваштича (Волин, 1940, с. 32). Все эти мнения сейчас неприемлемы. Замок не представлял собой пункта, защищающего или охраняющего дорогу или доступ к городу. Он был защитой только для людей, живущих в замке. Главная дорога проходила из селения Заровод через перевал в Кум и Мадм. Замок Муг находился в стороне от этой дороги более чем в 7 км и не мог быть убежищем в случае опасности для ближайших селений, так как от Кума находился в 7 км, от Мадма (Гардани Хисор) — в 12—14 км, от Заровода — в 8 км. К тому же селения сами были хорошо укреплены.

Сейчас, после раскопок поселения Гардани Хисор и Кума с дворцами — двух крупных населенных пунктов Буттама того же периода, не вызывает сомнения, что местом пребывания Деваштича или его фрамандара могли быть эти пункты, что же касается замка Абаргар (Муг), то это был всего лишь укрепленный замок земледельца начала VIII в. Здесь, у подножия замка, и к востоку, на другой стороне реки Кум, на склоне по левому берегу Зеравшана, а также по дороге в сторону Хайрабада и в самом Хайрабаде есть много богарных плодородных земель жителей Абаргара.

Замок на горе Муг был двухэтажным: помещения первого этажа — хозяйственные, второго — жилые. Очевидно, связь между первым и вторым этажами осуществлялась при помощи деревянной лестницы, как в некоторых современных домах селений Верхнего Зеравшана, Пенджикента и Самарканда (подробно см. Якубов, 1979).

Почему Деваштич выбрал замок на горе Муг местом укрытия его приверженцев? Как известно, вместе с ним было 100 семей богатых пенджикентцев с женами, детьми и слугами. Кроме того, Деваштича сопровождали его дворцовые люди и родственники, дворня. Были и другие князья: Афарун вместе со своим отрядом, Ревахшайн и многие другие из разных частей Согда, в том числе из районов Буттама и Уструшаны. Количество восставших было не менее 5—6 тысяч. Многие были с конями, с определенным количеством живого скота. Естественно, ни в Гардани Хисор, ни в Куме такое число людей не поместилось бы, так как площадь каждого из этих поселений не более 1 га. В них могли (и то в тесноте) жить 35—40 семей. В Куме было место для запаса продовольствия, но негде было разместить людей. Для всех восставших место было только в замке Абаргар. Здесь под открытым небом можно было расположить не только людей (в семейные палатки), но и лошадей, и живой скот; причем скот мог сам себя прокормить на склонах горы Муг.

Кроме жилых помещений, раскопанных в 1976 г., нами обнаружено еще несколько помещений у подножия северо-восточной части замка, там, где, очевидно, жители брали воду из Зеравшана. Так как помещения располагались здесь на скале, то их стены сохранились очень плохо — местами лишь ниже уровня пола. В одном из них найдена серебряная монета правителя Согда. Вероятно, эти помещения предназначались для скота. Кроме того, северная часть горы Муг, которая омывалась Зеравшаном, без препятствий обеспечивала защитников водой. Все эти особенности расположения замка Абаргар были, очевидно, учтены главарями восставших.

Кроме замка на горе Муг в горном Согде известны теперь несколько памятников этого типа, раскопанных А. Исаковым на Магиандарье. Один из них, Калаи Мирон, расположен на очень высоком крутом берегу Магиандарьи. Замок занимает площадь 28 х 12 м. Здание было двухэтажное, сохранились помещения ниж-

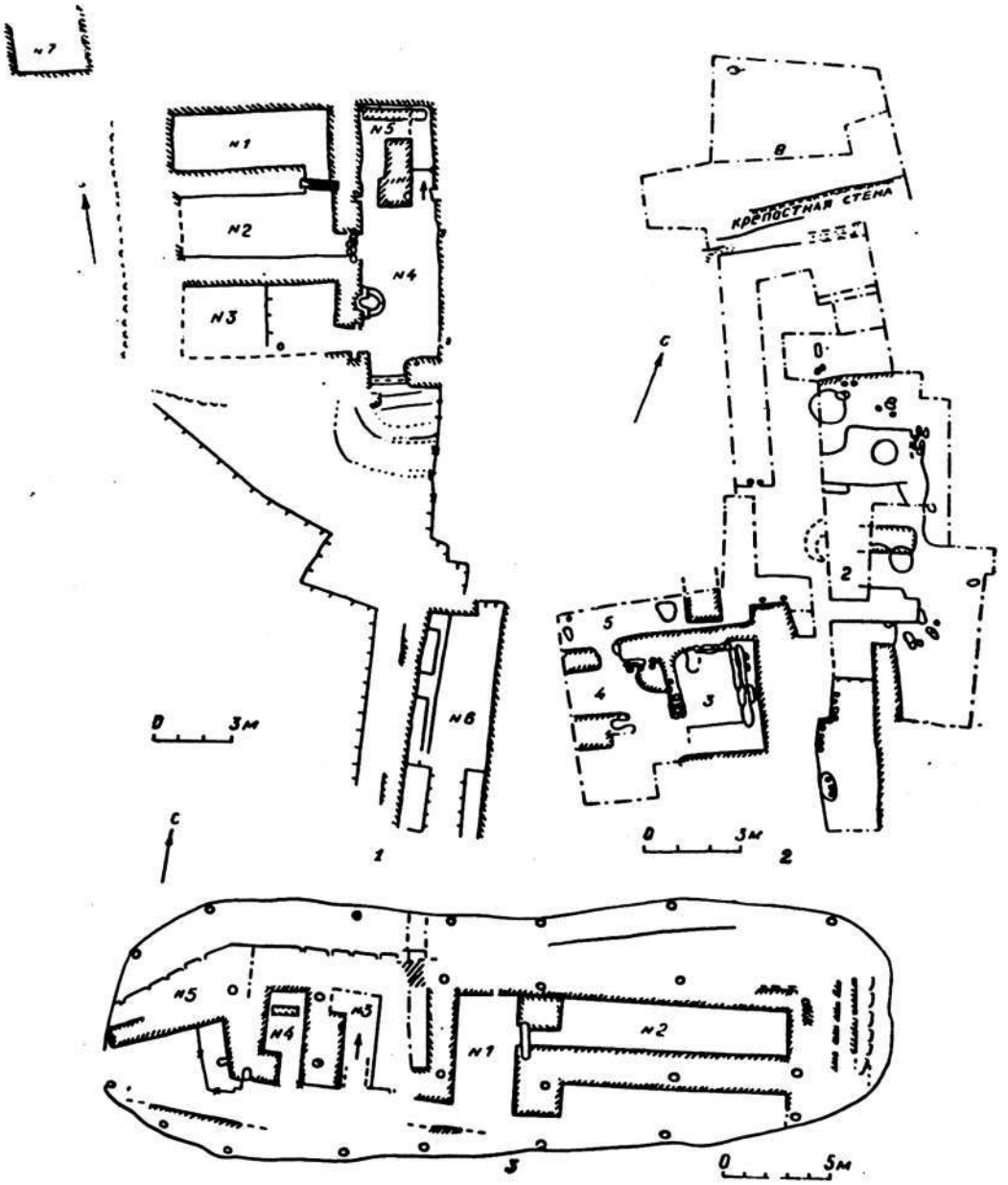


Рис. 3. Планы: *1*—Куджара; *2*—Караулато; *3*—Қалаи Мирон

него этажа и пандус, который вел на второй этаж. Нижний этаж состоял из шести сводчатых помещений хозяйственного назначения. Замок был построен в V в. н. э. и просуществовал до VIII в. В замке жили и в XI—XII вв. (Исаков, 1979, с. 300), но затем обитатели его спустились на место современного кишлака Косатарош (рис. 3. 3).

Второе здание — Калаи Филмандар — стоит на высоком естественном холме в северо-восточной части современного кишлака Филмандар. Здание-замок с севера, востока и юга окружено крутыми непроходимыми склонами. Только с запада небольшая площадка связывала его с внешним миром. Замок небольшой, вытянут с запада на восток на 20 м, с севера на юг по западной части — на 10 м, по восточной — на 14 м. План замка повторял контуры холма. На стенах западной и северо-западной частей замка, т. е. там, где жители ожидали врага, имелись бойницы. На остальных стенах имелись лишь ложные бойницы. Замок был двухэтажным, помещения верхнего этажа не сохранились. «На нижнем этаже сохранились три помещения, пандус и хранилище под ним, а также остатки двух угловых башен с коридорообразными узкими проходами» (Исаков, 1979, с. 302). Всего замок имел четыре башни, а его крестообразный план аналогичен плану центральной части здания под Кафыркалой. Замок Филмандар датируется V в. н. э. (Исаков, там же, с. 306) (рис. 4).

Третье здание — Караул Ато (размер 35х20 м) — расположено к западу от второго на расстоянии 2 км от кишлака Хунгарон. Помещения здания были построены на двухметровой платформе в V в. Однако раннесредневековый слой здесь уничтожен в результате перестроек XI—XII и XIX вв. (рис. 3, 2).

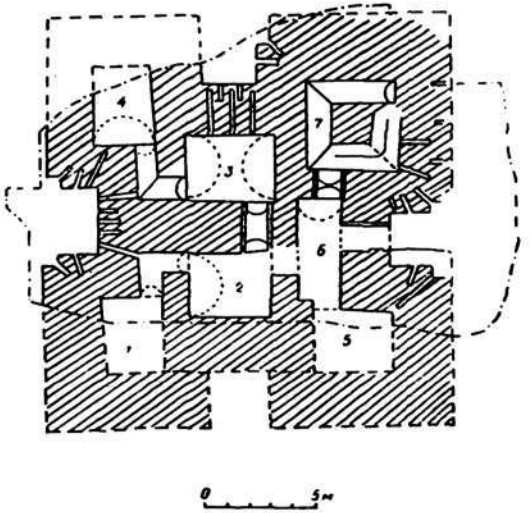


Рис. 4. План Калаи Филмандар с элементами реконструкции (*Ю. Я.*)

Четвертое здание — замок Тали Малла — расположено вблизи кишлака Бедак. Площадь поселения по верху равна 35 х 20 м. Из раскопанных остатков четырех помещений стало очевидным, что Тали Малла — двухслойный памятник, периоды обживания которого соответствуют VII—VIII и X—XII вв. н. э. (Исаков, там же, с. 309).

Пятое — Калаи Куджарах (размером 40 х 20 м) — расположено на высокой части западной предгорной гряды в 300 м от поселения Хирманджо. Здание раскопано полностью. Здесь выявлены остатки семи помещений нижнего этажа, преимущественно хозяйственного назначения (датируется VII—VIII вв. н. э.), в том числе пандус, ведущий на второй этаж, и кухня (Исаков, 1976, с. 505; 1980, с. 247—249) (рис. 3, 1).

Шестое — поселение Хирманджо — «прямоугольное в плане и состоит из двух частей; восточная (15 х 35 м) возвышается на I м над западной (20 х 35 м) и напоминает открытый дворик. В восточной части раскопаны два больших (6,2 х 4,1 и 7,7 х 3,4 м) помещения». Стены здания внизу сложены из камня, верх — из кирпича-сырца. Памятник датируется VII—VIII вв. н. э. (Исаков, 1976, с. 565).

К этой группе можно отнести и замок Нофин (25 х 40 м), расположенный на выступающем над озером Нофин гребне и со всех сторон окруженный крутыми склонами. Только в северо-восточной его части имеется тропа, идущая из современного к. Нофин. В северной части замка раскопаны три сводчатых помещения, нижние слои которых относятся к V—VII и VII—VIII вв., а верхние — к IX—XII вв. Очевидно, помещения здесь были двухэтажными, но верхний этаж не сохранился. В южной части замка, где холм намного ниже северного, выявились стены большого помещения (одна из них прослеживается на протяжении 8 м, другая — более чем на 6 м). Стены этого помещения идут под углом к стенам здания VI—VIII вв. (Ставиский, 1964, с. 127). К сожалению, небольшие раскопки не дали материала для восстановления структуры замка. Возможно, здесь, в Нофине, жили две или одна большая патриархальная семья. Замок существовал с V по VII вв. и три раза подвергался перестройке — в V—VII, VII—VIII и X—XII вв. (рис. 5).

Сейчас в горном Согде раскопано более восьми зданий этого типа, все они являются замками небольшого размера и состоят из одного здания, которое и имеет не более 10—12 помещений. Раскопки на всех этих памятниках показывают, что здания были двухэтажными. Помещения верхнего этажа не сохранились. Первый этаж занимали хозяйственные комнаты, а верхние — жилые. Здания стоят на высоких, труднодоступных отрогах или гребнях гор, хорошо защищены с трех сторон естественными преградами и рассчитаны на самооборону. Недалеко от этих замков, вдоль речных террас, имеются земли, пригодные для обработки. По поводу этих построек Ю. А. Якубовский в 40-х годах писал, что они были «резиденциями мелких владетелей, в руках которых находи-

лись как селения по горным речкам (саям), так и большие селения, расположенные на большой реке» (Якубовский, 1950, с. 26). А. Исаков придерживается мнения Якубовского (Исаков, 1975, с. 310), которое до сих пор господствует в литературе. Но если считать, что эти замки были резиденциями мелких феодалов, то где же принадлежавшие им селения? Археологические исследования показали, что кроме этих замков в горном Согде других селений нет, следовательно, они и являлись тогдашними кишлаками (см. ниже). Всего их насчитывается свыше 50.

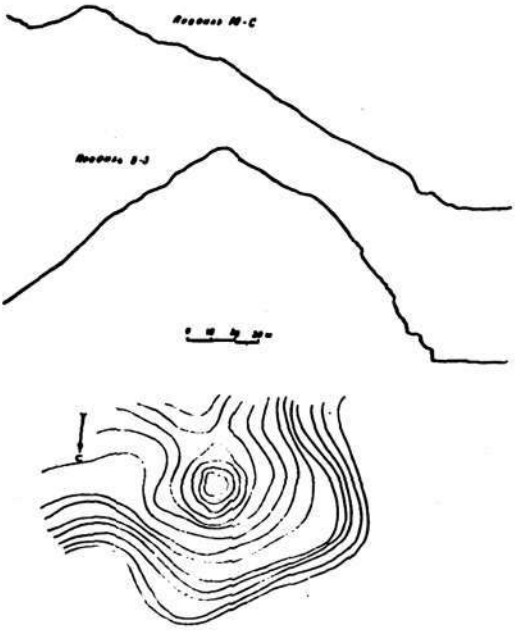


Рис. 5. Топографический план замка Нофина и общий вид раскопок Калаи Нофин

Замком небольшого земледельца можно назвать Тирмизактепе в пригороде Бунджиката (Негматов, Пулатов, 1973).

В Хорезме к памятникам этого рода можно отнести замок № 92. В нижнем этаже замка расположено 7 больших жилых комнат. Кроме того был и второй этаж, который не сохранился (Неразик, 1966, рис. 38). Этот укрепленный замок принадлежал одной семье. Что касается замков № 28 и № 19, то в них жили по нескольку семей, возможно, родственных между собой. Каждая такая семья заселяла отдельную жилую секцию. К этому типу можно отнести все однодомные усадьбы Хорезма, памятники первого типа Негузтепе Нехшеба. Конечно, здания этого типа отличались друг от друга, но в принципе все они являлись домами больших или малых семей, с разным экономическим потенциалом.

Ко второй группе относятся двухъярусные памятники типа Батуртепе VII—VIII и XI—XII вв. площадью от 0,4—0,7 га (рис. 6, 4). К сожалению, ни один памятник этого типа в Согде полностью еще не раскопан. Не исследованы памятники и в других районах Средней Азии. Поэтому о характере их застройки, осо-

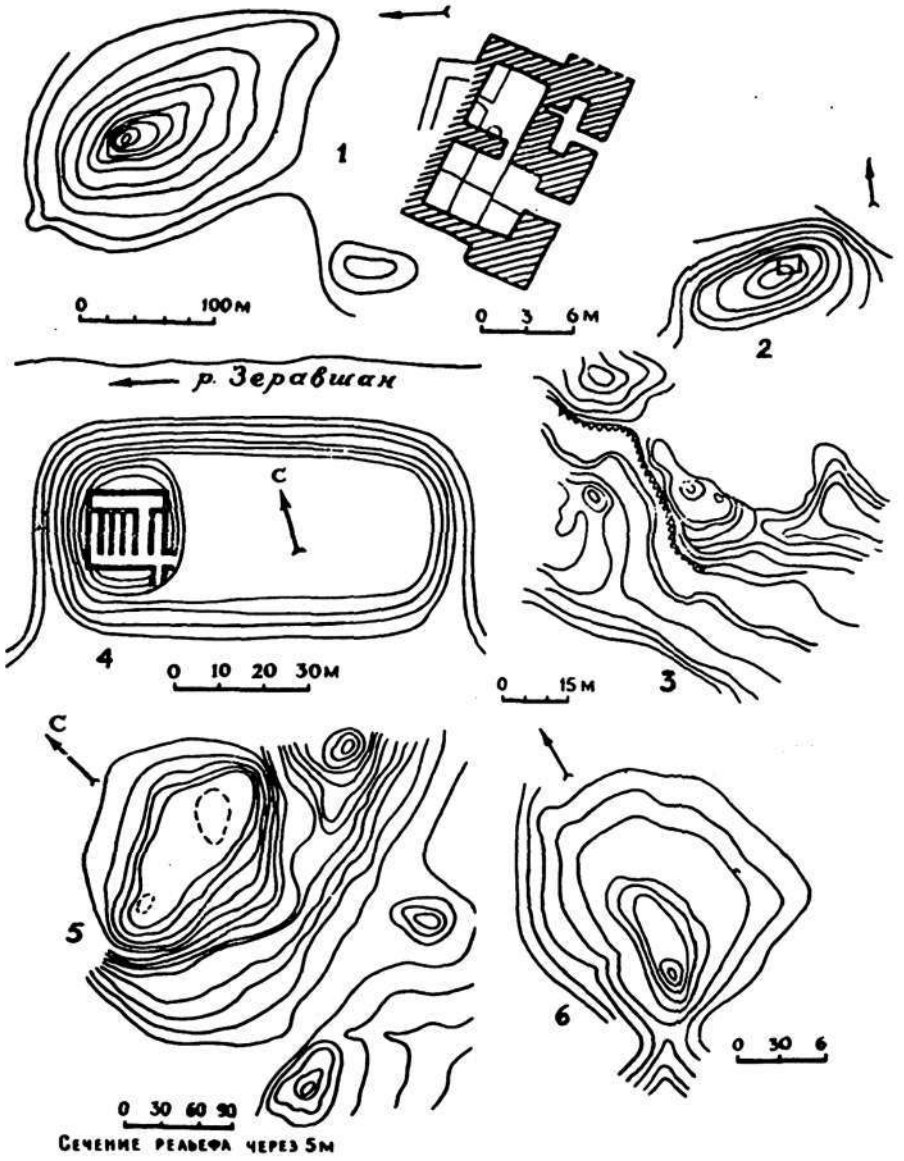


Рис. 6. Топографический план поселений: *1*—Калаи Муг в Магиане (план раскопок); *2*—Тепаи Б в Магиане; *3*—Калаи Духтарак и Писарак; *4*—топографический план Батуртепа и план замка; *5*—Кургани Бахши; *6*—Хонтахти

бенно сельских домов, примыкающих к замку феодала, пока судить трудно.

Батуртепе расположен в 4—5 км к востоку от к. Суджина на плато Дашти Мала на левом берегу р. Зеравшан. Северная часть замка располагалась на скале над рекой. Замок (общая площадь 0,7 га) окружен с трех сторон оборонительными стенами. Памятник состоит из двух частей: замка и собственно поселения, примыкавшего к нему. Исследования показали, что он стоит на самом высоком и безопасном месте. С севера и северо-запада его защищает р. Зеравшан, а с востока, юга и запада — сельские дома. Нижняя часть замка состояла из десяти сводчатых помещений, длиной от 4,10 до 4,60 м и шириной от 1,6 до 2,30 м. Помещения располагались по обе стороны длинного (14,50 м) центрального коридора (Мандельштам, 1956, с. 57). Б. Я. Ставискому удалось установить, что вдоль северной стороны северных помещений замка параллельно центральному коридору было еще одно помещение, длиной 13,20 м и шириной 2 м. К югу от центрального коридора раскопано еще одно сводчатое помещение — самое восточное в южном крыле. Из этого помещения идет ход в пандус, который вел на второй этаж. Помещения второго этажа не сохранились (Ставиский, 1964, с. 128). Исследования, хотя они и не были завершены, показали, что в нижней части замка размещалось более 13 сводчатых помещений. Если учесть, что замок был двухэтажным, то в нем было не менее 20 парадных, жилых и хозяйственных помещений.

Небольшой шурф, заложенный на поселении, показал, что здесь находятся сельские дома, или хозяйственные постройки (Мандельштам, 1956, с. 62).

К востоку, на другом краю Дашти Мала, расположен другой памятник — Батуртепе-1, примерно в 2 км от Батуртепе, площадью около 0,7 га. Поселение с севера и запада ограничивалось обрывами, с юга и востока имело оборонительные стены. Как и Батуртепе, оно овальной формы и вытянуто с северо-запада на юго-восток. Длина 90 м, ширина в середине 75 м. Состоит из замка и поселения. Памятник занят под кладбище и датируется VII—VIII вв.

Между Батуртепе и Батуртепе-I имеются еще небольшие, отдельно стоящие, здания Батуртепе 2—4. Все эти памятники одновременны (площадью 0,3—0,4 га). Юго-восточнее Батуртепе выявлены еще 4 тепе: Қлулатепе-I (диаметром 15 м, высотой 3 м) и Қлулатепе-II (диаметром 30 м, высотой 5—6 м) относятся к VII—VIII вв, Қлулатепе-III и IV — к IX—XII вв. н. э.

Батуртепе-I не подвергался раскопкам, но в замке оголены своды нижнего этажа. Небольшие зачистки показали, что замок был двухэтажным. Возможно, Батуртепе-I было таким же поселением, как Батуртепе. Эти два крупных поселения играли, видимо, в жизни всей округи главную роль.

Раскопки А. Исакова на трех памятниках этого типа — Сэидтепе, Хазориспандтепе, Хасанбайтепе показали, что эти замки

— двухэтажные. Помещения первого этажа — хозяйственные, второго — жилые и парадные комнаты.

Подобных двухъярусных тепе в Верхнем Зеравшане перед арабским завоеванием было более 40. По существу это были небольшие селения, в которых, в отличие от памятников типа замка на горе Муг, жила не одна большая семья, а скорее всего несколько.

В селениях типа Батуртепе правитель жил, видимо, в двухэтажном доме. Его дом в селении занимал господствующее положение, подчеркивая авторитет хозяина. Ему, очевидно, подчинялись жители небольших усадеб.

Среди памятников Хорезма небольшим селением можно назвать Тешиккалу. Правитель жил там в двухэтажном замке, а его кедивары — к югу и вокруг замка, как в Яккапарсане. В Уструшане памятником этого типа был Тоштемиртепе IV—VI вв.; в Нехшебе—Пирмадбабатепе.

К третьей группе относятся памятники типа Гардани Хисор (рис. 7). Их в начале VIII в. было около 15. Восемь из них — Боигартепе VII—XII вв. (площадью 2 га), Чухкурган V—XII вв. (площадью более I га), Курган-тепе V—VIII вв. (площадью I га), Тали Маллаумаар V—VIII вв. (площадью 2 га), Хразориспанд V—XII вв. (площадью I га), Тиллоё-бактепе VI—XII вв. (площадью более 2 га), (рис. 8), Кургони Роч V—VIII вв. (площадью I га), Кириносир V—VIII вв. (площадью I га) — расположены в Пенджикентской части района; на Магиане были Калаи Муг IV—XII вв. (А и Б) (рис. 4, 1—2), Тали дат V—XII вв. (площадью более I га) (рис. 9) и Мугбазар VII—VIII вв. (площадью 1,5 га); на Кштуте — Калаи Хисор V—VIII вв. (280х80 м), которое являлось центром этого рустака (рис. 9а, 6). В Паргаре в VII—VIII вв. *такими поселениями были Гардани Хисор и Кум* (площадью около I га); в V—XII вв. — Калаи Сабис (площадью 2 га) (рис. 2, 2). В Матче известны Хадишар VII—XVI вв. (площадью 2 га) и Ходрах VII—XII вв. (130х70 м).

Однако памятники этого типа исследованы еще весьма ограниченно. Среди них полностью раскопан только Гардани Хисор, работы же на Яккапарсане в Хорезме и в Куме на Верхнем Зеравшане еще не завершены. Благодаря археологическому материалу мы имеем возможность говорить не только о типологии двухъярусных холмов, но и об их структуре и назначении.

Раскопки в Гардани Хисор показали, что самую высокую часть холма, т. е. верхний ярус, занимали развалины феодального замка, расположенного на искусственно приподнятой платформе, а на нижней части холма располагались дома рядовых жителей. Таким образом, двухъярусный холм Гардани Хисор состоял из двух частей: замка (кешк) и собственно поселения (дехистан). Термин «двухъярусный» в данном случае не соответствует внутренней структуре памятника. Было бы правильнее называть его двухчастным поселением или поселением с замком-донжоном. По своей структуре Гардани Хисор аналогичен двухчастному городу

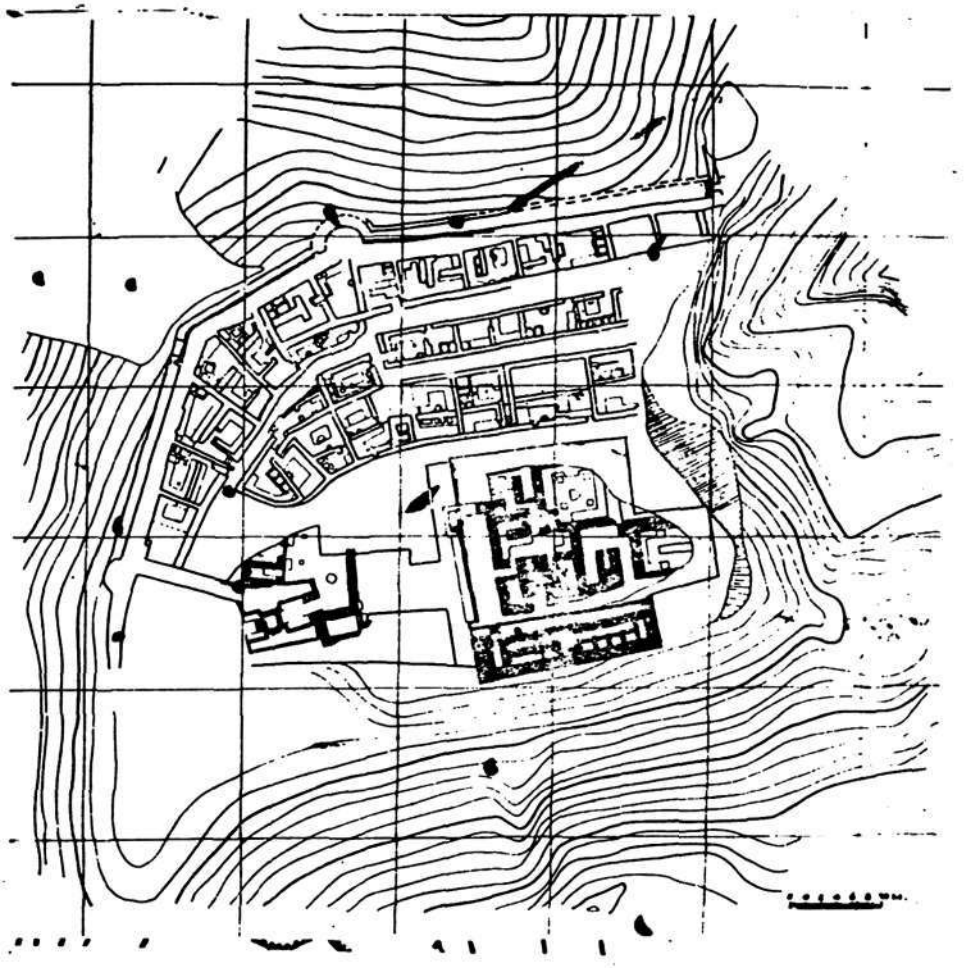


Рис. 7. Топографический план Гардани Хисор и общий вид замка

(рис. 10, 10а, 10б). По планировке четко делится на две части: замок и входная постройка, которые стоят на выровненной площадке и занимают верхнюю часть холма, и поселение, примыкающее к ним и расположенное на склоне.

Замок стоял на высоком и наиболее безопасном месте. С северо-востока и севера его надежно защищали крутые склоны. С юга от входной постройки замок отгораживала сырцовая стена.

Входная постройка являлась самостоятельной частью поселения. Здесь, очевидно, жила стража. Перед входом были еще три помещения, которые плохо сохранились (возможно, в них держали коней правителя). Здесь же были ворота с башнями, которые тоже не сохранились. Все жители поселения входили и выходили через эти ворота.

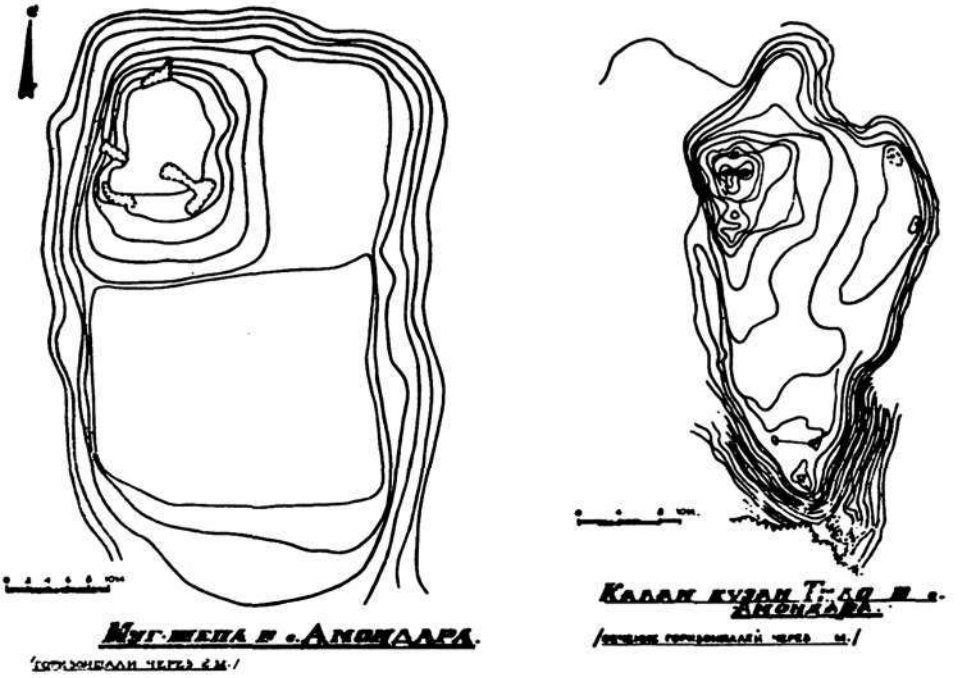


Рис. 8. Топографический план Тилобактепе и Калан Муг в Амандаре

Поселение с трех сторон (южной, западной и северо-западной) окружало замок и отделялось от него улицей. Дома плотно прилегали друг к другу и были расположены на склоне холма, поэтому планировка домов и улиц зависела от рельефа и общего контура террасы.

К западу от замка, где площадь пологого склона шире, раскопаны четыре улицы и три ряда домов. Западнее же входной постройки холм сужается, поэтому здесь дома стояли в два ряда. Северные участки улиц 1—3 погибли вместе с северной частью поселения во время обвала.

Первая улица (шириной 2 м), выложенная камнями, вела к первому и второму домам и во дворец, который огибала с запада и доходила до айвана (пом. 7) входной постройки. Вторая улица, ровная и прямая, обслуживала четвертый и, возможно, десятый дома. Третья улица шириной 2,5 м проходила через все поселение. У домов VI—IX она ровная и прямая. Дальше, перпендикулярно к этой улице с юга, стоял дом XV. Здесь улица отступала на 2 м к востоку и шла по направлению на юго-восток. Находившийся здесь еще один небольшой переулок связывал третью улицу со второй. Эта часть третьей улицы наиболее сложная по структуре: из-за очень крутого склона западная ее часть приподнята каменной подпорной стеной, местами достигавшей 2 м высоты. Улица, в зависимости от планировки домов, выходящих на нее, то сужается, то расширяется. Ширина ее колеблется от I до

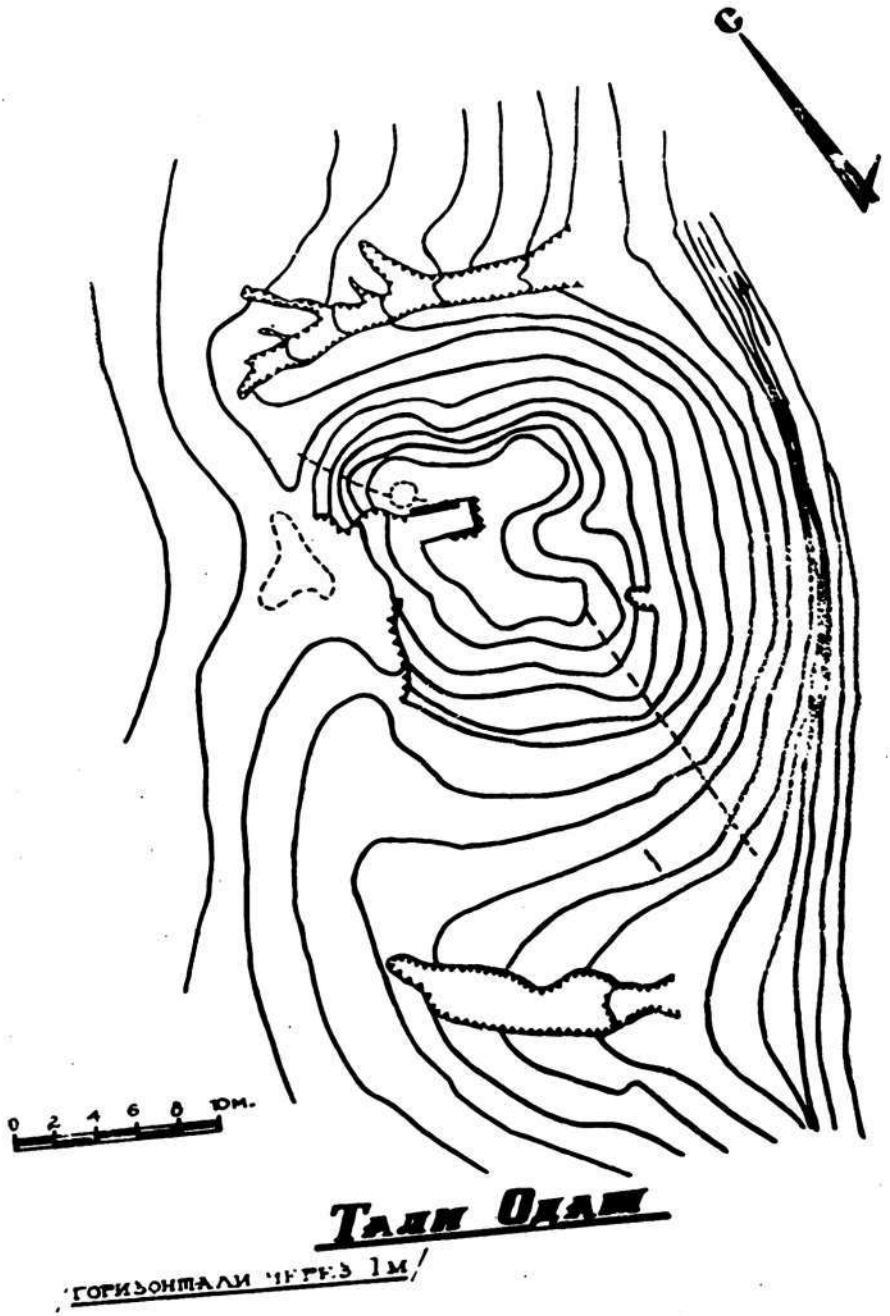


Рис. 9. Топографический план Тали Одат

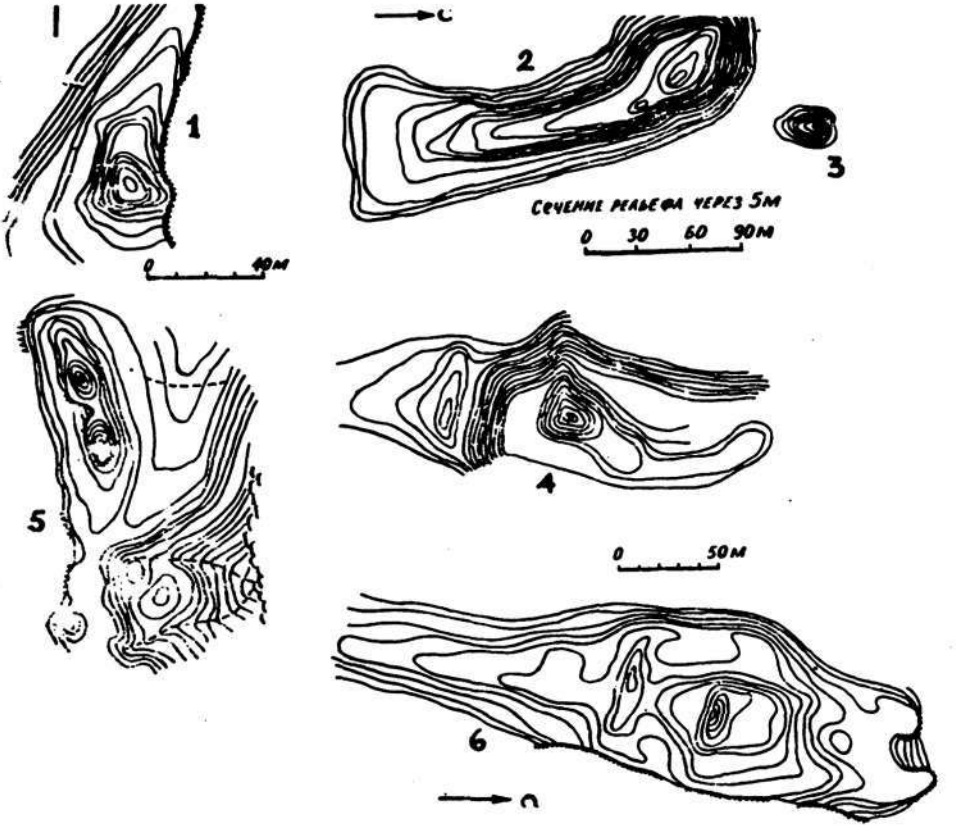


Рис. 9*а*. Топографические планы: *1*—Калаи Хосров; *2*—Калаи Муг (в к. Амондара по О. И. Смирновой); *3*—Тепаи Муг; *4*—Калаи Рустам; *5*—Калаи Муг в к. Шашкот; *6*—Калаи Мир в к. Кулоли

1,50 м. По всей длине улицы средняя часть углублена и играет роль водостока. Возле домов XX и XXI она вымощена каменными плитами. Такие улицы, идущие по склонам и укрепленные каменной стеной, встречаются во многих селениях горных районов Средней Азии.

Четвертая улица шла по оборонительной стене вдоль западной и южной части поселения. Возможно, около входной постройки на нее вела лестница. Эта стена-улица образовалась после постройки обходного коридора.

Гардани Хисор по своей структуре очень похож на современные селения, расположенные на склонах гор в Верхнем Зеравшане, которые тоже имеют террасовую планировку. Поселение с двух сторон окружено обрывами, скатами, а с юга и запада — оборонительной стеной с внутренним коридором (см. дальше). При раскопках Гардани Хисор не найдены помещения для скота.

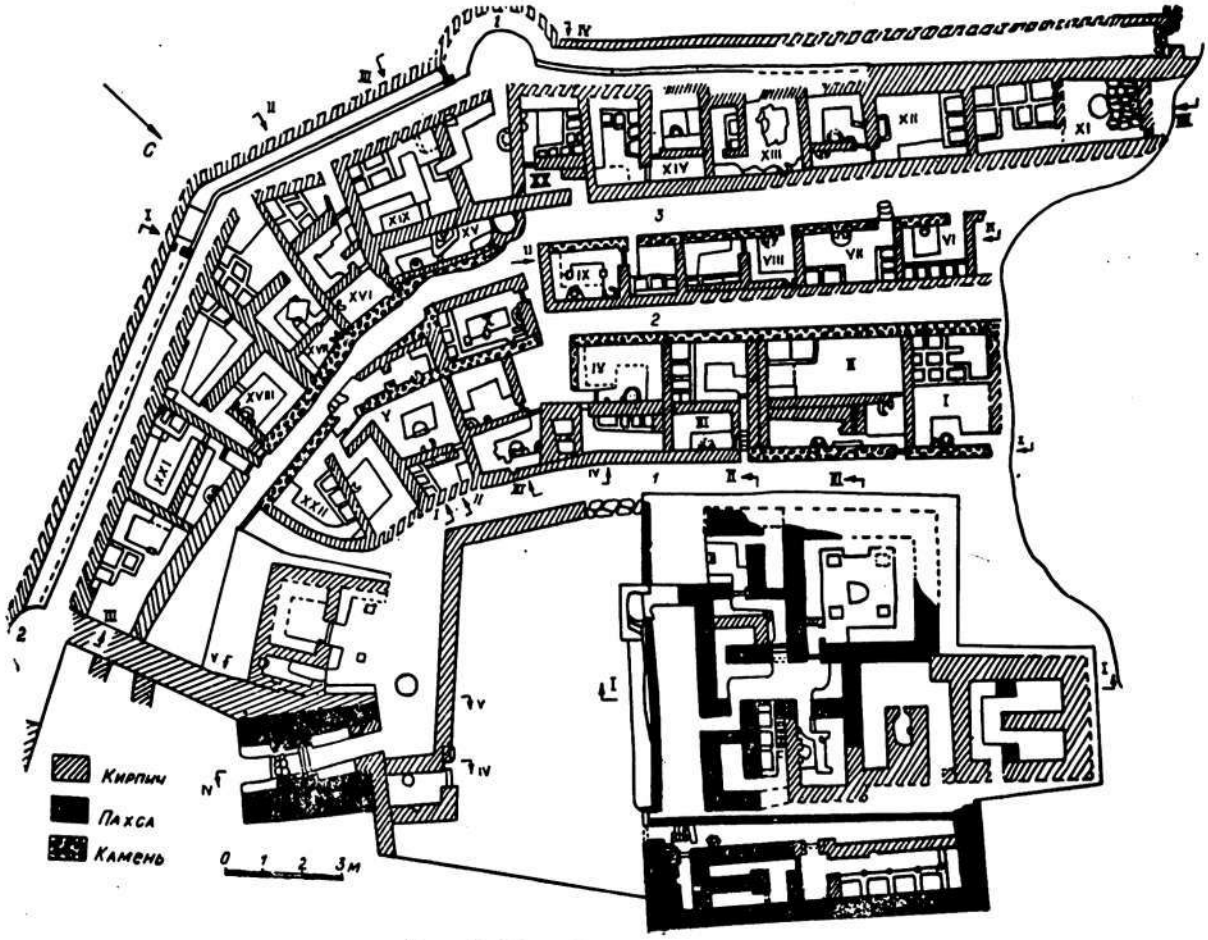


Рис. 10. План Гардани Хисор

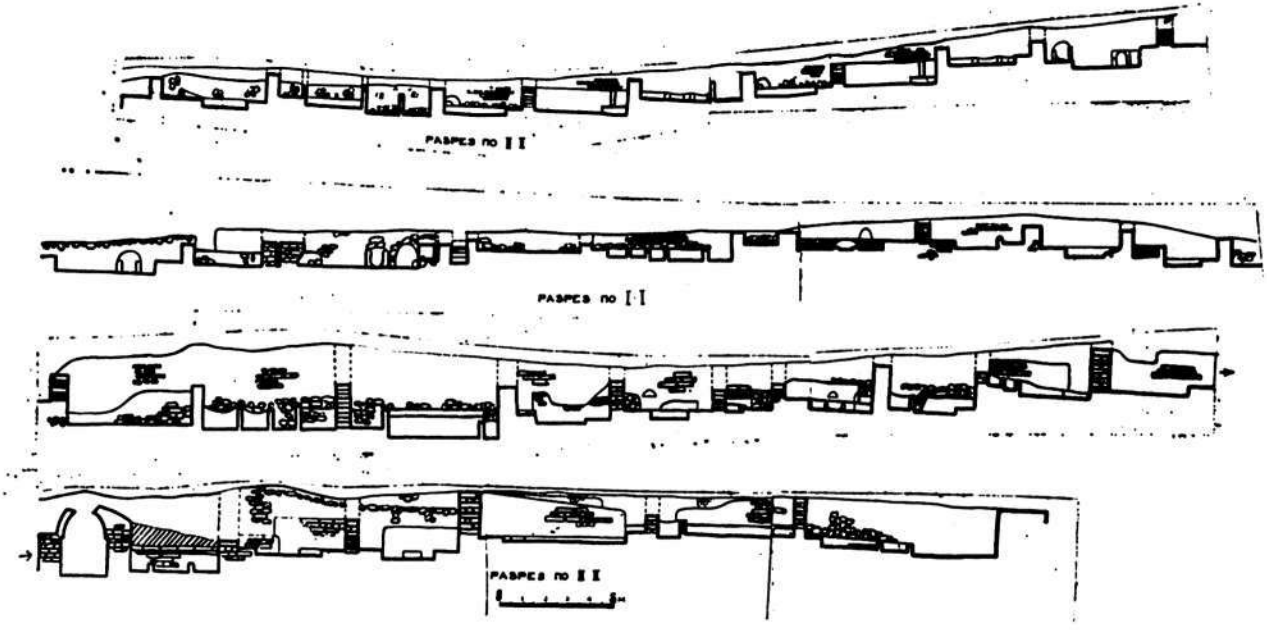


Рис. 10*а*. План Гардани Хисор после раскопок (разрез а)

Рис. 10б. План Гардани Хисор после раскопок (разрез б)

Очевидно, жители держали свой скот где-то за пределами поселения, возможно, ближе к воде.

Сейчас на Верхнем Зеравшане исследовано более десяти памятников V—VIII вв. сельского типа и нигде не найдены помещения для скота. Возникает вопрос: где держали скот? Как отмечалось выше, в 1976 г. в 200 м от замка на горе Муг, на нижней террасе нами были обнаружены остатки каких-то строений. После проведения раскопок здесь обнаружены три помещения загонного типа. Два из них размещались с одной стороны скалы, одно (большое) — с другой. Помещения эти явно не жилые и расположены ближе к воде. Возможно, жители замка держали свой скот именно в этих помещениях.

Аналогичную картину можно наблюдать на Верхнем Зеравшане и сейчас, в кишлаках Анзоб, Рашна, Артуч, Канте и др.

По сообщению М. С. Андреева, в кишлаках Ягноба помещения скота находятся вблизи поливных полей, «делается это для того, чтобы возможно больше сократить расстояние между поливным полем, обязательно удобриваемым ежегодно навозом, и местом, где вырабатывается и получается навоз, т. е. помещениями для скота». (Андреев, 1970, с. 95). К этому следует добавить, что скот держат ближе к полям не только из-за удобрений, но и из-за воды и кормов. Ведь зимой скот надо два—три раза в день кормить и поить, а хранились корма на крыше или рядом с хлевом.

До революции во многих кишлаках Дарваза частники свой скот держали на ангорах—полях, которые располагались на расстоянии 5—10 км от селения. Здесь постоянно находились люди: зимой—мужчины, а летом — женщины и дети. Каждая семья имела здесь помещения для мелкого и крупного скота и жилье для людей. Кроме того, по зороастрийскому обычаю навоз, творение Ахримана, должен находиться за селениями. Нет сомнения, что так обстояло дело и в раннесредневековых согдийских селениях, жители которых держали скот на своих ангорах, ближе к воде и кормовой базе.

Среди двух частных сельских поселений Средней Азии помимо Гардани Хисор наиболее исследованным является Яккапарсан в Хорезме. Он состоит из замка и собственно поселения. Замок Яккапарсан чуть меньше (24 х 24 м) размером, чем Гардани Хисор. Его цоколь на 6 м выше платформы Гардани Хисор и выглядит весьма внушительно. Внушительны и мощны стены замка: с наружной стороны оформлены гофрами-полуколоннами, соединенными полуциркульными ложными бойницами-арочками (Неразик, 1966, с. 61).

Кешк Яккапарсана, в отличие от Гардани Хисор, имел собственную оборонительную линию. Врагу после овладения поселением пришлось бы штурмовать замок, где сидел хозяин и, возможно, укрывшиеся жители поселения. Расположение замка в центре поселения обеспечивало оборону его со всех сторон. По планировке помещений замка и внешнему оформлению стен

кешк Яккапарсана напоминает Тешиккалу в соседнем Беркуталинском оазисе и Большую Малую Кызкалы в Мерве. Все вышеупомянутые здания имеют центрическую планировку и коренным образом отличаются от планировки Гардани Хисор. Жизнь в Яккапарсане проходила замкнуто в условиях суровой крепости. Однако, несмотря на различия в планировках Яккапарсана и дворца Гардани Хисор, назначение надцокольных сооружений в них было скорее всего сходным — они служили местом жительства феодала-дихкана.

Сельские дома Яккапарсана полностью не исследованы. Изучены дома, расположенные вдоль западной, северной и северо-восточной оборонительных стен. Их объединяла улица, которая шла вдоль юго-западной, западной, северной и восточной частей цоколя замка. Все дома выходили на эту улицу. Стены домов были построены вплотную друг к другу и имели единую общую крышу (там же, с. 82). Очевидно, такая планировка и структура были присущи сельским поселениям Хорезма этого же периода. Раскопанный небольшой участок между оборонительной стеной и донжоном в Тешиккале показал, что он застроен домами наподобие Яккапарсана. Тешиккалинские дома в основном двухкомнатные и, как в Яккапарсане, вытянуты от крепостной стены к центру — донжону (там же, с. 70—73).

Поселение Кум также является двухчастным, т. е. состоит из замка и собственно поселения (рис. 11). Замок Кум, в отличие от замка Гардани Хисор, Яккапарсана и Тешиккалы, не был жилым. Он состоял более чем из 30 сводчатых помещений, причем помещения восточной части были двухъярусными. Своды верхнего этажа — низкие (1,50 м). Большинство раскопанных помеще-

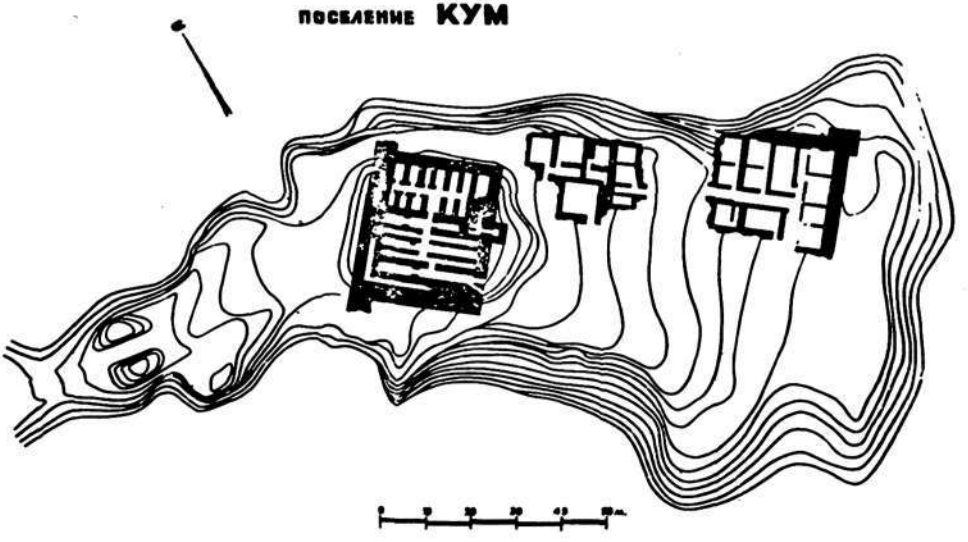
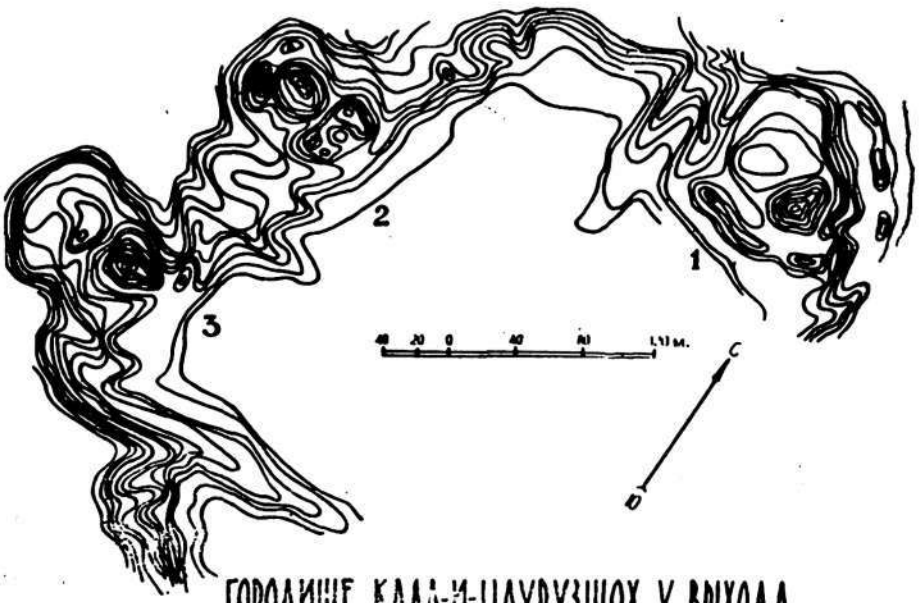


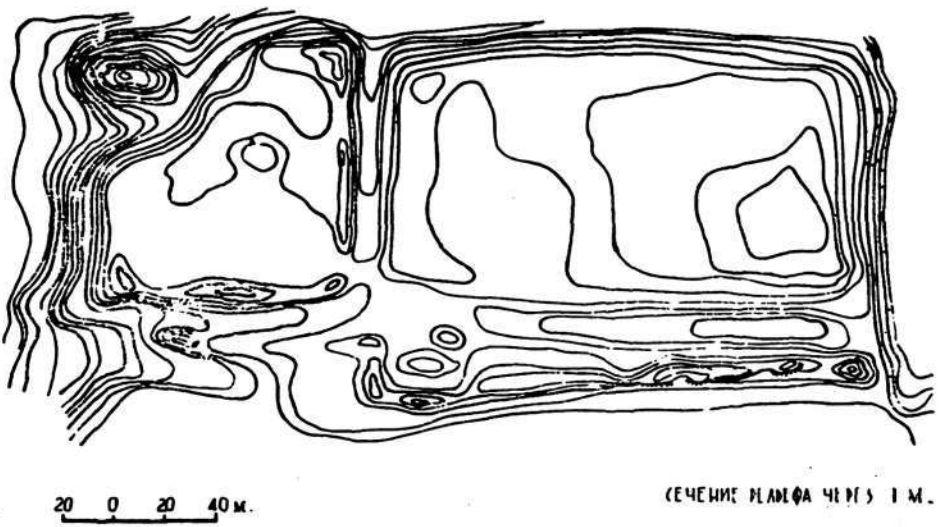
Рис. 11. Топографический план Кума

ний замка являлись хранилищами для зерна и других продуктов. Никаких признаков второго этажа нами не обнаружено. Если бы он был, мы могли бы его найти вдоль западной оборонительной стены, так как она сохранилась на 3 м выше помещений первого этажа. Очень возможно, что на верху замка размещалась открытая площадка с оборонительной стеной. Стена, видимо, имела парапет с зубцами, и отсюда защитники стреляли из луков и кидали камни во врагов даже тогда, когда последние уже овладели поселением. Помещения замка Кум, возможно, служили хранилищем правителя Буттама, который жил во дворце у подножия замка. В начале VIII в. помещения замка использовались под склад самим Деваштичем, о чем имеются намеки в мугских документах (Якубов, 1976, с. 577). Верхняя площадка замка могла быть последним убежищем защитников Кума. Подобные крепости, где люди укрывались только во время опасности, существовали в средневековом Верхнем Зеравшане (Якубов, 1975, с. 209). Дома жителей поселения располагались к востоку от замка на площадке, где, как представлялось до раскопок, должен был находиться двор (Якубов, 1973, с. 185). Планировка домов самого поселения похожа на Гардани Хисор. Сельские дома Кума исследованы пока лишь на небольшом участке, поэтому точно судить сейчас о структуре и планировке самого поселения трудно. Планировка исследованных домов Кума, как и в Гардани Хисор, тесно связана с рельефом местности. Стены домов повторяют контур холма. Дома расположены слитно вдоль оборонительной стены и улицы.

Кроме поселений третьего типа на Верхнем Зеравшане известны сейчас памятники еще более крупные. Мы условно называем их городищами, так как площадь первого из них — Санджаршах у селения Суджины — составляет 5 га (рис. 12). Сейчас поверхность городища сильно повреждена. Восточная стена города срыта бульдозером, и большая часть городища снивелирована под посевы. Вдоль южной крепостной стены в результате вывоза земли на удобрения разрушены несколько сводчатых помещений. Судя по подъемному материалу, Санджаршах возник в V в. и разрушен в VIII в. Городище четко делится на две части: диз — цитадель и шахристан — город, с трех сторон защищенный помимо оборонительных стен крутыми обрывами, а с четвертой подобно Пенджикенту — высокой мощной стеной. Санджаршах расположен в 12 км от древнего Пенджикента, и время его развития совпадает с временем расцвета Пенджикента. Нет сомнения, что правитель Санджаршаха управлял многочисленными поселениями в низовьях Магиандарьи, т. е. замками, которые раскопал Косатарошский отряд, и памятниками Дашти Малы, в том числе и Батуртепе. Пока на Санджаршахе раскопки еще не производились и мы не можем сказать, был ли он действительно вторым после Пенджикента городом на Верхнем Зеравшане. Керамический материал, собранный на его поверхности, весь станковый и изготовлен, как и в Пенджикенте, очень качественно.



ГОРОДИЩЕ КАЛА-И-НАУРУЗШОХ У ВЫХОДА САЯ ОГИЛЯК.



ГОРОДИЩЕ САНДЖАРШОХ У С. СУДЖИНА

Рис. 12. Топографические планы городищ Санджаршах и Наврузшах

Другое городище — Наврузшах — расположено в 40 км от Пенджикента, к востоку от современного селения Вагатона (ныне Навобад). Наврузшах расположен на той же террасе, что и Пенджикент и Санджаршах, и состоит из трех больших и нескольких мелких холмов, слитых друг с другом и протянувшихся с запада на восток. Площадь Наврузшах более 3 га (рис. 12а). Небольшие раскопки, проведенные автором в 1984 г. на двух холмах Наврузшах, показали, что первый холм площадью более

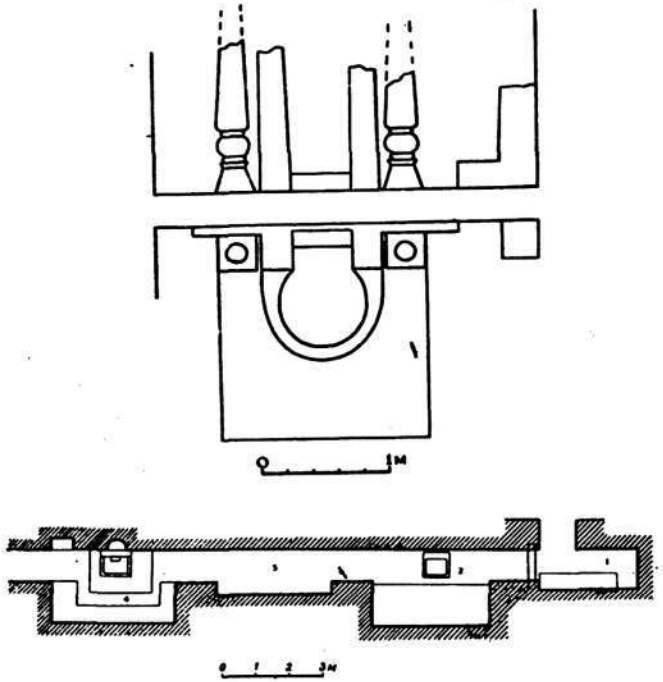


Рис. 12*а*. План раскопанных помещений на Наврузшах

I га состоит из двух частей — замка и поселения. Замок расположен в юго-восточной части холма, рамером 40 х 30 м, высотой 10 м. Поселение расположено к северо-западу от замка и сильно укреплено: толщина оборонительных стен в юго-восточной и южной сторонах достигает 8—9 м, высота около 10 м. Стены снабжены башнями, которые сохранились в виде невысоких возвышенностей. Со стороны запада, севера и северо-востока окружено крутым склоном. Длина поселения по западной стороне 110 м, по южной — 60 м, северной — 90 м.

Поселение Наврузшах I расположено на левом берегу сая Огилак. Западная часть его выше восточной. Вход расположен в юго-западном углу западной стены, в этой части наблюдается Г-образная впадина шириной 10—15 м (по-видимому, двор). Поверхность поселения распахана.

В центральной части поселения был заложен шурф 2 х 3 м. На глубине 20 м от поверхности была расчищена кирпичная кладка — стена. Шурф лег на сводчатое помещение из кирпича-сырца 52 х 25 х 10 см и доведен до пола. При сложении свода использован архитектурный прием наклонных отрезков. Помещение прямоугольное, вытянутое с севера на юг (раскопанная часть) на 3 м и с запада на восток на 2 м. Вдоль южной стены сооружены две хамбы—закрома. В одной из них был расчищен вкопанный в пол хум, в другой найден керамический котел. В хуме найдены остатки муки.

Получен большой керамический материал лепного и станкового производства. Керамика из шурфа разнообразная по форме, т. е. встречается большое количество фрагментов от хумов, кувшинов, мисок, котлов, кружек. Имеются фрагменты керамики, покрытые полосатым коричневым ангобом, целиком красноангобированные и без ангоба. В основном керамический материал Наврузшах I относится к V—VI вв. н. э. Имеется несколько фрагментов от кубковидных чаш или бокалов более раннего периода. Шурф не доведен до материка, поэтому вопрос о существовании слоев более раннего периода остается открытым.

Самая интересная находка шурфа — печать — изготовлена из белого камня известняка и имеет форму усеченной пирамиды. На лицевой стороне (размеры 13 х 15 мм) изображена стилизованная морда льва. На левой боковой стороне схематичное изображение горного козла. Размеры печати: высота 23 мм, лицевая сторона длиной 18 мм, шириной 15 мм. В верхней части имеется сквозное отверстие круглой формы диаметром 4 мм.

Вторая часть поселения (Наврузшах II) расположена на расстоянии 220 м к западу от первой. Она состоит из оплывшего холма-кешка (высотой 7 м) и отделенного от него рвом двора. Валы стен хорошо прослеживаются. В помещении двора расположены полукругом отдельные здания в виде оплывших лессовых холмов различной величины. Холмы зданий двора и кешка раскопаны, обнажены стены из плотного сырцового кирпича без примеси самана (Смирнова 1950, с. 72). Таким образом, вторая часть поселения (Наврузшах II) была затронута «раскопками» любителей археологии еще до разведки 1947 г., возможно, группой В. Р. Чайлытко. Однако о своих «раскопках» на Наврузшахе он нигде не упоминает. В начале 60-х годов вдоль южной части памятников Наврузшах провели канал Маргедар, во время строительства которого памятник был частично разрушен и засыпан отбросами грунта из канала. Тогда бульдозеристы искали золото и разрушили значительную часть этого памятника, в том числе южную, восточную и северо-восточную. Оголены были кирпичи северо-восточной стены. Средняя часть холма имеет глубокую впадину, возможно, двор. Раскоп был заложен в северо-западной части квадратного холма. Сразу после снятия растительного слоя были обнаружены кирпичи стены в помещение № 1, которое расположено в северо-западном углу. В плане прямо-

угольное, вытянутое с запада на восток на 2,9 м и с севера на юг 1,32 м. Помещение имеет два периода. В первом это ровный коридор, во втором к северной стене пристроили небольшую суфу длиной 2,1 шириной 75 см и высотой 10 см (постепенно высоту ее доведя до 30 см). Вход был в южной стене. От следующего это помещение отделяет пилон, пристроенный к северной стене. Длина его 1,15 м, ширина 45 см. Стены сохранились на высоту 30 см. Северная стена обмазана ганчем, на котором сохранились следы от красной краски. Остальные стены и пол отделаны глиной. В щеках дверного проема сохранились остатки от деревянного порога шириной 23 см, длиной 1,25 м.

Помещение 2 расположено к востоку от первого. Оно вытянуто с запада на восток на 3,95 м и с юга на север на 2,45 м. В первом периоде помещение имело жилой характер, на полу у южной стены стоял очаг-сандали размером 84 x 84 см с невысокими (8 см) бортиками шириной 10 см. Южная стена — сандали — на 18 см шире чем остальные. Очаг заполнен золой и угольками. Во втором периоде пол был поднят на 12 см. Очаг обмазан, на северной половине сооружены три хамбы, стены которых были обработаны ганчем.

Помещение 3 расположено к востоку от второго. В плане прямоугольное, вытянутое с запада на восток на 3,25 м, с юга на север на 1,35 м. В первом периоде это просто коридор, во втором в нем сооружены три разнообразные хамбы. Стены их обмазаны ганчем. На глубине 43 см от поверхности, у северной стены, к востоку от западного пилона обнаружено захоронение.

Помещение 4 угловое, вытянутое с запада на восток на 9,68 м и с юга на север на 2,55 м. Это святилище, так как на расстоянии 2,67 м от стены заложенного западного дверного проема к южной стене пристроен алтарь. Он стоит на небольшой суфе. Ее длина 1,38 см, ширина 1,43 см, высота 10 см. Алтарь представляет собой прямоугольную стенку шириной 80 см, высотой 56 см, толщиной 10 см, выше которой в стене имеется аркообразная ниша глубиной 32 см, высотой 30 см и шириной 33 см. К стенке алтаря примыкает прямоугольный (80 x 74 см) таштак, где горел огонь, с невысокими бортиками. Ширина бортика 10 см. Внутри таштака к стенке алтаря пристроен канук в виде небольшого выступа высотой 20 см и шириной 22 см. Его поверхность обожжена. Фасад верхних боковых сторон ниши украшен глиняными объемными жгутиками в виде рога горного барана. Северную половину святилища занимает П-образная суфа. Этот алтарь в отличие от настенных алтарей VII—VIII вв. Гардани Хисор, поселения Кум и городища Пенджикента не имеет по бокам двух миниатюрных колонок, увенчанных аркой. Алтарная ниша почти отсутствует, только между рогами барана прослеживается небольшое углубление. Канук в алтаре VII—VIII вв. имитирует очаг, паштак имеет подковообразную форму. Здесь же паштак имеет прямоугольную форму, а канук состоит из небольшого прямоугольного возвышения.

Алтарь помещения 4 является наиболее древней формой алтарей Согда, так как он датируется V—VI вв. н. э. Имитация рога баранов на его фасаде символизирует фарро огня — духа священного огня (рис. 12).

Раскопанные помещения расположены в оборонительной стене, т. е. представляют помещение внутри оборонительной стены и имеют сводчатое перекрытие. Планировка этих помещений, с одной стороны, напоминает планировку оборонительной стены городища древнего Пенджикента, с другой стороны — широкие помещения (1,2 и 4) отличающие их от других сооружений этого типа.

Раскопки в южной части этого холма показали, что здесь были расположены помещения парадного назначения. Обнаружено большое помещение, вытянутое с запада на восток на 8 м. Вскрыто вдоль западной стены на 5,84 м, вдоль восточной на 4 м. Помещение имеет своеобразную планировку. На расстоянии 82 см от северной стены и 90 см от восточной имеется Г-образная кирпичная стена толщиной 30 см. Вдоль нее идет суфа шириной 110 см и высотой 15 см. Такая же суфа идет и по западной стене. Посредине стоит квадратное возвышение (1,36 х 1,35 м) высотой 10 см. На поверхности много золы.

Небольшие раскопки в западной и северной частях этого зала показали, что вокруг него идет обходной коридор. Зал полностью не раскопан, однако можно предполагать, что это помещение было культовое, т. е. связано с культом огня. Возможно, весь комплекс Наврузшах II связан с культом огня. Уместно напомнить, что эти развалины назывались Вагатоном. Слова «Ваг» и «Баг» означают «бог». Значит «вагатон» — место бога, или божественное место. Поэтому, если здесь окажется храм огня, это будет подтверждением названия селения Вагашона (Вагиштона). Сама долина и ущелье называются Заврон. Возможно, слово Заврон тоже является искажением имени отца Ормуза и Ахримона Зурвана.

Третий холм площадью более I га раскопкам не подвергался.

Исследование, проводимое автором отчета в области идеологии согдийцев, показало. что зурванизм в веровании согдийцев был главным. (Этому вопросу посвящена вторая книга). Полученный керамический материал из Наврузшаха I—II относит его к V—VI вв. н. э. Поселение было разрушено в начале VI в., возможно, во время тюркского нашествия.

Таким образом, первые два холма Наврузшах относятся к V—VI вв. и более ранним периодам. Третий холм появился в VII—VIII вв. н. э. Исследование Наврузшах показало, что он был крупным ремесленным, административным и культовым центром в этой части горного Согда.

Четвертое городище в горном Согде представлено остатками столичного центра княжества домусульманского периода Матчи; ныне оно известно под названием Калаи Хисорак (рис. 13). Городище расположено в 3 км к северо-востоку от современного селения Падаск, напротив современного Мадрушката. Городище с

трех сторон омывают реки Матча и Валгун, создавшие вокруг него глубокие овраги с отвесными стенами высотой от 200 до 300 м. К юго-восточной и юго-западной частям городища также примыкают глубокие овраги. Но посредине южного края они имеют незначительную глубину. Здесь был вход в поселение, на этом мес-

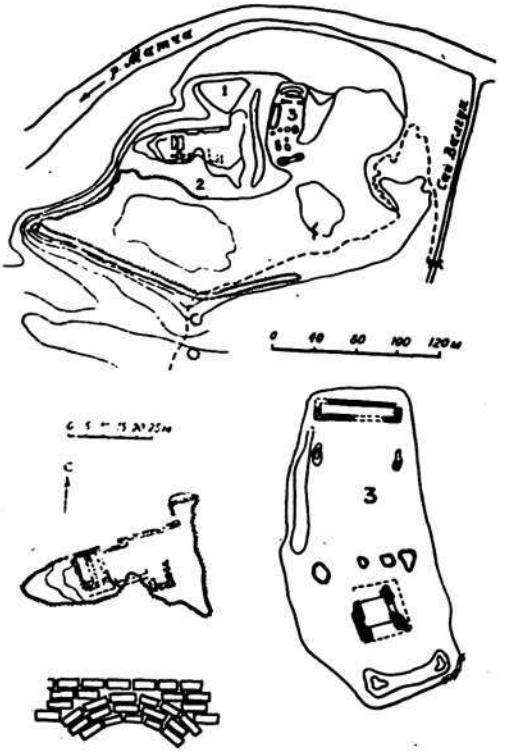


Рис. 13. Топографический план Калаи Хисорак

те построена сложная оборонительная система. Внешняя крепостная стена здесь сложена из кирпича-сырца (размером 52 x 26 x x 100 см) и имеет арочный проход глубиной более 4 м. Боковые и верхние части прохода укреплены каменной стеной с фланкирующими полукруглыми в плане башнями. Вторая стена шла вдоль обрыва, параллельно внешней, по краям вход защищали две башни. Таким образом, проход городища был укреплен двумя оборонительными стенами с башнями.

Калаи Хисорак (площадью более 5 га) состоит из цитадели и шахристана. Цитадель включает три разноразмерных участка, отделенные друг от друга обрывами. Первый из них, в плане треугольный, расположен в северо-западной половине городища. Он особенно сильно разрушен, и его культурный слой сохранился на небольшую высоту. Здесь собрана красноангобированная керамика, относящаяся, по-видимому, к первым векам и V—VIII вв. н. э.

Второй участок (рис. 13, 2) вытянут с востока на запад на 46 м, с севера на юг по западной стене на 15 м и по восточной — на 30 м. Здесь сохранились остатки более 10 сводчатых помещений со сводчатыми перекрытиями, имеющих хозяйственное назначение. В северо-восточной части нами найдены три стены одного помещения, обмазанные ганчем. Контуры и своды некоторых помещений этой части были отмечены еще в 1948 г. О. И. Смирновой. Стены помещения внизу сложены из камней, а выше из кирпича-сырца размером 52 x 25 x 10 см. Своды сложены приемом наклонных и поперечных отрезков.

Третий участок цитадели расположен к востоку от двух первых. В плане он имеет прямоугольную форму и вытянут с востока на запад вдоль южного обрыва на 45 м, вдоль северного — на 30 м, с юга на север — на 100 м. В южной и северной его частях высятся стены отдельных помещений. Так, на севере сохранились все четыре стены сводчатого помещения на высоту более 3 м. Помещение прямоугольной формы вытянуто с востока на запад на 22 м и с севера на юг на 3 м. На высоте 70 см от современной поверхности пола хорошо видна пята свода, сложенного из кирпича-сырца размером 50 x 26 x 10 см приемом наклонных отрезков. Стены помещения внизу возведены из камней, а сверху — из кирпича-сырца вышеупомянутого размера. Это помещение было крайним на северной части цитадели, поэтому толщина его стен достигала 2 м.

Примерно в центре южной части цитадели прослеживаются остатки стены какого-то монументального помещения размером 20 x 30 м. Восточная и западная его стены (толщиной 2 м) сохранились более чем на 1,5 м. К югу от него расчищены контуры еще двух больших залов; по-видимому, здесь находились жилые и парадные дворцовые помещения (рис. 13, 3). От юго-восточного угла цитадели в шахристан вела дорога шириной 3 м, проложенная по верху каменной стены, служившей ее основанием. Строения шахристана в основном были из камней. Остатки домов сохранились в виде каменных холмов различного размера.

Городище Қалаи Хисорак — самое крупное, наиболее защищенное поселение Матчи. Недостатком его было отсутствие воды, которая поступала сюда из родника у современного кишлака Падаск по кубурам на расстояние 3—4 км. Исследование этого городища чрезвычайно важно для решения многих политических, экономических и социальных вопросов совсем еще неизученного района. Из мугских документов видно, что его не миновали бурные события начала 20-х годов VIII в. В свете данных мугских документов Мадрушкат был тогда и центром кожевенного производства (Якубов, 1979, с. 87—93).

В горном Согде не найдены или, точнее, не раскопаны памятники типа Аултепе в Нахшабе (Кабанов, 1958, с. 144—145; 1981, с. 38—79; Нилсен, 1966, с. 135—139). Аултепе можно назвать замком феодала, так как он был двухэтажным и в нем было несколько десятков помещений хозяйственного и парадного назначения. В

районе замка расположены более мелкие поселения — Малый Кызтепа, Нарайтепе и Холмотепе. Обитатель этих поселений, несомненно, был подданным аристократа, жившего в Аултепе (Кабанов, 1980, с. 124). Аултепе (площадь 34 х 34 м) относится к кругу памятников типа Балалыктепе, Джумалактепе и Зангтепе в Тохаристане, Калаи Боло в Фергане и Уртакурган и Чильхуджра в Уструшане. К этой группе можно, казалось бы, отнести и замок Бадасия в окрестности Пайкента (размером 24 х 22,5 м). Однако Г. В. Шишкина, по-видимому, правильно относит замок Бадасия к категории рабатов, которые были в округе Пайкента в VIII—X вв. н. э. (Шишкин, 1973, с. 102); возможно, жители его больше были связаны с ремеслом и торговлей, чем с земледелием.

Что касается третьего раскопанного здания, под Кафыркалой (близ Самарканда), то оно скорее всего играло совершенно иную роль: Г. В. Шишкина справедливо называет его сельской усадьбой земледельца (Шишкина, 1961, с. 222; 1977, с. 67). Правда, В. А. Нильсен предполагал, что это — погребальная дахма (Нильсен, 1966, с. 95). Но оснований для такого определения у нас нет. Известные науке Дахмы в современных Иране и Индии представляют собой закрытые со всех сторон здания. На крыше они имеют огражденную площадку с отверстием в центре. Кости после очищения бросают через отверстие в глубокий колодец, скрытый внутри дахмы (Асмусин, 1348, с. 121). Среднеазиатские зороастрийцы кости своих покойников после очищения забирали для хранения в семейном наусе, дахмы же здесь были монолитными сооружениями без внутренних помещений.

Примерно о таком сооружении в Бактрии и Согде сообщает Страбон (Страбон, 1964, с. 488). В дахме трупы очищали птицы и поэтому их оставляли на открытом месте, а не в закрытых сводчатых помещениях типа здания под Кафыркалой, как предполагает В. А. Нильсен. Вряд ли помещения нижнего этажа служили местом для разложения трупов, т. к. они снабжены продухами, которые создавали сквозняк и тем самым задерживали бы процесс разложения.

По нашему мнению, здание под Кафыркалой — это усадьба садовника-виноградаря, специализировавшегося на заготовке зеленого кишмиша (кишмиши сабз). Как известно, такой кишмиш сушат не на солнце, а в тени помещения, стены которого имеют сквозные продухи. Помещения для сушки называют сояхона (помещения для тени). Такие сояхона до сих пор имеются во многих районах Средней Азии, в том числе в Самаркандской и Кашкадарьинской областях УзССР. Таким образом, скорее всего помещения нижнего этажа усадьбы под Кафыркалой служили для сушки кишмиша. Возможно, что в помещениях 17—19 разводили огонь для его сушки и обработки.

Когда замок обживался вторично, многие его помещения, в том числе и 19, находились в аварийном состоянии и были заложены. А помещение 17 вновь использовалось по первоначальному назначению. Нам кажется, что здесь можно выделить два пе-

риода. В первом была сооружена его центральная часть, планировка которой была аналогична зданию в сел. Филмандар (калаи Филмандар) и относится к этому же времени.

Во втором периоде были построены обходной коридор и помещения вокруг него, т. е. произошло расширение здания; при этом в наружных помещениях не было продухов, подобных продухам пом. 19 и 17. Какие-то помещения располагались тогда к востоку от помещений 18—21 и 15—17, но они не сохранились.

Жилые помещения в замке под Кафыркалой находились на втором этаже, и их, видимо, было больше, чем полагают вышеупомянутые исследователи. Поскольку помещения второго этажа были скорее всего более легкого типа (возможно, даже каркасные), они могли охватывать не только центральную часть здания. Мы придерживаемся того мнения, что здание под Кафыркалой является усадьбой крупного землевладельца, у которого была большая виноградная плантация. Кишмиш — ценный сорт и всегда был предметом экспорта.

Таким образом, все три здания имели разное назначение. Памятники этого типа преимущественно находились на равнинной части.

2. Генезис поселений от раннего средневековья до современности

Вопрос о появлении и сложении сельских поселений является одним из малоизученных и нерешенных вопросов истории народов Средней Азии. Для решения данной проблемы у нас все еще нет достаточных материалов. Сообщения письменных источников весьма скудные. «История Бухары» является единственным источником, который дает нам косвенное сообщение о появлении раннесредневекового селения. Как известно, говоря о завоевании Кутайба ибн Муслимом Бухары, автор пишет, что, завоевав город, Кутайба приказал жителям отдать арабам половину своих домов и состояния. В Бухаре была группа (кавме) людей, которых называли кашкашон. Эти люди не являлись дихканами, но были «благородного» происхождения, из семей купцов, считались очень богатыми и уважаемыми людьми. Не желая жить вместе с арабами, они в знак протеста оставили свои дома и состояние и ушли за город, где построили 700 замков. Вокруг замков построили дома «для чакиров и родственников» (Наршахи, с. 36—37). Это сообщение было привязано к археологическим материалам, и на основе его был сделан вывод, что домусульманские раннесредневековые города-шахристаны состояли из отдельных усадеб (Якубовский, 1951, с. 10; Лавров, 1950, с. 153).

Сейчас эта «усадебная теория» о составе средневекового города в нашей науке отвергнута (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973, с. 8, 47).

Сообщение Наршахи послужило также основой для заключения о характере сельских поселений — замков в Средней Азии V—VIII вв. Опираясь на сообщения Наршахи и данные о раскопках замков в Хорезме, В. А. Лавров утверждал, что «население

усадьбы-кеда состояло из главы дома «кедхуда», членов его семейства и родственников, живших в центральном жилом доме—кешке, «кедиваров» — клиентов и «чакиров» — рабов. Хозяйственные постройки находились внутри стен усадьбы, окружавшей «кешк» (Лавров, 1950, с. 39). Таким образом, В. А. Лавров считал, что во дворе замка могли находиться жилые помещения для слуг и хозяйственные постройки (там же, с. 40).

Надо отметить, что В. А. Лавров неправильно перевел слова «кедивар» и «чакир». Слово «кедивар» означает не клиент, а обитатель кеда (Баргольд, 1969, с. 209), а «чакирами» называли воинов из числа свободных людей.

Кроме того, напомню, что Наршахи сообщает не о дехканах (феодалах), а о торговцах, у которых для охраны караванов были дружины чакиров. Поэтому предлагаемое В. А. Лавровым толкование состава сельских поселений типа замков нельзя признать правильным. Однако из сообщения Наршахи можно заключить, что в результате переселения в раннесредневековой Средней Азии могли появиться новые селения, которые состояли из замков, населенных одной большой патриархальной семьей или несколькими семьями. Но вряд ли это был единственный путь появления и сложения сельских поселений.

При раскопках поселения Холикназар в среднем течении р. Магиан (в горном Согде), получены важные материалы, позволяющие проследить структуру и динамику развития сельских поселений древнего времени из одного дома-здания. Полностью раскопанное поселение Холикназар показало, что первоначально оно состояло из одного здания — 20 х 20 м, с двойной крепостной стеной с многочисленными стреловидными бойницами, прямоугольными башнями. Промежуток стен шириной 5 м играл роль обходного коридора. Вынесенная на 3,5 м наружу от второй линии стен башня также была снабжена бойницами. Замок, по всей вероятности, с трех сторон — южной, восточной и северной — был окружен неглубоким рвом.

Во втором периоде (I—IV вв. н. э.) в результате расширения замка обходной коридор был превращен в сводчатое помещение. Прямоугольные башни с бойницами потеряли боевое значение и использовались как хозяйственные (бойницы были заложены), фортификационным сооружением второго периода являлась внешняя стена со рвом (Исаков, 1976, с. 251—257).

В раннесредневековом периоде поселение Холикназар, которое продолжало развиваться, приспосабливается к нормам феодальной жизни, к новым архитектурно-строительным приемам, возникает замок на цоколе. Застройка же двух предшествующих периодов (II—I вв. до н. э. — I—IV вв. н. э.) использовалась в качестве цоколя здания V—VI вв. Размеры его достигают 50 х 40 м. Если бы поселение в начале VI в. не было разрушено, то в VII—VIII вв. оно стало бы одним из крупнейших в горном Согде. Динамика развития Холикназара — это путь появления селения одного дома, одной семьи.

Однокомнатные усадьбы (хутора) встречались в Средней Азии еще в канун Октябрьской революции, но раньше (в XIX и XVIII вв.) их было больше. Так, например, этнографы отмечают, что в Дарвазе и Каратегине кишлаки Мадингот, Сариджангал, Сариджар, Саришухон и Одилобод состояли из одного дома, в котором жили члены одной семьи (Кисляков, 1939, с. 100; Писарчик, 1970, с. 16). *Таким образом, при благоприятных условиях* эти однодомные усадьбы со временем превращались в многодомные селения. Другой пример: раньше в Дарвазе кишлак Анджирок состоял из одного дома-семьи выходцев из селения Хек, а потом здесь же поселилась вторая семья, принадлежащая к тому же роду. Другой кишлак — Даштилич тоже состоял из одного дома-семьи выходцев из селения Ризвай, а потом сюда пришли еще несколько семей из того же Ризвая и Ширга (Писарчик, 1970, с. 16).

По сообщению М. С. Андреева, в долине Баджу, на Памире, дома-хутора были преобладающим типом расселения. Они встречались также в долине Хуфа и в других районах Бадахшана и в основном располагались на вершинах холмов в труднодоступных местах (Андреев, 1958, с. 422).

По сообщению М. М. Иванина, в XIX в. в Хивинском оазисе имелись многочисленные, расположенные поблизости друг от друга, хутора-селения, в которых жили по одной, две или три семьи, большей частью родственники (Иванин, 1863, 4, с. 110).

К сожалению, такими данными по истории кишлаков Верхнего Зеравшана мы не располагаем; этнографы этим вопросом еще не занимались. Однако известно, что в конце XIX в. в Верхнем Зеравшане небольших кишлаков-селений было много. Например, по данным 1870 г., в кишлаке Нофин было 4 дома, в Маргузаре — 4, Новчормагзе — 4, Филмандаре — 6, Равосе — 4, Пуде — 5 и Даштимиене — 5. (Соболев, 1874, с. 195).

Нофин и Филмандар существовали еще в V—VII вв. Мы уже отмечали, что в замке Нофин жила одна большая патриархальная или две небольшие семьи, в замке Филмандар — одна большая патриархальная семья. Следовательно, в течение 1500 лет Нофин из однодомного превратился в четырехдомное, а Филмандар в шестидомное селение (о причинах столь медленного развития Нофина, Филмандара и других кишлаков Верхнего Зеравшана речь пойдет дальше).

Таким образом, перед арабским завоеванием в горных частях Согда было три типа селений: однодомные хутора, такие, как замок на горе Муг-Абаргар, Калаи Мирон, Филмандор; поселки, состоящие из нескольких домов (Батуртепа), и крупные поселения (Гардани Хисор, Кум), которые насчитывали до 35—40 домов. Судя по сообщению Наршахи, в равнинной части Согда были большие селения, такие, как Наршах, Занданача, Тававис, в которых, видимо, было много жителей и, наверное, несколько сотен домов. Эти поселения были укрепленными и вероятно, походили на иранские, туркменские и афганские селения XVIII—XIX вв. Их описания весьма подробны: «Иранская укрепленная

деревня представляет собой правильной формы квадрат или прямоугольник, обнесенный глинобитной стеной, вышиной от 6 до 10 м. По углам расположены круглые башни, имеющие в настоящее время лишь декоративное значение .... В одной из стен — огромные деревянные ворота с караульной башней наверху. Ворота, запирающиеся на ночь замком или подпираемые изнутри камнем, являются единственным входом в селение. Внутри стены расположены дома, которые фактически представляют вытянутые по длине стен комнаты, задняя стенка которых является частью стены, окружающей селение... Двери комнат выходят во внутренний общий двор. Каждая семья ютится в двух-трех таких комнатах, которые иногда располагаются таким образом, что между ними устраивается небольшой дворик. Комнаты обычно имеют куполообразную крышу, соединенную над всеми домами селения в одно целое. Встречается также и плоская кровля... В одних селениях имеются специальные (общие — Ю. Я.) загоны для скота, которые также устраиваются вдоль стен, а в других же скот ночует на площадке двора селения» (Розенфельд, 1951, с. 24). Сады, пашни, огороды и вода находятся за пределами стен. Численность населения в таких селениях бывает от одной-двух до 100 и более семей (там же, с. 25). Аналогично укрепленные деревни существовали в большом количестве в Хорасане, Сейстане, Исфагане, Фарсе, Хузистане и северо-западных областях Ирана (Березин, 1852; Власова, 1893; Стрельбицкий, 1895). В Афганистане все селения Герата были обнесены высокими стенами с тяжелыми воротами, заваливаемыми на ночь огромными камнями (Гродеков, 1880, с. 88—120).

Очень интересные данные об афганцах XIX в. приводит И. М. Рейснер: «Поля принадлежат главе семьи, который с 7—8 домами своих родственников занимает небольшой укрепленный форт, господствующий над обрабатываемой землей... Дома располагаются по внутреннему обводу стен, а их крыши служат платформой, откуда защитники форта могут вести огонь через бойницы в стенах. Свободное пространство в середине форта используется как загон для скота» (Рейснер, 1954, с. 133).

В таких же укрепленных селениях жили туркмены, каракалпаки и узбеки. Однако они, в отличие от персидских, являются поселениями хуторского типа. По существу, это отдельные усадьбы, окруженные толстыми и довольно крепкими глинобитными стенами, внутри которых расположены все хозяйственные постройки. Каждая усадьба является, таким образом, маленькой крепостью, и таких крепостей в стране почти столько же, сколько узбекских хозяйств (Магидович, 1926, с. 23). Все эти селения по структуре и назначению были близки к раннесредневековым укрепленным селениям Средней Азии.

Как мы видели на примере кишлаков Дарваза, Каратегина, Памира, путей сложения селения было два. Первый состоял в том, что в результате распада одной патриархальной семьи или одного дома появлялись более мелкие хутора, со временем пре-

вращающиеся в многодомные. Этот путь подтверждается археологическими материалами на примере Холикназара. Второй путь — сложение поселка из нескольких семей, прибывших из одного или разных кишлаков области.

Освоение новой территории происходило по разным причинам. Одной из них могла быть нехватка земли на старых местах. Я как-то спросил у первого председателя колхоза в Мадме, ныне пенсионера, 80-летнего М. Джураева: «Сколько домов и хозяйств было в Мадме, когда Вы создали колхоз?» Он ответил, что их было 145. Поскольку, по сообщению военной искандеркульской экспедиции 1870 г., в Мадме в то время было 150 домохозяйств, я поинтересовался, почему здесь хозяйств стало меньше? М. Джураев ответил так: «У нас раньше земля была частной, у одного было больше, у другого — меньше; и в зависимости от дохода земли зависело увеличение семьи. Если земли было мало, а семья росла, взрослые сыновья уходили из дома в поисках новых земель и работы. В доме оставались родители и один или два сына, т. е. столько людей, чтобы доходы могли их обеспечить. Старшие сыновья уходили после уборки урожая, к весне возвращались, но потом они находили постоянную работу и вместе с семьею уходили навсегда. Сейчас в Самарканде, Бухаре и Джизаке живет много выходцев из Мадма. Так было и в других селениях Верхнего Зеравшана». В течение 20-летней работы на памятниках Верхнего Зеравшана я многим задавал этот вопрос и ответ постоянно был тот же, какой я слышал из уст М. Джураева.

М. С. Андреев, изучая селения долины Хуфа на Памире, отмечал, что «при концентрировании домов в одном месте площадь окружающих селение полей имеет строго ограниченные местными условиями пределы и может прокормить только соответствующее ограниченное число людей. Это определяет размеры хуфского селения» (Андреев, 1958, с. 31). Следовательно на Памире и в горном Согде малоземельные кишлаки не могли прокормить большое число людей; поэтому количество домов и людей в них не могло постоянно увеличиваться. Кишлаки росли только до определенных пределов, которые зависели от размеров посевных площадей и доходов от земли данного селения, т. е. от экономических условий данного района.

Другой причиной переселения на новые земли могли быть нашествия врагов, в результате которых люди, лишившиеся дома и земли, уходили в поисках более безопасных мест, осваивали новые земли и строили новые поселения. Такой случай, как мы видели, описал Наршахи, рассказывая о завоевании арабами Бухары. Наршахи сообщил и о «движении Абруя» — уходе богатых людей Бухары и основании нового города Джабуката. Известно также сообщение Табари о восстании согдийцев в 722 г. и уходе их из родных мест в сторону Ферганы и Исфары. Подобных случаев в период раннего средневековья, во времена феодальной раздробленности и междоусобиц в Средней Азии было много.

Для решения вопроса о новых поселениях в V—VIII вв. нема-

лое значение имеют также данные лингвистик о названиях городов и селений. Археологические исследования окрестностей современного кишлака Шашкат на Верхнем Зеравшане показали, что в раннем средневековье здесь было шесть расположенных отдельно, на значительном расстоянии друг от друга, укрепленных поселений. Все они размещались на склонах или вершинах гор, в труднодоступных и безводных местах. А потом, очевидно, по взаимной договоренности, жители этих поселений спустились на более ровное место к воде и стали жить вместе; их селение стало называться Шашкат — шесть селений, в память о былых отдельных поселениях.

Как известно, название Пенджикент также состоит из двух слов — «пандж» (пять) и «кент» (селение). Возможно, до сложения города, на месте древнего домусульманского Пенджикента было пять селений, которые со временем слились в один город.

Большинство укрепленных селений, усадеб, замков, крепостей в Средней Азии относится к V—VIII вв. н. э., на что были вполне объективные причины. Во-первых, после распада Кушанского, а затем Эфталитского царства в Средней Азии отсутствовало централизованное государство, которое могло бы оградить селения и города от постоянных набегов кочевников-тюрков, которые тогда проникали во многие районы. Жить на равнинах без защитных крепостных стен со всеми оборонительными элементами было опасно, поэтому утолщаются городские стены многих городов Средней Азии. Изучение городской стены в Пенджикенте показывает, что с V и по VII вв. н. э. она периодически укреплялась и утолщалась. Время ее последнего утолщения относится к периоду появления арабов в Средней Азии (Маршак, 1964, с. 184—241; Беленицкий, Маршак, Распопова, 1974, с. 534). К этому же времени относится сооружение второй и третьей стен Самарканда (Афрасиаба) (Пачос, 1967, с. 71; Шишкина, 1969, с. 140).

Бояться приходилось тогда не только внешних врагов, но и постоянных междоусобиц между местными феодалами, от которых страдали беззащитные или плохо укрепленные город и села. Для того, чтобы строить вокруг селения большие толстые оборонительные стены, нужны были силы, средства и время, а у многих поселений того периода таких возможностей не было. Поэтому жители вынуждены были строить свои дома и кишлаки на естественных, недоступных для врага местах. Поселения же, расположенные на открытых местах, имели оборонительные стены. Каждое селение, каждая усадьба или замок были рассчитаны на самооборону.

После того как арабы завоевали Среднюю Азию, здесь образовалось централизованное государство. Кочевники, нападавшие на земледельческие районы Средней Азии, отступили за ее пределы. Сначала арабские эмиры, затем местные правители из династий Тахиридов и Саманидов в IX—X вв. обеспечили городам и селениям Средней Азии относительную безопасность. Уцелевшие и оправившиеся после нашествия арабов среднеазиатские поселения вновь начали быстро развиваться, выходя за пределы

их защитных стен. Люди перестали строить новые оборонительные стены вокруг городов и селений. Одновременно жители сельских мест стали покидать укрепленные замки, крепости, селения, расположенные на высоких, труднодоступных и безводных местах. Они спускались на более ровные, открытые, удобные и обеспеченные водой земли. Этот процесс хорошо прослеживается на Верхнем Зеравшане. Сходные явления отмечаются и в других районах Средней Азии. Именно этой причиной можно, видимо, объяснить наличие большого количества городищ, поселений, замков и укрепленных усадеб, относящихся к концу VIII и началу IX вв. н. э. Их запустение нельзя объяснить событиями арабских завоеваний, тем более, что арабы не вторгались в ряд труднодоступных мест Средней Азии.

Археологическое изучение Верхнего Зеравшана показывает, что 95% современных кишлаков располагаются у подножия древних и средневековых сельских поселений. При этом, как мы видели на примере Шашката, происходило объединение жителей нескольких замков. В современном Вору объединились для совместного проживания жители замков-усадеб Зоитуда, Хисорок, Бегвона и Мошу; в Урметане — население поселений Калаи Муг — Богитура, Калаи Урметан, Хисори Куниланга и Калаи Муг, расположенных на левом берегу Зеравшана; в Негнате — жители Пушката и Калаигурбек. Примерами такого рода могут служить и некоторые другие кишлаки современного Верхнего Зеравшана, в том числе Амондара, Кулоли и Рарз.

Не все причины такого объединения нам известны, но, возможно, мы не ошибемся, если предположим, что жителей малых разрозненных замков от совместного проживания на открытых местах удерживали страх и неспокойная жизнь раннефеодального времени. Конечно, в условиях малоземельных горных районов жители не могли позволить себе занимать под жилье большие участки. Поэтому во всех кишлаках дореволюционного периода дома стоят плотно друг к другу, не имея придомного участка, как это распространено в настоящее время в новых кварталах кишлаков Верхнего Зеравшана.

Многие селения даже после того, как жители спустились из труднодоступных мест, все же стояли на склонах: их жители не хотели занимать посевные орошаемые площади более ровных мест и старались построить свои дома на малопригодных для посева землях. Поэтому многие селения Верхнего Зеравшана имеют террасную планировку (Вору, Урметан, Дардар, Искадар, Хушакат и др.), что экологично связывает их с более древними поселениями, в том числе с Гардани Хисор. Очень возможно, что и в древности при выборе места для строительства домов руководствовались тем же стремлением не занимать под жилье пригодные для посева земли.

Укрепления поселений позднего периода Ирана, Афганистана и Средней Азии (Хорезма) тоже были связаны с феодальной раздробленностью, междоусобицами и набегами кочевых племен этого периода.

ГЛАВА III

СТРУКТУРА СЕЛЬСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

Во второй главе мы рассматривали, какие типы поселений существовали и пути их урбанизации. Теперь мы перейдем к проблеме структуры сложившегося сельского поселения и его членения на кварталы и дома.

1. СЕЛЬСКИЙ КВАРТАЛ

Вопрос о членении древних и средневековых поселений Средней Азии на кварталы все еще изучен слабо. Кварталы этого периода даже в городах почти не исследованы, не говоря уже о сельских поселениях. Сейчас, когда раскопаны полностью или частично такие памятники, как Гардани Хисор, Яккапарсан, Кум, квартал VII в. в предместьях раннесредневекового городища Кувы, появился материал для суждения данного вопроса.

Поселение в предместьях Кувы четко делится улицами на шесть частей, названных В. А. Булатовой кварталами. Таким образом, В. А. Булатова считает кварталом группу домов, изолированных улицами (Булатова, 1972, с. 20). По этому же принципу выделены кварталы древнего Пенджикента (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973, с. 23—24). В. Л. Воронина считает, что квартал в Пенджикенте «представлял собой массив плотно слитых жилых секций: очевидно, занимавшие жилые секции отдельные семьи не потеряли связи с родом. Образуя большую семейную общину, такой род занимал порой целый квартал, тянувшийся на 100—150 м». (Воронина, 1969, с. 187). Надо отметить, что плотность жилых домов не обязательно должна была объясняться родственными связями, для нее могли быть и другие причины. Во-первых, в это время из-за постоянных междоусобных войн люди старались жить компактно, близко друг к другу и даже вплотную. Во-вторых, они могли жить или строить дома скученно из-за нехватки площади. В третьих, с целью экономии строительных материалов люди по договоренности могли пристраивать свои дома вплотную друг к другу так, что они имели общие стены. И сейчас в сельской местности, да и в городах при строительстве нового дома соседи используют межевые стены таким образом, чтобы стена между домами и крыша оказывались общими. Такой экономный метод широко практикуется в Средней Азии. Ду-

мается, он мог использоваться и в интересующий нас период. Ведь недаром в народе говорят: «Здесь был большой город (или селение) и дома стояли так плотно друг к другу, что козленок не сходя на землю мог добраться от одного его конца до другого». *Плотная, сплошная застройка была, очевидно, характерна не* только для городов, но и сельских мест. Раскопки Гардани Хисор показывают, что дома там из-за плотности застройки, в отличие от современных домов таджиков Верхнего Зеравшана и других районов Средней Азии, не имели рядом даже небольшого сада.

Таким образом, судя по этнографическим наблюдениям, сплошная застройка не может свидетельствовать о родстве между собой жителей данного квартала. Не совпадает с данными письменных источников и этнографическими материалами и сам принцип выделения кварталов в городах и селах Средней Азии.

Автор истории Нишапура начала XII в. упоминает самые разнообразные названия кварталов города Нишапура, в том числе кварталы Абумуслим, Майдон, Насробод, Ариз, Нана Дорунбаг-абанд, Кун, Ханзакобод, Дарунбаг, Сарипул, Богак, Сарикуча и др. (Ал-Нишобури, 1339, с. 123). Названия этих кварталов сами говорят за себя, и следует согласиться с О. И. Сухаревой, которая, изучая кварталы Бухары, писала, что членение городов на кварталы было закономерным: «оно коренилось в свойственном феодализму замыкании людей в ограниченных узкими рамками группах, объединенных *либо родственными узами или общим* происхождением из одного места, либо профессиональными связями, либо проживанием на общей замкнутой территории. Последнее и лежало в основе выделения жилых кварталов в структуре феодального города» (Сухарева, 1976, с. 13). Она отмечала также, что в «современном европейском понимании термин «квартал» — это группа домов, обычно занимающих площадь более или менее правильной прямоугольной формы, ограниченную со всех четырех сторон улицами. Улица отделяет один квартал от другого, и дома, стоящие по разным сторонам ее, относятся к разным кварталам. В среднеазиатском городе, наоборот, улица соединяла живших на ней людей, была центром, сердцевиной квартала. Квартал включал в себя все дома, стоящие по обеим ее сторонам и отходящих от нее переулков и тупиков» (Сухарева, 1976, с. 13). Кварталы Бухары, Ура-Тюбе, как и других городов Средней Азии, имеют самые разнообразные названия. Таким образом, принцип деления на кварталы в Нишапуре в начале XII в. совпадает с принципом деления на кварталы в Бухаре XIX—XX и Ура-Тюбе XX вв. (Мухтаров, Косимов, 1975).

По вышеприведенному принципу выделяются кварталы и в современных таджикских кишлаках. Например, селение Мадм, где расположен Гардани Хисор, делится на четыре квартала: Кала (квартал, расположенный рядом с крепостью), Мирон, Канда и Парвог. Квартал Парвог появился при Советской власти, *остальные три существовали еще до революции.* Четыре квартала имеются и в Куме: Курбониен (в этом квартале живут потомки

некоего Курбона), Чукурак (квартал, расположенный в котловине), Миена (средний) и Шишкиен. Кварталы состоят из 5—10 домов. Раньше кварталы были расположены на значительном расстоянии друг от друга. Сейчас же они как в Мадме, так и в Куме разрослись и сливаются друг с другом. Принципы членения на кварталы одинаковы во всех селениях Верхнего Зеравшана. Например, в селении Рарз имеется семь гузаров-кварталов: хавлии Мирон (двор эмиров), гузари Эшонон, хавлии Хусейнон (двор потомков Хусейна), Гузорибекон, Сор, Саритуда, Чукурак и Мечетиджами (соборной мечети); в селении Оббурдон пять: гузари Навохин, Боло, Козио, Наврузие, Хавлии поен (Смирнова, 1950, с. 63—64). По этим же принципам выделяются кварталы и в других селениях Таджикистана. Например, в кишлаках Дарваза и Каратегина кварталы состоят из одной или нескольких групп домов, которые, в зависимости от типов планировки данного селения, построены компактно или разбросанно: «Границы кварталов в мелкогнездовых скученных селениях, где между группами домов располагаются поля, определяются четко, в крупногнездовых же скученных селениях (к. Сафедорон) граница квартала нередко проходит не между группами домов, а, как и в равнинных селениях и городах, внутри групп домов, по их задним соприкасающимся стенам» (таджики Каратегина и Дарваза, с. 17).

Таким образом, принципы обозначения, а в густонаселенных местах членения кишлаков на кварталы оказываются такими же, как и в городе. Вероятно, в домусульманских городах и селениях Средней Азии традиция выделения кварталов была такой же, как в X—XII вв. и XIX—XX вв., и, следовательно, выделять в среднеазиатских домусульманских городах кварталы по улицам было бы неправильно.

Исходя из вышеприведенных принципов и признаков, в Гардани Хисор можно выделить несколько небольших кварталов. Например, дома V, XVIII, XXI—XXII, расположенные в начале третьей улицы, составляли один квартал, а дома XII—XV, XVII и XIX, расположенные по четвертой улице, — второй. Жители второго квартала проходили по оборонительной стене прямо к воротам. С остальными же домами поселения они могли общаться только через входные постройки. Дома IV, VI—X, XVI и XX могли составлять третий квартал. Жители домов I—III и XI, возможно, были связаны с домами, расположенными к северо-западу от них, которые разрушились в результате обвала. Таким образом, в Гардани Хисор было не менее четырех кварталов, каждый из которых включал от 4 до 8—10 домов. Общественным центром квартала служило домашнее святилище. Для жителей первого квартала таково было святилище в доме IV. Во втором квартале оно не обнаружено. Однако поскольку в состав этого квартала входил богатый двухэтажный дом, можно полагать, что святилище помещалось на втором, не сохранившемся его этаже. Как свидетельствуют материалы древнего Пенджикента, богатые дома там имели домашнее святилище и некоторые из них были

расположены именно на втором этаже (см. например, объект XVI; раскопки автора).

Квартал в городе был не только территориальной ячейкой, но играл и административную роль. Раис управлял городом через квартальных старшин (Сухарева, 1976, с. 17). Какой была роль квартала в катах VII—VIII вв., мы точно не знаем. Однако, судя по данным письменных источников, в согдийских катах были старосты, выполнявшие ту же роль, что и раис в городе. В дореволюционных кишлаках в каждом махале-квартале имелись старейшины (мусафедон). Роль старейшин часто выполняли муллы. Возможно, в домусульманских катах подобными функциями были наделены маги, которые могли в своем лице совместить старосту, лекаря, учителя и ученого (см. ниже).

Раскопки Гардани Хисор, Кума, Яккапарсана, Тешиккалы и поселения в предместьях Кувы показывают, что они построены по предварительно разработанному плану. Деление их на замок и поселение соответствует двухчастному делению города на диз и шахристан. В крупных селениях замок также назывался дизом или кухандизом. Наршахи, например, сообщая о больших бухарских селениях Зандане, Баркане и Наршахе пишет, что они имеют кухандизы (Наршахи, 1317, с. 18—19). Сообщение Наршахи говорит о двухчастных бухарских селениях и позволяет полагать, что такие селения были типичны не только для Согда, но и для других районов Средней Азии. Об этом же свидетельствует планировка Гардани Хисор и Кум (в Согде). Яккапарсан и Тешиккала (в Хорезме), Актепе у Артыка (в южной Туркмении) и Актепе Юнусубада (в Чаче). Эти поселения при благоприятных условиях могли развиваться и стать городом.

Жилой дом является отражением сложной, многогранной истории развития материальной культуры того или иного народа. Он отражает достижения строительной техники, архитектурно-планировочных приемов, уровень хозяйства и его основного направления, занятия населения, классовые отношения и имущественные различия, формы семьи, особенности культуры, искусства, обычаев, религиозных верований и этнической принадлежности данного народа в данную эпоху. Поэтому изучение сельского дома, его сложения относится к числу актуальных вопросов истории народов Средней Азии, в том числе таджикского — самого древнего здесь оседлого народа. Такое изучение тем более важно, что оно пока лишь начинается.

На поселении Гардани Хисор раскопано двадцать два дома. При выделении их учитывалось следующее: 1. Дом должен быть изолирован глухими стенами и иметь отдельный выход на улицу. 2. Дом должен иметь очаг для приготовления пищи, выпечки хлеба и отопления. 3. Дом должен иметь места, где жители могли бы сидеть, спать и заниматься домашними делами. 4. В доме должно быть определенное место для хранения продуктов, рассчитанных на количество дней года (Якубов, 1975, с. 546). Если отсутствует хотя бы один из вышеперечисленных признаков, то,

по-видимому, нельзя будет считать его жилым домом. Еще одного (пятого) признака сельского дома — наличия помещения для скота — в Гардани Хисор не было, как и в других памятниках Средней Азии этого периода. Вероятно, жители раннесредневековых селений свой скот держали за пределами поселения, т. е. так, как это отмечается и сейчас в селениях Верхнего Зеравшана — в кишлаках Анзоб, Рашна, Канте и др. Как мы уже видели, в замке Абаргар помещения для скота находились на нижней террасе, недалеко от воды. Видимо, так же размещался скот и в других местах раннесредневекового Согда.

Почему мы предлагаем 4—5 принципов определения отдельного жилого дома? Потому что от правильного выделения их зависит решение ряда важных вопросов, в том числе выделение жилищ малых и больших семей, подсчет количества семей в средневековых поселениях, демографические и социальные определения и т. п. Для выделения жилой ячейки отдельной семьи существуют многие трудности, и главная из них та, что до нас доходят не все помещения дома.

Как известно, многие дома в городе и даже в сельских местах этого периода были двух-, а иногда даже трехэтажными. Как правило, помещения второго этажа не сохранились, поэтому точно установить, сколько комнат было в двухэтажном доме, невозможно.

А. М. Беленицкий, говоря о домах Пенджикента, отмечает, что «... при слитности застройки, когда каждое жилище непосредственно примыкает к другому, когда к наружной стене одного жилища пристраивается впритык другое, расчленить весь квартал на самостоятельные жилища — домовладения — оказалось задачей достаточно трудной. В некоторых случаях предполагаемое членение или выделение из всего массива такого домовладения является спорным, либо требующим добавочного исследования» (Беленицкий, 1973, с. 25). К этому справедливому наблюдению А. М. Беленицкого следует добавить, что хотя в Пенджикенте раскопана значительная часть города, там нет домов, где бы целиком сохранились помещения второго этажа. Поэтому у нас нет основания судить о количестве комнат в домах горожан древнего Пенджикента.

В. Л. Воронина пишет, что аристократические семьи Пенджикента занимали в первом этаже до 20 помещений, общей площадью до 900 м² (Воронина, 1969, с. 189, р. 4). Однако эти данные не точны, так как секция объекта III, которую В. Л. Воронина приписывает одному аристократу, состоит из двух совершенно самостоятельных домов, что заметил руководитель раскопок этого объекта О. Г. Большаков и подтвердил А. М. Беленицкий (Большаков, 1964, с. 9—96; р. 2; Беленицкий, 1973, р. 5). О самостоятельности этих двух домов свидетельствуют изолированные входы с айванами, со стороны улицы. Кроме того, стена между этими домами двойная. Скорее всего их жители не были связаны родством между собой, иначе стена между их домами была бы од-

на. В Пенджикенте раскопано уже много богатых домов, которые четко выделены исследователями как самостоятельные секции (Большаков, 1964, с. 92—120; Ставиский, 1964, с. 122—169; Маршак, 1964, с. 183—226; Зеймаль, 1964, с. 215—264). Однако из-за того, что не сохранились помещения второго этажа, трудно установить, сколько в каждой из них было комнат. Не установлено с достаточной определенностью количество комнат и в домах других слоев горожан. Двухкомнатный дом, который В. Л. Воронина приписывает бедному горожанину, также имел второй этаж и состоял не из двух, а, возможно, из четырех комнат (см. Зеймаль, 1964, с. 246, р. 1).

В домах сельских поселений количество комнат установить легче, чем в городе, так как многие из них были одноэтажными и среди них есть такие, в которых помещения сохранились (полностью или частично). К сожалению, не все исследователи уделяют достаточное внимание этому вопросу. При выделении дома не учтены необходимые признаки отдельной жилой ячейки для одной семьи. Например, очень важный материал для изучения сельского и городского дома дает раскопанное В. А. Булатовой поселение в пригороде Кувы. Однако не все вскрытые помещения в публикации описаны достаточно подробно. Некоторые комнаты упоминаются в тексте, а на плане их нет (5, 8, 56, 60, 63, 71, 78—80). Во многих помещениях не ясно, имели ли они дверные проемы. При определении количества комнат в домах не учтены помещения второго этажа (Булатова, 1972).

В поселении Карабулак не только не выделены отдельные дома, но отсутствуют описания многих помещений (Брыкина, 1974).

В понятие сельского хорезмийского дома включен иногда целый замок, в котором скорее всего жило несколько самостоятельных семей (например, замок № 28) (Неразик, там же, с. 172); нам кажется, что замок № 28 вернее считать небольшим селением.

2. РЯДОВЫЕ ДОМА

Дом в поселении Гардони Хисор — это самостоятельная жилая ячейка, жилище отдельной малой семьи. Такие дома имели одну, две, три и четыре комнаты.

1) **Однокомнатные дома** состоят из одного помещения площадью от 22 до 46 м². Среди них только один дом (I) четко разделен на три части: а) прихожую с очагом, б) среднюю часть с большой П-образной суфой и в) хозяйственную половину, где были расположены 8 разных размеров хамба (зернохранилища) (рис. 14).

В другом однокомнатном доме (X) хозяйственная часть не выделяется, хамба расположены на суфе. В отличие от дома I очагов здесь два: один не на полу, а на суфе, другой — на полу, но пристроен к стене суфы. В доме X суфа идет вдоль всех стен комнаты. В доме I, справа от очага, находится небольшая суфа, где, возможно, держали посуду или запасное топливо (рис. 14).

В доме X, справа от очага, раскопано нишеобразное сооружение. Судя по этнографическим материалам, во многих домах жителей Верхнего Зеравшана рядом с очагами-мури имеется такое же, хотя и более крупное нишеобразное сооружение, где держат запас дров — хезумдон (Давыдов, 1973). Возможно, и в доме X нишеобразное сооружение служило для дров.

Третий однокомнатный дом VI по размерам меньше, чем первый. Его площадь около 17 м². Комната не так четко разделена на части, как в доме I. На восточной суфе вдоль стены расположено пять хамба, обмазанных ганчем. Единственный очаг устроен на полу, но не имеет приспособления для котла и выпечки лепешек. Возможно, в нем приготовляли пищу, как на костре, и пекли хлеб кумач (рис. 14) (см раздел об очагах).

Третья однокомнатная секция VII (52) по планировке и устройству мало отличается от дома V. Возможно, что между жителями домов VI и VII существовали какие-то родственные связи,

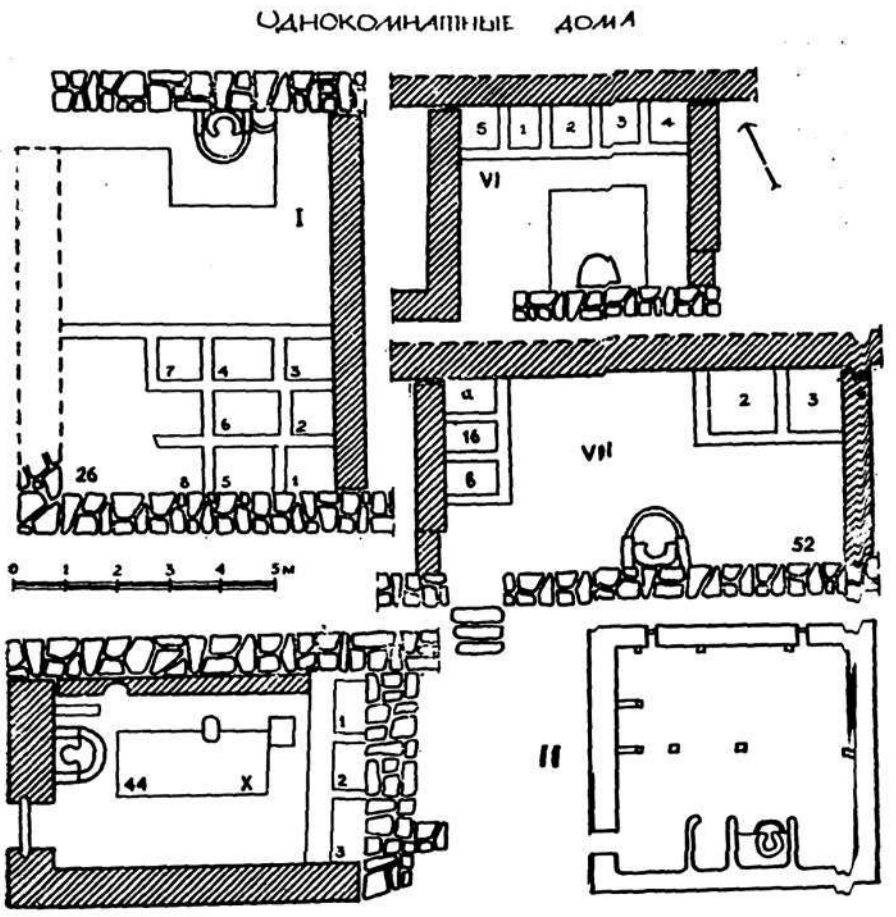


Рис. 14. Планы однокомнатных домов в Гардани Хисор

так как первоначально эти две комнаты составляли единый дом, и лишь позднее дверной проем, который расположен в южной стене (эта стена является общей стеной между домами), был заложен, а комнаты стали самостоятельными жилыми ячейками, о чем свидетельствуют свои в каждом доме зернохранилища и очаги и отдельные выходы на улицу.

Вполне вероятно, что мы здесь имеем дело с разделением одной семьи на две части. Дело в том, что дом VII в основном состоял из зернохранилищ. Их было 5 и занимали они большую часть комнаты. В доме VI закрома стоят на суфе и они построены позже, а раньше комната была жилой. После разделения обе комнаты были приспособлены для жилья. В доме VII были ликвидированы два зернохранилища, а освободившаяся площадь использовалась для жилья.

В Куме однокомнатные дома еще не найдены, но там уже раскопан двухкомнатный дом, который впоследствии был приспособлен для проживания двух отдельных семей. Возможно, здесь мы, как в домах VI и VII Гардани Хисор, имеем дело с перепланировкой помещений с целью изоляции части дома, для удобства проживания двух семей. Однокомнатные секции поселения Кум, так же как Гардани Хисор, имеют хамбы, очаг для приготовления пищи и суфы вдоль стен, где проходила жизнь семьи.

В раскопанной части Яккапарсана отсутствуют однокомнатные дома. Как было отмечено выше, обходной коридор был распределен между жителями Яккапарсана, и дома, которые получили части этого коридора, увеличились на одну комнату: однокомнатные стали двухкомнатными, двухкомнатные — трехкомнатными, а трехкомнатные — четырехкомнатными.

Однокомнатные дома раскопаны на поселении Кувы, но из-за отсутствия подробного их описания мы не можем их сравнить с домами Гардани Хисор и Кума.

Однокомнатные дома горного Согда сопоставимы с аналогичными домами позднесредневекового города Отрара: в них мы находим и сплошные суфы и закрома. В отличие от однокомнатных домов Гардани Хисор в Отраре перед домом находится айван, а в доме чахлак (танур) вкопан в суфу; они в этом отношении похожи на дореволюционные дома Дарваза, Каратегина и Памира. Площадь однокомнатного дома Отрара вместе с айваном составляет 32,5 м², а жилого помещения — 16 м². (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1982, р. 3, а, с. 124).

Нами исследовано более десяти однокомнатных дореволюционных домов в разных кишлаках Верхнего Зеравшана, в том числе два из них в сел. Мадм, где находится Гардани Хисор. По планировке они почти схожи друг с другом. Возьмем два дома в Мадме: дом Х. Бабаева площадью 26 м² построен его дедом, примерно где-то во второй половине XVIII в. (рис. 14, 11). Дом делится на две половины — очажную и жилую. Жилая часть отделяется от очажной суфой. Раньше справа от очага, вдоль стены располагались 4 хамбы. Они были во всех домах Мадма и исчез-

ли лишь в начале 60-х годов XX в. после появления муки в магазинах.

Второй однокомнатный дом имеет точно такой же план, но площадь его 32 м². Хамбы в нем были в виде трех ям (чагора, чох) глубиной 1,5 м в полу. Чагоры имели деревянную крышку, были закрыты паласом, на них сидели и спали. Среди этнографических материалов встречаются однокомнатные дома с более сложной планировкой и внутренним интерьером. Таков, например, дом Бабаева М. в с. Газа Пенджикентского района, построенный в начале нашего столетия. Он состоит из одного большого помещения, которое внутри разделено на три части: чистую, где сидели и спали, прихожую и очажную. Вдоль стены чистой части расположены две хамбы, в стенах — семь ниш, две ямы-зернохранилища — в полу. Стены очажной части дома имеют вид подковы (Давыдов, 1973, р. 44). В очажной части построены три разномерных очага для приготовления пищи и выпечки лепешек. Такое деление современного дома совпадает с делением дома I Гардани Хисор. Однако очажная часть в современных домах более развита и отделена от остальной части дома стенкой с проемом.

2) **Двухкомнатные дома** Гардани Хисор по планировке не всегда сходны друг с другом. Дом III состоит из узенького коридора и двух комнат, с общей площадью 34 м². Одна из них (33) служила амбаром, вдоль ее южной стены расположены 5 зернохранилищ, площадью 7 м², а на суфах стояли большие и малые хумы (рис. 15, 15а). Планировка помещения 33 отличается от других амбаров тем, что в ней почти вдоль всех стен имеются суфы (как правило, комнаты с суфами являются жилыми, а амбары, или кладовые, суф не имеют). Отметим, что суфы сооружены после зернохранилищ, так как южная суфа пристроена к их стенам.

Вторая комната в отличие от первой была только жилой. Вдоль южной и западной стен расположена Г-образная суфа. У восточной стены очаг, единственный в этом доме.

План жилого двухкомнатного дома VIII отличается от дома III. Дом состоит из двух небольших комнат, площадью 20 м². Передняя (пом. 50) была жилой. Вдоль ее южной и восточной стен шла Г-образная суфа. В комнате было два очага: один — танури девори (см. раздел об очагах) для выпечки хлеба в сковородах, другой для приготовления пищи.

Вторая комната (пом. 49) разделена на две части. Вдоль восточной стены имелись два довольно больших зернохранилища. Вдоль западной и юго-западной стен тянулась суфа, где жители дома могли сидеть. Комната преимущественно играла роль амбара, вход в который вел через суфу из жилой комнаты. Такое размещение прохода в амбар было широко распространено в жилых домах Гардани Хисор, и эта традиция сохранилась до сих пор в жилых домах Верхнего Зеравшана (Давыдов, 1973, с. 89, р. 46). Однако это правило в Гардани Хисор соблюдалось не всегда. Например, в соседнем доме IX первой комнатой являлась кладовая, а внутренней — жилая, причем суфа в жилой комнате шла вдоль всех стен, а очаг стоял на суфе.

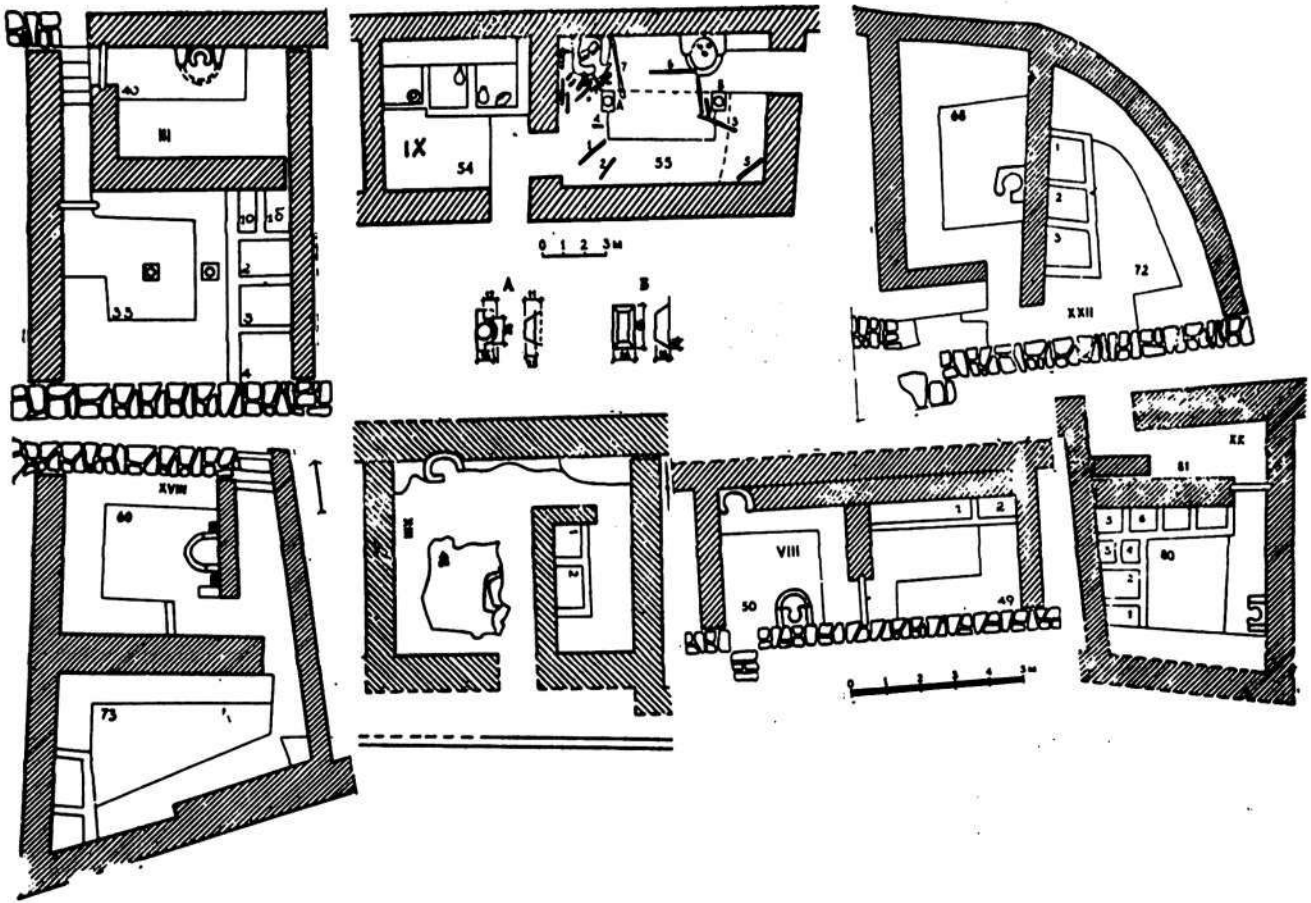


Рис. 15. Планы двухкомнатных домов в Гардани Хисор

Рис. 15*а* Дом III во время раскопок

В доме XIII интерьер и назначение комнат сходны с интерьером домов VIII и XI. В доме XIII жилая комната (48), как и жилая комната дома VIII (55), имеет два очага: один (танури деворн) для выпечки хлеба в сковородах, другой — для приготовления пищи. Суфа в этом доме оформлена по примеру домов IX и X.

Внутреннее устройство дома XX отличается от других двухкомнатных домов. Первая комната, площадью около 6 м², возможно, играла роль вестибюля. Из него ход вел в большую комнату, площадью около 20 м². Вдоль стен комнаты шли суфы (западная суфа сохранилась плохо, также и западная стена). У южной стены выявлены остатки пристроенного сырцового сооружения, по-видимому, очага. Вдоль северной и восточной стен на суфах расположены 8 хамба. Комната, таким образом, была и жилой и хозяйственной.

В доме XXII одна комната (пом. 68) с суфами — жилая. У южной стены в ней был очаг для приготовления пищи. Вторая комната (72) из-за нехватки места имела треугольную форму. Комната служила амбаром, вдоль ее западной стены помещались три зернохранилища, а на суфах и на полу находилось много разбитых хумов. Вход в дом был со стороны айвана дома V. Можно предположить, что эти два дома были связаны между собой, и, возможно, мы здесь также имеем дело с разделением семьи.

Таким образом, в четырех двухкомнатных домах (VIII, IX, XXII, XIII), где жилая половина отделялась от хозяйственной, очаги для приготовления пищи и хлеба находились в жилой комнате. В хозяйственных, т. е. в амбарах, стоят хамба и на свободных местах хумы и хумчи. За исключением хозяйственной комнаты дома XIII, суфы имеются не только в жилых, но и в хозяйственных помещениях. В доме XX одна маленькая комната, перед входом, суфы не имела, а другая, большая, — с суфами, на которых расположены 8 хамба. Очаг для приготовления пищи тоже находился на одной из суф. В доме XVIII хамбы тоже располагались на суфе, здесь находился и очаг для приготовления пищи.

Двухкомнатный дом раскопан также в Куме (рис. 16, 11). Но жилая комната здесь была разделена небольшой стеночкой на две части: хозяйственную, где расположены хамбы и вкопанные в пол хумы, и чистая половина, в которой жители сидели и спали. Очаг находится в стене жилой части комнаты.

Другой двухкомнатный дом на поселении Кум подобен домам VIII, IX, XI и XXII Гардани Хисор. Одна комната была жилой, другая — хозяйственной, выполняющей роль кухни (рис. 16, III).

Один двухкомнатный дом был раскопан также на поселении Токкала в Хорезме. Здесь, как в двухкомнатных домах Гардани Хисор и Кума, помещения функционально очень четко отделялись друг от друга. Одно из них (2), с суфой — было жилым. В нем находились очаг для приготовления пищи и танур для выпечки лепешек. Другое помещение (2 а) —хозяйственное. В хозяйственном были хамбы (Гудкова, 1964, с. 46—47, р. II).

Рис. 16. План раскопанных домов Кума

Четыре двухкомнатных дома раскопаны на поселении № 28 в Хорезме (Неразик, 1966, с. 76—77, 140—143, р. 40). Комнаты в каждом их этих домов четко делятся по назначению: одна из них — хозяйственная, другая — жилая. Очаг для приготовления пищи находился в хозяйственной комнате, в ней же стояли хумы (вместо хамбы).

Двухкомнатные дома раскопаны и в Яккапарсане. Здесь тоже одно помещение, с суфой, являлось жилым, другое, с хамбами,— хозяйственным. Очаг располагался в жилом помещении. В состав двухкомнатных домов входили помещения 37 и 51; 38 и 48; 49 и 53 (Неразик, 1972, р. 3).

В пригороде Кувы один дом составляли помещения 53 и 56. В одном из них на суфе были вкопаны четыре хума. Можно предположить что это хозяйственное помещение. Второе с суфами и очагом жилое (Булатова, 1972, с. 35). К сожалению В. А. Булатова не уточняет назначения очага.

Двухкомнатный дом раскопан на поселении Чакалактепе в Тохаристанской части Афганистана. Здесь помещения не имели суф, а продовольствие хранили в хумах (Mizun, 1970, p. 8). Чакалактепинские дома сохранились фрагментарно.

Двухкомнатные дома были отмечены и на поселении Яхшибайтепе в Северном Тохаристане. Но ввиду того, что отсутствуют подробное описание и нумерация помещений (Нильсен, 1966, с. 173—174), мы не можем их сравнить с домами Гардани Хисор.

Судя по опубликованным планам раскопанных частей древнего Пенджикента, там пока отсутствуют однокомнатные и двухкомнатные дома. Сравнивая планировку и интерьер секционных домов различных районов Средней Азии VI—VIII вв., можно сказать, что они аналогичны друг другу. Существенные различия между ними отсутствуют. В домах горного Согда функциональное назначение комнаты решалось индивидуально, по усмотрению хозяина. Но в большинстве случаев хозяйственная комната располагалась не в передней части дома, а в глубине его.

Двухкомнатные дома (одно помещение—хозяйственное, другое — жилое) более позднего периода (XII—XIII вв.) раскопаны в Хорезме на поселении Дарьялик-куле. В хозяйственных помещениях имелись ямы для хранения зерна. Очаги располагались в жилой комнате (Неразик, 1976, с. 97—98, р. 54). Хозяйственная комната здесь также находилась во внутренней части дома.

Много двухкомнатных домов раскопано в Отраре XVI—XVIII вв. Например, дом № 2 в квартале А состоял из двух помещений 4 и 5. Помещение 4 было жилым (здесь находился тандур), второе — амбаром, в котором имелись три разномерные хамбы — зернохранилища. Аналогичное положение мы наблюдаем и в других домах (одно — жилое, другое — кладовая) (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1975, с. 4, 8, 9, 11; 1976, с. 22, 26, 28).

Если сравнить двухкомнатные дома Гардани Хисор с дореволюционными домами Верхнего Зеравшана, можно увидеть два

варианта: в первом одно помещение — жилое, где также находятся очаги для приготовления пищи и выпечки лепешек; другое помещение является амбаром. Дома этого варианта исследованы нами во многих кишлаках, в том числе дом Азизова Д. в сел. Мадм. Во втором варианте, в отличие от первого, амбар и кухня занимают одно помещение (Давыдов, 1973, р. 35). Этот вариант считается удачным, так как по таджикскому обычаю продуктовые запасы не должны находиться на глазах посторонних людей. О них не должны знать даже жители дома (исключая хозяйку).

На поселении Гардани Хисор открыты 8 **трехкомнатных домов** (II, V, XII, XIV—XVII, XXI), которые, как и двухкомнатные, имеют своеобразную планировку, зависящую, во-первых, от рельефа, во-вторых, от социального положения и вкуса хозяина (рис. 17).

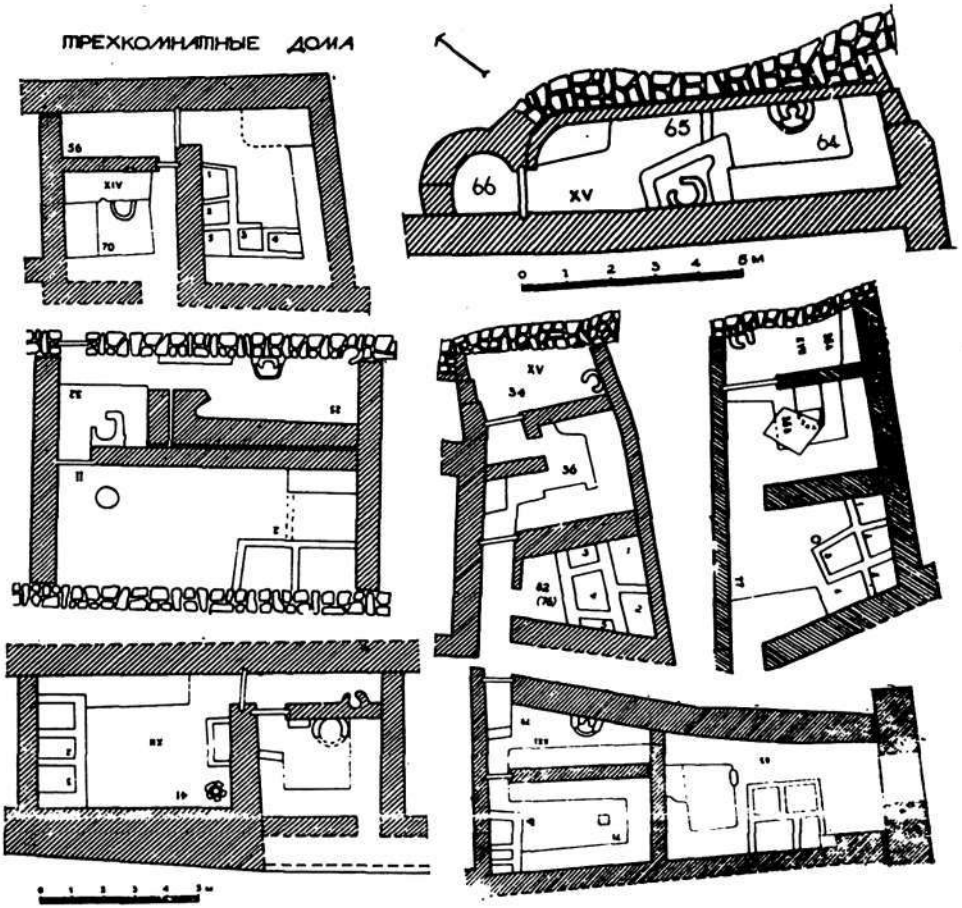


Рис. 17. План трехкомнатных домов в Гардани Хисор

Дом II составляли помещения 25, 27 и 32, общей площадью 42 м². Помещение 25 площадью 10 м² было кухней. Вдоль ее восточной стены располагались два очага: один — для приготовле-

ния пищи, другой — для выпечки хлеба в сковородах. В северной стене — ниша. Суфа отсутствовала, пол ровный и обмазан глиной. Если учесть, что в старых дореволюционных домах дети и старые женщины зимой спали на кухне, то помещение 25 для такой цели было вполне приемлемо. Помещение 32 площадью 10,5 м² являлось передней. Вдоль ее восточной стены поднимался пандус, ведущий на улицу. У западной стены располагался очаг для приготовления пищи. В комнате отсутствовала суфа. Из передней ход вел на кухню и в помещение 27 площадью 22 м² — самое большое в доме. Комната делилась на две части: в южной были расположены три зернохранилища и небольшая суфа, обмазанные ганчем. В северной части, на полу, имелось округлое обожженное углубление с золой и углями. Очевидно, это место для сандали[1], вокруг которого зимой большую часть времени проводили жители дома. Дом II, в отличие от других домов, не имел суф. Жители сидели и спали на полу.

Совсем по другому расположены комнаты в доме XII. Правда, здесь вход в дом не сохранился, так как южная его стена прослеживалась лишь ниже уровня пола. Поэтому трудно решить, где был расположен вход, от расположения которого зависит наше понимание планировки всего дома.

В доме XII самая большая комната (пом. 41), площадью 27 м², была хозяйственной. Здесь вдоль северной стены расположены три, а вдоль южной — одно зернохранилища. Кроме того, на полу стояли хумы, и один из них, у южной стены, был вкопан в пол. Кухня в доме небольшая (5 м²) и расположена к востоку от жилой комнаты. Здесь расположен очаг для приготовления пищи и выпечки хлеба типа кумоч.

Жилая комната (пом. 47) небольшая, около 15 м². Вдоль северной, западной и южной ее стен тянутся суфы. У восточной стены стоит очаг — камин для обогревания комнаты в зимнее время.

По плану дому XII близок дом XIV. Западная стена в доме не сохранилась, поэтому здесь тоже неизвестно, где был расположен вход в дом. Помещение 56 было, видимо, кухней, хотя очаг здесь не сохранился. Как и в доме XII, самая большая комната (пом. 57), площадью 20 м², была хозяйственной. Вдоль ее западной и северной стен располагались 5 разноразмерных зернохранилищ. Вдоль южной и восточной стен шла двухступенчатая суфа, восточная ее часть была выше, чем южная. На суфе и на полу стояли разбитые хумы и другая хозяйственная посуда. Помещение 70 площадью 15 м² было жилым. Вдоль восточной, северной и западной стен тянулись суфы. В комнате имелся очаг-обогреватель. Общая площадь дома 40 м².

Очень близки по плану дома XVI и XVII. На их планировке одинаково сказался рельеф местности: оба дома несимметричны. Назначение комнат в них одинаково: передние комнаты хозяйст-

[1] В литературе обычно пишут «сандал». Мы считаем, что слово это надо писать полностью — «сандали», иначе оно теряет смысл, ибо на таджикском языке слово «сандал» означает грубую деревянную обувь.

венные, в них располагались зернохранилища. Средние комнаты были жилыми, дальние служили кухней. Дверные проемы во всех трех комнатах обоих домов расположены на одной оси в северо-западном углу западной стены. Однако внутреннее устройство домов отличается друг от друга. Вход в кухню в доме XVI оформлен тамбуром, а в доме XVII он отсутствует. Жилое помещение в доме XVI имеет суфу с выступом-эстрадой, а в доме XVII ее нет. Суфа в жилом помещении дома XVI кончалась у входа, вдоль северной стены дома имелась небольшая несимметричная суфа. В доме XVII суфа была сплошной, и люди входили в жилую комнату через нее. В доме XVI нет обогревательного очага, а в доме XVII он имелся. Общая площадь дома XVI — 32 м², дома XVII— 50 м².

Дом XVIII условно нами назван «домом мага», так как одна из трех его комнат являлась святилищем. Его план (рис. 15) отличается от всех вышеприведенных трехкомнатных домов. В дом XVIII спускались по лестнице с двумя ступеньками, поскольку уровень пола ниже уровня улицы. Лестница находилась внутри дома.

Первая комната — это прихожая в виде коридора, вытянутого с востока на запад на 4,4 м и в этом же направлении расширяющегося. Ширина его в восточной части 1,1 м, в западной — 1,54 м. Из коридора, направо, ход вел во вторую комнату — святилище (пом. 60), а прямо — в помещение 73. Святилище почти квадратное, его площадь более 17 м². (Подробно о нем см. ниже).

Третья комната, площадью 23 м², с суфами, несла функции как жилой, так и хозяйственной, имела форму неправильного прямоугольника, который сужался с запада на восток, что было продиктовано рельефом местности. В юго-западном углу помещения на суфе располагались два зернохранилища. В юго-восточной части, в южной стене, имелся нишеобразный очаг. Верхняя часть очага не сохранилась, поэтому о его форме судить невозможно.

Дом XXI был последним в южной части поселения. Одна из его комнат (пом. 83) занимала юго-восточный угол крепостной стены. Сразу у входа, налево, расположена кухня, площадью 18 м². Вдоль западной ее стены находилась сильно разрушенная суфа. Очаг помещался примерно у середины восточной стены. Вторая комната имела площадь 20 м². Вдоль ее восточной, южной и западной стен тянутся суфы. В северо-западном углу — три зернохранилища. Комната жилая, здесь же хранили зерно и другие продукты. Самой большой комнатой дома было пом. 83. Вдоль всех его стен шла невысокая суфа. У западной стены на суфе расчищены четыре зернохранилища. Комната разделена на северную — жилую и южную — хозяйственную. В двух зернохранилищах найдено много обугленных сушеных яблок.

Дом V (рис. 10) отличался от всех вышеперечисленных трехкомнатных домов. Перед ним имелся айван, при входе в который, слева, располагалась небольшая комната (пом. 59), площадью

9,10 м². У восточной ее стены находился очаг. Очевидно, помещение играло роль кухни. Самое большое помещение 61 (площадью около 21 м²) — жилое. Вход в него находился в юго-западном углу западной стены. В комнате два очага. Один — дегдонпоча — располагался на суфе у восточной стены. Стенки его не обожжены: вероятно, жители не успели им воспользоваться. В этой комнате у стены восточной суфы помещался алтарь (подробнее см. ниже). Третья комната (пом. 63) хозяйственная. Здесь размещались зернохранилища. В северо-восточном углу комнаты имелась небольшая суфа.

Итак, в трехкомнатных домах Гардани Хисор, в отличие от двухкомнатных, кухня была отделена от жилой части. Почти во всех домах кухня представляла собой небольшую комнату, в которой находился очаг для приготовления пищи. Только в кухнях домов V и XVII имелись суфы. В домах XVI и XVII хозяйственная комната располагалась сразу при входе, а в остальных — в глубине дома. Хозяйственное помещение в доме 2 было одновременно и жилым. Здесь посредине комнаты находилось небольшое углубление, где горел огонь: очевидно, оно выполняло роль сандали. В отличие от жилых помещений других домов в этом доме помещения не были оборудованы суфами.

В Куме раскопан один богатый трехкомнатный дом. В нем прослежены два периода жизни. В первом — помещение 3 (площадью 30 м²) было залом, а помещение 2 (площадью 20 м²) с суфами и очагом служило кухней, хотя здесь могли и жить. Помещение I, площадью 32 м², было амбаром (рис. 16, 1).

Много трехкомнатных домов раскопано на поселении Яккапарсан в Хорезме. Там, как и в Гардани Хисор, одно помещение с хамбами было амбаром. В некоторых хозяйственных помещениях имелись суфы и очаги. Жилые комнаты были однотипными, с двумя суфами и одним или несколькими очагами. Обычно в центре таких помещений находилась прямоугольная выкладка — очаг или кострище. В большинстве случаев около суфы или на ней помещался еще один очаг, сделанный из старой хумчи, обмазанной снаружи толстым слоем глины (Неразик, 1966, с. 73—74). Однако в трехкомнатных домах Яккапарсана функциональное назначение помещений не очень четко определяется, особенно в последних двух комнатах. Кухня не отделена от жилой части. Здесь, в отличие от домов Гардани Хисор, пищу готовили в жилых комнатах. Во многих комнатах в Яккапарсане, как и в Гардани Хисор, очаги стоят не только на полу, но и на суфе. Очаги Хорезма этого периода по форме отличаются от согдийских (о нем см. ниже).

Функциональное назначение помещений трехкомнатных домов поселения Кувы, так же, как в Яккапарсане, определяется нечетко. Например, в доме № 3 помещение 69 является жилым, почти половину его занимает суфа. На суфе имеется прямоугольное углубление — очаг с канавкой, протянувшейся до внешнего края суфы. У южной стены, напротив суфы, стоял хум. Две другие

комнаты (68 и 70) тоже выполняли хозяйственное назначение, причем в помещении 68 имелся пристенный очаг (Булатова, 1972, с. 37). Так как В. А. Булатова не дает описания очагов и не говорит о функциональном назначении их, то трудно говорить об их назначении. В доме № 2 помещение 62 было хозяйственным, здесь найдено много бытовой керамики, жаровня. В комнате 61 тоже найдено много бытовой керамики. Комната 63 — жилая, здесь была суфа с площадкой для жаровни (там же, с. 36). Судя по описанию В. А. Булатовой, помещения с пристенными очагами выполняли роль кухни. Жилые помещения Кувы с П-образными суфами-очагами похожи на жилые комнаты Токкалы.

Среди старых домов жителей Верхнего Зеравшана часто встречаются дома, сходные с домом V Гардани Хисор, где в хранилище можно было пройти через жилую комнату (Давыдов, р. 29, 31). Но встречаются и такие, где хранилище находилось рядом с кухней (там же, р. 28, 35).

На поселении Гардани Хисор раскопан один четырехкомнатный дом (IV), общей площадью 76 м² (рис. 18). Это единствен-

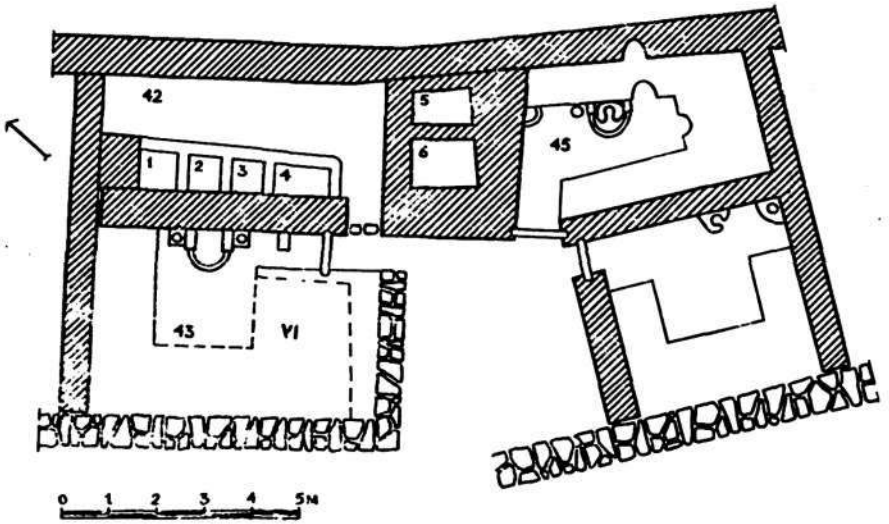


Рис. 18. План четырехкомнатного дома Гардани Хисор

ный дом, который имел небольшой дворик, куда выходили двери всех комнат. Хозяйственная комната (пом. 42) — большая, в ней могли хранить крупные запасы продуктов. Одно помещение (43) было святилищем. В помещении 46 имелись танур из перевернутого хума и очаг для варки пищи. Большую часть комнаты занимала П-образная суфа. В очаге помещения 45 найден керамический котел с остатками пищи, значит кухня в этом доме не была отделена от жилого помещения, как в трехкомнатных домах. По планировке этот дом отличается от всех других домов Гардани Хисор. Он ближе к современным домам с двориком-хавли. Пе-

ред входом в хавли была четырехступенчатая каменная лестница.

Один четырехкомнатный дом раскопан на поселении Кувы, другой на Токкале. В первом доме четыре комнаты: два помещения (52 и 43) — жилые, 54—кухня, 51—хозяйственное, с хумами (Булатова, с. 34). Помещения токкалинского дома № 4 плохо описаны, поэтому, кроме жилого помещения 3, назначение остальных остается непонятным (Гудкова, с. 47).

В Гардани Хисор раскопан один многокомнатный дом (XIX), в котором обнаружены сводчатые помещения. Они небольшие и в основном хозяйственные. Только помещение 78 использовалось под кухню и частично как жилое. Возможно, жилые комнаты находились на втором этаже, во всяком случае следы его не сохранились. Лестница же на второй этаж могла находиться с внешней стороны дома (рис. 19). ,

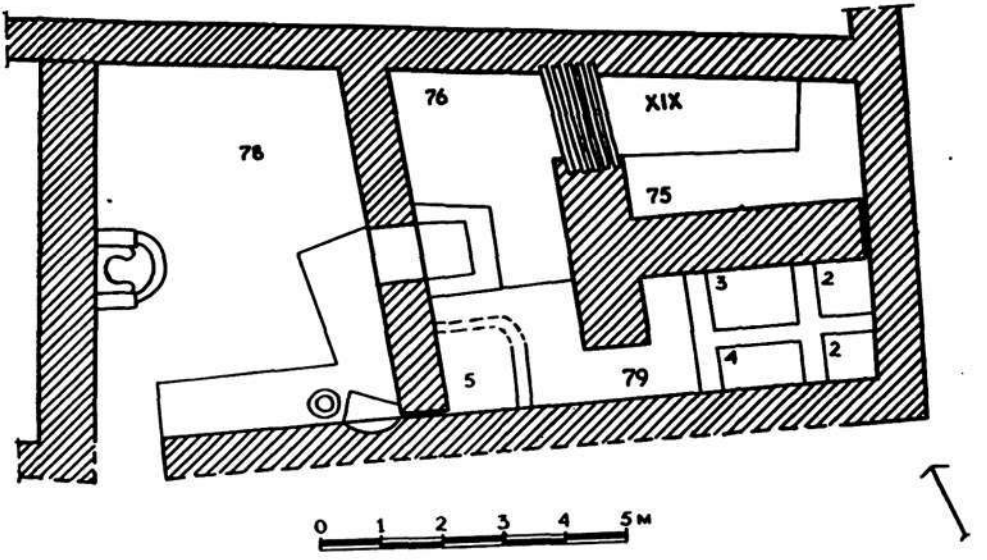


Рис. 19. План первого этажа двухэтажного дома Гардани Хисор

Исследование сельских домов Гардани Хисор, Кума, Яккапарсана, Тешиккалы, Кувы и других районов Средней Азии VI—VIII вв. показывают, что все они по планировке и интерьеру схожи друг с другом. Отличительным элементом хорезмийского жилища является очаг. В Хорезме было развито кострище — открытое и подковообразное возвышение посреди помещения, а в домах Гардани Хисор и Куме — пристенные каминоподобные очаги.

Дома этого периода развивались внутри оборонительной стены, поэтому в их планировке отражена беспокойная, суровая и замкнутая жизнь того времени. Это хорошо чувствуется в планировке домов Яккапарсана, где они цепочкой расположены вдоль оборонительной стены. Все жители Яккапарсана находились под общей крышей. Нам кажется, что одной из причин распределе-

ния между жителями внутристенного оборонительного коридора в Яккапарсане была нехватка жилплощади. Так как коридор был сводчатым и темным, его использовали как хранилище. Жители помещений 66а—66в и 15, 15а—15в его не получили: возможно, при распределении коридора учитывалось социальное положение жителей. Так, например, большие части коридора получили обитатели помещений 1—6.

Такая же нехватка жилплощади была и в Гардани Хисор. Как показали раскопки, здесь жители домов XV—XVII поделили между собой ранний переулок. До этого вход и выход в дома XVI и XVII были со стороны переулка, который брал начало от третьей улицы, у дома XI. Потом южная часть переулка была загорожена и включена в состав дома XVI, а отрезок у дома XVII тоже был загорожен тонкой кирпичной стеной и включен в состав этого дома. Интересно, что вновь созданные комнаты в обоих домах (XVI и XVII) служили кухнями. Из оставшей части переулка были выстроены три помещения — 64—66 дома XV.

Если сравнить расположение домов Гардани Хисор с городскими домами древнего Пенджикента, то оно во многом похоже. И там и здесь дома плотной полосой шли вдоль улицы, и там и здесь отсутствовали дворы и придомные участки, огороды и сады. Сельские люди в этом отношении жили в условиях, близких к городским. Главным отличием города от деревни было то, что сельское население было привязано к земле, у них было слабо развито ремесло, господствовало натуральное хозяйство.

Самый бедный дом в древнем Пенджикенте обнаружен на объекте XIV. Мы уже отметили, что В. Л. Воронина называет его двухкомнатным. На самом деле дом был двухэтажным; помещения второго этажа не сохранились, но осталась лестница, которая вела на верхний этаж (Зеймаль, 1964, с. 246). Два помещения нижнего этажа (одно из них (I) с суфами, очагом и зернохранилищем) было жилым, второе (2), со сводчатым перекрытием, играло роль коридора. От него шла лестница на второй этаж. Скорее всего там помещалось еще столько же комнат.

Таким же бедным был соседний дом (помещения 3, 4, 9). Помещение 4 было жилым, 9 — сводчатым, хозяйственным. Из помещения 3 лестница вела на второй этаж. Вообще, в объекте XIV раскопано несколько домов бедных горожан Пенджикента. Здесь отсутствуют большие парадные залы с росписью. В жилых помещениях этих домов найдены очаги наподобие гарданихисорских (см. дальше). Внутреннее убранство скромное, что сближает их с сельскими домами Гардани Хисор.

Значительный интерес для сравнения с домами Гардани Хисор представляет помещение второго дома объекта VI. Нижний его этаж состоял из 6 сводчатых помещений различного хозяйственного назначения. Б. Я. Ставискому удалось здесь раскопать помещения второго этажа, благодаря которым мы получаем важное сведение о комнатах верхнего яруса. Стены помещения являются продолжением первого этажа. Над помещением 6 раскопана

комната, внутри которой было пять хамба. Стенки хамба, наподобие хамба Гардани Хисор, сложены из кирпича и внутри обмазаны ганчем (Ставиский, 1964, с. 128—131). Здесь же находились кухня с тануром из перевернутого хума и очагом для приготовления пищи и парадный зал, а над помещениями 4, 11, 46 и 48 располагались, видимо, жилые комнаты (там же, с. 132—133). Однако количество комнат первого и второго этажей может и не совпадать. Например, над помещениями 21, 24, 27 дома 5 находился один большой зал, пол которого был выложен жженым кирпичом (там же, р. 23).

Жилища сельского населения были скромные. Здесь отсутствуют парадные, красочно оформленные залы — мехмонхоны и широкие парадные жилые комнаты. Количество помещений у городских жителей было намного больше и дома в основном были двухэтажными. Но сказать, что сельские архитекторы и строители не были знакомы с парадной архитектурой, мы не можем, так как и в Гардани Хисор, и в Куме нами исследованы дома с приемными залами и домашними святилищами, как у богатых жителей древнего Пенджикента, Шахристана и других столичных городов этого периода. Исследования святилищ Гардани Хисор и Кума показывают, как мы увидим ниже, что их планировка и внутреннее убранство ничем не уступают святилищам богатых кварталов древнего Пенджикента. Все это свидетельствует, что строительная культура развивалась и в сельских местностях горного Согда, хотя это развитие происходило, видимо, под влиянием жилищ равнинных районов и городов Согда и Уструшаны. Возможно, для строительства дворцовых сооружений Кума и Гардани Хисор были приглашены мастера из города.

Известные сейчас материалы показывают, что многие элементы современного таджикского дома окончательно сложились еще в VII—VIII вв. н. э. Например, сопоставляя устройство дверных проемов Гардани Хисор и Кума с системами дверных конструкций современных домов таджиков, можно убедиться, что дверная коробка, порог и другие детали дверных устройств почти не изменились. Не изменилась и конструкция перекрытий балочного типа; самое сложное современное плафонное перекрытие существовало еще в VIII в.

Почти без изменения дошли до наших дней все основные конструкции стен, плоское деревянное перекрытие, двери, окна и колонны. Хамба-зернохранилище, которое имеется в каждом доме Гардани Хисор, до сих пор сохранилось во всех домах горных районов Верхнего Зеравшана, Дарваза и Памира. Некоторые современные бытовые очаги также сложились еще в VII—VIII вв. (см. раздел об очагах).

Одним из важных элементов таджикского (и среднеазиатского вообще) дома является айван. В Гардани Хисор айваны имелись перед главным входом в поселение и перед домом V. Вдоль стен этих айванов, как и теперь, расположены суфы для отдыха и ожидания прибывших гостей.

Другим важным элементом среднеазиатского дома является двор-хавли (рис. 20). Он также имелся в самом богатом доме Гардани Хисор (IV). Помещения этого дома располагались вокруг двора, дом как бы открывался во двор, а глухой тыльной стороной был обращен к улице и к соседним домам. Большой двор, обнесенный стеной с воротами, был и перед дворцом Гардани Хисор. Вдоль стены цоколя здесь шла суфа, где могли сидеть люди.

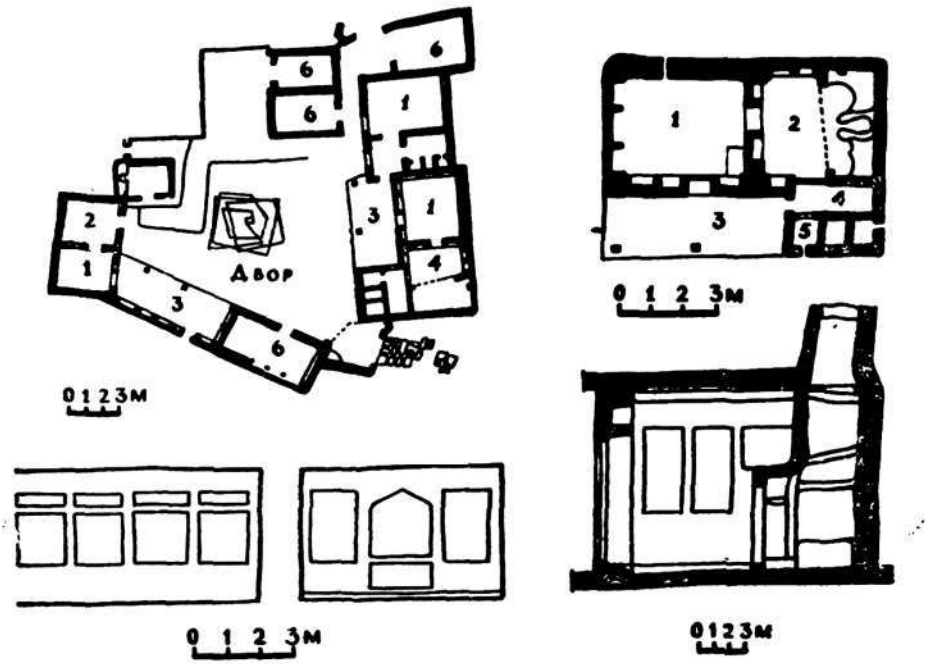


Рис. 20. Современный таджикский дом с хавли (двор) и трехкомнатный дом (Юнусов А. из Заврона)

В. Л. Воронина, описывая среднеазиатский двор, отмечает, что в нем общая конструкция плана определяется числом помещений дома и размером владения. Помещения охватывают весь периметр участка или составляют разрывы, заполненные глухой тыльной стеной или дворовой оградой. Поскольку жилище расширялось вместе с ростом семьи, пустоты постепенно заполнялись (Воронина, 1963, с. 51). Понятно, что в ряде случаев двор постепенно сводился на нет, так объясняется и отсутствие дворов в сельских и городских домах поселений типа Гардани Хисор и Пенджикента. Как и в описываемых В. Л. Ворониной случаях, причиной этого была нехватка земли.

Одной из черт, отличающих современные дома Верхнего Зеравшана от домов Гардани Хисор, является то, что сейчас в стенах жилого дома много ниш для сундуков, тахмон, одеял, хозяйственной, столовой и парадной посуды. Объясняется это отличие

устройством стен в современных домах: они тонкие и каркасные. Каркасных домов в домусульманское время было мало, хотя не исключено, что стены домов второго и особенно третьего этажа в согдийском городе были каркасные.

Другой отличительной чертой современного дома является то, что помещения для скота теперь находятся при доме: во многих жилищах Верхнего Зеравшана помещения нижнего этажа являются хлевами. В домах же древних поселений Согда, как мы видели, помещения для скота находились вне селения.

Итак, мы рассмотрели различные дома сельских поселений Согда, сравнили их с аналогичными домами в других областях Средней Азии (Фергане, Хорезме и Тохаристане), с городскими домами древнего Пенджикента, позднесредневекового Отрара, а также с этнографическими данными о жилых постройках горных районов Таджикистана. Сопоставления показывают, что во всех этих домах много общего в планировке, строительном материале, строительной технике, приемах возведения зданий. Конечно, в основе среднеазиатского дома лежит дом оседлого коренного населения — древних ираноязычных племен и народов. Отсюда много общего в домах разных районов и древнего и средневекового периодов истории Средней Азии и Казахстана. Даже в Отраре, где жило тюркоязычное население, планировка, айван, внутренняя обстановка дома, в том числе сплошная суфа в жилых помещениях, чахлаки (тануры, вкопанные в суфа) — в дуконах, ташновах, расположение закромов, равзан и другие элементы дома имеют аналогии в домах Дарваза, Каратегина и памирских таджиков. Это свидетельствует о том, что тюркоязычные народы Средней Азии и Казахстана восприняли образ жизни и жилище оседлого населения (в том числе таджиков и их предков), жившего здесь до прихода тюркоязычных народов и потом ассимилированного ими.

Мы рассмотрели дома-замки горных районов, которые состояли более чем из десяти помещений различного назначения. В них, бесспорно, жила большая патриархальная семья. Такая же семья, как справедливо отметила Е. Е. Неразик, населяла многокомнатные дома Пенджикента и усадьбы Хорезма, которые принадлежали состоятельным людям. В отличие от них в домах Гардани Хисор, Кума, Яккапарсана и Тешиккалы жили отдельные малые семьи.

3. ДВОРЦОВЫЕ СООРУЖЕНИЯ (ДОМ ПРАВИТЕЛЯ)

Археологические исследования на различных раннесредневековых сельских памятниках показывают, что правители, дехкане катов и рустаков стремились, несомненно, подражая правителям столичных городов, строить себе дворцы. Ярким примером этого являются дворцы в Гардани Хисор и Куме.

В Гардани Хисор дворцовые помещения расположены на трехметровой, искусственно поднятой платформе, площадью 32 х 28 м

(рис. 21). На южном краю платформы располагался широкий парадный айван, вытянутый с запада на восток более чем на 15 м при ширине в 3,25 м. Из этого айвана шли ходы в помещения дворца. Дворцовые помещения разделялись на две части: парадные и жилые. Парадные находились в западной части, а жилые — в восточной, северной и на втором этаже. Парадная часть постройки служила для приема гостей. В северо-западном углу был расположен большой парадный зал (пом. 10). В плане он почти квадратный (7,7 x 7,5 м). Вдоль всех стен зала тянулись суфы. Западная стена в середине расширяется, образуя площадку — «почетное сидение». На суфе обнаружены остатки большого обугленного ворсового ковра, некогда покрывавшего, видимо, стены и суфы зала. Дворец был, вероятно, покинут неожиданно, и обитатели не успели вынести с собой дворцовые ковры. Зал имел плоское деревянное перекрытие, опиравшееся на четыре деревянные колонны. Колонны стояли на деревянных базах. До нас дошли остатки обгоревших баз. Деревянная конструкция перекрытия зала была покрыта первоклассной резьбой.

Парадным было и помещение 3, служившее центральным коридором этой части дворца и использовавшееся, возможно, как место собраний, беседы, отдыха, на что указывают его широкие, хорошо оформленные суфы. Своеобразным «малым залом» было, видимо, помещение 6, в юго-западном углу; парадный характер имел и соединявший зал с центральным коридором небольшой коленчатый коридор (пом. 2). Помещение 1 было единственным сводчатым помещением в этой части дворца. Оно вместе с помещениями 4, 13 и 14 играло роль хранилища. Восточнее центрального коридора, неподалеку от зала находилось дворцовое святилище огня (пом. 12), небольшое по размерам (4,8 x 3,4 м). Вдоль западной, северной и восточной его стен тянутся суфы. В середине северной стены находилось расширение — «место почетного сидения». Напротив, у южной стены, помещался алтарь огня. Все парадные помещения были богато украшены резным деревом, а их суфы и, возможно, стены, судя по найденным остаткам ковров в помещениях 2 и 10, покрывались коврами. В архитектурно-планировочной структуре Гардани Хисор отражены общие принципы, характерные для многих монументальных сооружений Средней Азии VII—VIII вв. типа дворцовых сооружений. Парадный зал, домашние святилища, парадные помещения сходны с подобными же сооружениями древнего Пенджикента и вообще Согда, Уструшаны и других районов Средней Азии и вполне соответствуют вкусам правящих кругов того периода.

С другой стороны, парадная постройка Гардани Хисор очень интересна и в известном смысле даже уникальна, причем не только для горного Согда, но и для Средней Азии вообще. В целом этот памятник весьма своеобразен. Размещение столь крупного комплекса на вершине горы, планировка сооружений верхней площадки в виде отдельного входного здания, большого парадного двора и вознесенного над ними на специальной платформе па-

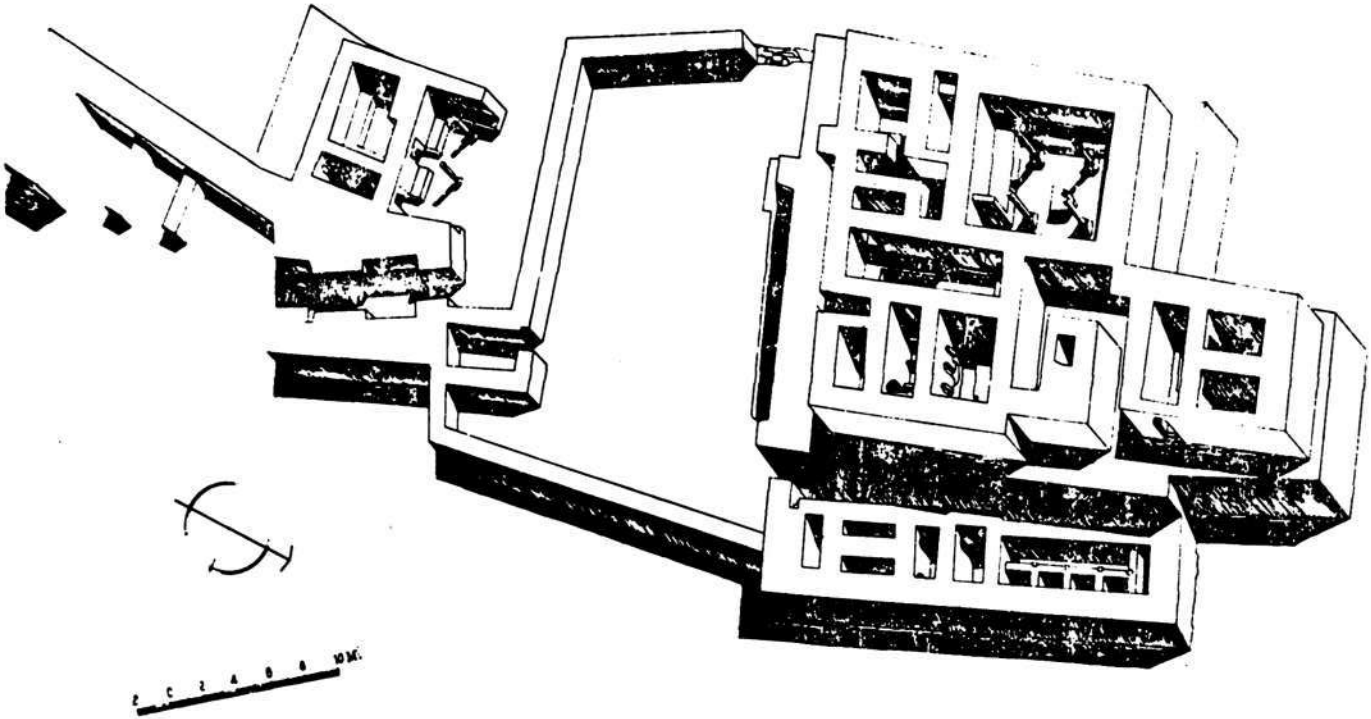


Рис. 21. План-аксонометрия дворца Гардани Хисор

радного здания с хозяйственными помещениями (16—23) у его подножия — все это выделяет постройки на вершине Гардани Хисор из числа известных ныне археологических памятников Средней Азии VII—VIII вв. и говорит как о высоком профессиональном уровне их создателей, так и о творческом подходе к решению стоящей перед ними задачи — сооружению в условиях горного района парадного здания дворцового типа.

Дворцовое сооружение Гардани Хисор состоит из более чем тридцати парадных, жилых, культовых и хозяйственных помещений (подробно о помещениях дворца Гардани Хисор см. приложение, а также Якубов, 1979, с. 126—143).

На поселении Кум дворцовое сооружение занимает одну четвертую часть всей площади (рис. 16). Несмотря на то, что помещения дворца раскопаны не полностью, уже вырисовывается его планировка. В отличие от Гардани Хисор помещения дворца в Куме стоят не на искусственной платформе, а на материковом слое. Помещения дворца, как и в Гардани Хисор, разделяются на парадные, культовые, хозяйственные и жилые. Дворец расположен к востоку от замка, между дворцом и замком шла улица, шириной 3 м. В северо-восточной части дворца находилось зернохранилище, которое состояло из 3 или 4 помещений (три из них раскопаны). Помещение 14, размером 5,5 х 5,5 м, имело 9 хамба — закромов разного размера, стены и полы которых были обмазаны ганчем. Помещение 20, (5,6 х 4,5 м) — сначала святилище, впоследствии было превращено в амбар. Пол был поднят до уровня суфы и обмазан ганчем, а в северо-восточном углу его сооружена хамба. Помещение 19 (5,6 х 2 м) было коридором, соединявшим помещения 14 и 20. Зернохранилище дворца было, возможно, связано с хозяйственными помещениями и замка, так как упомянутая выше улица ведет к нему. Кроме того, к востоку от залов расположены еще три помещения (23—25), тоже хозяйственного назначения. Но мы еще не знаем, были ли они связаны дворцом.

К северу от зала (пом. 18) расположено дворцовое святилище — помещение 15 (размером 5,2 х 4,1 м). Вдоль трех его стен тянулись суфы. Суфа «почетного сидения» находилась у северной стены. К западной стене была пристроена алтарная ниша, где горел священный огонь.

Во дворце пока раскопаны три парадных зала. Первый зал — помещение 18 (размером 8 х 7,5 м), вдоль стен которого тянулись суфы, шириной 1,1 м и высотой 4,5 м. Суфа «почетного сидения» находилась у западной стены. Восточная суфа была двухступенчатой (она сохранилась только в южной части). По всей вероятности, ступенька была только посередине суфы, ее длина 50 см, высота 15 см и ширина 2,8 м. Таким образом, ширина этой ступеньки соответствовала ширине суфы почетного сидения.

Аналогичные суфы раскопаны в тронном зале Кафыркалы, где посередине двухступенчатой суфы, на ее расширенной части, у стены, располагался алтарь (Литвинский, Зеймаль, 1973, с. 158, р. 20).

Вполне вероятно, что в помещении 18 кумского дворца у восточной суфы также стоял алтарь огня.

Выскажу свои соображения по поводу кафыркалинского алтаря. Зал, в котором он найден, претерпевал со временем какие-то изменения и соответственно изменялся его интерьер. Можно предположить, что первоначально его алтарь имел такую же форму, как кумские, гарданихисорские и пенджикентские алтари, т. е. форму ниши с двумя колонками по бокам. Во всяком случае, в 1968 г. В. С. Соловьев в закладке башни, расположенной к югу от зала, нашел глиняную капитель от миниатюрной глиняной колонки. Капитель была богато украшена рельефным орнаментом и, возможно, принадлежала одной из колонок алтарной ниши зала. Из зала помещения 18 шел коридор (пом. 26), расположенный к югу от него и вытянутый с востока на запад на 12 м и с юга на север на 2,46 м. Вдоль восточной, южной и западной стен тянулась суфа, шириной 110 см, высотой 30 см. Из коридора один ход вел в помещение 27 — второй зал, другой — в помещение 29 (большой зал). Перед входом в помещение 27 имелась небольшая ступенька. Этот зал — квадратный (7 х 7,2 м). Вдоль всех его стен тянулись суфы. Суфа «почетного сидения» находилась у западной стены. На ее поверхности обнаружены по три параллельных (шесть) отверстий от ножек трона. Можно предполагать, что трон был двухместным. Одно место было большое (широкое). Ножки были углублены в суфе на 10—12 см и свидетельствовали о том, что трон был не переносным, а постоянно находился в этом помещении. Посередине зала имелось подковообразное сооружение (130 х 110 см). Стенки его снизу вверх расширяются. Средняя часть его поверхности вогнута — там горел огонь. На поверхности алтаря расчищен слой золы толщиной 4 см. Такой же по форме, размерам алтарь был в зале Гардани Хисор.

Стены обоих залов (пом. 18 и 27) были красочно расписаны, но сильно пострадали от пожара и плохо сохранились: их следы открыты на стенах и на кусках штукатурки в горелом слое. Найденные в завалах фрагменты резного дерева свидетельствуют, что прогоны, колонны, карнизы и другие деревянные детали были украшены художественной резьбой. Одной из особенностей этих двух залов является то, что в них отсутствуют колонны. Как известно, залы таких размеров традиционно имели четыре колонны на деревянных базах. По-видимому, перекрытие залов покоилось на мощных арчовых прогонах, которые не очень нуждались в подпорках — колоннах.

Третий зал дворца (помещение 29) пока не докопан. Он был самым большим и располагался к югу от коридора (помещение 26). Раскопана его восточная часть от северной стены до южной. Выяснилось, что вдоль восточной стены расположена суфа с выступом почетного сидения. Зал был вытянут с севера на юг на 14,5 м и, возможно, с востока на запад достигал длины коридора (12 м). Если наше предположение верно, то зал имел пло-

щадь более 250 кв. м. Для такого зала его суфы были узки: ширина восточной суфы — 80 см, частично раскопанной северной — 1 м.

В отличие от помещений 18 и 27 третий зал был многоколонным: в нем расчищена обгоревшая деревянная база, размером 50 х 50 см. Рядом с базой, южнее ее, под полом найдена деревянная труба; через нее проходила вода, по-видимому, дождевая, со стороны улицы, которая шла вдоль главного фасада замка. У восточной суфы деревянная труба соединялась с глиняным кубуром. Такой же кубур найден в северной части замка. Эти два обнаруженные нами кубуры и деревянная труба под полом большого зала показывают, что собирающиеся дождевые воды выводились через них за пределы поселения.

Дворец в Куме, вероятно, после восстания 722 г. был уничтожен пожаром. Позднее он обживался вновь. В это время были заложены дверные проемы в залах. Стены второго периода стоят на завале и горелом слое. Вторичное обживание было недолгим, и стены домов этого периода в результате ежегодной распашки окончательно разрушены, а их планировка не восстанавливается. Открытые в Куме три больших зала в небольшом селении, общая площадь которого не превышает I га, свидетельствуют о важности политического и административного значения этого пункта и его хозяина.

Планировка дворца Кума, функциональное назначение его помещений, особенно его залы, святилища, аналогичны таким же помещениям в различных дворцах правителей Согда, Тохаристана, Уструшаны. Например, компактное расположение залов мы наблюдаем во дворце правителей Вахша в Хеловерде (ныне Кафыркала) (Соловьев, 1980, с. 179—181, рис. 1), Уструшаны в Бунджакате (Кахкаха I) (Негматов, 1973, с. 97, рис. 11), Бухары в Варахше (Шишкин, 1963, рис. 16) и в Пенджикенте (Исаков, 1977, с. 78—97). Кроме того, по всей вероятности, один из залов имел культовое назначение. Например, в Хеловерде таким был зал — помещение 3, в Варахше «Красный зал», в Пенджикенте дворцовый зал № 1, в Куме зал № 2. В Бунджикате не все залы сохранились, поэтому можно предположить, что культовый зал там был, но до нас не дошел. В Кахкахе II культовыми залами были помещения 2,12*.

В планировке залов хорошо просматриваются социальные ранги согдийского общества. В залах Кума, как и в залах столичных городов, хорошо выделяется почетная суфа, где помещался трон правителя. Суфа «почетного сидения» заменяла, по-видимому, нишу для трона. Там, где в стене есть ниши для трона, отсутствует «по-

---

* Кахкаха II, по всей вероятности, являлся вторым дворцом афшинов. Цитадель Бунджиката (Кахкаха I) была в VII в., видимо, полностью застроена, и афшины решили построить рядом второй дворец, но нашествие арабов не дало возможности завершить его строительство. Возможно, появление второго дворца было связано с расширением семьи афшинов, но не исключены и другие причины.

четная суфа»: см., например, большой зал дворца в Пенджикенте или тронный зал афшинов Уструшаны. Тронный зал Пенджикента, как и Уструшаны, имел ступенчатые суфы: на этих суфах, видимо, люди сидели в зависимости от их социального положения.

По сообщению письменных источников, в 759 г. (в 12-м месяце), при дворе китайского императора был устроен в трех залах пир для иностранных чакиров (Смирнова, 1970, с. 49). Нет сомнения, что среднеазиатские правители тоже устраивали в своих залах торжества, приемы гостей. Компактное расположение залов с одним общим коридором было удобно для обслуживания гостей, и их так строили, видимо, по заранее обдуманному плану. Возможно, что три зала Кума, как и залы Пенджикента и других столичных городов, связаны с тремя сословиями (магов, воинов и земледельцев) домусульманского общества. Вторым признаком общности дворца Кума (как и Гардани Хисор) со столичными дворцами является наличие во дворце святилища. Мы уже отмечали, что в Варахше «Красный зал» был святилищем огня. Исследование цитадели Хеловерда показало, что здесь во дворце было отдельное буддийское святилище. Возможно, что помещения II и 20 были связаны с культом огня. Помещение 20 круглое и являлось хранилищем огня. В Ургутском районе на Коштепе раскопано здание, которое состояло из двух помещений. Одно из них прямоугольное, с П-образной суфой и остатками очага в восточной суфе. Предполагается, что здесь был алтарь огня. Другое — круглое, как хеловердское. По предположению авторов раскопок, первое помещение было святилищем огня, а круглое — христианским святилищем (Исаков и др., 1977, с. 94). Нам кажется, что здание Коштепе является святилищем — храмом огня. Первое помещение с алтарем было святилищем, второе, круглое, — хранилищем огня. Планы круглых помещений Коштепа и Хеловерда аналогичны планам башен-хранилищ огня сасанидского периода в Парсе (Варджованд, с. 110—120, р. 3).

В Бунджикате на цитадели раскопан культовый комплекс со святилищем огня. В центре святилища расположен пирамидообразный алтарь огня (материал не опубликован).

В сельских поселениях культовый комплекс раскопан на Актепе Юнусабодское (раньше называлась Актепе под Ташкентом). Руководитель раскопок М. И. Филанович включает в него помещения 1—2 и 4—8 (Филанович, 1983, с. 106—109). Она также считает, что помещение 3 было храмом и одновременно залом — мехманханой. (Там же, с. 108). Последнее маловероятно, так как это помещение находилось у самого входа и скорее служило просто вестибюлем.

Помещение 2, на наш взгляд, было святилищем, а в помещении I могли жить маги, служители культа огня. Что касается колодца со ступенчатым ходом, то это, видимо, тайный ход в замок. Такие тайные ходы были и в культовых сооружениях в замках. Такой ход, в частности, обнаружен нами в замке Наврузшах (материал не опубликован), в горном Согде.

Помещение 5, возможно, связано с культом идолов. По данным источников (Наршахи, с. 25; Табари, с. 3812, 3841), рядом с помещением культа огня находилось помещение культа идолов. Но нигде не говорится, что святилище культа предков находилось рядом с храмом огня. Расположение дверного проема в восточной стене, обращенной к солнцу, а также светильники могли служить для освещения идола или идолов, которые находились на суфах. Помещения 6 и 8 связаны тоже с культом огня. Помещение 6, возможно, является хранилищем огня; именно здесь мог находиться неугасимый огонь. Жилые помещения замка, занимавшие, видимо, второй этаж, до нас не дошли. Хозяйственные комнаты находились на восточной части.

Таким образом, замок Актепе, как и Гардани Хисор и Кум, состоял из жилых, культовых и хозяйственных помещений.

Уникальность Гардани Хисор и Кума среди сельских памятников Средней Азии заключается в том, что в них сохранились все элементы дворцового сооружения. И именно они показывают, что дворцовые сооружения в сельской местности подражали дворцовым комплексам крупных столичных центров, хотя и уступали им по размерам и, возможно, количеству помещений и монументальности.

Как уже отмечалось, во дворце Кума раскопано два зернохранилища, которые, как мы предполагаем, были личным зернохранилищем царя. Судя по сообщениям Наршахи, у царя были личные земли, и доходы от них поступали в царские амбары (см. гл. V). Археологические материалы как будто-бы подтверждают это сообщение.

После открытия дворца в Гардани Хисор возникло предположение, что он был местом пребывания Девашти́ча и его фрамандара. Теперь, когда в Куме раскопан дворец, который по количеству залов и внутреннему убранству помещений превосходит дворец Гардани Хисор, можно говорить с уверенностью о том, что резиденция правителя была здесь. Об этом свидетельствует также расположение рядом с дворцом большого государственного хранилища; таким хранилищем мы вправе считать помещения кумского замка. В замке хранили зерно и другие продукты, поступавшие от населения в виде натурального налога (Якубов, 1979, с. 57—70). Здесь находилось место складов Девашти́ча по Буттаму. Судя по мугским документам, в начале 20-х годов VIII в. фрамандар Девашти́ча все время был в Буттаме. Он вел учет зерна и скота, поступавших из горных селений, осуществлял контроль за выполнением приказов Девашти́ча о поставках, перевозках и выдаче различных продуктов со складов, находящихся в Буттаме.

После раскопок замка как большого хранилища, дворца — места жительства правителя, и вообще поселения Кума как крупного и сильно укрепленного пункта, становится понятно, почему Девашти́ч вместе с восставшими согдийцами в 722 г. прибыл в Кум и дал арабам здесь первый бой. Возможно, Кум был его личным царским селом.

ГЛАВА IV

АРХИТЕКТУРА И ИСКУССТВО.

1. АРХИТЕКТУРНО-КОНСТРУКТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Об архитектуре и строительном деле горного Согда в настоящее время лучше всего мы можем судить по материалам раскопок Гардани Хисор. Поэтому в основу этого раздела легли именно гарданихисорские материалы. Данных о других памятниках используются нами лишь в дополнение к ним.

Строительные материалы. Основными строительными материалами были кирпич-сырец, пахса и камень. Кирпич-сырец делали на месте из глины двух цветов: красной и зеленой (красный сырец преобладает). Сырец — прямоугольный, его размеры колеблются от 46 до 52 см в длину, от 24 до 26 см в ширину и от 8 до 12 см в толщину, т.е. соответствует общим пропорциям и размерам сырца VI—VIII вв. Согда, Уструшаны, Ферганы и других районов Средней Азии. Сырец Гардани Хисор ближе всего по размерам к сырцу замка на горе Муг, крепости в селении Кум и Пенджикента.* Пахсу обычно готовили из серой глины, но на Гардани Хисор она встречается и из красной глины. Камень, в основном известняковый, добывали, видимо, у подножья Гардани Хисор (на расстоянии 300 м), на правом берегу сая Парвог. Известняковая порода здесь хорошо расслаивается и является легкообрабатываемым материалом для строительства.

Стены. Конструкции стен Гардани Хисор делятся на четыре вида: из камней, из кирпича-сырца, из пахсы и комбинированные, т. е. из пахсы и сырцовых кирпичей на глиняном растворе (рис. 22). Из камней сложено большинство нижних частей стен домов жителей поселения, цоколь дворца, лестницы при входе в дома, расположенные на склонах, подпорки улиц. Каменные стены сложены на глиняном растворе. Камни использовались и под деревянные базы для колонн.

В Гардани Хисор большинство стен сложено из кирпича-сырца красного цвета на растворе из зеленой глины. Если же применялся крипич из зеленой глины, то для раствора шла красная краска. Кирпичи клались вперевязку тычком и ложком с различными интервалами. Расстояние между кирпичами зависит от толщины раствора, который клался в одном месте толще, в другом

* О размерах сырцового кирпича в Средней Азии VI—VIII вв. см. Воронина, 1953, с. 24; Нильсен, 1966, с. 204—208.

тоньше (в некоторых местах — 9—10 см). Исходя из этого, размеры вертикальных и горизонтальных швов между кирпичами колеблются от 5 до 9—10 см. Кирпич-сырец применялся в Гардани Хисоре для сооружения как парадных и хозяйственных помещений, так и наружнооборонительных стен. Кладка сырца красного цвета — на растворе из зеленой глины или наоборот, зеленого кирпича — на растворе из красной глины (рис. 30). Пахса формовалась, как уже говорилось выше, из серой и красной глины. Размеры пахсовых блоков колеблются: высота от 60 до 100 см, длина от 60 до 120 см, ширина вертикальных швов между блока-

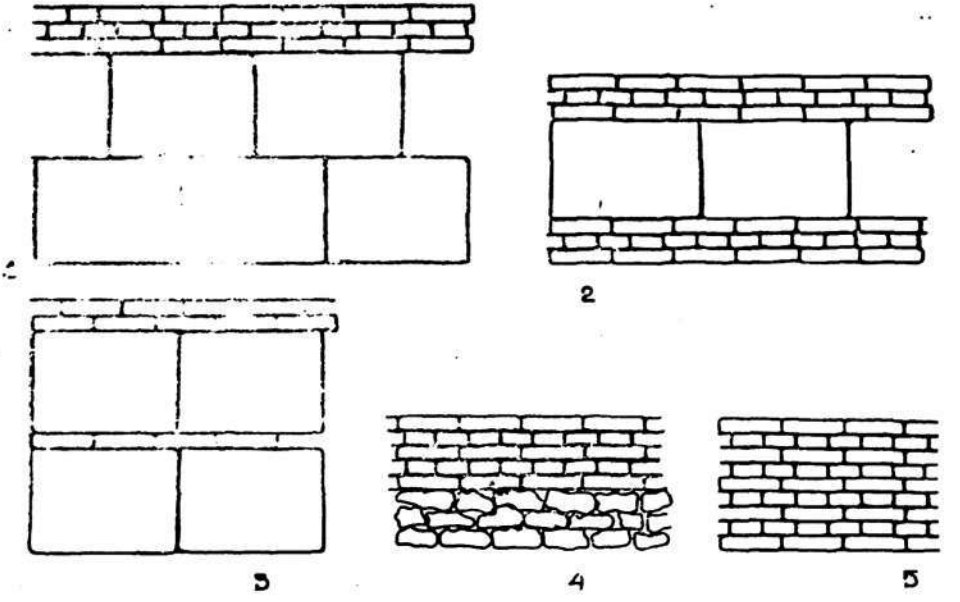


Рис. 22. Конструкции стен (виды кладки в стенах)

ми от 2 до 5 см, глубина швов от 15 до 20 см. Горизонтальные швы между блоками входной постройки (пом. 1 и 2) уложены рядом кирпича-сырца. Чередование блоков с кирпичной прослойкой встречается в Средней Азии этого времени нередко, например в Пенджикенте (Ставиский, 1950, с. 95), Джумалактепе (Нильсен, 1966, с. 228), Шахристане (Негматов, Хмельницкий, 1966, р. 35) и др.

Комбинированная кладка в Гардани Хисор весьма распространена. Так, стены дворцовых помещений 21, 20, 23 и 22 снизу сложены из ряда кирпичей, на нем стоит метровый ряд пахсовых блоков, а вслед за блоками снова идет сырец. Стены помещений 11 и 15 снизу сложены из трех рядов кирпича, а в верхней части — из пахсовых блоков. Встречаются стены, одна часть которых сложена из кирпича, а другая из пахсы (например, западная стена пом. 12). Стены из пахсовых блоков достраивались из кирпича-сырца. Такой прием тоже широко применялся в архитектуре Южного Таджикистана (Литвинский, Зеймаль, 1971, с. 36—40). Если, с одной стороны, применение в пахсовых стенах кирпичных выстилок в какой-то степени предотвращало появление больших сквозных трещин, то, с другой стороны, чередование кирпичей пахсовыми блоками придавало стенам декоративный вид.

Стены построены по всем правилам строительной техники тогдашнего периода. Для того, чтобы предостеречь стены от влаги, в основании их клали в несколько рядов (местами до 1 м) камни. Это придавало стенам прочность и фундаментальность, благодаря чему стены домов Гардани Хисор сохранились в нижней части (поэтому без особого труда восстанавливается их планировка). Нам кажется, что одной из причин хорошей сохранности сельских домов Гардани Хисор и Кума как раз и были их каменные основания.

Надо отметить, что многие дома поселения Гардани Хисор расположены на склоне, поэтому перед закладкой помещения первоначально выкапывалась и подготавливалась горизонтальная площадка. В некоторых домах, располагавшихся у уступа, кладка стены проводилась следующим образом: вдоль среза на всю высоту уступа шла кирпичная кладка толщиной в один кирпич. И лишь выше уступа создавалась кладка в два кирпича, где производилась привязка нижнего ряда с верхним. Этим приемом выстроены восточные стены в поселении помещений 44—45, 48, 50 и 54. Этот прием оказался непрочным: стены начали разрушаться. Поэтому в помещениях 44, 49—50 и 54 к восточным стенам были пристроены дополнительные стены. Только в помещении 45 стена осталась не разрушена.

Судя по этнографическим данным, раньше иногда строили помещения, вырытые в склоне, задние и боковые стены которых составляли стены естественной выемки, и только передняя стена возводилась из камней (Давыдов, 1973, с. 14). В Гардани Хисор такие дома, где частично стенами служили бы естественные срезы, обнаружены в домах VI—VIII и XIII. Толщина дворцовых стен

больше 1 м, и они незаметно снизу вверх сужаются. Толщина стен сельских домов разная, в одном доме одни стены толще, другие тоньше. На поселении раскопан дом, где имелся второй этаж. Здесь толщина стен местами больше 1 м. Как правило, наружные основные стены толще, чем внутренние. Стены, возведенные на земле без фундамента, первоначально обмазывались грубой глиной от руки, потом покрывались тонким слоем более качественной глины при помощи мастерка. После последнего слоя штукатурки стена выглядела гладкой и ровной.

Методы и строительные приемы возведения стен в современных селениях Верхнего Зеравшана совпадают со строительными приемами возведения стен VI—VIII вв. этого же района. Этнографические данные показывают, что до появления каркасов стены не имели специального фундамента (Давыдов, 1973, с. 14).

Сейчас в Верхнем Зеравшане распространены шесть видов конструкций стен: из камней, пахсы, кирпича, комков глины и деревянного каркаса. Надо отметить, что современные стены, кроме каркасной, по всем конструктивным приемам уступают стенам V—VIII вв. Они тонкие, сейсмически непрочные.

Платформа. Помещения замка стояли на искусственно поднятой платформе, вытянутой с севера на юг на 31 м и с запада на восток на 25 м. Первоначально на месте дворца был вытянутый холм. Его западная часть была относительно ровной, а северная, южная и восточная покатой и обложена внизу камнями, а сверху пахсой и кирпичами. Так возникла площадка, среднюю часть которой занимал естественный холм, а боковые — искусственный. Площадку разделили на три части. На южной были построены входные и примыкавшие к ним с запада помещения. Среднюю часть занимал двор. На северной половине располагались основные парадные помещения. Эта часть платформы из кирпича-сырца приподнята на три метра выше поверхности двора. Главный фасад цоколя, толщиной 3,5 м, сложен из пахсы. Внешняя сторона оформлена пахсовыми блоками 60 х 60 см. На этой пахсовой платформе размещался колонный айван. Через него проходил основной поток людей, кроме того айван находился под постоянным воздействием ветров и осадков. Строители Гардани Хисор, видимо, боялись, что кирпичная платформа не выдержит такой нагрузки и при возведении этой части платформы исходили из высоких инженерно-конструктивных особенностей пахсы. Платформа снизу вверх сужается и приобретает вид усеченной пирамиды. Восточная половина постройки расчищена на два этажа, поэтому высота стен комнат первого этажа здесь равнялась высоте стены цоколя западной части, а полы верхних помещений сливались с теми, которые стояли на платформе. Надо отметить, что и здесь строители проявили свое умение. Восточное крыло построено на очень крутом склоне, поэтому высота каменной стены цоколя местами превышала 1 м, а выше стены помещения были сложены из толстых пахсовых блоков. В результате стены прочно стояли на крутом склоне холма.

Шурф в помещении II дворца показал, что цоколь Гардани Хисор, в отличие от других платформ дворцов и замков этого периода Средней Азии (Нильсен, 1966, с. 215—221), целиком сложен из кирпича-сырца размером 52—48 х 27—25 х 12—10 см на глиняном растворе.

В. А. Нильсен пишет, что «платформы под здания в предарабскую эпоху были одним из основных элементов отдельно стоящих сооружений» (Нильсен, 1966, с. 215). Однако В. А. Нильсен не освещает вопроса о причине строительства таких высоких платформ.

С. П. Толстов, говоря о платформах замков VI—VIII вв., указывал, что их использование было очень важным усовершенствованием оборонительной техники, в результате чего кешк становился недоступным для стенобитных орудий и подкопов. Жестокая гражданская война, борьба общинников против растущих элементов феодализма — вот причины перехода к донжонам с массивным цоколем — высшему достижению оборонительной техники домусульманского Хорезма (Толстов, 1948, с. 153). Возможно, кроме оборонительного значения здание над цоколем могло играть также роль наблюдательного пункта: с него хорошо просматривалась окружающая местность и при появлении врага по сигналу наблюдателя жители быстро могли занимать свои места, а воины — линию обороны. Кроме того, отсюда в мирные дни правитель мог наблюдать за жизнью своих подданных как в городе, так и в селении.

Однако высокие цоколи возводили не всегда и не везде. Их строили прежде всего в равнинных районах Средней Азии: в Хорезме, Бухаре, Согде и т. д. В горных районах, вопреки мнению В. А. Нильсена и В. Л. Ворониной, отдельные здания стояли не на искусственной, а на естественной платформе, например, замок на горе Муг находился на естественной платформе, только его южная часть была частично обложена каменной кладкой. Эта часть здания построена на скале специально, так как здесь скала ровная и отвесная. Обкладка камнями делала ее труднодоступной для врага. Остальная часть замка стояла на чистом материковом слое: сама вершина горы Муг играла роль хорошего оборонительного цоколя.

Многие здания в горных районах Верхнего Зеравшана построены на склоне холма, чтобы подготовить ровную площадку для строительства будущего замка, наклонную часть искусственно выравнивали. Поэтому часть здания стояла на материке, а часть — на искусственной платформе. Так, например, был построен замок поселения Кум: часть его возведена на материке, а часть — на искусственно приподнятом на 1,5 м стилобате. Если же холм был сверху ровным, то здание строили безо всякого цоколя. Так стояли замки Калаи Мирон, Филмандар и Каджара (Исаков, 1975, с. 537—538): их холмы являлись естественными оградами и играли роль цоколя.

Таким образом, если не считать замка Гардани Хисор, в гор-

ных районах Верхнего Зеравшана субструкциями стилабатов служили естественные холмы.

Полы. Во дворце, где помещения стоят на сырцовом цоколе, полы были кирпичные. В домах поселения более распространенным был материковый пол. В некоторых домах пол состоял из утрамбованной земли. Полы сверху обмазывались глиной. В некоторых домах в результате периодического ремонта пол состоял из нескольких слоев глины.

Суфы встречаются во многих жилых помещениях. Стены суф некоторых жилых помещений поселения сложены из кусков кирпича-сырца и камней. Заполняли суфы строительными отходами: кусками кирпича, камнем, глиной и землей. В некоторых домах суфа была естественной. В таких помещениях посередине находилось прямоугольное углубление, стенки его там, где имелись разрушения, закладывались камнями или кусками кирпича, а местами обмазывались просто глиной; вокруг углубления, таким образом, образовалась суфа. Стены и поверхность суфы тщательно обмазаны. Обмазка, как и штукатурка, состоит из довольно хорошо обработанной и тщательно очищенной от камней глины с примесью мелкой соломы. Такие суфы были в помещениях 44, 47, 53 поселения.

Базы и колонны. Колонны в помещениях Гардани Хисор были деревянными и до нас не дошли. Сохранились только деревянные полуобугленные базы. В зале дворца раскопаны остатки от двух деревянных баз размером 80 x 80 и 90 x 83 см. В нижней части эти базы состояли из трех хорошо обработанных брусков, уложенных штабелем. Так, в основании юго-восточной базы зала лежали три тридцатисантиметровых бруска. В нижней части базы имелись две ступеньки (рис. 23): первая имела 5 см в высоту и 3 см в ширину, вторая — 3 см в высоту и 2,5 см в ширину. Обе базы колонны в зале по форме напоминали усеченную пирамиду.

В помещении 7 входной постройки обугленные базы сохранились лучше, чем в зале. Внизу они были сложены из двух больших и толстых брусков. Выше были уложены еще три бруска меньшего диаметра (рис. 23, 3). Базы здесь тоже имели форму усеченной пирамиды, но в отличие от баз зала у них не было ступеньки-плинтуса.

Таким образом, остатки баз колонн в помещении 7 входной постройки и парадного зала дворца позволяют сделать вывод, что в Гардани Хисор, как и в Пенджикенте, применялись деревянные базы. Можно примерно реконструировать деревянные базы парадного зала. Они состояли из 7 обработанных довольно толстых брусков. Три из них были положены в основание, три, меньшей ширины, — над ними, а еще два — выше, т. е. база состояла из трех рядов, уложенных в виде усеченной пирамиды друг над другом брусков.

Базы зала дворца Гардани Хисор отличаются от опубликованных деревянных баз Средней Азии этого периода (Нильсен, 1966, с. 91). Двухступенчатость их нижней части в какой-то степени

напоминает каменные торовидные базы. Базы зала Гардани Хисор похожи на деревянные базы Пенджикента.

В помещении 2 на суфе была найдена обгоревшая деревянная база (42 х 42 см), имевшая форму усеченной четырехугольной пирамиды. Стены базы были украшены арками.

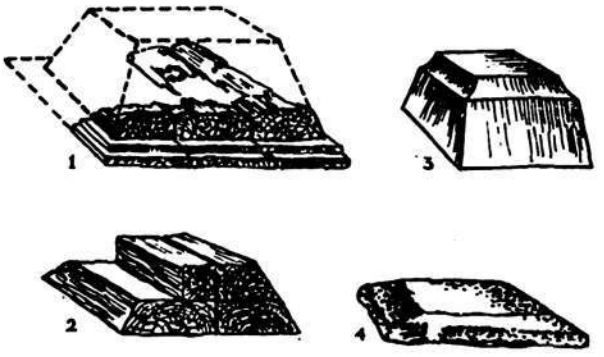


Рис. 23. Базы колонн с элементами реконструкции

Лучше сохранились нижние части глиняных баз в домашних святилищах Гардани Хисор. Как и деревянные, они имели форму усеченной четырехугольной пирамиды. В верхней их части видно круглое кольцо-валик, отделявшее кузаги от базы (рис. 24).

Под базой в полу раскопаны вымостки из небольших камней или плоских каменных плит. На поселении колонны стояли на плохо или почти необработанных плоских камнях разной формы. Судя по глиняным колоннам, которые сохранились в святилищах Гардани Хисор и соседнего поселения Кум, стволы колонн здесь были круглые. О верхней части колонн можно только догадываться. Судя по находкам в древнем Пенджикенте, верхние части многих колонн и подбалки были резными (Воронина, 1959, р. 13).

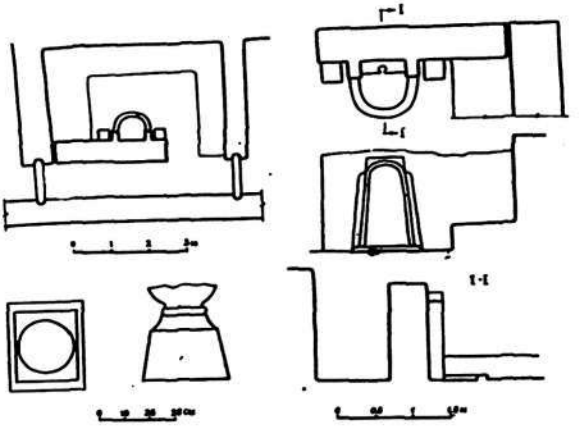


Рис. 24. Остатки базы и колонны в святилище на поселении Кум

В зале помещения 7 входной постройки найдена полуобугленная подбалка. Резьба сохранилась фрагментарно, восстановить ее трудно. Найденные фрагменты отдельных частей деревянных колонн Гардани Хисор позволяют предположить, что оформление верхней части было подобно пенджикентскому, близко оно было также убранству деревянных колонн Верхнего Зеравшана IX—X вв. (Воронина, 1950, с. 210—215).

Дверные проемы. В Гардани Хисор получены ценные данные для изучения устройства дверного проема. Так, во многих помещениях у входа сохранились остатки деревянного порога. В помещениях, где не сохранился деревянный порог, остались в стенах проема две выемки от дверного порога, а в помещениях 1, 3 и 5 входной постройки и в помещении 6 дворца в проемах сохранились не только обуглившиеся пороги, но и остатки боковых стоек.

Дверной проем сохранился целиком только в помещении 75 дома XIX. Здесь над проемом сохранились четыре сгнившие горизонтально положенные круглые балки. Над балками возведена кирпичная стена. Дверной проем в помещении 22 дворца был оформлен аркой. В боковых щеках проема здесь нет гнезда от деревянного порога, т. е. здесь не было двери. Арочный проем обнаружен в стене одного из помещений дома XIX (рис. 25). В результате перепланировки он был заложен.

Все входные проемы помещений замка Кума, подобно помещению 75 дома XIX, имели прямоугольную форму.

Таким образом, в Гардани Хисор проемы были арочными и прямоугольными, с балочным перекрытием.

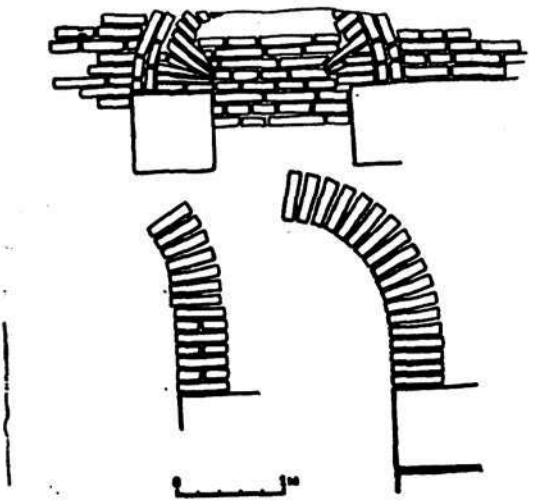


Рис. 25. Арочные проемы.

Следы деревянных дверей сохранились во всех помещениях поселений Гардани Хисор и Кум.

Пороги были двухступенчатые, в них сохранились три выемки: две — прямоугольной формы, для вертикальных боковых стоек и одна — круглая, для дверного штыря (рис. 26).

Сопоставляя материалы дверных проемов Гардани Хисор с деревянными системами дверных конструкций современных домов таджиков Верхнего Зеравшана, можно увидеть, что дверные конструкции не изменились здесь с раннего средневековья вплоть до современной народной архитектуры таджиков. Как и сейчас, дверная коробка в VII—VIII вв. состояла из двух боковых стоек и нижней и верхней обвязки. Выступающие концы верхней и нижней частей обвязки заделывались в стену. Для того, чтобы плотно закрывалась дверь, в пороге и в верхней обвязке был проделан паз. Он показывает, куда открывалась дверь: если паз в дверной коробке был расположен внутри помещения, дверь открывалась изнутри, если паз находился снаружи, то она открывалась с наружной стороны.

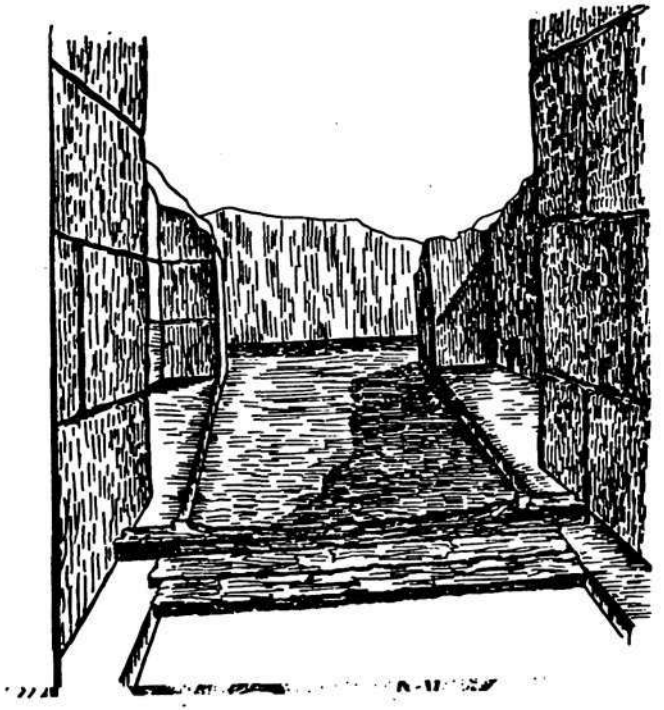


Рис. 26. Порог в главном входе.

Порог и перекладина изготовлялись из массивных толстых бревен или досок. Порог частично был вкопан в землю. Обычно под порогом укладывались камни, служившие подпоркой для двери и одновременно предохранявшие ее от гниения.

Если дверь была одностворчатой, то в пороге и в перекладине имелось по три паза, если двухстворчатая — по четыре. Трехпазные пороги показывают, что большинство домов в Гардани Хисор

были одностворчатые. Возможно, в парадных помещениях дворца, особенно в зале, двери были двухстворчатые.

Дверь главного входа в поселении была также двухстворчатая. Как было отмечено выше, в главном входе сохранился обугленный деревянный порог, состоявший из четырех досок. Порог, где была укреплена деревянная коробка, имел четыре паза — два прямоугольных, для боковых стоек, а два других — округленные, для подпятника двухстворчатой двери. Двери были дощатые и филенчатые. Фрагменты дощатой двери найдены в помещении 5 входной постройки, а филенчатой — в помещении 6 дворца (рис. 27).

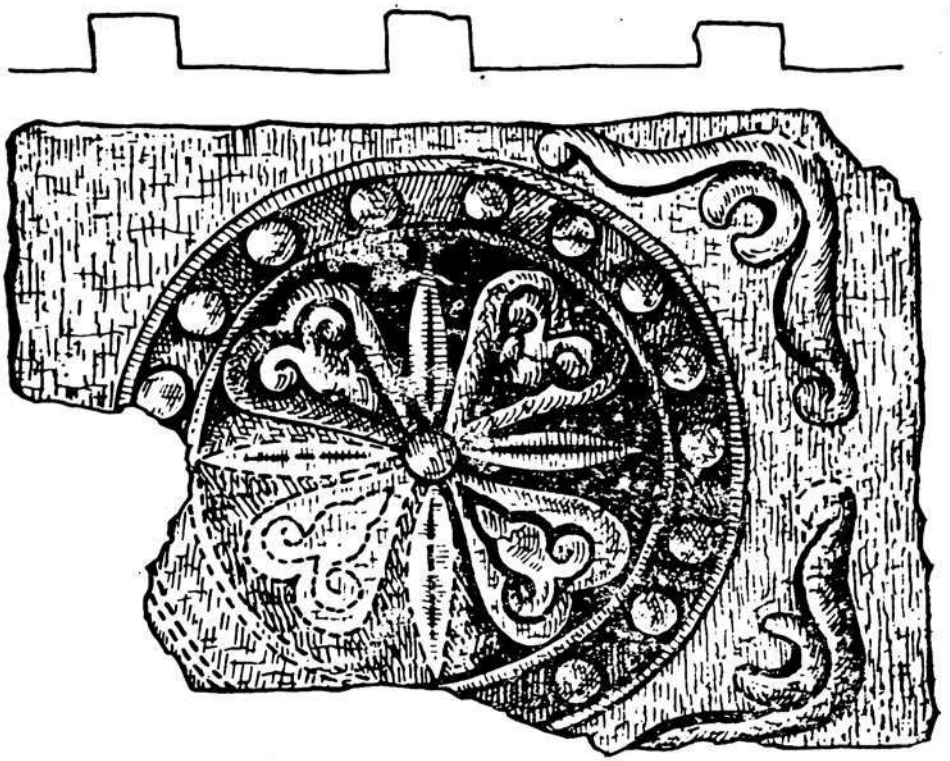


Рис. 27. Фрагмент резной двери

Исследование дверных проемов Гардани Хисор и Кума показывают, что в VII—VIII вв. здесь преобладали плоские балочные перемычки. Только в помещении 22 Гардани Хисор над входом была кирпичная арка. Кирпичи в ней были уложены, как в замке на горе Муг: клинчатой кладкой с чередованием широких и узких сторон. В помещении 22 проем был без двери. Без дверей были и помещения замка на горе Муг. Во дворце Гардани Хисор четыре помещения (11, 14—15, 22) также не имели деревянных полотнищ. Помещения 9, 11, 15 составляли единый комплекс, и дверь была только у входа в переднюю комнату. Помещения 20—

22 тоже имели один общий вход, но двери здесь были в двух помещениях — 20 и 21.

Вообще, вопреки мнению, что внутренние входные проемы в большинстве случаев не имели деревянных дверных полотнищ (Нильсен, 1966, с. 232), материалы Гардани Хисор и Кума показывают, что помещения без деревянных дверей были здесь редкостью. На поселении все комнаты имели деревянные двери. Много их было и в помещениях дворца Гардани Хисор. Например, при входе в коридор (16—17) в группе помещений восточного крыла имелась общая дверь. Казалось, что здесь были в основном расположены хозяйственные комнаты, и одной общей двери им было вполне достаточно. Но хозяина это не удовлетворило, и помещение 23 сразу же справа от лестницы приобрело отдельную дверь. Общий вход в помещение 20 и 21 тоже имели двери.

Еще один пример—коленчатый в плане проход в парадной части дворца с двумя дверями, расположенными на расстоянии 60 см друг от друга. Из главного коридора дворца входы вели в зал и в помещения 1—2, 4, 5, 6 и 12, и все эти комнаты имели отдельные двери, причем при входе в помещение 2 их было две.

Около порога помещения 6 дворца найдено несколько фрагментов тонкой доски (рис. 28). Эти фрагменты принадлежали, вероятно, полотнищам двери, которая состояла из двух или трех досок, соединенных между собой деревянными шипами. Дверь была резная. Сохранилась и часть боковой стойки, тоже резная. Фрагменты двери из помещения 6 показывают, что двери могли составляться не только из целых кусков дерева, но и быть филенчатыми. Шипы для их соединения имели вид маленькой дощечки, шириной в 3 см, длиной 8—9 см и толщиной в 2 см. В середине эти шипы утолщены. Много таких обугленных шипов встречено в помещении 2 парадного комплекса, и все они похожи на соединительные шипы современных деревянных дверей Верхнего Зеравшана, которые мы не раз видели в разных его поселениях.

Входные дверные проемы в Гардани Хисор выходили на улицу и не имели определенной ориентации. Там, где улица располагалась ниже, чем порог, перед входом были построены каменные ступенчатые лестницы (такие лестницы открыты нами перед V—VI домами, аналогичные лестницы были и перед другими домами). Там, где улица выше, лестница вела из дома на улицу (такие лестницы вскрыты в домах I, II, III, XIX, XX, XXI), рис. 29, а и б).

Окна. На поселении стены сохранились ниже расположения оконных проемов. Судя по живописи древнего Пенджикента и данным этнографии, оконные проемы были расположены на фасадах, выходящих на улицу. Над дверными проемами имелись фрамуги. В живописи помещения VI объекта древнего Пенджикента сохранилось изображение второго этажа, на стенах которого были решетчатые окна — панджары, деревянные балконы (Беленицкий, 1973, с. 25).

По данным этнографии, в большинстве современных домов

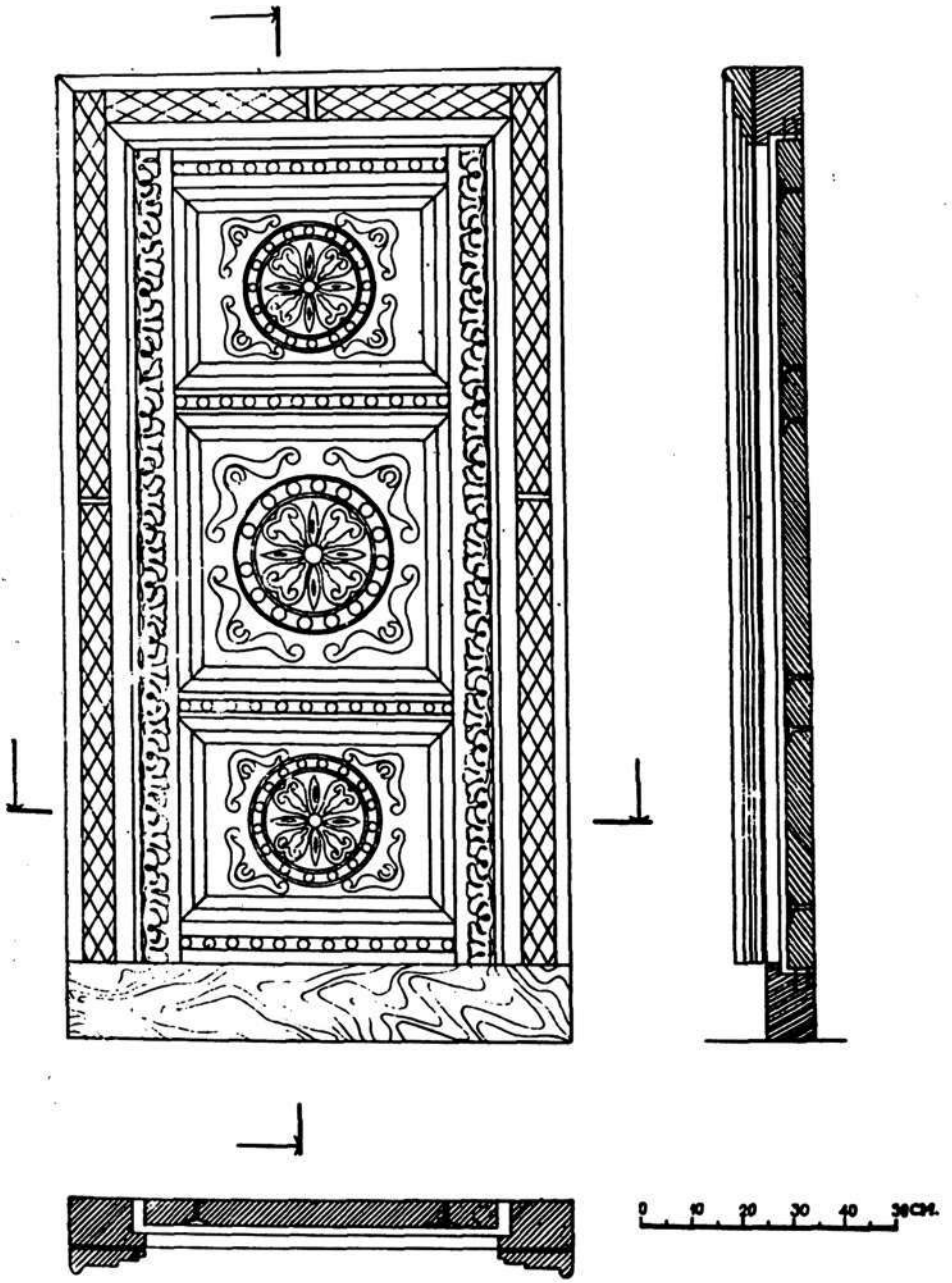


Рис. 28. Резная дверь из помещения 6 дворца (реконструкция)

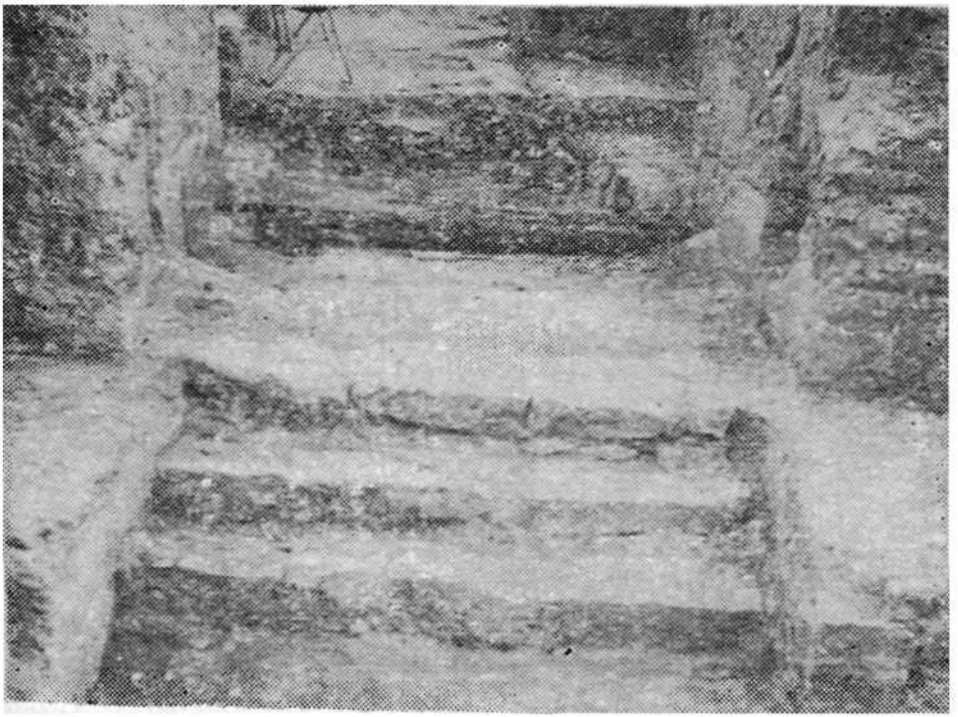


Рис. 29*а*. Каменная лестница парадного входа дворца Гардани Хисор

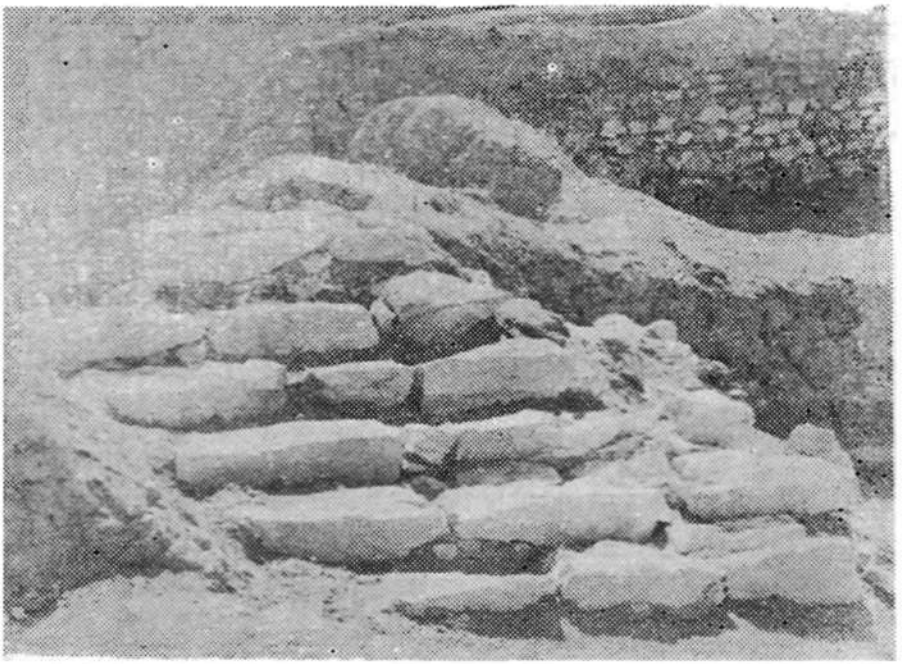


Рис. 29*б*. Каменная лестница перед домом XI на поселении Гардани Хисор

Верхнего Зеравшана источником дневного света и вентиляции служит небольшое окно-панджара, вставленное над дверью. Причем в некоторых домах окно существует без панджара, стекла, т. е. открытое окно. Панджар состоит преимущественно из деревянной дощечки. Только в мечетях имеются узорчатые алебастровые панджары. Кроме того, в современных домах на фасадах, выходящих на улицу или открытые места, делают окно (дарича) с закрываемыми деревянными ставнями.

Перекрытия. В Гардани Хисор перекрытия были балочные, плоские и сырцовые сводчатые, причем преобладали первые. Сводчатые перекрытия здесь применялись преимущественно для хозяйственных и коридорообразных помещений, и то не всегда. Эти помещения в основном были расположены на восточном крыле парадного комплекса и служили к тому же опорой для разместившегося над ними помещения второго этажа. Здесь на стенах помещений 20—23 сохранились остатки сводов, а остальные (16—19) имели плоские деревянные перекрытия (рис. 30).

В верхнем парадном комплексе сводчатыми были, видимо, лишь две комнаты-кладовки (пом. 1). В первом из них на южной стене сохранилась пята свода; поверх пахсы здесь лежат пять рядов сырцовых кирпичей вперевязку ложком и тычком, а выше — стоящие на торце кирпичи нижней части коробового, обычного для построек того времени свода.

Любопытно, что строители Гардани Хисор делали сводчатыми только одно помещение — на цоколе рядом с залом, другие же имели плоское деревянное перекрытие. Так же они поступили при возведении перекрытий помещений нижнего этажа восточного крыла.

Сказать, что строители Гардани Хисор не владели техникой строительства сводов, нельзя, так как они здесь, во дворце, и рядом, в Куме, возводили прекрасные сводчатые перекрытия, в которых некоторые кирпичи (40 x 20 x 8 см) сохранились до сих пор.

Как мы отмечали выше, Гардани Хисор погиб от пожара, поэтому плоские перекрытия здесь либо погибли в огне, либо дошли до нас рухнувшими и обгоревшими. Почти во всех помещениях, которые имели плоское балочное перекрытие, при раскопках зафиксированы остатки обгоревшего дерева, причем в некоторых помещениях обнаружены многие детали деревянных конструкций (рис. 31).

В результате кропотливой работы над обгоревшим деревом Гардани Хисор удалось зафиксировать большое количество деталей от плоских перекрытий отдельных помещений. Приблизительно восстанавливается перекрытие пом. 7. Здесь от восточной к западной стене был переброшен прогон, который опирался на две колонны и имел два декоративных продольных ступенчатых паза. Возможно, такой же прогон был и вдоль южной стены, от которой балки были переброшены на северный прогон, находящийся над колоннами. Прогоны были резные, но от резьбы со-

хранились лишь отдельные участки, по которым восстановить рисунок и характер резьбы не удается.

Балки, лежавшие на прогонах, были хорошо отесаны и имели прямоугольное сечение. На лицевой стороне их вырезаны три декоративных продольных валика. Балки чаще всего имели 9 см в толщину и 10 см в ширину; реже встречались балки размером 9 x 9 и 10 x 10 см. В завале собрано много фрагментов деревянных конструкций от перекрытия айвана (рис. 30).

В помещении 7 расчищены также палки диаметром в 4 см

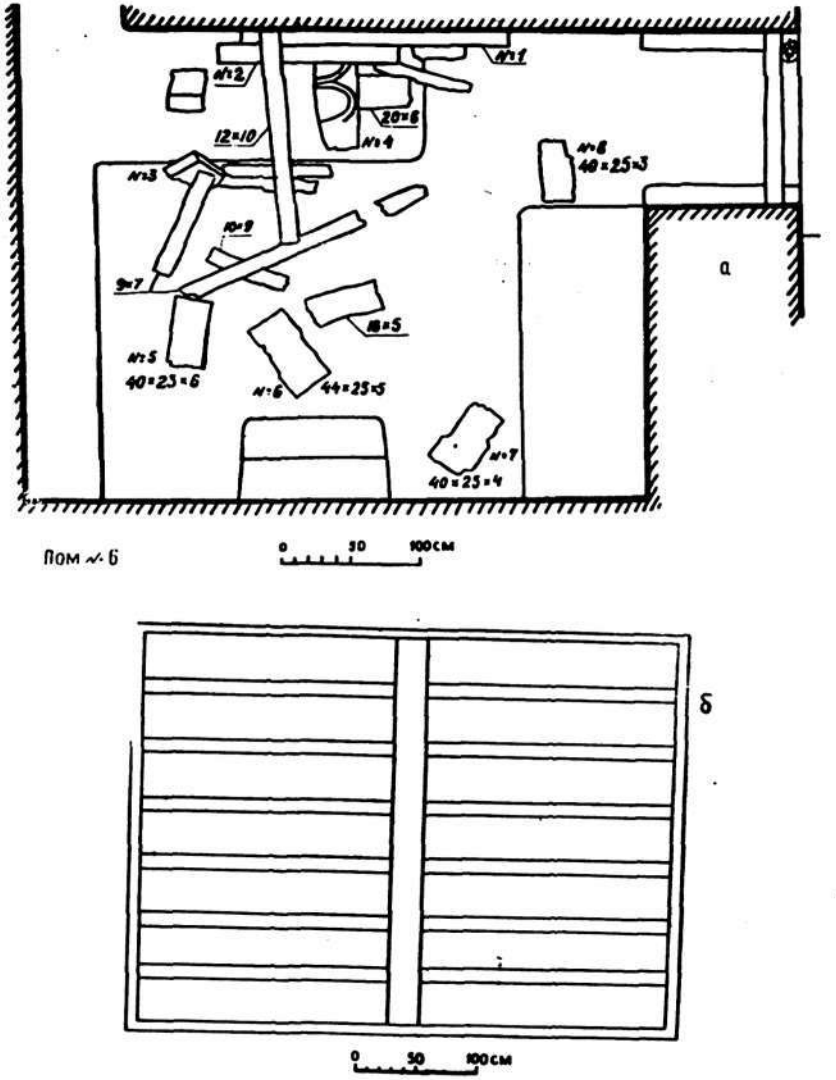


Рис. 30. Обугленные балки в помещениях дворца (а) и реконструкция перекрытия этого помещения (б)

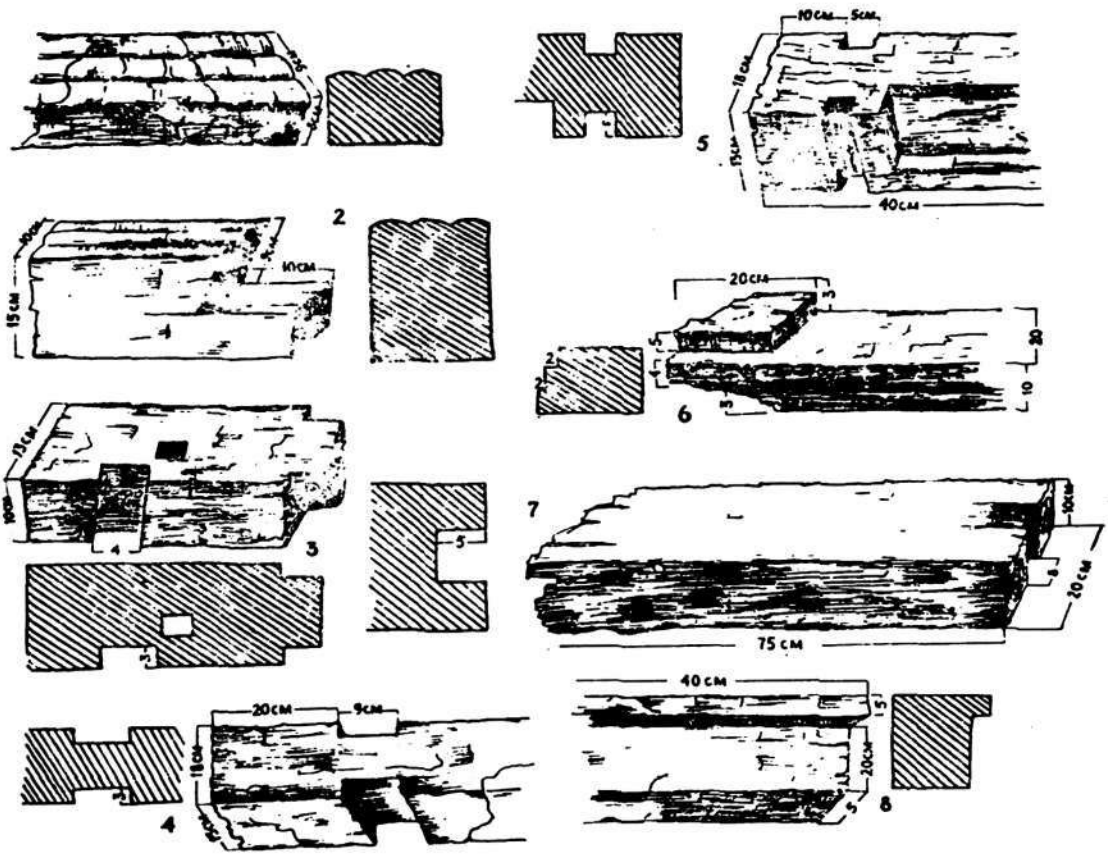


Рис. 31. Фрагменты балки с деталями конструкции

(больше 50 шт.), в 3—3,5 см (7 шт.), от 5 до 5,5 см (6 шт.). Все они были обработаны и округлены и, очевидно, лежали поверх балок. Такой прием перекрытия до сих пор существует во многих районах Таджикистана, в том числе и в самом селении Мадм. Вероятно, как и сейчас, поверх балок клался слой камыша и земли, который сверху обмазывался глиной с саманом. Деревянное перекрытие зала покоилось на четырех колоннах. Раньше предполагалось, что в центре, между колоннами, находился световой люк. Однако для такого предположения у нас не было основания, как и для решения вопроса, каким было перекрытие и во многих других случаях, хотя среднеазиатские археологи предполагают, что перекрытие четырехколонных залов имело так называемый равзан.

Перекрытие типа чорхоны существовало, но без светового равзана в потолке. Имитация чорхоны встречается во многих современных мечетях Верхнего Зеравшана. Например, в мечети Ери (рис. 32) кавсифурумон состоит из дощетчатых наборов, кра-

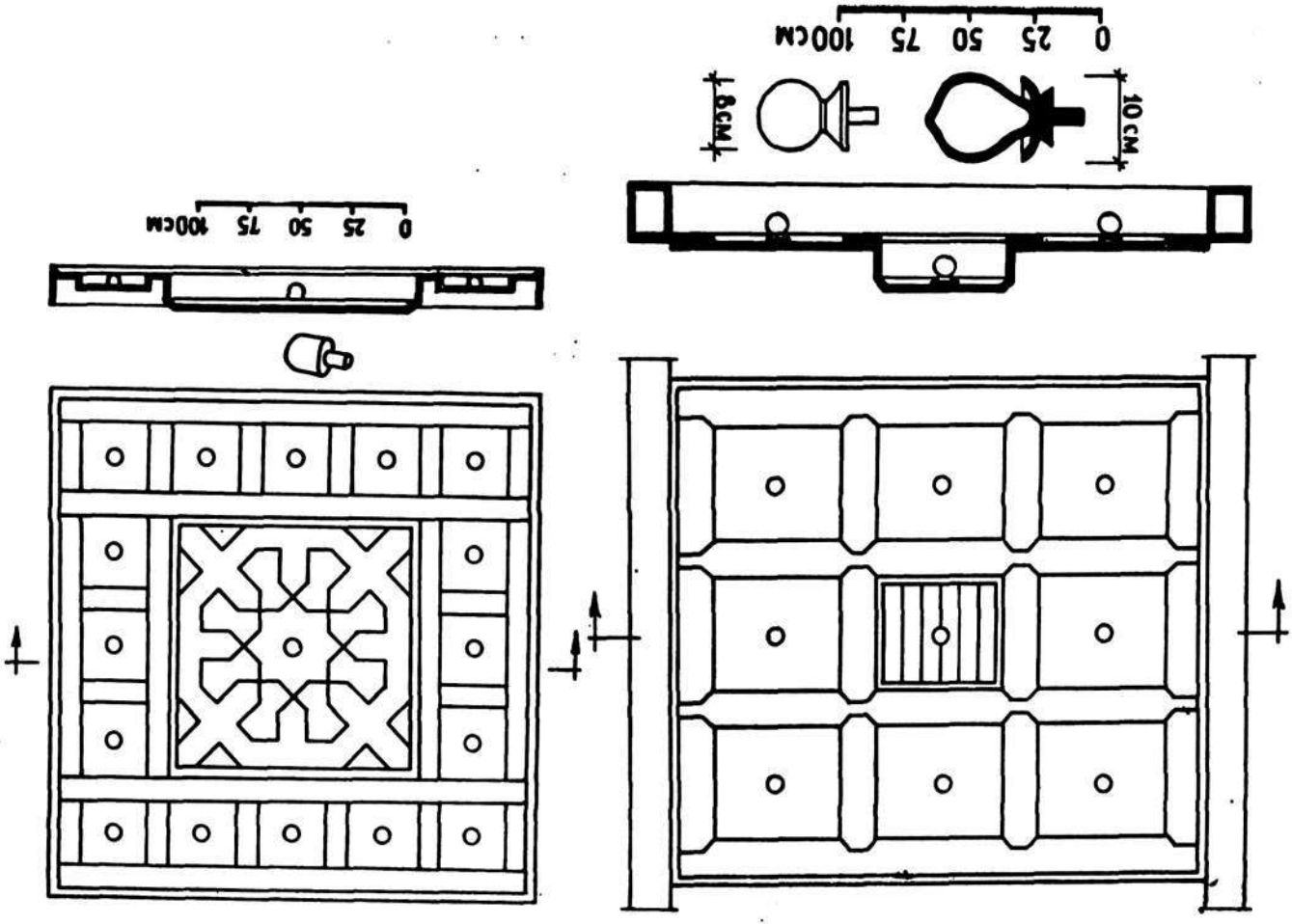


Рис. 32. Хавзаки мечети Ери

сочно расписанных и украшенных шариками и конусами, подобными найденным нами в помещениях 2 и 6 дворца Гардани Хисор (рис. 33).

В зале дворца Гардани Хисор найдены ромбовидные обугленные доски с вырезанными на них арками (рис. 34). Вопрос: где они стояли, какую часть потолка украшали? Эти вставные досточки называются араки и до сих пор применяются в народной архитектуре таджикского народа. Они закладываются между балками, высота которых равна высоте балок (Юлдашев, 1957, с. 7). Ниже их стену украшал резной фриз. На многих обугленных деревянных фрагментах зала сохранились остатки краски. Остатки краски красного, синего цвета сохранились на полу. Очевидно, в центре потолка был плафон типа кавсифурумон. Кавсифурумон был наборным, его детали были красочно расписаны, как современные мехмонхоны и народные общественные здания.

Нам кажется, что аналогичные назначения имели досчатые наборы с изображением людей из помещения 57 (зала) объекта XXIII Пенджикента (Маршак, 1983, с. 55—56).

Восстанавливается перекрытие пом. 2 основного здания. Помещение это имело коленчатую форму, поэтому здесь, в северной части помещения, два прогона были переброшены с южной стены на северную, а два других лежали вдоль этих стен с запада на восток. Восточный и южный прогоны соединялись между собой у поворота восточной стены. Оба они опирались на деревянный столб, который стоял на суфе, на повороте. Между прогонами были переброшены балки небольшого размера (длиной в 1 м и шириной от 10 до 15 см), расчищенные и обмеренные нами в большом количестве. Потолок, включая прогоны, балки, подбалки, карнизы и другие детали перекрытия, был покрыт резьбой (о ней см. ниже).

2. ПЛАНИРОВОЧНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДВОРЦОВ И ДОМОВ

Основная парадная постройка Гардани Хисор в том виде, в каком мы ее знаем, не одновременна и не однородна по назначению. Однако судить о точной планировке помещений парадной части, расположенной на платформе, весьма сложно. Трудности заключаются прежде всего в том, что большинство жилых комнат были расположены на втором этаже, от которого ничего не осталось. Не сохранились частично и помещения 7—8 и коридор (рис. 35).

Отметим, что не в один прием были сооружены и помещения на вершине платформы. Прежде всего здесь в хозяйской юго-западной части были возведены из пахсовых блоков стены южного айвана, парадного коридора (помещение 3), помещение 14, западная часть северной стены святилища (помещение 12), западная, восточная и южная стены большого парадного зала (помещение 10). К этим, как бы черновым, наброскам постройки пристроили сырцовые стены: северную — в парадном зале (помеще-

Рис. 33. Резные детали из помещений 1 и 2 дворца Гардани Хисор

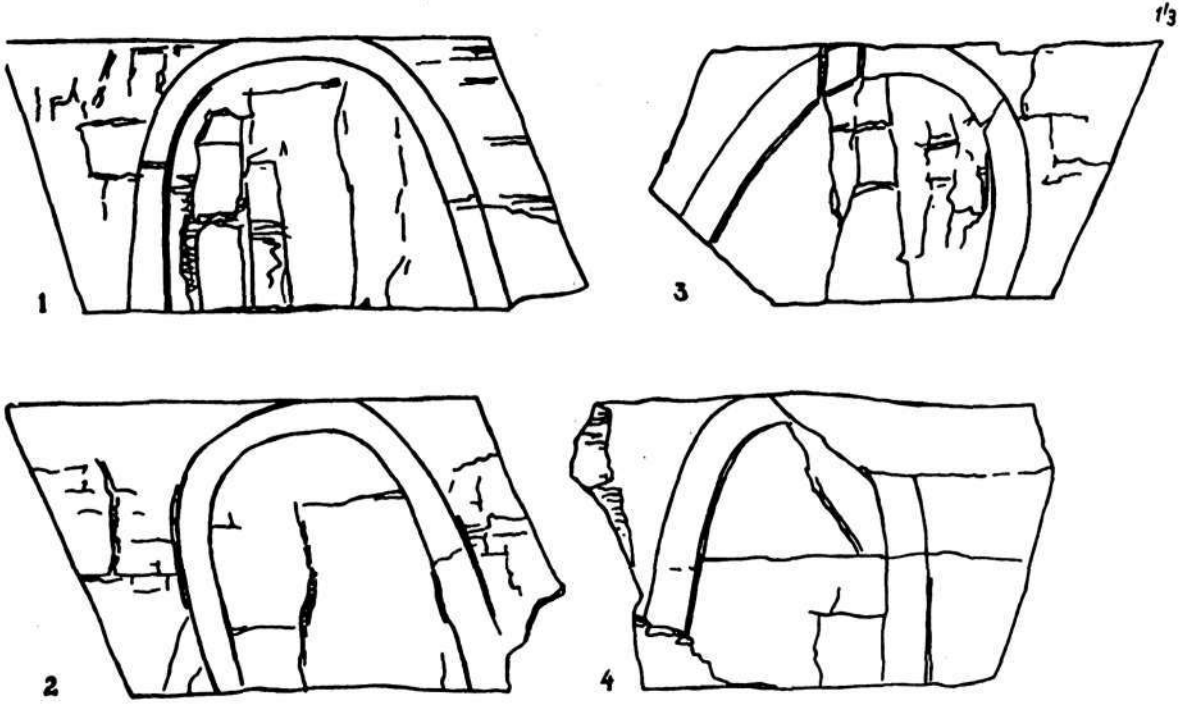


Рис. 34. Арка фриза зала дворца Гардани Хисор

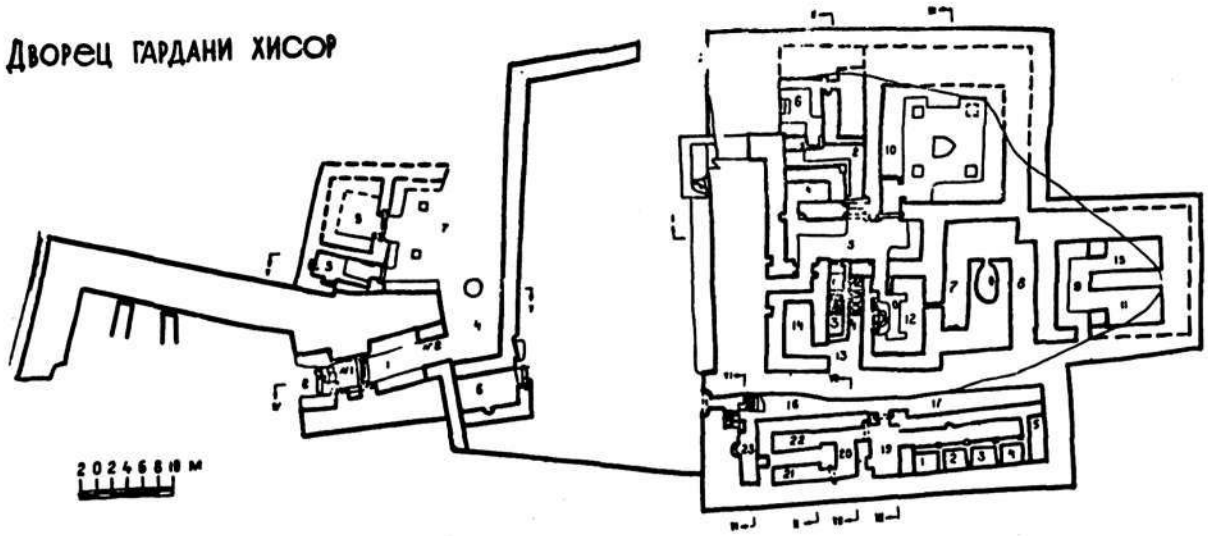


Рис. 35. План дворца Гардани Хисор

ние 10), южную и восточную часть северной стены — в святилище (помещение 12), а также стены, образовавшие в юго-западном углу здания помещения 2, 4, 6 и 1. Тогда же, возможно, возведены и сырцовые стены помещений в северной части здания: все стены помещения 7 и 8, восточная, южная и западная стены помещения 9, западная стена помещения 15. Еще позднее сооружены «комбинированной кладкой» (внизу — сырец, выше — пахса) южные стены помещений 11 и 15 и стена, разделяющая эти помещения.

В целом, видимо, можно полагать, что помещения дворца были построены по заранее намеченному плану, и каждая комната имела свое назначение.

Помещения дворца можно разделить на две части. Первая включала группу комнат, расположенных вокруг вестибюля (помещение 3). Это наиболее парадная часть постройки, служившая для приема гостей: служебные постройки, святилище и др. (помещения 1—4, 6, 10, 12—114). Помещение 3, служившее центральным коридором этой парадной группы комнат, использовалось, возможно, и как место собраний и пиршеств, и как место для отдыха и сна, на что указывают широкие, хорошо оформленные суфы. Так же могли использоваться и большой парадный зал (помещение 10), своеобразный «малый зал» (помещение 6 и ведущий в него коленчатый парадный коридор — помещение 2).

В. Л. Воронина считает, что помещение 6 было святилищем (Воронина, 1974, с. 41). Возможно, оно действительно являлось культовым. У южной стены находилась небольшая двухступенчатая суфа, на которой взрослый человек не мог сидеть: общая ее длина 80 см, высота верхней ступеньки 21 см, ширина 22. Вполне вероятно, что на такой суфе могло помещаться изображение божества или идола, а само помещение могло быть связано с культом идолов. Все упомянутые помещения имели плоские перекрытия и были богато украшены резным деревом; их суфы, а возможно, и стены, как свидетельствуют остатки тканей в помещениях 2 и 10, покрывали ковры и, по-видимому, разноцветные ткани (рис. 30 а).

Однако все помещения, расположенные к югу — юго-востоку от помещения 1 — небольшие, а помещение 2 и 4 — чрезмерно узкие; это наводит на мысль, что над всеми этими помещениями, кроме зала, был второй этаж. Это тем более вероятно, что к югу от помещения 6 имеется незастроенная площадь с выходом в южный айван. Возможно, над этой площадкой стояла лестница, которая вела в помещения второго этажа. Помещения 1, 4, 13—14 были хозяйственные, комната 12 являлась дворцовым святилищем.

В помещениях этой группы отсутствуют очаги. Здесь, вероятно, можно было жить лишь летом; зимой и в холодные дни года на высоте более 2000 м над уровнем моря без отопительной системы жизнь была бы невозможна. Вход был один и находился в юго-восточной части стены помещения 3. Он — коленчатый, с дву-

мя дверьми и ведет в айван. Подобное устройство входа (с двумя деревянными дверьми) как нельзя лучше соответствует местным условиям, предохраняя передний коридор и остальные помещения от сильных ветров, дующих здесь с юго-запада на северо-восток и несущих осенью и зимою дожди и снег. По-видимому, направлением ветра (а не только рельефом местности) можно объяснить размещение кладовых и второго этажа над ними с восточной стороны основного здания.

Вторая группа была расположена в восточной части. К ней относятся помещения 6, 8, 9, 11, 15, а также несохранившиеся комнаты второго этажа. Помещения 9, 11 и 15 в первый период имели хозяйственное назначение. Об этом свидетельствует то, что стены и полы помещений 11 и 15 были обмазаны ганчем. Во второй период эти комнаты составляли единую жилую секцию. Вдоль стены помещения 9 шли суфы, а на южной суфе стоял очаг. Очевидно, обогревалось тогда только помещение 9, а остальные грелись за счет него. Входы в помещения 11 и 15 не имели дверей. Назначение помещений 7 и 8 не ясно. Здесь отсутствуют суфы и очаг. В стене, которая разделяла помещения, обнаружена бесформенная яма с золой, но не похожая на очаг. Очень возможно, что здесь была ступенчатая внутренняя лестница, ведущая на второй этаж. Небольшой пролет и мощные стены помещений 7—9 и 11—15 вполне позволяют предположить существование второго этажа. Во время раскопок часто на растительном слое и на верхней части стен помещений 12, 8 и 7 встречались остатки зольной прослойки, но мы тогда не поняли, каким образом они оказались там. Сейчас можно предположить, что зола на лестницу и на стены попала из помещений второго этажа. Помещения 13 и 14 были связаны между собой и имели хозяйственное назначение.

Все помещения дворца соединялись с южным входным айваном помещением коридорного типа. Вполне вероятно, что помещения 13 и 14 не соединялись с этим айваном, а отделялись от него несохранившейся восточной стеной. В таком случае изоляция хозяйской части комплекса от остальных его частей была еще более четкой. Что касается связи между северо-восточной группой помещений на платформе с лежащими ниже их помещениями 16—23, то она осуществлялась через лестницу, находящуюся в помещении 16. Во-первых, главный вход в них был со двора. Во-вторых, при входе в помещение 16, справа по стене, поднималась ступенчатая лестница, которая вела на второй этаж. Эта лестница была внутренняя, закрытая и не была связана с внешним миром. Она обслуживала только хозяйственно-подсобные рабочие дворы. В случае надобности ею пользовались как черным ходом. В основном на втором этаже были расположены жилые комнаты с отопительной системой.

Группа последних помещений (16—23) имела, несомненно, четко выраженное хозяйственное назначение: здесь, по всей вероятности, хранились немалые запасы зерна, сушеных фруктов,

а возможно, также вин и других продуктов сельского хозяйства.

Помещения этой группы в отличие от остальных помещений комплекса длинные, узкие, а некоторые из них (помещения 16, 18 и 17) неправильные в плане.

Эта группа помещений по планировке похожа на башню кухендиза Пенджикента (Ставиский, 1970, с. 94—95, т. 38) и в некоторой степени напоминает согдийский замок Сарыг (Бернштам, 1950, с. 35—36, т. XV).

Надо отметить, что жилая башня пенджикентского кухендиза вообще имеет много общего со зданием Гардани Хисор: стены многих помещений Гардани Хисор возводились по примеру пенджикентского кухендиза; пахсовые блоки чередовались здесь с рядом кирпича-сырца. Конечно, помещения пенджикентского кухендиза более широкие и просторные. Однако, очевидно, и те и другие имели хозяйственное назначение.

Еще ближе по назначению к нашим помещениям первого этажа помещения в домах в Сарыге: все они сводчатые и имели хозяйственное назначение — служили хранилищем для продуктов и других запасов.

Замок Гардани Хисор относится к числу монументальных дворцовых зданий VII—VIII вв. и пока не имеет аналогий среди раскопанных памятников Средней Азии.

Парадный зал и отдельные жилые комнаты Гардани Хисор можно сравнить с парадными помещениями отдельно стоящих замков типа Балалыктепе, Джумалактепе, Аултепе, Зангтепе. Однако в целом планировка Гардани Хисор отличается от планировок всех вышеупомянутых памятников. Во-первых, замок Гардани Хисор более легкого типа. Он, как Балалыктепе, Джумалактепе, Аултепе и Зангтепе, не имеет отдельной оборонительной стены, но он и не стоит на таком мощном и высоком цоколе, как они. Замок Гардани Хисор в востока и севера окружен крутыми обрывами, недоступными врагу, а с юга и запада входил в общую оборонительную систему поселения. Во-вторых, замок отличается парадностью. Южная часть его платформы оформлена величественным айваном. Среди надцокольных памятников этого периода Гардани Хисор является единственным с таким айваном. Как известно, многие современные парадные здания таджиков имеют айван, и эта традиция не новая. Материалы Гардани Хисор показывают, что пешайван имеет по крайней мере более чем тысячелетнюю историю.

Дворец в основном относится к одному строительному периоду. Пристройки после пожара очень малы и плохо сохранились. Они не внесли ничего принципиально нового в архитектуру замка. Поэтому мы имеем возможность определенно говорить об архитектуре и планировке периода расцвета дворца.

Помещения дворца были своего рода наблюдательным пунктом. Архитекторы специально создали его так, чтобы перед хозяином и обитателями дворца открывалась круговая панорама: живописный горный пейзаж, начиная от белоснежных вершин до-

лины р. Мадм до ее впадения в р. Зеравшан. Хорошо просматривались все горные тропы, идущие в Гардани Хисор.

В планировке дворца хорошо прослеживаются замыслы архитекторов. Цельность и продуманность дворцового комплекса показывают, что строители работали по заранее намеченному плану.

Вдоль главного фасада цоколя шла суфа, где люди сидели и следили за действием, происходившим во дворе. Двор был окружен стеной и имел единственный вход с воротами.

Входная постройка первоначально вполне соответствовала своему назначению служить своеобразными пропилеями Гардани Хисор. Она состояла из двух айванов, один из которых (помещение 2) был обращен наружу, на юг, а второй (помещение 1) — в сторону двора, на север. Оба айвана имели стены из пахсовых блоков и разделялись уступами этих стен и деревянной дверью, сооруженной между уступами. О последующих перестройках помещений 1 и 2 говорилось уже выше. Отметим лишь, что позднее в северной части помещения 2 были сооружены два уступа из сырцовых кирпичей, превратившие это помещение из айвана в коридор.

Планировка и устройство парадного (помещение 1, 2) входа напоминают планы входов Ак-бешимского и пенджикентского храмов (Кызласов, Хмельницкий, 1959, с. 244—245; Беленицкий, 1954, табл. 2).

Вход построен на основе широко распространенной на древнем Востоке колоннадно-айванной традиции. Последняя в Средней Азии постепенно, к рубежу X в., исчезает, сменяясь порталом в виде глубокой ниши. Но айван входной постройки Гардани Хисор уже в VII в. является глубокой нишей, и таким образом, вышеупомянутый процесс образования портала начался немного раньше X в. Эта уникальная деталь в архитектуре Гардани Хисор свидетельствует о новаторском, творческом опыте строителей этого дворца.

Вообще планировка парадного входа со двором пока среди исследованных памятников Средней Азии не имеет аналогий и является своего рода уникальной в среднеазиатской архитектуре. Наличие толстых стен парадного входа наводит на мысль, что над помещением 1—2 был еще второй этаж, где, по-видимому, жила стража. Расположенные к западу от входа широкий айван (помещение 7) и комнаты с суфами (помещения 3 и 5), соединенные с айваном, построены скорее всего позже входных помещений 1 и 2. Во всяком случае, между толстой стеной входных помещений и восточной сырцовой стеной помещения 3 выявлен четкий шов. Что касается назначения этой группы помещений (3, 5 и 7), то их, по-видимому, следует рассматривать как жилые, предназначавшиеся для служащих и охраны.

Исследования дворца и его входной пристройки показывают, что перед нами сооружение очень интересное и даже в известном смысле уникальное, причем не только для горного Согда, но и для всей Средней Азии. Размещение столь крупного парадного

комплекса на вершине горы, использование для этой цели двух площадок, планировка сооружений верхней площадки в виде отдельного «входного здания», большого парадного двора и вознесенного над ним на специальной платформе парадного комплекса с хозяйственными помещениями у его подножья — все это выделяет Гардани Хисор из числа известных ныне археологических памятников Средней Азии VI—VIII вв. и свидетельствует о высоком профессиональном уровне его создателей и об их творческом подходе к решению стоящей перед ними задачи — сооружению в условиях горного района пышного здания дворцового типа.

План замка и дворцовых сооружений в Куме коренным образом отличается от плана Гардани Хисор. Помещения замка традиционно построены по коридорно-гребенчатой планировке (Якубов, 1969, с. 120—122). Уникальным в архитектуре горного Согда является то, что сводчатые помещения восточной части кумского замка были двухэтажными (Якубов, 1973, с. 184). Так как Куму будет посвящена отдельная работа, мы здесь отметим лишь некоторые черты его архитектуры.

Как было отмечено выше, поселение Кум расположено на склоне. Поэтому, чтобы подготовить ровную площадку, склон искусственно выравнивали. Таким образом, часть здания стояла на материке, а часть — на искусственной платформе. Это характерная черта архитектуры горных районов.

Связующим звеном для всех трех залов было коридорное помещение 26 длиной 12 м. Оно имело нарядный вид, стены его были красочно расписаны. Вдоль восточной и южной стен шла парадная суфа. Коридорная система сообщения в архитектуре Средней Азии играла большую роль. Все четыре зала дворца пенджикентского правителя связывал между собой парадный коридор длиной 18 м (Беленицкий, и др. 1973, р. 18). Сходство планировки дворцовых сооружений Пенджикента и Кума наводит на мысль, что их сооружали одни и те же строители.

Вообще, как мы уже говорили выше, в дворцовых сооружениях средневекового периода преобладало компактное расположение трех-четырех залов, что было одной из черт архитектурно-планировочных приемов раннефеодального общества.

Четкая система расположения по функциональному назначению каждого помещения или группы помещений показывает, что планировка и компановка здания продумывались заранее и, возможно, фиксировались на чертежах. Поэтому в планировке дворцовых и сельских домов видны продуманность, цельность и соразмерность.

Дворцовые сооружения Кума и Гардани Хисор, по своему уникальные, были созданы в условиях горной местности. Эти парадные постройки возведены на высоком строительно-техническом уровне , и горные дворцы ничем не уступали зданиям столичных центров. Возможно, что их строителями были мастера из Пенджикента (особенно дворца Кума) или других центров Согда и Уструшаны. Высокое мастерство строителей мы наблю-

даем не только в дворцовых сооружениях, но и в домах кедиваров. Их-то наверняка строили не приглашенные, а местные мастера. Выбор места, удачное расположение, умение использовать естественные преграды свидетельствуют о большом строительном опыте и мастерстве их создателей. Они хорошо сочетали пейзаж и рельеф местности со строительными материалами. Использование в фундаментах, нижних частях стен дворца и домов белого известняка, а для стен выше фундамента красного кирпича на зеленом глиняном растворе явно рассчитано на декоративный эффект (рис. 10, 10а, 10б, 30).

Выше уже говорилось, что рельеф местности и природно-климатические, этнические и бытовые условия определяют архитектуру сельских поселений и жилищ. Крепостные или внешние стены домов представляют контуры холма. Дом XV построен на месте переулка, поэтому его планировка связана с этим переулком. В плане помещения 72 дома XXII отражен кусок места, «отвоеванного» за счет прохода в поселение.

Таким образом, несимметричность в планировке домов сельских поселений горного Согда является не ошибкой малоопытного строителя, а корректировкой рельефа.

Дома Гардани Хисор расположены на склоне холма и поэтому имеют террасную планировку. Они цепочкой стояли вдоль улицы, на частично искусственно поднятой площадке. Высота этой площадки зависила от крутизны склона (от 0,5 до 1,5 м). Перед такими домами сооружались многоступенчатые каменные лестницы (рис. 29б). Одна (задняя) стена дома была вплотную пристроена к специально срубленному материку. В некоторых домах (V—VIII, XIII) материк обложен кирпичами и использовался как стена. Материковые слои широко использовались для сооружения суф.

Г. А. Пугаченкова, изучая архитектуру горных районов Кашкадарьи, отмечает, что характерным явлением для жилищ этих районов является то, что дома там открываются в сторону главной дороги своими айванами, которые как бы символизируют главный элемент дома, объединяющего жизнь всей семьи (Пугаченкова, 1965, с. 80). Д. А. Назилов правильно заметил, что такое решение жилой архитектуры в селе зависит главным образом от рельефа местности и климата (Назилов, с. 70). Мы со своей стороны отметим, что расположение села, его дома зависели от многих факторов, и рельефа и климатических условий данного места (учитывалось направление ветров, дождевых, селевых и речных потоков, снежных лавин). Обращенные входом в ущелье дома хорошо проветриваются, лучше освещены; из домов открывается живописная панорама, видны горные поля, сады, дороги.

Дома (рис. 36) Гардани Хисор и Кума имели правильную планировку. Конечно, планировка у них проста и по композиции, и по элементам конструкции. Все они были одноэтажными, только дом XIX имел второй этаж. Помещения первого этажа этого дома были сводчатыми, что традиционно для архитектуры рассмат-

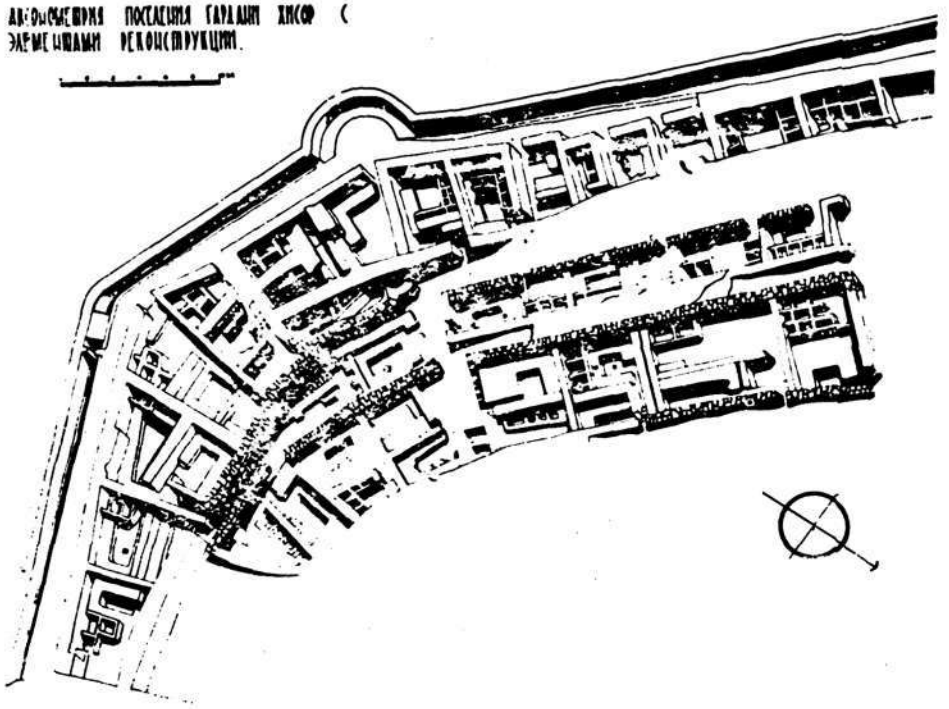


Рис. 36. План-аксонометрия дехистана Гардани Хисор

риваемого периода. Своды возводились полуциркульные, или так называемых наклонных отрезков. Комнаты второго этажа не сохранились. Известно, что одной из причин появления помещений второго этажа явилась нехватка земли. В начале VIII в. в Гардани Хисор все свободные места были заняты домами, были использованы даже переулки. Поэтому, если бы арабское завоевание не разрушило поселение Гардани Хисор, то, возможно, число домов со вторыми этажами здесь было бы намного больше.

Террасная планировка создавала гармонию и объемность, и дома селения издалека выглядели как многоэтажные. Террасная планировка хорошо сочеталась с горным ландшафтом, дома были хорошо освещены, интерьер не был загроможден.

В. А. Нильсен писал, что «в домах у простых крестьян застройка была очень уплотнена. Отдельные дома и помещения так тесно сливались друг с другом, что нет возможности установить границы отдельных владений» (Нильсен, 1966, с. 186). Эта идея была высказана, когда еще не было раскопано ни одного сельского поселения. Данные о сельских поселениях горного Согда отвергают эту идею. Дома Гардани Хисор и Кума хорошо расчленяются. В них даже прослеживаются перепланировки для размельчения больших семей. В. А. Нильсен писал, что «скученность и застройки сельских домов приводили к тому, что многие помещения были совершенно лишены света, а другие освещались

только через дверные проемы, входящие в небольшие хозяйственные дворики. В эти дворы сваливалась зола из очагов и мусор, почему они и были очень грязными» (там же, с. 187).

Эта идея тоже не подтверждается материалами Гардани Хисор и Кума. Во-первых, дома здесь не имели дворика. Во-вторых, скот не держали в селениях. В-третьих, мусор и зола выбрасывались за пределы поселения. Дождевые воды по глиняным трубам также выводились за пределы поселения. Таким образом, домусульманские поселения Согда были по-городскому чистыми.

Деление сельского поселения на кешк и дехистан соответствовало двухчастному делению города на диз и шахристан.

По словам архитектора Д. А. Назылова, «наиболее характерные черты горной (сельской — Ю. Я.) архитектуры — живописность, объемность, террассообразность, а также обусловленность компановки объемов жилых домов рельефом местности и жизненными потребностями населения (Назилов, с. 71). Это определение современной архитектуры горных селений, как показывают данные о Куме и Гардани Хисор, справедливо и по отношению к поселениям V—VIII вв. в Согде. Сельские мастера были в курсе строительной техники своего времени. И там, где надо было строить дворцы, замки, своды, арки, галереи, анфилады (см. Якубов, 1969, с. 120—123), они возводили их на высоком профессиональном уровне. При этом мастера подходили к решению стоящих перед ними задач творчески, изобретательно. Зодчие раннесредневекового горного Согда внесли много нового в архитектуру и строительное дело этого периода.

3. ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ

Постройка сельских поселений рассматриваемого периода, особенно в горных районах, производилась с учетом стратегического значения местности и благоприятных естественных условий, т. е. на вершинах гор или на гребне, в местах, защищенных самой природой, с обрывистыми и неприступными краями площадок. Кроме того, избранная для постройки площадка должна была обеспечить широкий и далекий кругозор. Поэтому выбиралась по возможности наиболее возвышенная точка, господствующая над ущельями и другими естественными проходами и путями сообщения. Многие поселения расположены на необеспеченных водой местах. Все вышеперечисленные признаки присущи Гардани Хисор. Как было отмечено выше, Гардани Хисор расположен на высоте более 2-х тыс. метров над уровнем моря. Северная его часть находилась на высокой отвесной известняковой скале. С северовостока крепость защищал крутой склон. С запада и юго-востока, где склон холма не столь крутой, ее ограждала оборонительная стена с внутренним коридором.

Возможно, первоначально поселение полностью или частично было открытым, так как в юго-западной части его не было оборонительной стены: при расчистке западной стены помещения 78

дома обнаружен заложенный дверной проем, выходящий на склон. Однако, поскольку нами не были исследованы западные стены других домов, утверждать, что западная часть поселения была открыта, мы еще не можем.

До постройки обходного коридора по западному и южному фасу поселение имело защитную пахсовую стену толщиной в 2 м, с двумя башнями. Эти башни использовались и позднее, после появления обходного коридора. А основание стены в то время было улицей, на которую выходили дома западной части поселения.

Во время сооружения обходного коридора к оборонительной стене пристроена кирпичная стена в один ряд. Обходной коридор шириной 1,30 м шел вдоль всей западной части склона. Западная стена коридора сохранилась местами. Судя по ее остаткам, она была шириной 60 см и стояла на каменном основании. Выше этого основания стены сложены из кирпича-сырца на глиняном растворе. Обходной коридор в нескольких местах перегорожен поперечными стенами со сквозными проходами, при этом образовались узкие коридорообразные помещения. В поперечных стенах сохранились остатки деревянных порогов. Следовательно, обходной коридор состоял из узких длинных помещений, причем некоторые из них имели двери.

Стены не толстые, но очень хорошо защищены естественными преградами. Обходной коридор, возможно, имел сводчатое перекрытие и над ним была открытая терраса с парапетами. Восточная стена коридора сохранилась до высоты 1,50 м.

Обходной коридор внутри оборонительной стены впервые был обнаружен в Актепе под Ташкентом. Актепе исследовано только частично, но судя по внешнему контуру холма, здесь находилось двухчастное сельское поселение V—VIII вв. типа Гардани Хисор. Раскопки последних лет показали, что замок стоял на естественном холме с небольшой нивелировочной пахсовой платформой наверху. «Размер холма в определенной степени определил характер архитектурно-планировочного решения постройки. Она как бы охватывает его, спускаясь по всем склонам. В основе планировки — квадрат размером около 80 х 80 м²..., опоясанный двумя ярусами, сводчатой галереи. Ширина коридора (первого яруса — Ю. Я.) 1,8 м. Уровень пола постепенно поднимался против часовой стрелки (перепад в точках примерно середины западного и южного фасов составляет 1,8 м), что позволяет предположить прохождение в виде нерезкого пандуса, спирально охватывающего квадрат и выводившего, возможно, во двор, примыкавший к северному фасаду каре». Ширина коридора второго яруса 2 м, пол его также повышается в направлении против часовой стрелки. Он охватывает квадрат размером 50 х 50 м², внутри разбит перегородками на отсеки с узким проходом (Филанович, 1983, с. 104). Внешний коридор не исследован и пока нельзя еще судить о его оборонительном назначении. Что касается второго коридора, то в его стенах нет бойниц и поэтому он играл, веро-

ятно, хозяйственную роль. Очень возможно, что военное значение имела крыша этого коридора.

Сравним данные об оборонительных сооружениях Гардани Хисор и ташкентского Актепе. Наружные стены коридора Гардани Хисор сохранились ниже мест, в которых могли быть расположены бойницы. Поэтому были ли в его стенах бойницы, сказать трудно. Но, как мы отмечали, этот коридор имел сообщение только с внутренней частью поселения. Возможно, что коридор имел сводчатое перекрытие, как и актепинский. Крыша коридора, несомненно, использовалась при обороне поселения.

Обходной коридор с бойницами был первоначально внутри крепостной стены Яккапарсана. Позднее, когда он потерял оборонительное значение, его распределили между собой жители поселения. В основном он использовался для хозяйственных нужд (Неразик, 1963, с. 38).

По мнению Е. Е. Неразик, стрелковая галерея и ее башни были превращены в складские помещения после появления высоких надцокольных донжонов, игравших главную оборонительную роль замка (Неразик, 1963, с. 38). Нам кажется, что стрелковая галерея Яккапарсана потеряла боевое значение тогда, когда по внешней стороне оборонительной стены появилась, как у Актепе, еще одна параллельная защитная линия.

Обходной коридор был и внутри южной и западной стен поселения Кум. Однако южная стена была уничтожена в результате строительства автодороги и вместе с ней погиб коридор. Обходной коридор внутри западной стены шел до половины ее, дальше его не строили, и стена была монолитной. Коридор в западной стене имеет 90 см в ширину и 1 м в высоту. На его стенах отсутствуют бойницы. Если даже и были бы бойницы, из такого узкого коридора почти невозможно вести бои. Тогда возникает вопрос, для чего служил этот внутристенный коридор? Трудно безошибочно ответить на этот вопрос. Однако отметим, что из галереи ход ведет в помещение, где хранились небольшие камни. Эти камни были предназначены для метания по врагу. Поэтому не исключена возможность, что в таких коридорах также хранили камни или что-нибудь подобное, т. е. такие коридоры служили арсеналом.

Коридор в южной стене был в ширину 1 м и высотой 2 м. Возможно, на его стенах были бойницы, так как высота позволяет обороняющемуся человеку вести бой стоя.

Оборонительный коридор Гардани Хисор шел до второй башни, дальше стена была монолитной (эта часть стены пристроена позже). В башне находился вход в южную часть поселения. Отсюда на оборонительную стену вела ступенчатая лестница. Очевидно, этой лестницей пользовались жители домов юго-западной части. Потом этот вход был заложен и из него сделали помещение 83 дома № XXII.

Причин появления здесь монолитной стены (толщиной 3,5 м) было две: во-первых, расширение жилой площади для дома XXII

и создание нескольких помещений служебно-подсобного характера у входа в поселение; во-вторых, с целью укрепления входа в поселение. Очевидно, последняя причина была основная — здесь ход фланкировался башнями.

Как было отмечено выше, дворец-замок не имел отдельного оборонительного укрепления, но его внешние стены были от 1,5 до 2 м толщиной.

Мы не знаем, как была укреплена северо-западная часть поселения. Обходной коридор шел здесь до дома XI, от него ступенчатая лестница вела в помещение, которое погибло вместе с этой частью Гардани Хисор в результате обвала. Однако установлено, что здесь стена поворачивала на запад и, судя по основанию, шла на 20 м, затем снова поворачивала на север до самой отвесной скалы. Стена была каменной, ее толщина — 1 м. Возможно, что вдоль этой стены шел на запад, а потом — на север коридор. Однако здесь стены сохранились ниже уровня пола, и утверждать о существовании оборонительного коридора в этой части поселения у нас нет оснований. Кроме того, эта часть поселения подвергалась перестройке после событий 722 г. (Якубов, 1975, с. 197).

Самыми слабыми в оборонительном отношении местами Гардани Хисор были северо-западная и юго-восточная части, где террасы сравнительно ровные, пригодные для штурма и установки стенобитных машин. Вероятно, именно здесь арабы прорвались в Гардани Хисор и предали его огню. Судя по сообщениям Табари, Девашгич встретил арабов не возле Мадма — Гардани Хисор, а у сел. Кум, где было расположено сильное укрепленное поселение.

Поселение Кум расположено в 8 км от Гардани Хисор на одной из возвышенностей. Крепость со всех сторон окружена естественными преградами, причем на севере и северо-западе проходило глубокое ущелье сая Якдон с отвесными обрывами. Только на юго-западе узкий обрывистый язычок соединял поселение с широкой предгорной террасой. Хотя человек и не мог пройти по этому языку, тем не менее, он на расстоянии 30 м от поселения был перегорожен мощной каменной стеной толщиной 4,5 м. Кроме этого, толщина западной оборонительной стены поселения была больше 5 м, а первоначальная высота ее — не меньше 12 м (сейчас она сохранилась на 8 м). По краю южной части поселения тоже проходит крутой, местами отвесный склон. Места, доступные для прохода, были обложены камнями. Кроме того, по верхней части склона проходила мощная, толстая кирпичная оборонительная стена с внутренним коридором. Таким образом, с трех сторон пути для врага были отрезаны. Доступ к поселению был только с востока. Здесь склон не очень крутой, и у подножия поселения, примерно на 20 м ниже, имеется небольшая площадка, где в древности был хауз. Из этого хауза брали воду жители поселения. По восточному склону проходила очень мощная оборонительная стена, причем она трижды достраивалась и укрепля-

лась, как и оборонительная городская стена Пенджикента (Беленицкий, Маршак, Распопова, 1974, с. 534). Первоначальная стена толщиной 3 м с башнями шла по верхней части террасы. Потом на расстоянии 4 м от нее была возведена еще одна стена из камней толщиной 1 м. Промежуток между стенами заполнялся гравием на высоту 1,5 м. В третьем периоде, на расстоянии 4 м от внешней стены, параллельно ей воздвигается новая каменная стена толщиной 1,5 м, а промежуток между стенами вновь заполняется гравием. Таким образом, толщина оборонительной стены достигает почти 14 м. Эта стена находится на склоне, и установить против него стенобитные машины было бы невозможно. Трудно было бы устроить здесь и какой-нибудь подкоп (рис. 37).

Такое сильно укрепленное поселение враг не мог взять штурмом, так как крутые высокие склоны не позволяли ему маневрировать. Стрелы не долетали до защитников, а они стрелами и

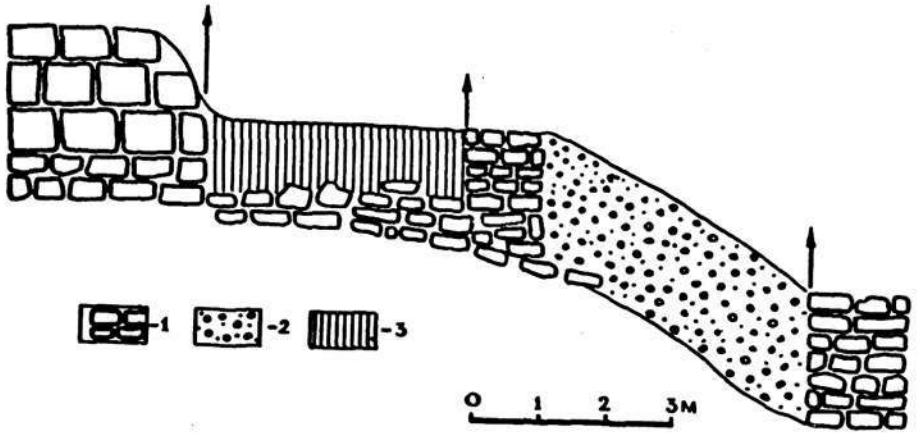


Рис. 37. Разрез оборонительной стены Кума.

камнями могли отбить любую атаку противника. Единственным недостатком обороняющихся в поселении Кум была нехватка воды. Вода шла издалека, а у подножия поселения она поступала в хауз, который находился за крепостной стеной. Однако в опасные дни жители Кума могли использовать воду родника, расположенного на расстоянии 150—200 м от поселения на северо-западном склоне сая Якдон. От поселения туда идет тропинка, и, очевидно, жители Кума в свое время использовали этот родник в качестве источника питьевой воды. Им могли пользоваться только жители поселения, так как к нему можно было пройти только со стороны поселения (Якубов, 1973, с. 185).

Кум был перевалочным пунктом государя Панча, и, возможно, за оборонительными элементами поселения Кум следил сам государь Девештич. Возможно, из-за нехватки воды и места Девештич во время восстания 721—722 гг. ушел в замок на горе Муг.

Как известно, штурмом взять замок Абаргар арабы не смогли. И только после того, как наступили холода и кончились все запасы продуктов, сначала Девашгич, а после него и остальные осажденные, по договоренности с арабами сдали замок.

Известно, что в горах были и другие укрепленные поселения, замки и крепости, которые арабы штурмом не смогли взять, например, в горах Сиема Кешанского оазиса. В ней были посевные площади, сады и родник воды. Здесь после поражения скрывались восставшие во главе с Муканной. Дорога здесь была одна и охранялась восставшими. Внутри этой крепости, на вершине горы Муканна, сооружена еще одна крепость, а в ней дома и бани (Наршахи, с. 80, 87).

Судя по сообщениям Наршахи, в течение 14 лет правители Хорасана неоднократно совершали походы против Муканны, но все попытки взять его крепость оканчивались неудачей. Лишь после того, как Муканна отрекся от восстания, все его люди разошлись, и крепость осталась без стражи, дорога к ней стала свободной и была взята армией эмира Хорасана (Наршахи, с. 87).

По сообщению Табари, в Тохаристане между Саманганом и Багланом была сильно укрепленная крепость, где скрывались восставшие против арабов во главе с Низаком. В крепости был родник и много запасов продовольствия. Арабы не смогли взять и эту крепость; лишь путем обмана, при помощи местных князей, они выманили оттуда Низака и зверски расправились с ним (Табари, 9, с. 3837).

Таким образом, в горных районах Согда и Тохаристана были крепости, овладеть которыми силой было невозможно: большинство таких крепостей арабы брали измором. Видимо удачное размещение и оборонительные сооружения многих сельских поселений этого периода не уступали городам, а иногда по своей прочности даже превосходили их.

4. ПАМЯТНИКИ ИСКУССТВА. РЕЗЬБА ПО ДЕРЕВУ

Резьба по дереву — один из самых древних видов народного декоративно-прикладного искусства — была довольно широко распространена и употреблялась в быту согдийцев, архитектурном убранстве жилых и общественных построек. Резьба покрывала двери, колонны, карнизы, прогоны, балки и другие деревянные архитектурные детали. Резьбою украшали музыкальные инструменты, обкладки очагов, подставки и другую утварь. Об этом говорят археологические находки, письменные источники и этнографические данные.

Богатые, разнообразные материалы для изучения художественных ремесел древнего Согда VII—VIII вв. и, в частности, художественной обработки дерева дали раскопки древнего Пенджикента и Шахристана. Все эти деревянные предметы дошли до нас в виде обугленных фрагментов, которые сохранились благодаря пожару.

Среди находок из Гардани Хисор, наряду с керамикой, метал-

лическими и костяными изделиями, большое место занимает обугленное резное дерево.

В помещениях 6, 2 и 10 дворцового комплекса и в помещении 7 парадного входа были найдены в большом количестве куски резного дерева. Остановимся на наиболее сохранившихся фрагментах.

1. Первый фрагмент (рис. 27) был найден на полу пом. 6. Это — тонкая, полуразрушенная доска (длина — 43 см, ширина — 27,6 см, толщина—2 см). Судя по орнаменту, первоначально она была намного шире и толще. На ее поверхности в центре вырезан перл (д. — 2см), от которого лучами расходятся четыре лепестка стрельчатой формы и чередующиеся с ними сердцевидные фигуры, заполненные валютами, напоминающими также рога барана. Эта розетка оконтурена кольцом перлов, ширина которого 44,5 см. Перлы в кольце расположены один от другого на расстоянии от 2 до 2,8 см. Вокруг кольца перлов с 4-х сторон были вырезаны четыре стилизованных растительных побега (сохранились два), внутри каждого из них вырезаны еще маленькие браслетовидные завитки. Сбоку в этом фрагменте сохранились 3 вырезанные прямоугольные выемки шириной 2 см и глубиной 2,5 см. Очевидно, в них вставлялись деревянные гвозди для крепления этой доски с другой.

2. Второй фрагмент (длиной 45 см, шириной 24,5 см и толщиной 2,5 см) представляет часть доски, аналогичной описанной выше. На нем точно такой же орнамент, как и на первом, однако второй фрагмент меньше и сохранился хуже, чем первый. От орнамента на нем осталась часть кольца с перлами и два стилизованных растительных побега, которые расположены вокруг кольца.

Поблизости у входа в помещение 2 были зафиксированы в очень разрушенном состоянии не поддающиеся даже закреплению еще две доски: одна из них шириной 23 см и длиной 41 см, другая—длиной 40 см и шириной 24 см, их толщину невозможно было установить. Розетки, которые были расположены внутри кольца перлов, с трудом можно было разглядеть. А вокруг кольца перлов прослеживались вышеупомянутые стилизованные растительные побеги.

Судя по одинаковым орнаментам, мотиву исполнения, доски, очевидно, были связаны друг с другом. Все эти фрагменты были найдены в одном районе у входа в помещение 2. Первый фрагмент, который сохранился лучше, как мы отмечали выше, имеет выемки для закрепления с другими частями. Судя по тому, что все эти фрагменты были найдены у входа и на них есть пазы для соединения, возможно, они принадлежат дверным филенкам.

Точных аналогий этого рисунка среди памятников искусства Средней Азии не встречается. Однако их отдельные части — стилизованные растительные побеги с такими же перлами в центре — имеются в резном дереве Джумалактепе (Нильсен, 1966, рис. 108, 110(2).

В более позднее время (X—XI вв.) такие же розетки, оконтуренные кольцом перлов, встречаются на резном ганче дворца в Афрасиабе, причем розетки с 4-х сторон украшены стилизованными растительными побегами, такими же, как на нашем фрагменте (Ремпель, 1961, рис. 56, 4). Стилизованные растительные побеги есть и на резном дереве верхнего Зеравшана, например, на верхней части колонны из сел. Урметан изображены такие побеги. Колонна датируется X—XII вв. (Воронина, 1950, табл. 15). Несмотря на то, что отдельные элементы узора встречаются в произведениях искусства VI—VIII вв., центральная композиция является уникальной.

Мы уже отмечали, что эти фрагменты (их было три) найдены у дверного проема в помещении 2 и, вероятно, относятся к дверным филенкам. Кроме того, здесь сохранились порог и часть дверного косяка. Косяк украшен параллельно идущими гирляндами, пальметтами и перлами. Благодаря этой находке мы можем реконструировать дверную коробку, а также саму дверь. Такой возможности пока не было в археологическом материале Средней Азии домусульманского периода (рис. 28).

3. Фрагмент найден в помещении 2. Представляет собой полуобугленную, со всех сторон хорошо обработанную балку размером 80 x 9 мм. Она почти не обгорела внутри, поэтому частично сгнила. Балка упала лицевой частью вниз, из-за чего сильно пострадала ее резьба. На 80 см длины резьба сохранилась только на пространстве 15 см и то фрагментарно. Однако во время реставрации удалось сохранить рисунок. Он состоит из четырех стилизованных листьев розетки. Листья расположены напротив друг друга. Три из них сохранились, а средний разрушен (рис. 38, 1).

От следующего рисунка сохранился только один лист и то не полностью. Однако, судя по его форме и отдельным деталям, рисунок напоминал предыдущий. Между рисунками идут полосы, украшенные перлами. Полосы с перлами сохранились хорошо. Вероятно, этот рисунок с чередующимися полосами и перлами повторялся по всей балке. Одна боковая часть балки гладкая, другая украшена перлами. Рисунок выполнен в обычной плоскорельефной форме, т. е. все узоры лежат в одной плоскости. Рисунки выполнены с большим мастерством.

Аналогии рисунка можно увидеть на полуобугленных фрагментах, обнаруженных на городище древнего Пенджикента на объекте XVI. Там эти листья изображены внутри квадратных рамок в более стилизованном виде (Беленицкий, 1964, рис. 13). Во время раскопок в Варахше найдены глиняные диски, на которых такие листья собраны в единое изображение в виде четырехлепестковой розетки (Шишкин, 1963, рис. 44). Варахшинское изображение сделано из обожженной глины. Несмотря на то, что рисунок сделан слитно, на нем видны очень тонкие углубления, которые четко отделяют листья друг от друга. Такие же листы высечены на тимпане входа в мавзолей Саманидов (Булатов, 1976, р. 1. 10).

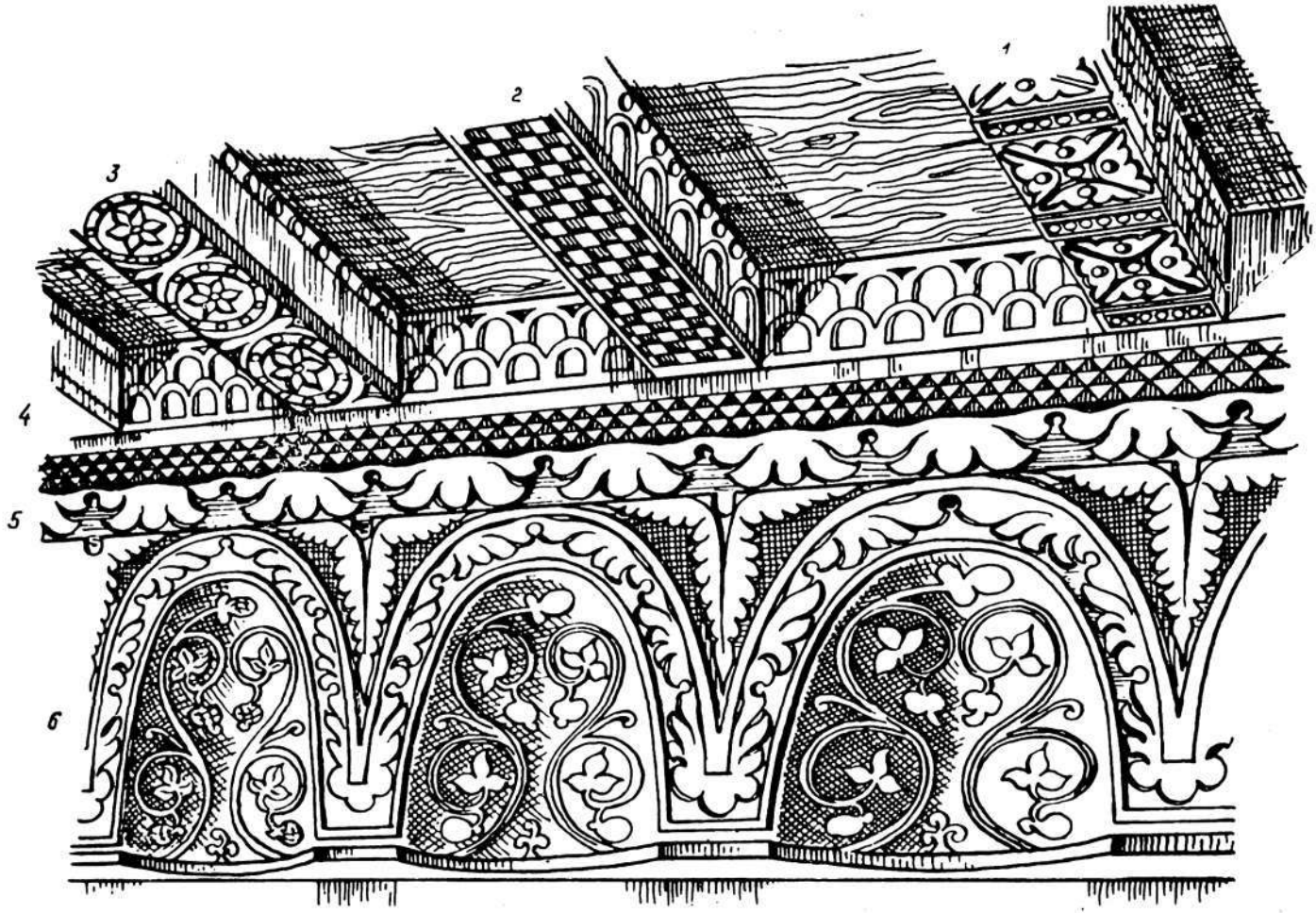


Рис. 38. Резной потолок из помещения 2 дворца с элементами реконструкции

Изображения таких листьев встречаются в более видоизмененном и стилизованном виде не только в архитектурном орнаменте, но и в декоративном искусстве — на женских платьях, тюбетейках и разных вышивках горных таджиков Дарваза, Каратегина и Куляба (Белинская, 1965, рис. 6).

4. Фрагмент (рис. 38, 6)* является концом обугленного резного фриза. Его размеры: длина — 37 см, ширина — 27,5 см, толщина — 6,5 см. Ширина его полностью не сохранилась. Очевидно, балка имела ширину не менее 30 см. Одна боковая часть ее сохранилась хорошо — на ней нет резьбы, а другая — сильно обгорела и не сохранилась. Орнамент нанесен на ровной вырезанной части доски.

Орнамент состоит из двух волнистых веток, каждая из которых имеет по два листика. От веток идут по сторонам плоды в виде груш. Плоды сверху украшены клеточной сеткой. Очевидно, эти листья и кисти принадлежат стилизованному виноградному дереву, которое находилось внутри арки. Архивольт украшен пальметтами. В. Л. Воронина сделала реконструкцию этого фриза (Воронина, 1974, рис. 8, б). Резная доска с изображением виноградной лозы найдена в помещении 47 объекта III городища древнего Пенджикента, где виноградные кисти изображены частично такими же сетчатыми штрихами. Из этого помещения найдено еще несколько фрагментов (Воронина, 1959, рис. 21, 22, 24).

5. Фрагмент по размерам соответствует третьему (80 x 9 см). С лицевой стороны украшен шахматным узором, а с боковых — параллельно идущими арочками и перлами (см. рис. 38а, 2). Найден в помещении 2.

6. Фрагмент аналогичного размера. На лицевой стороне имеются шестилепестковые розетки. Розетка оконтурена кругом с перлами, а пространство между кругами украшено пальметтами. Боковые рисунки полностью не сохранились. Остались только перлы. Боковые стороны этого фрагмента были наподобие фрагмента 6: два параллельно идущих узора (см. рис. 38а, 4).

7. Фрагмент (рис. 39) такого же размера, из помещения 2. Лицевая сторона была украшена волнистым стеблем, а на боковых сохранились только перлы. Любопытно, что найденные нами фрагменты (6—8) балок были украшены разным орнаментом. Как правильно подметила В. Л. Воронина, «удивительно, что в этом узком коридоре резной орнамент был наиболее богат и обилен. Резьба покрывала даже базу колонны, заделанной на выступающем углу коридора, что впервые установлено для VIII в.» (Воронина, 1974, с. 51).

9. Два фрагмента массивной доски найдены в помещении 6. Один из них плохо сохранился, тем не менее на нем можно проследить аркатурное изображение. Другой фрагмент, по-видимому, той же доски, сохранился лучше. Его размеры: длина 47 см, ширина 26,6 см, толщина — 6,5 см (рис. 40). Арки окаймлены ши-

* Резной потолок помещения 2. Реконструкция В. Л. Ворониной.

роким архивольтом, состоящим из трех полос, вписанных одна в другую. Первая полоса смыкается с другим гладким углублением. Вторая полоса украшена четырехлепестковой розеткой. Третья полоса плоская и находится внутри. Между арками в тимпане имеются остатки листьев.

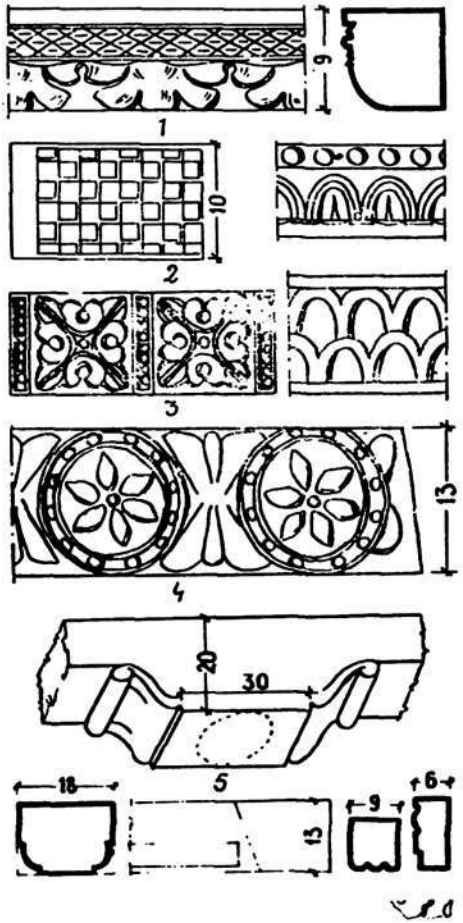


Рис. 38*а*. Элементы резного дерева

Внутри конхи изображено стилизованное растение с 6 листьями. Три из них расположены в одной и три в другой половине конхи. В середине этих листьев выступает веточка с плодами в виде клетчатообразного конуса. В основании растения два коротких листа.

Таким образом, остатки резьбы на этих фрагментах дают возможность восстановить (за исключением листа, который расположен на тимпанах) рисунок на этой балке.

Что касается листа на тимпанах, то по другим сохранившимся фрагментам можно предположить, что там был изображен трилистник. Такие же трилистники изображены на тимпанах Бия-

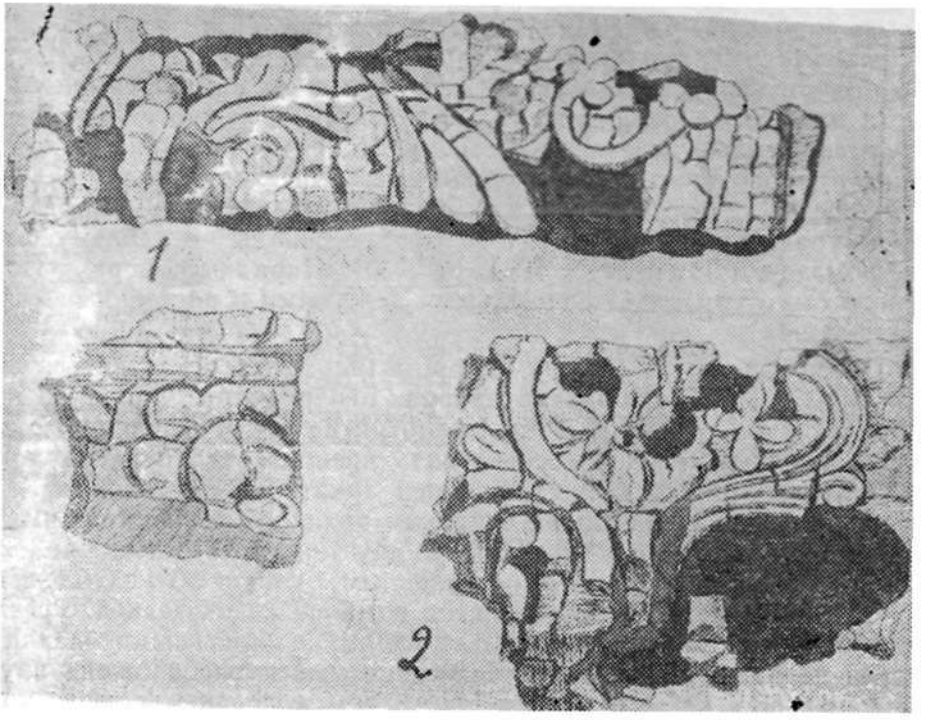


Рис. 39. Фрагменты резных балок из помещения 2

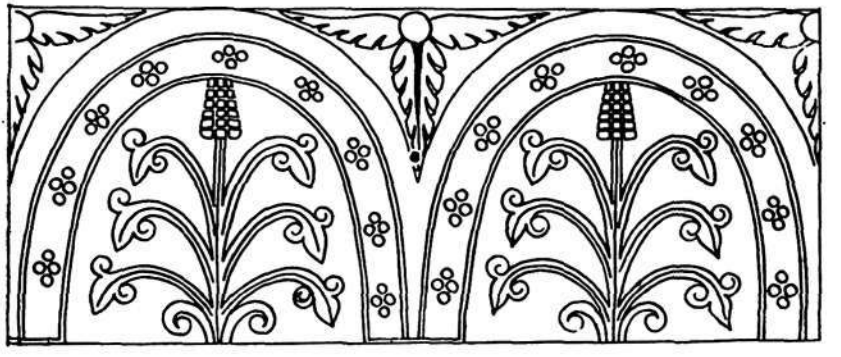


Рис. 40. Фрагмент фриза из помещения 6 с элементами реконструкции

найманского оссуария (Ставиский, 1961, табл. 1, 1а, 2б, 4а). Такими же трилистниками украшены тимпаны шахристанского фриза (Негматов и др. 1966, рис. У, А, Б). Много общего в орнаментации архивольта этого фрагмента с Биянайманскими архивольтами, где также изображены четырехлепестковые розетки. Даже внутри одной из арок Биянайманского оссуария изображен человек с веткой в руках, напоминающей растение конхи нашего фрагмента (Ставиский, 1961, табл. 2, 1а, табл. 3, 3а).

Изображение растения или дерева встречается внутри арки одного из самаркандских оссуариев (Ремпель, 1961, рис. 21, 2). Возможно, эти растения связаны с какими-то магическими обрядами или священным деревом. Как известно, у многих народов были священные деревья и растения. Например, ассирийцы, египтяне, иранцы почитали и изображали в древности пальмы. Ассирийцы часто изображали над священным деревом эмблемы бога Ашура (Флиттнер, 1958, с. 252), а ахемениды — эмблему бога Ахуромазды (Дандамаев, 1961, рис. 30). Парадные двери в Персеполе были украшены священными деревьями и растениями (там же, рис. 94).

Последний фрагмент, на котором мы хотим остановиться, — это фриз, найденный в зале дворца. Его размеры: длина 55 см, ширина 37 см, толщина 6 см. Несмотря на то, что фрагмент местами разрушен, можно восстановить прежний облик рисунка на этой балке (рис. 41) Фриз украшен аркатурой с конховым заполнением. Арки окаймлены широким архивольтом, состоящим из четырех полос, вписанных одна в другую. Наружные полосы смыкаются друг с другом оставленным гладким углублением (рис. 42). Вторая полоса украшена ромбической насечкой. Третья орнаментирована крупным рельефом, так называемыми сасанидскими перлами. Четвертая значительно у́же и расположена внутри конхи. На конхах сохранились следы красной и синей красок, очевидно, они были расписаны.

Единственный отчасти сохранившийся тимпан, по-видимому, был украшен трилистником с заостренными ланцетовидными листьями, по контуру которых расположены мелкие рельефные выемки. Нижняя часть фриза оформлена квадратной сеткой, западающей и выступающей в шахматном порядке.

Самыми близкими аналогиями нашим аркатурам являются шахристанские аркатурные фрагменты. Нам кажется, что фрагменты резного дерева с аркатурными мотивами Гардани Хисора являются более богатыми, изящными, сложными по орнаментации. Ниши арок шахристанских фризов плоски, а в Гардани Хисор плавно углублены, как настоящие нишки — конхи. Мы уже упоминали, что внутри нишек наблюдались остатки красной и синей красок, следы которых встречались и на полу. Очевидно, это отпечатки от упавшего крашеного дерева.

Н. Н. Негматов и С. Г. Хмельницкий, сравнивая аркатурную композицию Биянайманских оссуариев с шахристанским резным деревом, пришли к выводу, что «гладкие, не украшенные резьбой, внутренние пространства арочек шахристанского фриза первоначально несли живописные изображения богов и героев местного эпоса» (Негматов, Хмельницкий, 1966, с. 152). Нам кажется, что это предположение выглядит убедительно. Возможно, следы краски на конхах фриза в Гардани Хисор есть остатки изображения местных богов.

Много общего в аркатуре фриза зала Гардани Хисор с аркатурными рельефами Биянайманских оссуариев (Ставиский, 1961, табл. 1—3). Здесь, как и на фризе Гардани Хисор, архивольт ук-

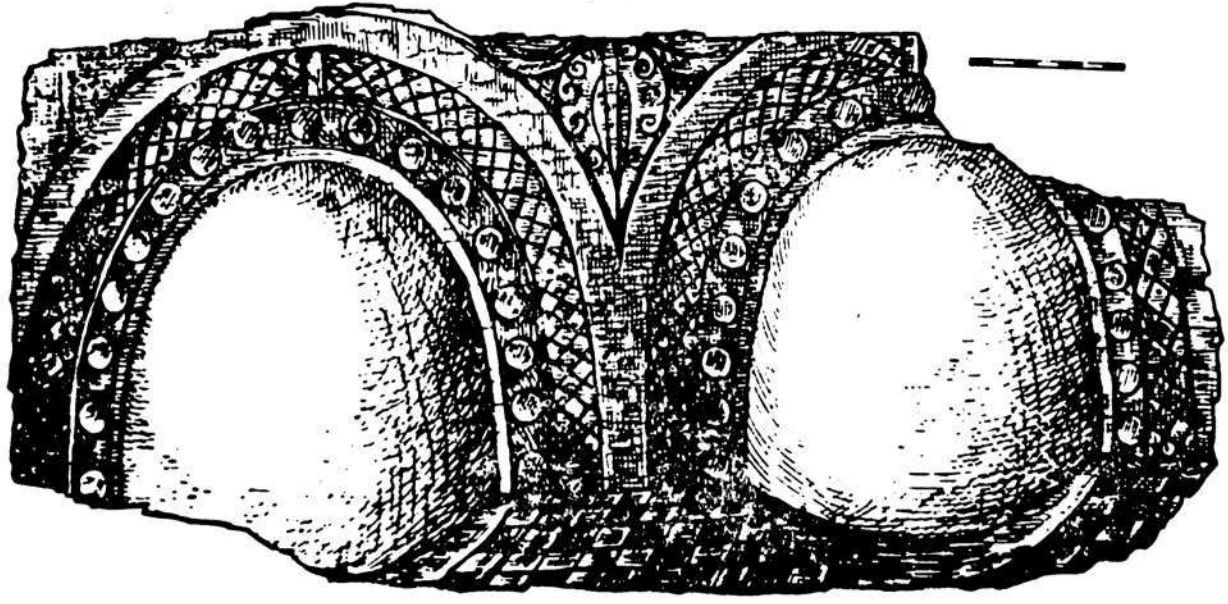


Рис. 41. Рисунок фриза из зала дворца Гардани Хисор

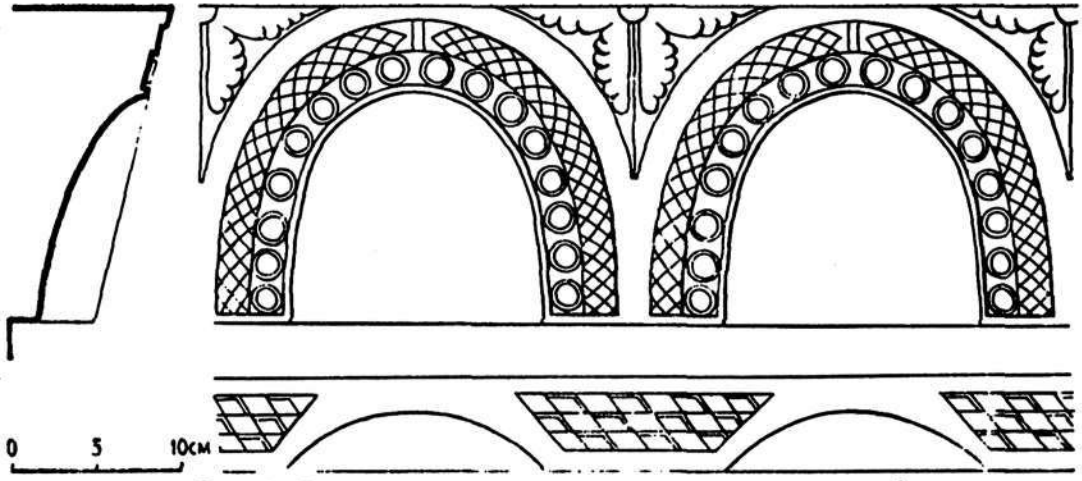


Рис. 42. Реконструкция фриза зала дворца Гардани Хисор

рашен перлами, тимпаны—трилистниками. А нижняя часть, аркатуру которой в Биянайманских оссуариях составляют капители аркатурных колонн, украшены точно так же, как нижняя часть нашего фриза — квадратной сеткой с западающим и выступающим орнаментом в шахматном порядке. Однако архивольт фриза Гардани Хисор, в отличие от Биянайманских оссуариев, как было сказано выше, обрамлен не одной аркой, а четырьмя полосами арок, вписанных одна в другую: первая и последняя полосы— гладкие, со следами краски; вторая — с перлами; третья — с сетчатым орнаментом.

Мотивы аркатуры на фризах парадных помещений (залов, мехмонхоны и айванов), очевидно, в VI—VIII вв. были очень распространены в Средней Азии. Об этом свидетельствуют росписи и резное дерево Пенджикента, Шахристана, Джумалактепе, оссуарии из Биянаймана и Самарканда.

Среди среднеазиатских домусульманских памятников искусства встречаются аркатуры на разнообразные темы. Например, на резном фризе из Джумалактепе архивольты украшены шестилепестковыми цветами, под аркой изображен человек выше пояса. Тимпаны и полоса между арками украшены растительным орнаментом (Нильсен, 1966, рис. 110). На пенджикентском деревянном фризе архивольты украшены четырехлепестковыми розетками, пространство между арками — растениями, а под одной из арок — человеческой фигурой, сидящей на троне в виде сросшихся спинами зверей, под другой — фигурой в колеснице, запряженной двумя вздыбленными конями. Нижняя часть фриза украшена шествием крылатых львов (Беленицкий, 1973, рис. 43). На шахристанском фризе архивольты украшены пальметтами, тимпаны — трилистниками (Негматов и др., табл. 5а, б). Тематика оформления аркатуры на Биянайманских оссуариях очень богата. Одни архивольты украшены перлами, другие — трехлепестковыми розетками на тимпанах, на одних изображен трилистник, а на других трилистник имеет еще два небольших листика. В арочных нишах стоят человеческие фигуры. Изображения человеческих головок встречаются в аркатурах самаркандских оссуариев (Ремпель, 1961, рис. 21, 1). По-разному оформлены, как было показано выше, и аркатурные фризы Гардани Хисор.

Все это разнообразие, с одной стороны, показывает локальности разных школ резчиков Средней Азии, с другой — традиции, большой опыт резчиков, которые в одном памятнике, в каждом помещении аркатуры украшали разным орнаментом. Поэтому точные аналогии орнаментации одной аркатуры в другой найти невозможно. Но в то же время общие для всех них черты налицо.

В помещениях 2 и 6 наряду с другими конструктивными деревянными деталями были найдены и обработанные конусообразные детали (рис. 33). Они разной величины, но одной формы. Кончики большинства из них сломаны, зато на некоторых из них очень хорошо сохранились шипы-основания. Длина их колеблется от 3 до 4 см, диаметр у основания от 2,5 до 4,3 см. Шип-осно-

вание представляет собой прямоугольную обработанную дощечку, длина ее зависит от размеров и величины конуса, однако не превышает 1,5 см и толщины 1 см.

Кроме конусов, есть еще хорошо обработанные шарики разной величины и диаметра. В отличие от конусов, только на двух из них сохранились шипы-основания. Шипы округленные, диаметром 2 см. Есть и такие, у которых диаметр меньше (1 см). Диаметры окружностей самых маленьких шариков достигают 2,5 см, а самый большой — 6 см.

Найден один экземпляр соединения конуса с шариком. Следовательно, были шарики и конусы, выполненные не только отдельно, но и вместе. Для каких целей, где, в каких местах потолков помещений Гардани Хисор эти шарики и конусы отдельно и вместе использовались, точно сказать трудно.

В. Л. Воронина сделала реконструкцию потолка помещения 2 и поставила их в месте соединения двух арок. Она пишет, что назначение их (т. е. шариков и конусов — Ю. Я.) оставалось загадочным, пока в коридоре вместе с куском фриза не был найден такой предмет, выпавший из гнезда, размеры которого соответствовали шипу на ножке детали (Воронина, 1974, с. 51).

К сожалению, эти сведения неточны: фрагмент фриза, о котором пишет В. Л. Воронина, был найден до ее приезда в Гардани Хисор, зарисован художником Л. Лукониной и опубликован нами (Якубов, 1978, с. 367), никаких следов от гнезда на нем нет.

Однако применение шариков и конусов в народной архитектуре Верхнего Зеравшана сохранилось и до наших дней. Как довелось мне заметить, такими же шариками, как гарданихисорские, украшены хавзаки — плафоны потолка мечети кишлака Вашан. Шариками и конусами в отдельности украшен потолок мечети Дардар. Но самую прямую аналогию мы находим в мечети кишлака Ёри. Плафоны айвана мечети украшены шариками и конусами не только в отдельности, но и вместе. По форме шарики и конусы мечети Ёри полностью совпадают с шариками и конусами из Гардани Хисор (рис. 32). Такими же шариками украшены хавзаки потолка одной из мечетей Самарканда (Писарчик, 1975, рис. 37).

Большой интерес представляет михраб мечети из селения Кум (Мухтаров, 1966, с. 46). Михраб деревянный, резной и имеет шарики (куббы), которые по форме и размерам похожи на шарики из Гардани Хисор. Диаметр самых больших из них достигает 6 см, самых маленьких — 3 см. Шипы шариков кумского михраба, так же как шипы шариков Гардани Хисор, округлые, диаметром от 1 до 2 см. Они играют роль гвоздей и вставлены в места, где пересекаются доски, дощечки и филенки. В местах пересечения больших досок (в том числе боковых рам) михраба вставлены большие шарики—гвозди, а там, где пересекаются тонкие доски и дощечки, использованы маленькие шарики. В некоторых местах, особенно при пересечении боковых рам, вставлено сразу по три шарика, а над аркой в треугольных тимпанах по четыре, по-

следние имеют чисто декоративное назначение. Шарики михраба Кума играют, с одной стороны, роль гвоздей, а с другой — орнамента, узора.

На вопрос, имели ли шарики из Гардани Хисор, как на Кумском михрабе, двоякое назначение (гулмех) — гвоздь-цветок, ответить трудно, так как шипы или гвоздевые части их плохо сохранились. Однако нет никакого сомнения, что шарики из Гардани Хисор играли декоративную роль.

Среди многочисленных археологических находок резного дерева в Пенджикенте и Шахристане, а также по этнографическим данным, в архитектуре Средней Азии, кроме Верхнего Зеравшана, встречаются конусообразные гвозди. Судя по сохранившимся шипам, конусы Гардани Хисор, так же как и шарики, украшали прогоны карнизов, дверей и других архитектурных деталей, но имели только декоративное назначение. Очень любопытно, что шарики и конусы, сходные с нашими, найдены в Дуньхуане в Восточном Туркестане, где жили согдийцы (Sten, 1928, p. 216) и другие ираноязычные народы. Надо отметить, что дуньхуанские шарики и конусы играли такую же роль, как шарики михраба Кума (гвоздь-цветок).

Шарики мечети Вашана играли декоративную роль, шарики и конусы Дардара и Ёри — не только декоративную, но и роль гвоздей.

Мы рассмотрели некоторые фрагменты резного дерева из Гардани Хисор, сел. Мадм Верхнего Зеравшана и сопоставили его детали с орнаментами в архитектуре, росписях и других видах изобразительного, декоративного и прикладного искусства Средней Азии и за ее пределами. Исследование показало, что декоративное искусство, резное дерево тесно связаны со всеми видами изобразительного искусства того времени и, прежде всего, с архитектурой. Аркатурно-колониадное оформление зданий, как реальная форма архитектурного искусства, отразилось в росписи, лепнине, резьбе по ганчу и дереву. Резное дерево, как часть декоративного искусства, имеет более тесные связи с архитектурой, чем с другими видами прикладного и декоративного искусства. Они непосредственно находятся в тесной взаимосвязи, дополняют друг друга и составляют единое целое в архитектурной композиции. Резные колонны, карнизы, прогоны не только украшают здание, но и являются их неотделимой частью. Резное дерево Гардани Хисор тесно связано со всеми находками резного дерева на памятниках Средней Азии VI—VIII вв.

Элементы резного дерева тесно связаны с орнаментацией стенной росписи Варахши, Пенджикента и Балалыктепе. Перлы, пальметты, волнистые стебли и многие другие растительные побеги можно видеть не только на тканях, но и на других видах изобразительного искусства Средней Азии и поныне. Эти элементы встречаются на керамической посуде и на других предметах домашнего обихода.

Резное дерево Гардани Хисор имеет много общего с резным

деревом Пенджикента, Шахристана, Джумалактепы, Кафирниганкалы и других мест. В то же время оно отличается своеобразной местной самобытностью. Резчики горного Согда обладали большим традиционным опытом.

По тонкости, колоритности, цельности и художественности резное дерево Гардани Хисор не уступает памятникам искусства столичных центров Пенджикента и Бунджиката, имеет много новых элементов, которые прежде не встречались в памятниках раннесредневекового периода. Таково, например, заполнение архивольтов фриза зала гирляндами и перлами (Воронина, 1974, с. 51).

Как известно, сейчас в Средней Азии самой распространенной является наборная резка, когда мастер из отдельных кусков вырезает отдельные элементы и потом из них собирает целый орнамент рисунка. Этот способ был известен резчикам Гардани Хисор. В помещениях 2 и 10 найдены фрагменты и целый лист, орнаментированные на тончайших обугленных дощечках. На одной из них сохранилось отверстие от железного гвоздя. Эта находка является свидетельством того, что поверхности многих деревянных деталей потолка, карнизов, арок, прогонов, консолей были покрыты наборными узорами, от которых ничего не осталось. Шарики и конусы показывают, что еще тогда были широко известны плафонные, кесонные (хавзак, кавзиримон, каен и др.) перекрытия с тончайшими и сложными элементами резьбы. Сохранившиеся остатки краски, с одной стороны, дают основание думать, что некоторые резные элементы, подобные ганчевому штуку более позднего периода, были окрашены разнообразной краской, с другой — позволяют полагать, что потолки, которые не имели резьбы или имели ее недостаточно, были красочно расписаны. Одним словом, расписанные потолки более позднего периода не являются нововведением, их истоки восходят к домусульманскому времени.

В северо-западном углу зала были найдены четыре дощечки ромбовидной формы длиной 25—27 см, шириной 14—16 см и толщиной 2 см. На лицевой их стороне вырезана подковообразная невысокая рельефная арочка и видны следы краски. Назначение дощечек тоже было загадкой. Потом выяснилось, что в парадной архитектуре Верхнего Зеравшана до сих пор применяются аналогичные дощечки-араки, которые вставляются в пазы между двумя балками и обычно красочно расписываются. В. Л. Воронина мысленно соединила дощечки из Гардани Хисор и пришла к выводу, что из них составлялся эллипсовидный медальон, который помещался в угловых квадратах потолка зала (Воронина, 1974, с. 49, рис. 7). Однако эти дощечки никак не сходятся между собой, и составить «овальный медальон для угловых квадратов зала» просто невозможно.

Резное дерево Гардани Хисор показывает, что горный Согд с давних времен был местом работы больших мастеров-резчиков по дереву. Резное дерево Мадма тесно связано не только с пре-

дыдущими эпохами, но и с последующими столетиями. Как мы говорили выше, многие его элементы повторяются в резных колоннах Обурдона, Курута, Урметана, особенно Искомдарского михраба и михраба из Кума. Исследования показывают, что эти колонны и михрабы являются непосредственным продолжением традиции резчиков VII—VIII вв. Искандарский михраб, возможно, является произведением начала или первой половины IX в.

После открытия резного дерева в Гардани Хисор в 1980 г. оно также было найдено во дворе Кума. Можно смело говорить о том, что творцы резных колонн и михрабов IX—XI вв. являлись жителями этих районов, продолжателями традиций местных мастеров VII—VIII вв. И безусловно, прав был Ю. А. Якубовский, знаток среднеазиатской культуры, называя Верхний Зеравшан «царством резного дерева» (Якубовский, 1950, с. 47). Горные районы Верхнего Зеравшана, могли быть и, по всей видимости, были одним из очагов распространения искусства резьбы по дереву в Средней Азии (рис. 50, 52 и 53).

5. ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Археологические раскопки последних лет—в Самарканде, Пенджикенте, Варахше и других городах показали, что согдийцы украшали свои дома и дворцы разнообразными стенными росписями (на светские, религиозные, исторические темы), к которым могли даваться и письменные комментарии (как это было, например, в живописи Афрасиаба).

Согдийские мастера делали из цветных металлов, дерева, гипса и глины самые разнообразные объемные скульптуры—богов, идолов и людей. Подтверждением этому являются многочисленные изделия из обугленного дерева, скульптуры, найденные в Пенджикенте, и великолепный резной штук в Варахше (Беленицкий, 1973, Шишкин, 1963).

В Гардани Хисор на стенах были обнаружены следы краски, поэтому мы не можем сказать, что стены зала были расписаны подобно пенджикентским залам. Однако раскопки дворца в Куме показали, что стены двух залов украшала красочная роспись. Дворец погиб от пожара, стены сохранились только на 40—50 см высоты, т. е. остались не разрушенными только орнаментальные пояса нижней части росписи. Судя по материалам древнего Пенджикента, стены имели многоярусные изображения, а на нижней части стены, на высоте около 40 см, помещались растительные или геометрические узоры. Высота орнаментальных бордюров в залах Кума была такой же. Так как обитатели кумского дворца были тесно связаны с Пенджикентом и с его правителем Девашгичем, можно полагать, что стены залов Кума были расписаны подобно богатым пенджикентским домам (рис. 43, 2).

В 1937 г. В. Р. Чейлытко нашел в помещении 5 в Куме часть лица, изготовленного из ганча и глины. Лицо, нос, губы и глаза были оформлены из ганча, однако ганчевый слой лица разрушен.

Остались уши, контуры носа и губы. По сохранившимся частям можно сделать предположение, что это была не объемная скульптура, а налепное изображение какого-то божества (Винклер, 1952, р. 1). Скульптура изготовлена местными мастерами, так как глина ее красноватая (как в окрестностях Кума). Возможно, налеп украшал дворец, а после его разрушения он упал, был поврежден и в таком виде, как его нашли, был спрятан в гнезде свода помещения 5 замка. Изображение схематичное, и так как оно к тому же сохранилось лишь частично, трудно подыскать для него аналогии и судить об его иконографии и стиле.

Аналогичный идол из ганча, меньшего размера, найден в Гардани Хисор, в доме XIX. Изображение очень схематичное. Судя по подчеркнутой передаче грудей, перед нами какое-то женское божество (рис. 43, 1).

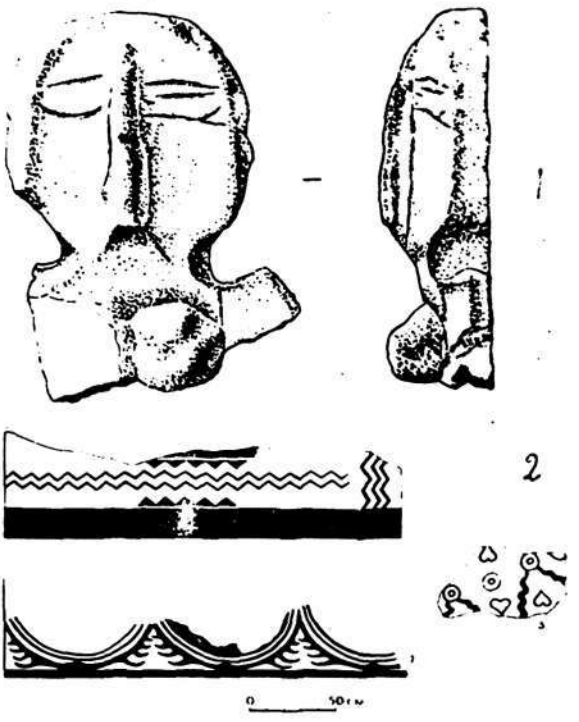


Рис. 43. Росписи панели зала дворца Кума и алебастровый идол из Гардани Хисор

Замечательным произведением искусства является деревянный идол, найденный школьниками в горах Сурх восточной части поселка Зеравшан Айнинского района. Скульптура высотой 1 м изготовлена из одного куска дерева, кроме рук. Руки от локтей прикреплены отдельно при помощи штырей и деревянных гвоздей (рис. 44). Фигура в полусидячем виде на специально изготовленной подставке, ноги свешивались вниз. Пальцы ног не выде-

лены, скорее всего ноги были обуты. Туловище тоже недостаточно отшлифовано, так как на нем, видимо, была одежда. Правая рука, согнутая в локте, протянута вперед. В ней имелся какой-то предмет, о чем свидетельствуют незажатые до конца пальцы. Ручка предмета имела округлую форму диаметром 2—2,2 см и сужалась снизу вверх от 2,2 до 1,5 см. Левая рука тоже протянута вперед, ладонью вверх, большой палец согнут и прижат к указательному, кончики пальцев срезаны специально. Положение левой руки имеет какое-то смысловое значение. Пальцы, ногти и складки на руках переданы с большим реализмом. Следы и остатки прибитых металлических гвоздей на шее и руках свидетельствуют о том, что они тоже были покрыты чем-то твердым, только пальцы были видны со стороны ладоней. Скульптура имеет очень высокую, сужающуюся снизу вверх богатырскую шею. На ногах великолепные сапожки с узорами, сделанными при помощи мельчай-

Рис. 44. Изображение деревянного идола

ших складок и тиснения (сохранился один из них), на шее — ожерелье, в ушах — серьги, корона украшена лучистым венцом в виде неполного круга, в центре которого расположен лучистый шар—главная примета для определения этой скульптуры. Положение рук, лицо, а также сами находки, особенно лучистый венец, железный жезл в виде трех головок горных козлов и др., показывают, что скульптура является изображением согдийского божества (см. дальше).

С большим искусством согдийский скульптор изобразил волнообразные волосы. Тщательно обработанное лицо, прямой, слегка с горбинкой нос, 10-сантиметровые усы, подбородок, большие глаза, устремленные в небо, свидетельствуют о высоком профессиональном и художественном уровне скульптурной школы Согда раннесредневекового периода. Скульптура изготовлена по всем законам симметрии, на высоком художественном уровне. Ее создатель был большим мастером скульптурной школы. В изображении лица скульптуры чувствуется не земное, а небесное, причем властное божество (рис. 45).

Рис. 45. Изображение идола в профиль

Если сравнить эту скульптуру со скульптурными находками или настенными изображениями Пенджикента, Варахши, Афрасиаба, Шахристана и других районов Средней Азии, видно, что она явно отличается от художественных произведений VII—VIII вв. В эти столетия в Согде в изображениях людей и богов появляется новый стиль и новый канон. Людей изображают с миндалевидными глазами, низким, но слегка с горбинкой носом, небольшими

усиками, т. е. школа изобразительного искусства этого периода ближе к миниатюре развитого средневековья.

Лицом, прической, усами, глазами, носом, подбородком, губами статуя из гор Сурх напоминает одну скульптуру из Дальверзинтепе (Пугаченкова, 1973, с. 151). Толстая, высокая, богатырская шея, усы, лицо, сапожки примерно так же, как изображения мужских фигур на стенной росписи культового помещения 16 Дильберджина, датируемого IV—V вв. н. э. (Кругликова, 179, р. 2, 4). Лицо, нос, богатырская шея, усы, глаза и прическа имеют сходство с этими элементами изображения царей на монетах кидаритов и эфталитов (Хабиби, 11, 1357, р. 17—21). По нашим наблюдениям, изображение богатырской шеи характерно для искусства эфталитского периода. Поэтому можно предполагать, что скульптура была изготовлена в эфталитское время и спрятана в начале VIII в., во время арабских походов в Буттам. Возможно, до этого скульптура стояла в местном храме.

В замке Нофин за стеной здания найдена бронзовая фигурка с изображением женщины, стоящей в полный рост со скрещенными на груди руками, волосы собраны на голове, на плечи опущена длинная заплетенная коса. Две косички украшают контуры лица. Интерес представляет и платье — юбка украшена кружочками, воротник треугольниками. По мнению Б. Я. Ставиского, фигурка служила домашним идолом (Ставиский, 1961, с. 107). Вышеупомянутые предметы изобразительного искусства из районов древнего Буттама показывают, что жители этого горного края были не только в курсе достижений изобразительного искусства своего времени, но и сами являлись его творцами.

Искусство Согда было многогранным, оно являлось отражением сложных духовных взглядов согдийцев V—VIII вв. о загробном, растительном, животном, небесном и реальном мире, о человеке различных социальных слоев общества, об эстетике, этике и вкусах. Несомненно, существовали различные художественные школы, где учились рисованию, резьбе по дереву, глине, металлу, камню и созданию скульптурных объемных изображений различных размеров. Это было очень распространенное ремесло не только в центральных районах Согда, но и в других областях Средней Азии, в горных согдийских поселениях.

Изобразительное искусство Согда имеет некоторые отличительные черты: во-первых, полное отсутствие терракот с человеческим изображением; во-вторых, наличие в изображениях разнообразных стилей (деревянные и металлические идолы изготовлены в реалистическом каноне, кумские и гарданихисорские алебастровые идолы имеют схематическое изображение). По-видимому, в разные периоды существовали разные школы изобразительного искусства.

Глава V

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И НАСЕЛЕНИЕ СЕЛЬСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

(по материалам Гардани Хисор)

При археологических раскопках сельских поселений и городов Средней Азии и Казахстана древнего и средневекового периодов часто находят хамба-закрома. Однако до сих пор они не были объектами специального исследования. Вместе с тем изучение их является очень важным для решения проблемы экономики и социальных отношений жителей сельского поселения. На основе изучения зернохранилищ можно судить о занятиях населения сельским хозяйством, о доходах и расходах каждого дома и селения, о численности населения, площади обрабатываемой земли, о взаимоотношениях между городом и деревней и т. п. Конечно, для решения всех перечисленных вопросов пока еще нет достаточных данных. Однако полученные нами археологические материалы, с одной стороны, и этнографические наблюдения, с другой, позволяют не только поставить эти вопросы, но и частично их решить.

Как было сказано выше, на поселении Гардани Хисор в домах обнаружены от двух до семи хамба (зернохранилищ). Стены их в 11 домах сохранились до высоты 1 м, в 5 домах — до 1,05 м, в одном — до 95 см, в двух — до 1,10 м, в доме VII—до 1,35 м и в доме XVI—до 1,50 м. Так как в большинстве домов высота стен зернохранилищ больше 1 м, то эта отметка учитывалась нами и для тех зернохранилищ, которые полностью не учитывались. Так как по этнографическим данным среди зерновых культур региона больше всего сеяли пшеницу, то, по-видимому, самое большое по объему зернохранилище в доме предназначалось для нее. На втором месте был ячмень, на третьем — просо, на четвертом — горох.

Зерна пшеницы, ячменя, проса, гороха, других злаков и садовых культур найдены в здании замка на горе Муг и исследованы ботаниками (Данилевский и др., 1940, с. 480—486). Более подробно зерновые и садовые культуры этого периода горного Согда охарактеризованы Ю. Якубовым (Якубов, 1979, с. 60—71).

Известно, что в 1 м^3 вмещается от 730 до 850 кг пшеницы, от 580 до 700 кг ячменя, от 680 до 730 кг проса и от 750 до 800 кг гороха (Трисвятский, 1966, с. 63). Для определения емкости зернохранилищ домов Гардани Хисор нами взяты размеры (длина, ширина и высота) в м^3.

№ п/п зернохранилищ	Объем в $м^3$	Наименование культур			
		пшеница	ячмень	просо	горох
		вес 1 $м^3$ зерновой массы в кг			
		730—850	580—700	680—730	750—800
1	2	3	4	5	6
Однокомнатные дома					
Дом I	1 0,7	511—595	406—496	476—511	525—560
(пом. 26)	2 0,64	457—544	371—448	435—457	480—512
	3 1,2	875—1020	695—839	815—875	899—960
	4 1,3	949—1105	754—910	884—948	975—1040
	5 0,77	562—654	447—539	524—562	577—616
	6 0,77	562—654	447—539	524—562	577—616
	7 1,4	1020—1190	812—978	951—1000	1050—1120
		4936—5762	3932—4749	4609—4935	4073—5424
Дом VI	1 0,37	270—314	214—258	252—270	278—296
(пом. 53)	2 0,41	299—348	238—287	279—299	308—328
	3 0,56	409—476	325—392	381—409	420—447
	4 0,67	489—569	389—468	456—488	503—536
		1467—1607	1166—1405	1368—1566	1509—1607
Дом VII	1а) 0,89	650—756	516—623	605—650	667—712
(пом. 52)	б) 0,59	431—501	342—413	401—431	442—472
	в) 0,89	650—756	516—623	605—650	667—712
	2 1,28	933—1088	741—895	869—933	958—1022
	3 2,37	1730—2010	1372—1660	1610—1730	1776—1895
		4214—5111	3487—4214	4090—4394	4510—4813
Дом X	1 0,75	548—637	435—525	510—548	562—600
(пом. 44)	2 0,75	548—637	435—525	510—548	562—600
	3 1,05	765—891	608—734	713—765	786—838
		1861—2165	1478—1784	1733—1861	1910—2038
Двухкомнатные дома					
Дом III	1а) 0,64	457—544	371—448	435—457	480—512
(пом. 38)	б) 0,52	379—442	301—364	353—379	390—416
	2 1,44	1050—1220	835—1009	977—1050	1080—1152
	3 1,6	1168—1360	927—1120	1088—1168	1200—1280
	4 1,6	1168—1360	927—1120	1088—1168	1200—1280
		4222—4926	3461—4032	3991—4222	4350—4620
Дом VIII	1 2,24	1635—1900	1300—1570	1520—1635	1680—1790
(пом. 49)	2 0,4	292—340	232—280	272—292	300—320

1	2	3	4	5	6
		1927–2240	1532–1850	1792–1927	1980–2110
Дом IX	1 0,49	358–417	284–343	333–358	368–392
(пом. 54)	2 0,64	457–544	371–449	435–457	480–512
	3 0,53	387–451	307–371	360–387	397–424
		1192–1412	962–1162	1128–1202	1245–1328
Дом XIII	1 0,45	328–382	261–315	305–328	338–360
(пом. 48)	2 0,6	438–510	348–420	407–438	450–480
		765–892	609–735	713–766	788–840
Дом XX	1 0,77	562–654	447–538	524–562	577–616
(пом. 80)	2 0,77	562–654	447–538	524–562	577–616
	3 0,36	262–305	209–252	245–262	270–288
	4 0,36	262–306	209–252	245–262	270–288
	5 0,68	496–577	394–476	462–496	510–544
	6 0,42	307–357	244–294	286–307	315–336
	7 0,56	408–476	325–392	381–408	420–448
	8 0,39	284–332	226–273	265–284	292–312
		3543–3662	2401–2965	2932–3143	3231–3448
Дом XXII	1 1,57	1145–1335	908–1100	1068–1145	1178–1255
(пом. 72)	2 1,57	1145–1335	908–1100	1068–1145	1178–1255
	3 1,93	1410–1640	1120–1350	1310–1410	1446–1542
		3700–4310	2936–3550	2403–2558	2626–2808
		Трехкомнатные дома			
Дом II	1 0,94	687–800	546–658	639–687	705–753
(пом. 27)	2 0,76	555–646	441–532	517–555	570–608
	3 2,86	2082–2430	1660–2000	1945–2082	2145–2295
		3324–3876	2647–3190	2101–3324	3420–3656
Дом V	1 0,51	372–433	296–357	347–372	382–408
(пом. 53)	2 0,56	409–476	325–392	381–408	420–448
	3 0,57	416–484	331–395	388–416	427–455
	4 0,37	270–314	214–258	252–270	278–296
	5 0,50	365–425	290–350	340–365	375–400
		1832–2132	1456–1852	1708–1831	1882–2008
Дом XII	1 1,24	904–1055	718–866	841–904	928–990
(пом. 41)	2 1,03	752–874	597–741	700–752	771–823
	3 1,44	1050–1220	835–1009	977–1050	1080–1152
	4 1,15	838–975	666–803	781–838	861–918
	5 1,65	1204–1400	955–1153	1120–1204	1238–1320
	6 2,14	1560–1820	1240–1498	1455–1560	1600–1710

1	2	3	4	5	6
		6398—7324	5011—7050	5874—6308	5588—5913
Дом XIV	1 1,65	1201—1400	955—1153	1120—1204	1238—1320
(пом. 5)	2 0,71	518—604	412—497	483—518	533—567
	3 0,92	671—781	534—640	625—671	690—736
	4 0,59	431—501	342—413	401—431	442—472
	5 1,07	780—908	620—748	726—780	802—855
		3604—4194	2863—3451	3355—3604	3705—3950
Дом XVI	1 2,06	1502—1750	1192—1441	1400—1502	1544—1648
(пом. 82)	2 2,1	1532—1785	1218—1470	1428—1532	1575—1680
	3 1,52	1110—1291	881—1062	1032—1110	1140—1215
	4 1,83	1337—1555	1060—1280	1245—1337	1372—1464
	5 0,97	707—824	563—678	660—707	727—776
		6188—7205	4911—4490	4365—4686	4814—5135
Дом XVII	1 1,21	882—1028	702—746	822—882	906—966
(пом. 77)	2 1,24	901—1055	718—866	841—904	928—990
	3 1,12	803—942	644—776	754—808	832—886
	4 1,72	1255—1460	996—1202	1170—1255	1290—1375
		3849—4585	3060—3590	3587—3899	3956—4217
Дом XXI	1 1,35	984—1148	783—944	916—984	1012—1080
(пом. 71)	2 0,86	627—731	498—602	585—627	640—688
	3 1,30	947—1105	753—909	882—947	974—1040
		2558—2989	2038—2455	2403—2558	2626—2808
		Четырехкомнатные дома			
Дом IV	1 0,9	657—765	522—630	612—657	675—720
(пом. 42)	2 0,67	489—569	389—468	456—488	503—536
	3 0,67	489—569	389—468	456—488	503—536
	4 1,35	984—1148	783—944	916—984	1012—1080
	5 1,17	853—993	678—818	795—853	875—935
	6 1,59	1160—1350	922—1112	1082—1160	1192—1270
		4632—5394	3683—4440	4317—4630	3760—5077
		Пятикомнатные дома			
Дом XI	1 2,0	1460—1700	1160—1400	1360—1460	1500—1600
(пом. 28)	2 2,42	1765—2050	1400—1694	1645—1765	1812—1935
	3 3,15	2300—2680	1830—2200	2140—2300	2360—2510
	4 2,36	1722—2005	1370—1650	1605—1722	1770—1890
	5 2,8	2040—2380	1625—1960	1905—2040	2100—2240
	6 1,23	896—1045	712—860	835—896	920—983

1	2	3	4	5	6
		10189—11800	8097—9704	9496—10183	10462
Дом XIX	1 1,88	1312—1530	1012—1260	1222—1312	1350—1440
(пом. 79)	2 0,91	665—773	528—637	619—665	683—727
	3 0,92	671—782	533—644	625—671	690—736
	4 1,28	933—1088	741—895	869—933	958—1022
	5 1,57	1146—1334	908—1100	1068—1146	1176—1255
		4727—5507	3752—4596	4403—4727	4857—5180

В таблицах приведены емкости зернохранилищ для четырех видов зерновых культур. Судя по этнографическим данным, собранным автором во время археологических работ на памятниках Верхнего Зеравшана*, кроме вышеупомянутых зерновых культур, каждая семья для ежегодного питания сеяла еще маш, чечевицу, чуну (кунак), бобовые (бокле и любё) и бахчевые культуры, в том числе тыкву, лук, свеклу, репу, морковь и др. Кроме того, на зиму бедная семья имела в запасе 60 кг (один мешок тутовника) и один мешок сушеного урюка, а богатые люди — несколько центнеров сушеных тутовника, урюка, яблок и молочные продукты. Поэтому в зернохранилищах могли, кроме зерна, держать сушеные яблоки, урюк и другие продукты. По данным этнографии, количество зернохранилищ зависело от дохода зерновых культур.

1. ОДНОКОМНАТНЫЕ ДОМА

Дом I в восьми зернохранилищах вмещал около 5 т зерна. Кроме того, к северу от зернохранилищ было свободное место для хранения продуктов в мешках, корзинах и хумах. В некоторых хумах сохранились остатки муки. По-видимому, здесь муку держали в хумах, матерчатых и кожаных мешках.

По этнографическим данным, в Ягнобе в течение одного года на взрослого человека расходовали 22—24 пуда ячменной муки (Андреев, 1970, с.115), т. е. в среднем 368 кг. Ежедневно на одного взрослого человека расходовался 1 кг хлеба: в Ягнобе не произрастали фрукты и овощи (кроме тыквы), люди питались лепешками и изделиями из муки.

В Матче, Паргаре, Кштуте, Магиане и других местах горного Согда при обилии фруктов и овощей, естественно, хлеба расходовалось меньше (возможно, около 300 или еще меньше), если учесть нормы питания современного человека.

Для сравнения приведем научно обоснованные нормы питания для населения Узбекской ССР, разработанные Узбекским институтом краевой медицины АМН СССР (Справочник, 1966, с. 102):

* Этнографические данные автор собирал ежегодно (1964—1981 гг.) у старожилов кишлаков Мадм, Кум, Ревот, Урметан, Вешканд, Похут и др. Эти данные многократно сверялись между собой.

Мука и мучные изделия	1 день	1 год
Мука и мучные изделия	340	124,1
Крупы разные	48	17
в том числе рис	30	11
Овощи разные	310	113,3
в том числе капуста	55	20,1
помидоры	70	25,1
морковь	50	18,5
огурцы	15	5,5
лук	50	18,5
Бахчевые,	270	96,6
в том числе дыня	150	54,8
арбуз	100	36,5
тыква	20	7,3
Свежие фрукты и ягоды	240	87,6
Виноград	70	25,5
Сухофрукты	30	11,0
Мясо и мясопродукты	230	83,9
Яйца	48	17,5
Молочные продукты	1270	463,6

Конечно, вышеприведенные данные о питании для взрослого современного человека во многом отличаются от питания людей до революции, особенно в горных районах, где люди жили особенно скромно.

Сейчас расход продуктов зерновых культур (мука и мучные изделия, крупы разные, в том числе рис) в течение года для взрослого человека составляет около 140 кг. В этом нормативе не учтены бобовые, горох, маш, чечевица, просо, ячмень и др. Как известно, в дореволюционное время бобовые, просо, купак, маш, ячмень, горох разных сортов (бакле, мулк) играли в питании большую роль. В Ягнобе семья из 8 человек на семена оставляла 32 пуда (512 кг) (Андреев, с. 47—53).

Согласно рассказу председателя колхоза Мадм Мухиддина Джураева, на полевых землях Мадма и в других колхозах Айнинского района Таджикской ССР на 1 га расходуется от 80 до 100 кг семян. Получают с 1 га до 35—46 ц пшеницы; на богарных землях на 1 га расходуется до 100 кг семян, собирают от 4 до 10 ц; с 1 га поливной земли получают 12 ц проса, 20—35 ц ячменя, 10—15 ц гороха.*

На посевных площадях пшеница занимает 50%, ячмень и просо — 25%, горох — 15%, в течение года здесь снимают с одного поля два урожая. Сначала сеют ячмень, потом просо. Получение хорошего урожая зависит от степени удобрения земли, количества осадков, своевременного полива. Данные, полученные от

---

* Записи автор вел в 1974 г. М. Джураев с 1963 г. (со дня основания колхоза) по 1959 г. был его председателем. Он избирался депутатом Верховного Совета Союза и Верховного Совета республики. Ныне пенсионер.

М. Джураева, не удалось сверить с архивными документами колхоза, но мы сверяли их с другими источниками, в том числе с данными, собранными Ю. Мухиддиновым в аналогичных районах Таджикистана, и они совпали на 98%. Например, в Ишкошиме, где климатические условия близки к условиям Верхнего Зеравшана, под пшеницей занято 50% посевной площади, под горохом — 25%, под просом и ячменем — 25% (Мухиддинов, 1984, с. 38).

Сейчас определены нормы высева семян (Справочник, с. 150—160) на богарных и поливных землях Узбекистана и Таджикистана (см. таблицу).

Нормы высева семян на богарных землях (в кг на 1 га)

Сельскохозяйственные культуры	Зоны			
	равнина	равнина холмистая	предгорная	горная
Пшеница осеннего посева	60—65	70—75	90—100	100—110
Ячмень осеннего сева	65—75	75—80	100—110	110—120
Пшеница яровая	55—60	70—75	75—80	100
Нут	50	60—70	60—70	
Кормовой горох		60—80	90—100	90—100
На поливной земле				
Ячмень			60	
Пшеница			60—65	
Горох			120—150	
Рис			160—200	
Маш			20	
Просо			20	

На основе этих данных мы и строим свои суждения и ведем подсчеты для домов Гардани Хисор.

Из 5 т, полученных жителями дома 1, больше 2 или 2,5 т, вероятно, занимала пшеница.

Учитывая тогдашний уровень земледельческой техники, 5 т зерна жители дома могли получить с площади 2,5 га поливной земли (с каждого гектара в среднем по 20 ц). Если учесть, что с одной поливной земли снимали два урожая (проса и ячменя), то на 0,5 га сеяли 10 кг проса и получали 4—5 ц. На этом же месте повторно сеяли 100 кг ячменя и получали 10—15 ц. Итого, с 0,5 га получали в среднем 20 ц проса и ячменя. Таким образом, в среднем с 2,5 га поливной земли жители дома 1 могли получить 4,6—5 т зерна. Остальные 5 ц составляли горох, маш, кунок, чечевица и др. Из этого же зерна 250 кг оставляли на семена. Как указывалось выше, крестьяне платили два вида налогов (харадж

и подушной), но не известно, сколько процентов составляли они от общего урожая.

Судя по данным ибн Хордадбеха, горный Согд (Буттам) в IX в. платил тохиридам 5 тыс. дирхемов (Хордадбех, с. 40). По мугским документам известно, что селения горного Согда платили налог государству разными видами продукций: ячменем, пшеницей, вином, скотом, сухими фруктами и др. (Якубов, 1969, с. 57—58). В средневековый период феодальная земельная рента составляла 1/10 часть урожая (Давидович, 1964, с. 387). Если принять налог за десятину, то жители дома платили 500 кг зерна. На питание оставалось 4250 кг. Учитывая то, что на одного человека расходовалось 300 кг зерна, то 4250 кг хватало на 14 человек. Надо учесть еще то, что часть зерна шла на базар для покрытия расходов на приобретение одежды, сельскохозяйственных орудий и на другие нужды. Но необходимо иметь в виду также и то, что у местных жителей был еще скот, являющийся важным источником экспорта этого горного края.

Экономический потенциал семьи, живущей в доме I, в какой-то степени характеризуют и находки, в том числе привозная керамика, которую жители дома приобретали, вероятно, на базарах. В доме найдены нижняя часть хума, шесть фрагментов донных частей кувшинов, два из них станкового местного производства (табл. X, 43), три лепных (табл. X, 42); 7 фрагментов венчика из лепного кувшина (табл. IX, 11); археологически целый лепной котел (табл. XX, 1); три фрагмента верхней части лепных котлов этого же типа, три фрагмента донных частей лепных котлов.

Керамический материал в доме 1 немногочисленный, но это не означает, что в доме посуды было мало. Как известно, в это время столовая посуда большей частью была из дерева и металла. Жители дома могли забрать ее с собой, оставляя лишь разбитые и ненужные изделия. Правда, жители некоторых домов не успели унести всю посуду: в некоторых домах найдены хорошие целые сосуды.

Дом VI имел в четырех зернохранилищах 1487 кг зерна. Это зерно жители дома могли получить с площади меньше 1 га (0,7—08, га). Из этого урожая пшеница составляла примерно 700—800 кг, остальное было просо, ячмень, горох, маш и др. Если считать, что в среднем в доме было 1487 кг зерна и из него 100 кг оставляли на семена, а 150 кг на налоги, то на питание оставалось 1237 кг. Этого зерна хватило бы на 4 взрослых человека. Керамический материал дома таков: **хумы** представлены шестью фрагментами верхних частей сосудов, изготовленных от руки, с поправкой на гончарном круге (табл. III, 23; табл. II, 9; табл. IV, 2; табл. III, 25; табл. II, 8; табл. IV, 2), фрагментами верхней части станкового — привозного хума (табл. III, 39) и фрагментом ганчевого хума (табл. XXI, 2).

Хурмы представлены двумя фрагментами верхней части сосудов станкового (привозного) и лепного производства (табл. V,

2, 4). Кувшины — верхней частью станкового (привозного) сосуда (табл. IX, 14), тремя фрагментами донных частей двух станковых (табл. VIII, табл. IX, 12) и одного лепного сосудов (табл. VIII, 14). В 1 экз. найдена миска (целая лепная коса) (табл. XV, 22). Остальные виды посуды — восемь фрагментов верхних частей лепных котлов (табл. XX, 1, 6) и фрагмент тулова и ручки лепного светильника (табл. XVIII, 8).

По сравнению с другими домами, в доме 1 много хумов и хумчи. Станковая керамика составляет более 70%, в том числе кувшин и хум, привезенные из других керамических центров. Из числа других находок в доме найдено алебастровое пряслице (табл. XXII, 44). Нет сомнения, что в доме были и другие источники дохода (скот, фрукты и овощи).

Дом VII имел пять зернохранилищ, вмещавших в среднем 4,400 кг зерна. Таким образом, у жителей было более 2 га поливной земли. Из этого зерна на семена оставляли, видимо, 200 кг, на налоги — 440 кг, а остальное уходило на питание и другие нужды.

В доме найдены два фрагмента хума (табл. III, 15, 34); три фрагмента лепных кувшинов (табл. VIII, 6, 10; табл. X, 5) и два фрагмента донных частей (табл. VIII, 16), целый лепной кувшинчик (табл. VIII, 17), три фрагмента верхней части кружек, два из которых станковые, привозные (табл. XV, 1, 2), а один — от лепной кружки с фестончатым краем (табл. XVI, 2); фрагмент верхней части лепной тагоры (табл. XIV, 4) и археологически целая лепная чаша (табл. XV, 15). Найдены здесь также шесть фрагментов верхних частей лепных котлов (табл. XX, 2), три фрагмента донных частей лепных котлов (табл. XX, 6) и ножка переносного очага с отверстием в нижней части. В доме найдены также монета безымянной царицы (Давутов, 1980, с. 59), фрагмент стеклянного флакона с изображением бородатого человека (рис. 46, 8) (Якубов, 1977, рис. 3); аналогичный флакон был найден в Пенджикенте (Бентович и др., 1973, рис. 37), халцедоновая бусина и два пряслa (рис. 58, 14).

В доме X три зернохранилища, в которые вмещалось 1830 кг зерна. Хозяева дома имели больше 1 га поливной земли. Из этого урожая 100 кг могли оставлять на семена, 183 кг — на налоги, а остальное — на другие нужды жителей дома.

Керамика дома представлена фрагментом венчика местного гончарного хума (табл. II, 6), двумя фрагментами венчиков лепного хума (табл. III, 14, 15), разбитой лепной хумчой (табл. VI, 6) и фрагментом венчика еще одной хумчи (табл. III, 3). В доме найдены также археологически целый лепной кувшин (табл. VIII, 16) и еще три фрагмента венчика кувшинов; один из них изготовлен на гончарном круге (табл. VIII, 16) (работа местная), остальные — лепные (табл. VIII, 6; табл. IX, 10; табл. X, 23), а также археологически целая лепная кружка (табл. XVI, 3), фрагмент еще одной лепной кружки (табл. XVI, 1), четыре фрагмента венчиков лепных котлов (табл. XX, 2, 3) и три фрагмента лепных сковород — това (табл. XVII, 1—3).

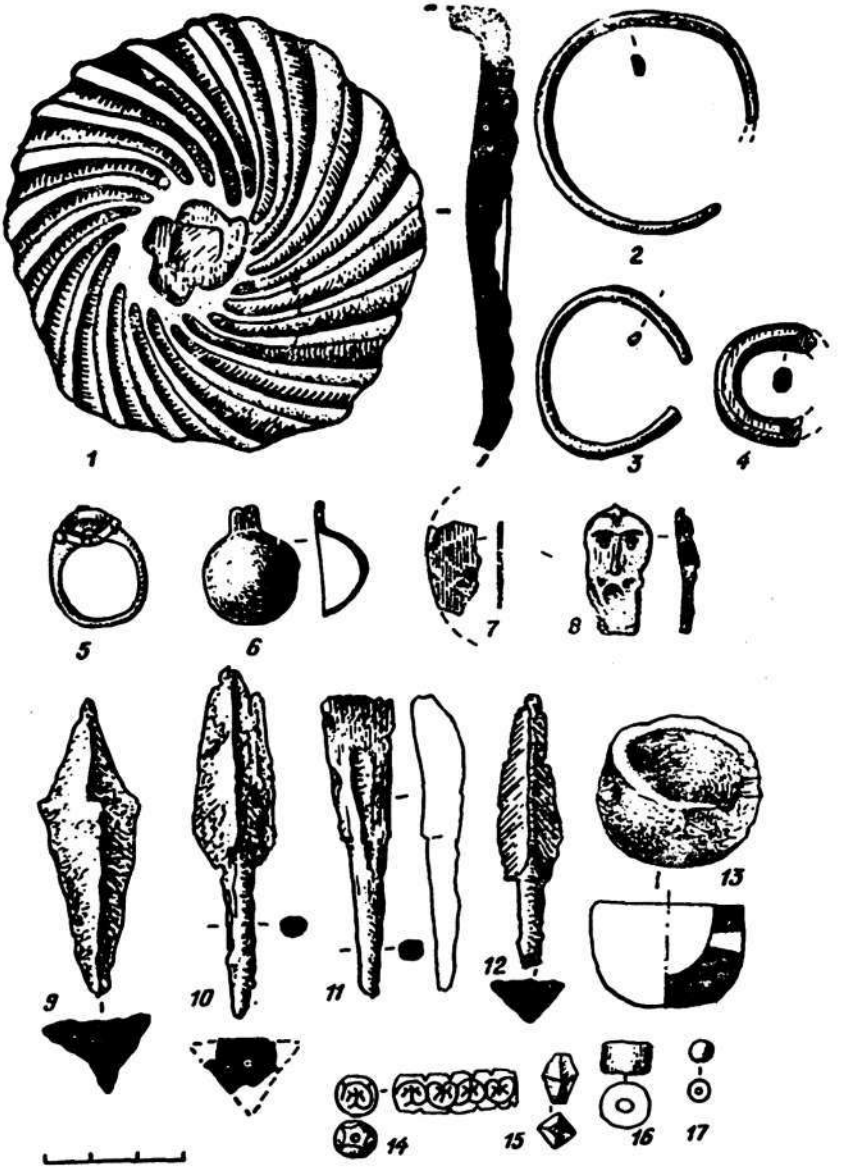


Рис. 46. Металлические предметы из Гардани Хисор: *1* — днища стеклянного графина; *2—4*—браслеты медные; *5*—перстни; *6* — бубенчики, фрагмент бронзового зеркала; *8* — изображение человека на стекле; *9 — 12* — наконечники стрел; *13* — льячка; *14 — 17* — бусы.

В доме, кроме двух станковых (привозных) кувшинов, вся керамика местная, причем некоторые из них деформированы в результате обжига. Если хозяин их купил на базаре, то, по-видимому, по очень низкой цене. Количество зерна и керамические изделия свидетельствуют о том, что здесь жила бедная семья.

Самым богатым домом в этой группе был дом I, за ним шел VIII, а затем дома VI и X.

2. ДВУХКОМНАТНЫЕ ДОМА

Дом III имел пять зернохранилищ, в них в среднем вмещалось 4220 кг, т. е. у жителей дома было 2 га поливной земли. Если отнять семена (200 кг) и налоги (420 кг), то на питание жителей дома оставалось 3600 кг.

В доме найдены один целый хум (табл. I, 1) высотой 55 см, диаметром горла 24 см, диаметром дна 33 см, верхняя часть второго (табл. III, 21) и также верхняя часть третьего (табл. III, 19). Здесь обнаружены также две хумчи (табл. V, 1), целая хурма (табл. VI, 8) и часть другой, лепной кувшин (табл. VIII, 10), лепная кружка с фестончатым краем (табл. XVI, 3), лепной котел (табл. XX, 1), фрагменты верхней части лепного котла (табл. XX, 3) и двух ручек таких же котлов (табл. XX, 1), археологически целая тагора (табл. XVIII, 6) и три фрагмента алебастровых столиков (один из них с ножкой — табл. XXI, 9).

Другие находки — каменная гиря и два прясла (табл. XXII, 2, 27).

Дом VIII имел два зернохранилища, в которые вмещалось 2308 кг. Этот урожай могли получить с площади 1 га поливной земли. Из этого зерна 100 кг могли выделять для семян, 230 кг — на налоги и 200 кг — на питание и другие нужды.

Керамический материал из этого дома включал: фрагмент верхней части ганчевого хума (табл. XIX, 21); два фрагмента верхних частей лепных хумчей (табл. V, 1, 3); два фрагмента венчиков сосудов типа хурма — один от лепного (табл. V, 7), второй от ганчевого (табл. XIX, 10); целый кувшин (табл. IX, 11); двадцать фрагментов кувшинов — один из сосуда, изготовленного на круге (табл. X, 24), остальные от лепных (табл. VIII, 10, 11, 15; табл. IX, 11; табл. X, 15); две археологически целые косы (табл. XV, 11, 12); археологически целую кружку (табл. XVI, 3); двадцать восемь фрагментов стенок лепных котлов (табл. XX, 1, 3, 6) и десять фрагментов от их донных частей (табл. XX, 3); археологически целый лепной котелок (табл. XX, 14); а также два одинаковых прясла (табл. XXII, 19).

Разнообразие керамического материала показывает, что у жителей дома VIII были разные источники дохода. Количество посуды свидетельствует о том, что здесь жила большая и состоятельная семья.

Дом IX имел три зернохранилища, в которых помещалось чуть больше 1200 кг. Этот урожай жители дома могли получить с площади 0,5—0,7 га поливной земли. Если они оставляли на

семена 70—80 кг и на налоги 120 кг, то остальное шло на питание. Однако, судя по керамическим материалам, обстановка в доме была не бедной.

Здесь найдены четыре фрагмента верхних частей хумов, один из которых был изготовлен на гончарном круге (табл. III, 21), а остальные вылеплены от руки (табл. I, 1; табл. II, 7; табл. III, 32; табл. IV, 1); фрагмент верхней части хурмы местного станкового производства (табл. V, 8); фрагмент верхней части лепной хурмы (табл. XX, 7); пять фрагментов венчиков (табл. X, 4, 11, 15, 21, 23) и четыре фрагмента нижних частей лепных кувшинов (табл. VIII, 8, 9); целый кувшинчик (табл. VIII, 4) и фрагмент венчика хурмача типа (табл. XIII, 14); четыре котла — один целый (табл. XX, 1), от трех остальных — фрагменты (табл. XX, 2, 6(2)); целый котелок (табл. XIII, 3); целая тагора (табл. XVIII, 4) и верхняя часть другой тагоры (табл. XIV, 3); фрагментированная сковородка, которая была найдена в очаге с остатками обугленного хлеба (табл. XV, 4).

В доме XIII было два зернохранилища, в которые вмещались 763 кг. Обитатели дома имели меньше 0,5 га поливной земли. Судя по этнографическим данным, малоземельные люди сеяли те зерновые культуры, которые давали больше урожая, в том числе просо и ячмень. Сначала сеяли ячмень, а потом, в конце мая, просо и получали со своего участка два урожая. Зимой на этом же участке сажали морковь. Таким образом, получали с поля три урожая. Вероятно, жители дома XIII и других домов могли поступать аналогичным образом. Если жители получали 763 кг, то из этого зерна 50—60 кг могли оставлять на семена, 75 кг — на налоги, а на питание шло всего 600 кг. Если судить по размерам зернохранилищ, жители дома XIII были самыми бедными в Гардани Хисор. Однако найденный в доме керамический материал свидетельствует о том, что хозяева его были не столь уж бедны. В доме найдены остатки четырех хумов местного и привозного производства, много других местных и привозных керамических изделий. Все это говорит о том, что в доме жили люди, которые покупали на базаре дорогостоящие керамические изделия. Следовательно, зерно могли хранить не только в закромах, но и в недошедших до нас матерчатых мешках и других несохранившихся изделиях.

В доме были найдены, как уже упоминалось, четыре фрагмента венчиков хумов — один из привозного (табл. II, 9), три от местных изделий (табл. I, 1; табл. II, 9; табл. III, 3); фрагмент лепной хумчи (табл. III, 10); археологически целая лепная хурма и фрагмент венчика станкового привозного сосуда этого же типа (табл. V, 13); нижняя часть лепного кувшина (табл. VIII, 9) и фрагмент горла привозного кувшина, изготовленного на круге из хорошо отмученной глины и покрытого красным ангобом (табл. VIII, 1); археологически целый поильник (табл. X, 13); два археологически целых котла (табл. XX, 3—5; табл. XIII, 3), пятнадцать фрагментов верхних и пять донных частей котлов и,

наконец, две археологически целых сковороды (табл. XIII, 2, 3).

Дом XX имел 8 зернохранилищ, в которых вмещались 3140 кг зерна. Его могли получить с площади 1,5 га поливной земли. Если из него 150 кг выделялись на семена и 314 кг — на налоги, то на питание — 2576 кг.

Керамический материал из этого дома очень разнообразен и включает ряд привозных изделий, что свидетельствует о торговых связях его жителей с базарами в городах Согда, а может быть, и других районов Средней Азии.

В доме XX найдены фрагмент верхней части хума (табл. II, 4), археологически целая привозная хурма (табл. V, 12); четыре фрагмента венчиков и нижних частей привозных станковых кувшинов (табл. IX, 1, 2; табл. X, 42—43); археологически целая лепная коса (табл. XV, 25); двадцать два фрагмента верхних частей лепных котлов (табл. XX, 1, 4, 6).

Дом XXII имел три зернохранилища на 3361 кг. Такой урожай могли получить с площади 1,5 га поливной земли. Если на семена и налоги уходили 500 кг, то на питание оставалось 2860 кг. Керамика включала три фрагмента венчиков гончарных хумов, одного — привозного (табл. II, 9), остальных — местных (табл. II, 8; табл. IV, 5); целую хумчу (табл. V, 1); фрагмент лепной хурмы (табл. V, 2); три археологически целых кувшина, один из которых привозной (табл. IX, 1), два других лепные, местные (табл. X, 9; табл. VIII, 10); четыре фрагмента венчиков кувшинов (табл. VIII, 2; табл. X, 16, 23); целую лепную кружку (табл. XV, 1); две археологически целые сковороды (табл. XVII, 2); фрагмент сосуда-цедилки (табл. XV, 25) и три фрагмента венчиков лепных котлов (табл. XX, 1, 6).

3. ТРЕХКОМНАТНЫЕ ДОМА

Дом II имел три зернохранилища, в которых вмещалось 3317 кг зерна. Дом имел 1,5 га поливной земли. На налоги и семена могли уходить 460 кг, на питание 2857 кг.

Керамические материалы дома II представлены двумя фрагментами верхних частей лепного и гончарного хумов (табл. III, 1, 5); фрагментом верхней части лепной хумчи (табл. III, 28); фрагментом верхней части привозной хурмы со сливом, изготовленной на гончарном круге (табл. V, 8); четырьмя фрагментами венчиков кувшинов, одного — гончарного, привозного (табл. VIII, 2), остальных — лепных, местного производства (табл. VIII, 3; табл. X, 3, 5) и двумя фрагментами нижних частей кувшинов (табл. VIII, 16); двумя фрагментами привозных сосудов типа хурма (табл. V, 2, 6); археологически целым лепным котлом (табл. XX, 6) и еще девятью фрагментами верхних частей лепных котлов (табл. XX, 3).

Дом V имел пять небольших зернохранилищ, в которых вмещалось 1840 кг зерна. Однако в хозяйственном помещении здесь был плотный пол и вполне вероятно, что на него тоже засыпали зерно и другие продукты. Поэтому точное количество производи-

мого зерна в этом доме остается неизвестным. Дома V и XXII связаны между собой: первоначально в них жила одна семья, а потом в результате распада семьи дома были приспособлены для двух самостоятельных хозяйств.

Посуда в доме представлена тремя фрагментами хумов, изготовленных на гончарном круге, причем два из них — привозные (табл. III, 19, 28; табл. VI, 17); четырьмя фрагментами верхних частей лепных хумчей (табл. III, 1, 5, 9, 10); двумя фрагментами верхних частей гончарной, привозной (табл. V, 2) и лепной (табл. V, 7) хурмы; фрагментом верхней части изготовленного на круге (привозного) кувшина (табл. IX, 9), шестью фрагментами верхних частей лепных кувшинов (табл. VIII, 3, 9; табл. X, 3) и двумя обломками их донных частей (табл. VIII, 12; табл. IX, 12); семью фрагментами верхних частей лепных котлов (табл. XX, 3, 4, 6). В доме также был найден медный проволочный браслет (рис. 58, 2).

В доме XII было шесть зернохранилищ вместимостью более 6400 кг (из них 3200 кг пшеницы). Живущая здесь семья имела 3,5 га поливной земли. 300 кг могли выделять на семена, 640 кг — на налоги, более 5 т — на питание и другие нужды.

Керамический материал представлен двумя фрагментами верхних частей хумов, изготовленных на гончарном круге (табл. I, 2; табл. II, 4); целой хумчой (табл. V, 1) и двумя донными частями сосудов этого типа; фрагментом верхней части хурмы (табл. V, 1) и целым небольшим лепным сосудиком типа хурмача (табл. XIII, 13); двумя фрагментами донных частей привозных станковых кувшинов (табл. X, 42) и восемью фрагментами донных частей кувшинов (табл. VIII, 10, 9, 6); фрагментом нижней части лепного кувшинчика (табл. VIII, 17); привозной станковой косой (табл. XV, 13); фрагментом стенки с ручкой от кружки (табл. XV, 3); археологически целыми лепными «солонками» (табл. XV, 16, 18); археологически целой лепной сковородой (табл. XVIII, 1); ручкой лепного светильника (табл. XVIII, 7); ножкой переносного очага; шестью фрагментами донных частей лепных котлов (табл. XX, 4) и фрагментом верхней части такого же сосуда (табл. XX, 6); лепным котелком (табл. XIII, 3). Привозные керамические изделия в доме составляют почти 50%. Этот дом был одним из наиболее богатых в Гардани Хисор. В доме найдены 8 разноразмерных пряслиц (табл. XXI, 1, 5, 1 (два), 28 (три), 29); хорошо обработанная каменная гиря и каменный брусок; два фрагмента обугленного ворсового ковра (?) и железный серп (рис. 46а, 8). Количество пряслиц наводит на мысль, что дом, возможно, был связан с ткацким делом.

Дом XIV имел пять зернохранилищ на 3677 кг. Его хозяева владели примерно 2 га поливной земли. 577 кг зерна могло уходить на налоги и семена, остальные 3100 кг — на питание и другие нужды.

Среди найденного в доме керамического материала много ганчевых сосудов. В хамба (зернохранилище) находились два

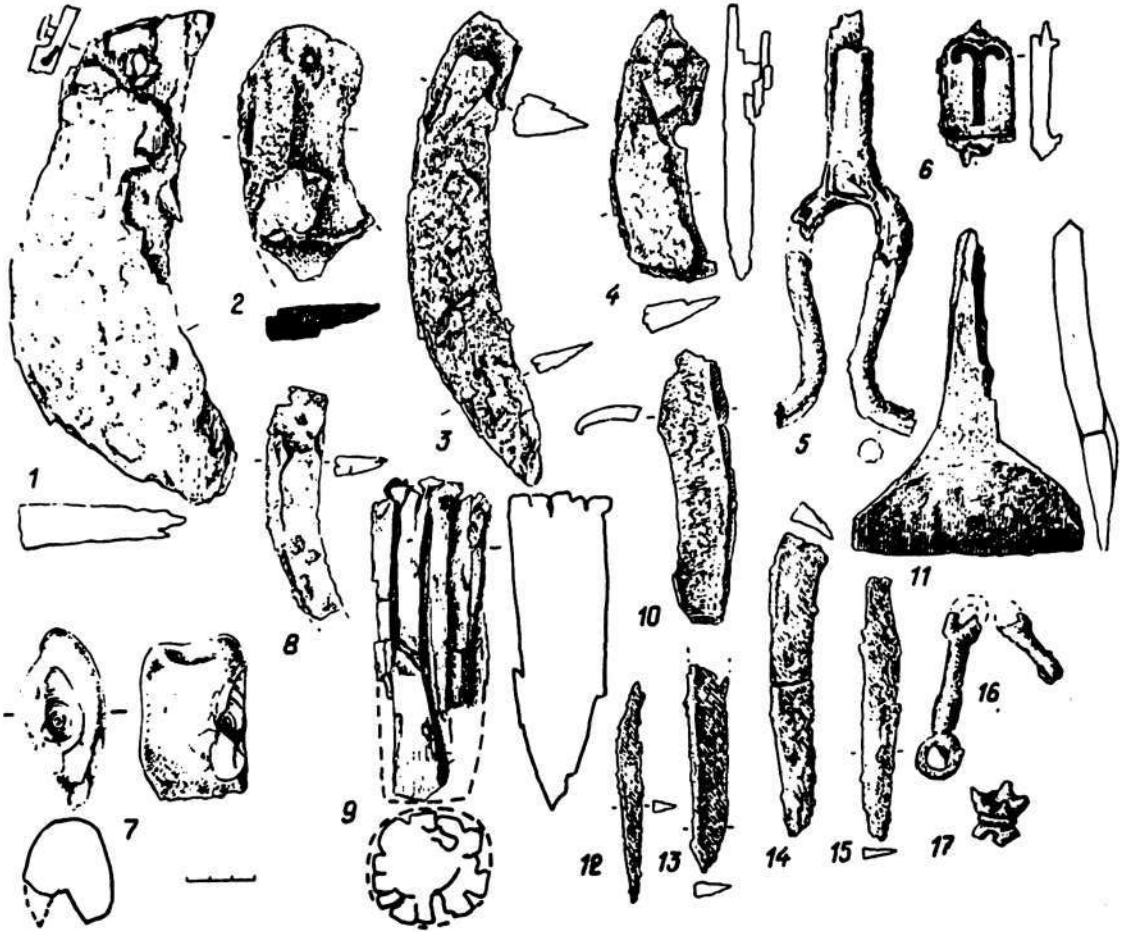


Рис. 46а. Предметы из Гардани Хисор: *1 — 2* — доспаркол; *3, 4, 8* — серпы; *5* — ножницы; *6* — бляха; *7* — каменное изделие; *9 — 11* — зубила; *10 — 15* — ножи; *16 — 17* — удила

фрагмента разбитого ганчевого хума (табл. XIX, 1—2). Цилиндрический хум из ганча (табл. XIX, 13) найден в хамба 2; здесь же найдены были остатки трех сосудов типа хурмы (табл. XIX, 9—11) из ганча и ганчевого столика (табл. XXI, 9), четыре ганчевые крышки (табл. XXI, 1, 5, 6). Керамический гончарный хум представлен двумя фрагментами верхней части (табл. II, 1; табл. IV, 4). Другие керамические находки составляли фрагмент нижней части лепного кувшина (табл. VIII, 10) и два фрагмента верхней части широкогорлых кувшинов местного производства, изготовленных на гончарном круге (табл. X, 14, 28); три фрагмента верхних частей котлов (табл. XX, 3, 6); большая часть лепного поильника (табл. XV, 4).

Дом XVI имел пять зернохранилищ, в которых вмещалось 4850 кг. Хозяева дома владели примерно тремя га поливной земли. На семена и налоги могло уходить 785 кг, остальные 4065 кг — на питание и другие нужды.

Почти вся найденная в доме столовая посуда была привозной, что свидетельствует о связях живущей в нем семьи с базаром. Надо отметить, что в доме была суфа «почетного гостя». Такие суфы имелись только в домах богатых людей, вероятно, связанных с государственным аппаратом, поэтому возможно, что в этом доме жили люди знатного рода (азаты).

В доме были найдены фрагмент нижней части хума, изготовленного на гончарном круге; два фрагмента стенок и один — верхней части хумчи (привозной), изготовленной на круге (табл. I, 4); пять фрагментов верхних частей сосудов типа хурма — одного привозного (табл. V, 10), остальных местного производства (табл. V, 4, 7, 8, 10); фрагмент венчика кувшина, изготовленного на гончарном круге (табл. IX, 40), и три фрагмента лепных кувшинов (табл. X, 5); фрагмент нижней части лепного кувшинчика (табл. VIII, 15); две целые кружки (табл. XVI, 1, 2); фрагмент лепной пиалы (табл. XV, 2—3); археологически целое лепное блюдце — табакча (табл. XV, 20); лепная крышка (табл. XXI, 2); фрагмент лепной маслобойки (табл. XIII, 7); много фрагментов лепных котлов, в том числе три с подковообразной ручкой (табл. XX, 3), пять с дугообразной ручкой (табл. XX, 1), шесть обломков верхних (табл. XIII, 1) и два нижних частей (табл. XIII, 1); археологически целая лепная сковородка — това (табл. XVIII, 1). Кроме керамики в доме найдены три прясла (табл. XXII, 4 (два), 13) и шаровидная сердоликовая бусина (рис. 58, 17).

Дом XVII имел четыре зернохранилища на 3871 кг. Из этого зерна 200 кг могли идти на семена, 387 кг — на налоги, а 3284 кг — на питание и другие нужды. В доме XVII, как и в доме XVI, 60% столовой посуды составляла привозная. Очень разнообразны керамические изделия, семь фрагментов верхних частей хумов, венчики которых были подправлены на гончарном круге (табл. II, 2, 3, 4, 9; табл. V, 1), и венчик ганчевого хума (табл. XIX, 2); два фрагмента верхних частей хумчей — гончарной (табл. I, 8) и лепной (табл. V, 4); три фрагмента верхних частей сосудов ти-

па хурма, изготовленных на гончарном круге (табл. V, 8—10; табл. XIII, 7); археологически целая хурмача (табл. XIII, 2) и два фрагмента верхних частей сосудов этого типа, изготовленных на гончарном круге (табл. XIII, 12); много фрагментов кувшинов разных размеров, форм и назначения (табл. VIII, 2, 3, 6, 8, 9, 10, 14, 19; табл. X, 2, 3, 9); поильник (табл. IX, 13); археологически целая лепная кружка (табл. XVI, 3) и четыре фрагмента изделий этого типа с волнистыми краями; два фрагмента лепных чаш (табл. XV, 14, 24); три лепных сковороды (табл. XVIII, 1, 2, 4); сорок один фрагмент верхних частей лепных котлов (табл. XX, 2, 3, 5, 6); археологически целый лепной светильник (табл. XVIII, 8); фрагмент переносного очага, изготовленный из грубой глины с большой примесью мелкого сланца; фрагмент верхней части лепной тагоры (табл. XVIII, 4).

Дом XXI имел три зернохранилища на 2425 кг. Однако к этому дому относится помещение 83 с еще четырьмя зернохранилищами, в которые вмещалось столько же зерна. Таким образом, в доме хранили не меньше 5 т зерна.

Керамика дома включала разные виды посуды. Здесь были найдены четыре фрагмента верхних частей хумов гончарного производства (табл. I, 4 (2); табл. II, 2; табл. IV, 4), два из которых привозные. В помещении 83 найдены два кувшинчика: один—с согдийской надписью «мазул» («вино»), прочитанной В. А. Лившицем (табл. VIII, 6), второй—несколько больший по размеру (табл. VIII, 7) и четыре фрагмента от других кувшинов (табл. IX, 16; табл. X, 16, 20, 24, 39). Среди других находок: археологически целое блюдце (табл. XV, 13) и два фрагментированных (табл. XV, 12, 13); две хурмы гончарного производства, одна из которых привозная (табл. V, 9, 11); фрагмент лепной хумчи (табл. XIII, 11); семнадцать фрагментов верхних частей лепных котлов (табл. XX, 1, 5, 11, 12); тагора, изготовленная из хорошей глины с примесью толченого сланца и зернистого ганча на гончарном круге (табл. XVIII, 4). В помещении 83 были найдены также фрагменты железных удил (рис. 47, 16, 17) и железная подпружная пряжка с медным позолоченным украшением в виде цветка (рис. 47, 6), большие железные ножницы (рис. 57, 5), железные наковальня и зубило (рис. 57, 9, 11) кусок метеоритного железа (рис. 47, 7) и два ганчевых грузила от ткацкого станка. Очень возможно, что помещение 83 было связано с кузнечным делом.

Четырехкомнатный дом IV насчитывал 6 зернохранилищ, в которые вмещались 5590 кг. Это зерно жители дома получали с площади около 3 га поливной земли. Если 300 кг зерна выделялось на семена и 590 кг на государственные налоги, 4730 кг оставалось на питание и другие нужды.

Из помещений дома собран большой керамический материал: фрагмент хума, изготовленного на гончарном круге (табл. IV, 21); фрагмент верхней части лепной хумчи (табл. III, 10); целая хурма, изготовленная на круге (табл. V, 11) и фрагмент верхней части хурмы со сливом (табл. V, 9); целая лепная хурмача (табл.

XIII, 1); целый лепной поильник (табл. XIII, 10); два целых лепных (табл. VIII, 6, 9) и один гончарный (табл. IX, 10), привозной кувшины; два фрагмента венчиков (табл. VIII, 16; табл. IX, 39) и три донца лепных кувшинов; археологически целые лепные (табл. XVI, 6, 7, 8) и гончарная, привозная (табл. XV, 2) кружки; целый сосуд-цедилка (табл. XV, 10); археологически целая лепная сковородка (табл. XVIII, 2); пять фрагментов верхних частей лепных котлов (табл. XX, 2, 6, 11). Найдены также три пряслица (табл. XXII, 21, 23, 24), железный серп и медная монета — подражание чекану Гурека (Давутов, 1979, с. 59).

Дом XI несомненно был многокомнатным, однако часть его погибла во время обвала, остались только хозяйственные помещения. В помещение 28 было 6 зернохранилищ, в которые вмещались 10200 кг зерна. Если на семена шли 500 кг и 1 т на налоги, то на питание оставалось 8700 кг.

В доме найден большой и разнообразный керамический материал, в том числе много привозного; это свидетельствует о том, что дом XI был одним из богатейших домов Гардани Хисор.

Здесь были собраны три фрагмента хумов гончарного производства (табл. I, 1, 2; табл. IV, 6); три фрагмента верхних частей гончарных хумчей (табл. I, 1, 5; табл. V, 1); четыре фрагмента верхних частей сосудов типа хурма гончарного изготовления, в том числе двух привозных (табл. I, 1, 9—10; табл. V, 2); четыре фрагмента лепных (табл. VIII, 3, 4 (2), 12, 14) и восемь фрагментов станковых (табл. VIII, 2, 3, 5, 10; табл. X, 42, 43) кувшинов, четыре из которых привозные; семь фрагментов нижних частей лепных кувшинов (табл. VIII, 6—16). Найдены также четыре лепные кружки (табл. XV, 9), четыре станковые (табл. XV, 2 (2), 3, 9) и три фрагмента венчика кружки станкового производства (табл. XV, 1 (3)); почти все кружки из этого дома — привозные. Из дома XI происходят также фрагмент лепной чаши (табл. XV, 24), игрушечная детская хурмача (табл. XIII, 5); три небольшие чашки (табл. XV, 18—20; два фрагмента маслобойки (табл. XVII, 8); две вылепленные от руки из грубой глины с примесью сланца тагоры, одна из которых дошла до нас полностью (табл. XVIII, 1), а от другой сохранился лишь венчик (табл. XVIII, 3). В доме найдены фрагмент медного котла (табл. XVII, 10) и обломки (20 шт.) разноразмерных глиняных котлов с подковообразными ручками различных типов (табл. XX, 3; 4, 5; табл. XIII, 3).

Дом XIX был двухэтажным и многокомнатным. В нем раскопано шесть зернохранилищ, вмещавших 5973 кг. Таким образом, у живущей здесь семьи было около 3 га поливной земли. Если выделить зерно для семян и налогов (900 кг), то на питание оставалось 5073 кг, которых хватило бы на годичное пропитание 16 человек.

Керамика из дома XIX представлена разной посудой. Из этого дома происходят три фрагмента верхних частей хумов станкового производства (табл. I, 1; табл. II, 8; табл. III, 1), три фрагмента хумчей — лепных и станковых (табл. I, 5); фрагмент венчика

привозной станковой хурмы (табл. V, 10) и целая лепная хурмача (табл. XIII, 14); целый гончарный кувшин (табл. IX, 13), большая часть лепного кувшина (табл. VIII, 16), два фрагмента донца кувшинов станкового производства (табл. X, 41, 42) и семь фрагментов нижних частей лепных кувшинов (табл. VIII, 13, 16); два фрагмента лепных поильников (табл. IX, 13). Найдены 12 фрагментов верхних частей котлов и котлоподобных сосудов, разных размеров и форм; на восьми из них сохранились ручки от котлов (табл. XX, 1, 2, 3, 4); целая лепная «солонка» (табл. XV, 16); три фрагментированные ганчевые крышки, фрагмент глиняной обожженной крышки, изготовленной из грубой глины с большой примесью дробленого сланца (табл. XXI, 1, 3, 6).

Таким образом, раскопанные нами 22 дома Гардани Хисор владели, видимо, больше чем 42 га поливных земель, а жили в них в начале VIII в. примерно 30—35 семей, 10—13 домов Гардани Хисор погибли во время обвала. Если семьи, жившие в этих 13 домах, владели в среднем 1—2 га земли, то все жители Гардани Хисор имели 55—68 га поливной земли.

Мы провели дополнительные исследования хозяйственных помещений дворца, чтобы определить емкости зернохранилищ правителя. Кроме помещений 13 и 18, под зернохранилища отводились комнаты 11 и 15. Высота ганчевой обмазки в помещении 18 была 1,5 м. Ее мы и брали за определение емкости помещений 11 и 15.

Во дворцовые зернохранилища, таким образом, вмещались 26228 кг зерна, хозяин дворца имел более 13 га поливной земли. На семена оставляли 60 ц, остальное уходило на питание и дру-

Зернохранилища дворца Гардани Хисор

	Вес 1 м³ в кг				Объем зернохр., м³
	пшеница	ячмень	просо	горох	
	730—810	580—700	680—730	750—800	
П. 18	2102,4—2219,2	1670—2016	1958—2102	2160—2301	2,88
	1971—2268	1566—1890	1836—1971	2025—2160	2,7
	2102,4—2419,2	1670—2016	1958—2102	2160—2304	2,08
	1985,6—2284,8	1517—1904	1849—1985	2040—2176	2,72
	2847—3276	2262—2730	2652—2847	2925—3120	3,9
	11007—13 66	9184—9842	9054—11007	10545—11064	
П. 13	988,42—1057,36	785—947	920,72—988,42	1015,5—1083,2	1,354
	1265,1—1446,32	1005—1223	1178,44—1265,1	1299,75—1386,4	1.733
	1861,5—2142	1479—1785	1731—1861,5	1912,5—2040	2,550
	601,25—693	478—577	561—601,25	618,75—660	0,825
	4605—5338	3747—4632	4393—4705	4844—5190	
П. 11	7665—8820	6090—7350	7140—7665	7875—8400	10,5
П. 15	7665—8820	6090—7350	7140—7665	7875—8400	10,5

гие нужды. Запасов зерна во дворце хватало на питание более 80 человек. Следовательно, жители Дехистана вместе со своим правителем сеяли зерно на площади 68—81 га и получали 1460 ц зерновых культур.

Сейчас село Мадм имеет 60 га поливной земли.* Однако в эти 60 га не входят земли, занятые современным кишлаком Мадм и садами. Как мы уже говорили, Мадм раннесредневекового периода находился на месте Гардани Хисор. Следовательно, в то время на территории современного кишлака Мадм были посевные площади. Если включить площадь, занимаемую современными домами кишлака, то поливные земли увеличиваются более чем на 80 га.

Таким образом, размеры посевной площади, установленной нами на основе анализа емкости зернохранилищ Гардани Хисор, совпадают с количеством земли, обрабатываемой современными колхозниками с. Мадм. Это совпадение свидетельствует о том, что наши подсчеты по зернохранилищам домов Гардани Хисор скорее всего соответствуют исторической действительности. Значит, можно предположить, что современные поливные земли Мадма были освоены еще в VII—VIII вв. Следовательно, именно в раннесредневековый период были построены каналы и карызы, орошавшие эти земли. Урожая, который получали жители Гардани Хисор в начале VIII в., хватало на питание 500—600 взрослых людей. Если учесть, что больше половины населения Гардани Хисор составляли дети и старики, то урожая хватало еще на несколько сотен людей. Вероятно, часть зерна некоторых богатых домов шла на базар. Например, в доме XI оставалось 8700 кг зерна, то есть на питание более 30 взрослых людей в течение года. Поскольку в доме взрослых могло быть всего 3—4 человека, этот урожай оставался в закромах. Хозяин мог спокойно 3—4 т продать на базаре. Излишки зерна были во многих домах Гардани Хисор, в том числе и у жителей дворца.

По наличию керамических и других находок установлено существование связей сельских жителей с товарно-денежными отношениями, торговлей и городскими базарами.

Количество прясел в доме XII наводит на мысль, что он был связан с ткацким ремеслом. В этом доме привозная керамика составляет 50% всей посуды. Возможно, на обмен за текстильные изделия привозили керамические.

Мы знаем, сколько населения было в Гардани Хисор в начале VIII в. Если считать, что в среднем в каждом доме жили по 6—7 человек, принимая во внимание данные в литературе средневекового периода (Сухарева, 1958, с. 73, 1966, с. 102—103; Большаков и др. 1973, с. 259—260; Байбаков, 1974, с. 195—197), то в дехистане Гардани Хисор жили 240—280 человек (на 35—40 домов).

---

* Устные данные бригадира к. Мадм Н. Рахматуллаева. Запись автора в 1974 г.

По мнению Большакова, в богатых домах древнего Пенджикента жили 25—30 человек (Большаков и др., 1973, 260). Возможно, столько же или немного больше (до 40 человек) могло быть во дворце. Итого, население Гардани Хисор в начале VIII в. составляло около 300 человек.

Таким образом в горном Согде раннесредневекового периода селения были небольшими. Жители этих селений под посевы использовали в основном поливные площади. Получали, по-видимому, неплохой урожай, который хватало не только на питание, но и на его реализацию. Кроме зерна, жители имели доходы от скота и сухофруктов. Даже в мугских документах имеются распоряжения Деваштича о том, чтобы из государственного амбара выдали фрукты (сухие) некоему господину Литпару (Лившиц, 1962, с. 144). Как видно, сушеные фрукты, особенно тутовник и абрикосы, были важным источником питания. Нетрудно сделать вывод, что селение имело большой экономический потенциал и играло важную роль в экономической жизни государства: было поставщиком зерна, мяса, фруктов и других продуктов для города и государства.

ГЛАВА VI

РЕМЕСЛА И РЕМЕСЛЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО

1. Керамическое производство

Мы уже касались вопроса текстильного и кожевенного ремесла горного Согда (Якубов, 1979, с. 71—95), но керамическое и кузнечное ремесла остались недостаточно освещены. Поэтому в этой главе остановимся на них.

По сравнению с более ранним периодом в раннесредневековых памятниках керамические изделия являются самым многочисленным и массовым материалом. Однако качество их значительно ниже, чем в рабовладельческом периоде. А. П. Толстов связывает это с общим упадком городского ремесла и кризисом рабовладельческого строя (Толстов, 1948, с. 121). Е. Е. Неразик добавляет к этой причине еще влияние материальной культуры кочевого мира на оседлую (Неразик, 1959, с. 260; 1966, с. 126—127). Нам кажется, что влияние материальной культуры полукочевого народа не могло не отразиться на снижении качества керамического изделия. Справедливо отмечает И. Б. Бентович, что в «такой отрасли производства, какой является керамическое, увеличение, например, спроса может привести к некоторому ухудшению качества отдельных видов изделий, к меньшей тщательности изготовления тех или иных предметов» (Бентович, и др., 1973, с. 48). Немаловажное значение имеет увеличение ассортимента керамических изделий по сравнению с более древним периодом.

Прежде чем приступить к описанию типов керамики горного Согда, хочу остановиться на вопросе терминологии среднеазиатской керамики. Как известно, среднеазиатские археологи давно применяют термин «хум» по отношению к большим хозяйственным сосудам, а иногда «хумча» — по отношению к меньшим по размерам сосудам. Эти термины прочно вошли в среднеазиатскую археологическую литературу. При классификации древней и средневековой керамики археологи четко выделяют хумы и хумчи. Однако для других видов посуды применяются термины, которые не всегда соответствуют их назначению. Например, для обозначения кувшинов для воды и вина применяется одно слово — кувшин, когда среди них можно выделить хотя бы две группы: кувшин для воды — обкуза, обдаста и кувшины для вина — майдаста, сабу; офтоба — кувшины для умывания и др. Много-

численны небольшие сосуды, называемые горшками. Название совсем не соответствуют их назначению. Поэтому мы считаем, что для расчленения среднеазиатской керамики лучше применять современные термины гончарных изделий. Эти термины в основном имеют древнее таджикское происхождение и приняты всеми народами Средней Азии. Термины приведены в книге Е. М. Пещеревой «Гончарное производство Средней Азии» (Пещерева, 1959) и в других аналогичных работах (Ершов, 1966).

Среднеазиатские гончары свои изделия подразделяют на три категории, например: хумы, нимхумы и хумча; хурма, нимхурма, хурмача; коса, нимкоса, косача. Хум — большой сосуд, нимхум — сосуд среднего размера. Вот что пишет Е. М. Пещерева: «В качестве вместилища для большого количества воды, а также зерна и вина служат корчаги — хумы. Самые крупные из них, вмещающие до 20 ведер воды, называются хуми думашка (от тадж. «ду» — два + «машк» — бычья (баранья, козлиная.—Ю. Я.) шкура, снятая мешком, употребляющаяся для переноски воды водоносами. Хумы меньшего размера для хранения воды и вина... носят название хуми миёна, или нимхумы — средний хум (якмашка)... В хумах еще меньшего размера (хумча)—ниммашка—держат масло и кислое молоко» (Пещерева, 1959, с. 238). Самые крупные кувшины яктоги вмещают в себя до трех ведер воды, за ними идут сосуды меньших размеров — дутоги, сетоги и чортаги. Чортаги — четвертные — вмещают в себя четвертую часть воды, помещающуюся в кувшинах яктоги (там же, с. 238). Эта мерка учитывалась и в других видах сосудов — хурма, нимхурма, хурмача, котлах и др.

Таким образом, гончары при создании своих изделий учитывали размеры, объемы каждого хума, хурма, кувшина, и покупатели тоже знали емкости купленных ими хумов, нимхумов, хумчи, хурма, кувшинов и др. Эта традиция не новая, она была и в древнем, и в раннесредневековом периоде. На плечиках, корпусах многих раннесредневековых хумов, найденных в Пенджикенте, Гардани Хисор и Куме, имеются надписи, где обозначены объемы хумов (Беленицкий и др., с. 54; Лившиц, 1957, 102).

Заодно отметим, что Е. М. Пещерева, говоря о выше перечисленных делениях керамических изделий современных гончаров Средней Азии, не приводит иллюстративного материала, а по археологическим материалам провести такое деление чрезвычайно трудно. Поэтому мы пока его проведем визуально.

Керамика VII—VIII вв.

(По материалам Гардани Хисор и Кума)

Хумы, нимхумы и хумчи. В Гардани Хисор и Куме найдено много фрагментов венчиков, бесформенных стенок и донных частей этих трех видов сосудов. Целых хумов нет, поэтому мы не знаем, каких размеров они были. Размеры хумов в Пенджикенте

определены от 50 до 1 м и более (Беленицкий и др., 1973, с. 53, рис. 25). Сюда входят нимхумы и хумчи. По данным этнографии, высота больших хумов в Гыджуване была от 1 м до 1,30 м (Пещерева, 1959, с. 249). Автор не приводит данные о нимхуме и хумче, поэтому если считать, что нимхум был по величине равен половине большого хума, то хумча еще меньше. Размеры нимхума и хумча отсутствуют и в археологическом материале. И мы пока определим их визуально, т. е. самые большие будем называть хумами, средние — нимхумами, а сосуды высотой 50 см — хумча. По этому же принципу будем делить другие виды керамических изделий.

Хумы, нимхумы и хумчи Гардани Хисор и Кума относятся к привозной и местной керамике. Привозные изделия имеют сложнопрофилированные венчики. Они изготовлены из хорошо промешанной и отмученной глины и снаружи покрыты розоватым ангобом (табл. III, 15, 16—18; табл. II, 10; табл. IV, 2; табл. V, 15). Среди привозной керамики больших хумов нет, есть нимхумы и хумчи. По-видимому, большие хумы было трудно перевозить по горным тропам. Надо отметить, что в Куме гончары из местной глины изготовляли хумы со сложнопрофилированными венчиками (табл. VI, 6, 12, 15). Такие сосуды характерны для более поздних периодов — IX—X вв. (Бентович, 1964, рис. 11). Поэтому возможно, что вышеупомянутые венчики относятся к IX—X вв. В Куме после событий 722 г. происходит повторное обживание, но слои не сохранились.

Местные хумы, нимхумчи и хумчи по технике изготовления можно разделить на семь групп.

1. Хумы, нимхумы и хумчи с налепным орнаментом: а) мухрабанди в виде бус под венчиком и по венчику (табл. I, 3; табл. II, 2; табл. III, 1, 3—5, 8—13; табл. VI, 17—18); мавджбанди (в виде волны, табл. III, 7) и в) банди (в виде веревки) (табл. III, 2; табл. IV, 6); г) на некоторых из них имеется орнамент мохтоби (лунки) (табл. III, 6, 11; табл. IV, 5; табл. V, 13). Вес хумы, нимхумы и хумчи этой группы по форме венчиков отличаются друг от друга. Они самые многочисленные. Изделия этой группы по составу глины можно разделить на две части. Первая изготовлена из зеленоватой, грубой местной глины с большой примесью толченого сланца и зернистого известняка. Обжиг хороший, снаружи и в изломе имеет коричневый цвет. Другая изготовлена из более светлой глины с примесью толченого сланца (черного камня) и зернистого гипса. Несмотря на то, что изделия этой группы изготовлены от руки, некоторые из них имеют очень аккуратные изящные венчики, по-видимому, подправленные на гончарном круге. Аналогичные этой группе предметы находят в Куме. Кумские хумы, нимхумы и хумчи изготовлены из аналогичной глины от руки. Венчики орнаментированы налепами типов мавджбанди (волнистые) (табл. VI, 3, 17), аркбанди (аркатурные) (табл. VI, 1, 2) и тасмабанди (ленточные) (табл. VI, 18). Самые близкие аналогии этой группе хумы, нимхумы и хумчи найдены в Шахри-

стане. Они изготовлены из хорошей глины на гончарном круге (Негматов, Хмельницкий, 1966, табл. IX; Пулатов, 1975, рис. 30). Диаметр устья сосудов этой группы варьирует от 16 до 40 см.

2. Хумы, нимхумы и хумчи, венчики которых в разрезе похожи на голову змеи (табл. II, 5, 8—9; табл. III, 21, 24, 26, 33, 43), изготовлены на гончарном круге из относительно хорошо промешанной красной глины; покрыты розоватым ангобом, по численности занимают второе место; диаметр устья варьирует от 22 до 38 см.

Изделия этой группы в Куме не найдены.

3. Хумы, нимхумы и хумчи третьей группы по форме венчиков ближе ко второй группе, но не тождественны. Венчики хумов и хумчи третьей группы более четко выделены (табл. II, 1, 4—5, 11; табл. III, 15, 22, 23, 25). Изготовлены на гончарном круге из серой, желтой песчаной глины с незначительной примесью черного зернистого песка. Некоторые из них покрыты серым ангобом, другие — розоватым. Судя по венчикам, хумы этой группы были массивными. Диаметр устья варьирует от 20 до 35 см. Изделия этой группы тоже отсутствуют в кумской керамике.

4. Хумы, нимхумы и хумчи четвертой группы имеют молоткообразный венчик. Шейка отделяется от корпуса и венчика (табл. I, 1, 4, 5; табл. III, 27, 28, 36—38; табл. V, 8, 13—15, 16). Изделия этой группы изготовлены из хорошей глины с незначительной примесью дробленого сланца и гипса. Венчики подправлены на гончарном круге. На некоторых венчиках изделий этой группы имеются налепы орнамента — бандбанди, мухрабанди, подобно керамике первой группы. Обжиг хороший. Хумы, нимхумы и хумчи покрыты розоватым ангобом. Изделия этой группы изготовлены одним мастером и происходят из одного гончарного центра. На одном из нимхумов имеется тамга в виде сложной серьги (табл. III, 39). Диаметр устья варьирует от 14 до 30 см.

5. Хумы, нимхумы и хумчи пятой группы имеют сильно отогнутые венчики в виде навеса к плечику (табл. I, 7; табл. III, 30, 41, 42; табл. IV, 1, 3). Изделия изготовлены от руки из хорошей темно-серой глины с малой примесью зернистого песка и гипса. Венчики подправлены на гончарном круге. Покрыты розоватым ангобом. Диаметр устья варьирует от 14 до 30 см. Сосуды этой группы по составу глины похожи на сосуды четвертой группы.

6. Хумы, нимхумы и хумчи шестой группы составляют изделия со сложнопрофилированными венчиками (табл. II, 6, 7; табл. III, 14, 19—20, 40; табл. IV, 19—20), изготовлены на гончарном круге из серой грубой глины с большой примесью дробленого сланца и зернистого гипса. Диаметр устья варьирует от 14 до 38 см. Изделия изготовлены, по-видимому, одним мастером. Состав глины изделий шестой и первой групп близок. Кроме хумов, нимхумов и хумчи первой группы остальные имеют аналогии в Пенджикенте (Бентович, 1964, рис. 1) и в шахристанской керамике (Пулатов 1975, рис. 24).

7. В Гардани Хисор найдено несколько фрагментов венчиков (табл. III, 44—45) и один целый хумча (табл. V, 1), изготовленный на гончарном круге из темно-серой глины с примесью зернистого гипса и дробленого сланца. Размеры целой хумчи: высота 45 см, диаметр устья 22 см, диаметр дна 19 см. Изделия, подобные этой хумче, примыкают к последней группе.

Особняком стоят три группы хумов из Кума. Фрагменты венчиков (табл. VI, 10—13) изготовлены из серой глины с примесью дресвы и зернистого гипса от руки. Венчики сложнопрофилированные и поправлены на гончарном круге. Диаметр устья варьирует от 25 до 30 см. Эти хумы изготовлены одним мастером из одной глины. В Гардани Хисор аналогий не имеют.

Фрагменты (табл. VI, 1) по составу глины ближе к гарданихисорским хумам третьей группы. Диаметр устья — 31 см.

Нимхум (табл. VI, 15) и **хумча** изготовлены относительно из хорошей гончарной глины с примесью дресвы и гипса от руки. Венчики поправлены на гончарном круге. Изделия этой группы ближе к четвертой группе, но не тождественны. Диаметр устья нимхума — 26 см. Диаметр хумча — 22 см.

Таким образом, состав глины всех трех групп разный, и изготовлены они разными мастерами.

Хумча (табл. VI, 2) изготовлена из хорошей глины от руки. Венчик поправлен на гончарном круге. По стилю и составу глины тождественна изделиям четвертой группы Гардани Хисор. Диаметр устья — 17 см.

В Куме были свои гончары, которые изготовляли керамические изделия из более лучшей глины. Некоторые хумы, нимхумы и хумчи Кума имеют более сложные профилированные венчики, чем гарданихисорские. Таким образом, эти изделия Кума и Гардани Хисор изготовлены в шести или семи гончарных центрах горного Согда.

Хурма и **нимхурма** (название этнографическое). Е. М. Пещерева пишет, что «горшки для молока, служащие также и подойниками и употребляющиеся для носки пищи в поля во время полевых работ, называются хурма. Они в Самарканде делаются шести размеров, каждый из которых обозначается особым названием. Самые крупные — яктоги, дутоги, сетоги, чортоги. Чортоги вмещают 4—5 л жидкости, за ними идут обычные, вмещающие 3 л, и хурмача — в $1^1/_2$—1 л вместимостью (Пещерева, 1959, с. 239). В Шахрисябзе хурма в зависимости от размеров разделяли на хурма, нимхурма и хурмача. Высота самых крупных из них доходит до 40—50 см, а самых мелких — до 25—28 см (Пещерева, 1959, с. 241).

Не ошибемся, если предположим, что в древнем периоде сосуды типа хурма и нимхурма употреблялись в молочном хозяйстве. Хурма и нимхурма в большом количестве найдены в Пенджикенте (Бентович, 1964, с. 171—172, рис. 7—9). Некоторые из них названы горшками и банкообразными сосудами (Бентович, там же, рис. 7). Некоторые же имеют широкое горло и, по наблюде-

ниям автора, предназначались для доения коров, коз и баранов.* Сосуды с отверстиями под венчиком и с более узким горлом служили для хранения молочных продуктов. В Гардани Хисор и Куме найдено много хурма и нимхурма (табл. VI, 2—12; VII, 1—19). Некоторые из них привозные (табл. VI, 10—12; VII, 16, 18). Имеют сферическую форму тулова, сужающуюся ко дну. Венчик сильно отогнут, и с внутренней стороны вокруг венчика сделан резкий выступ для крышки. Непосредственно под венчиком у привозных хурма и нимхурма расположено четыре отверстия, 2—4 мм в диаметре. Эти отверстия служили для подвешивания сосудов. В них в основном держали молоко и молочные продукты. Некоторые хурма местного производства имеют небольшую ручку и слив (табл. V, 2—4).

В Куме найдено много больших фрагментов верхних частей хурма с одной ручкой (табл. VII, 10, 11, 13—15), изготовленных из местной глины с примесью дресвы и зернистого гипса от руки одним мастером. Диаметр устья варьирует от 17 до 22 см. Фрагмент венчика (табл. VII, 12) изготовлен из серой глины с примесью дресвы и гипса на гончарном круге. Диаметр венчика — 21,5 см. Из этой же глины изготовлены фрагменты (табл. VII, 3, 4, 6), покрытые светлым ангобом. Диаметр устья варьирует от 26 до 28 см. Еще три фрагмента венчика хурма. Первый фрагмент (табл. VII, 5) изготовлен из грубой местной глины от руки. Мастер подражал привозной нимхурма, Диаметр венчика — 17 см.

Второй фрагмент со сливом (табл. VII, 17) изготовлен из той же глины, что хурма (табл. V, 6) из Гардани Хисор. Следовательно, оба изделия принадлежат одному мастеру. Третий фрагмент (табл. VII, 18) изготовлен из грубой глины от руки.

Таким образом, хурма встречается и с двумя ручками (хурмаи дудаста), калак — без ручек и якдаста — с одной ручкой.

В Пенджикенте хурма и нимхурма со сливом в виде головок животных, особенно коров и телят, занимают значительное место. И. Б. Бентович пишет, что на пенджикентских сосудах изображена морда быка, имеющая магическое значение. В образе быка олицетворялось покровительство воде и орошению (Бентович, 1964, с. 285). И. Б. Бентович допускает предположение о том, что сосуды со сливом в виде головок животных могут иметь не только культовое значение, но и сочетание эффектного орнамента с утилитарным назначением самого слива: маленькие сосуды употреблялись как соски, или поильники, для детей, а больше для переноски и хранения продуктов (там же, с. 285).

Мы предполагаем, что на пенджикентских сосудах изображены не быки, а дойные коровы и телята, и в них держали молочные продукты. И. Б. Бентович права в том, что некоторые маленькие сосудики этой группы служили поильниками для детей. Такие поильники (ширхора) найдены в Гардани Хисор (см. ниже). Причем на хурмача (табл. XIII, 10) слив изображает морду ко-

* Сейчас в молочном хозяйстве таджики их называют хурмаи говчуш или проото говчуш (хурма для доения коров), а меньшего размера — бузчуш (хурма для доения коз) (Ершов, 1966, с. 245, 250).

ровы. В Гардани Хисор и Куме встречаются три вида хурма: хурма (табл. V, 2, 4, 9; табл. VII, 2—3, 4, 6, 10—13) и нимхурма (табл. V, 5—8, 10—12; табл. VII, 5, 14, 16—18) (о хурмаче см. ниже).

Сохранились целые хурма и нимхурма. Размеры хурма: высота — 37 см, диаметр венчика — 16 см, диаметр тулова — 36 см, диаметр дна — 22 см (табл. V, 4, рис. 25). Размеры сохранившейся нимхурмы:* высота — 27 см, диаметр венчика — 12 см, диаметр венчика — 12 см, диаметр тулова — 35 см, диаметр дна — 20 см (табл. V, 10).

Аналогичные хурма и нимхурма найдены в Шахристане (Чильхуджра) (Пулатов, 1975, рис. 31).

Хурмача (маленькая хурма) — термин этнографический (Пещерева, 1959, с. 66). Найдены три вида хурмача. 1. Дудаста (хурмача с двумя ручками), разные по размерам, по форме мало отличаются друг от друга (табл. XIII, 1—2, 4; табл. VII, 1, 7—8, 15). Много целых. Размеры большой хурмача: высота — 19 см, диаметр устья — 17 см, диаметр тулова — 22 см, диаметр дна — 14 см (табл. III, 1). Эти широкогорлые хурмача широко использовались для доения коров.** Размеры самых маленьких дудаста: высота — 11,5 см, диаметр венчика — 13 см, диаметр тулова — 15 см, диаметр дна — 11 см. 2. Якдаста (хурмачаи якдаста — хурмача с одной ручкой) разнообразны и отличаются друг от друга по венчикам и расположению ручки. Целая большая якдаста не найдена. Сохранились большие фрагменты верхних частей. Диаметр венчика — 18 см, диаметр тулова — 24 см, (табл. XIII, 7). Размеры маленькой якдаста: высота — 17 см, диаметр венчика — 13,5 см, диаметр тулова — 19 см, диаметр дна — 14 см. 3. Калак (хурмачаи бедаста — хурмача без ручек) (табл. XIII, 11—14; табл. VII, 7—8). Размеры большой калак: высота — 19 см, диаметр венчика — 12 см, диаметр тулова — 20 см, диаметр дна — 11,8 см (табл. XIII, 2). Размеры маленьких калак: высота — 10 см, диаметр венчика — 11 см, диаметр тулова — 15 см, диаметр дна — 13 см. Встречаются с широким горлом (для дойки коз, баранов и коров) и диаметром до 20 см.

Многие хурмача изготовлены от руки, но встречаются гончарные станкового производства (табл. XIII, 2, 6, 7, 12). Хурмача 6 и 12 привозные.

В Куме найден большой фрагмент верхней части хурмача, изготовленной из хорошо отмученной глины на гончарном круге (табл. VI, 9). Хурмача покрыта красным ангобом, плечики орнаментированы. Орнамент в виде треугольных углублений, нанесен острым инструментом. Эта хурмача привезена из Пенджикента, так как именно там встречаются сосуды с таким орнаментом (Бентович, 1964, с. 295, рис. 38).

Куза — кувшины по численности после котлов занимают второе место. Найдено несколько сотен фрагментов венчиков, донцев

---

* Хурма, нимхурма и хурмача мы выделяли визуально.

** Наблюдение автора.

и бесформенных стенок. Целых кувшинов более 40. Так как многие кувшины изготовлены от руки, получается очень много вариантов. Нами выделено более 50 различных форм (табл. VIII, IX, X, XI, XII). Все кувшины разделены на пять групп.

1. **Майдаста** — кувшины для вина. В помещении 83 были найдены два кувшина. Один из них изготовлен на гончарном круге из серой глины с примесью толчешно сланца и зернистого гипса (табл. VIII, 1—2, 4—8). Производство местное, на корпусе имеется надпись на согдийском алфавите и языке мазул* (вино), т. е. кувшин для вина. Поэтому мы кувшины этой группы (формы) назвали майдаста. Конечно, они могли быть не только майдастой, но и обдастой (для воды). Но в домусульманском периоде наряду с металлическими кувшинами они играли роль майдаста. Имеют яйцевидное тулово и четко выделенное горло, оформленное сливом. Второй кувшинчик (табл. VIII, 4, рис. 47) имеет

Рис. 47. Кувшин

* Чтение В. А. Лившица.

аналогичную форму и изготовлен от руки из красной глины с большой примесью дробленого сланца и зернистого гипса. Майдаста можно разделить на привозные и местные. Привозные (табл. VIII, 1—2, 5, 8; XII, 22, 23, 24, 25) изготовлены из очень качественной серой глины на гончарном круге. Майдаста были и из лепной керамики (табл. VIII, 4, 6; XII, 26). Как правило, они изготовлены из грубой глины, но сделаны аккуратно. Мастера-керамисты старательно копировали формы майдаста станкового производства.

Разнообразные формы майдаста найдены в Пенджикенте (Бентович, 1964, рис. 19). Они встречаются на всех раннесредневековых памятниках Средней Азии: в Кафыркале, в цитадели (Соловьев, 1973, с. 295, табл. 40, 1—2), в Хорезме, в замке (Неразик, 1966, рис. 195), в Беркуткале (там же, рис. 6, 4) и др.

Среди кувшинов типа майдаста из Гардани Хисор имеются четыре привозных. Два из них, со слюдяной осыпкой (табл. VIII, 2, 8), хорошо известны в керамике Кафыркалы, Самарканда. Кувшины такой формы, но со сложным профилированным горлом и венчиком, найдены в Пенджикенте (Бентович, 1964, рис. 19). Одна майдаста (табл. VIII, 1), возможно, привезена из Пенджикента, так как такие кувшины с шишкой (мохтобча) на ручке найдены там (Бентович, 1964, рис. 19). Майдаста (табл. VIII, 5), возможно, происходит из Шахристана, так как подобные профилированные венчики и сливы от кувшинов найдены в Чильхуджре (Пулатов, 1975, рис. 27, 6; 28, 4). В Шахристане и Чильхуджре целых форм майдаста не найдено.

В Куме найдены четыре привезенных майдаста, два из них (табл. XII, 28, 23) покрыты розоватым ангобом, один (табл. XII, 24)—коричневым, а последний (табл. XII, 22) — светлым ангобом. В Куме найдено горло лепной майдаста (табл. XII, 26), изготовленной из грубой глины. На месте соединения ручки и венчика имеется два налепа перлы (мохтобча). Формы кумских майдаста аналогичны гарданихисорским, пенджикентским и др. (в районах Согда).

Кувшины, по форме подобные майдаста, отмечены Е. М. Пещеревой в к. Сари Шухон в Гармском районе. Этот кувшин предназначен для полнения и хранения воды. Носит название гардамрутак. Е. М. Пещерева пишет, что слово гардамрутак переводу не поддается (Пещерева, 1959, с. 53, рис. 13,5). Надо отметить, что Е. М. Пещерева неправильно называет их гардамрутак. Они называются гарданрутак. Слово гарданрутак состоит из двух частей: гардан (шея) и рутак (слив), т. е. шея со сливом. Возможно, это слово очень древнее и вполне соответствует названию средневековых кувшинов, т. е. майдаста. А вообще кувшины типа майдаста сохранились до сих пор и называются обдаста — кувшины для воды (там же, с. 259). Размеры большой майдаста: высота — 27 см, диаметр венчика — 7,5 см, диаметр тулова — 17 см, диаметр дна — 10 см (табл. VIII, 1); размеры малой майдаста: высота — 18 см, диаметр устья — 5 см (по вытя-

нутой стороне), диаметр тулова — 11 см, диаметр дна — 6,5 см (табл. VIII, 7).

2. **Офтоба** — кувшин (название этнографическое). Вот что о нем пишут этнографы: «В домах при умывании и мытье рук поливают друг другу воду из специально для этого предназначенных кувшинов, повсюду носящих название офтоба; их уже употребляют и при ритуальных мусульманских омовениях. Офтоба — это кувшинчики небольших размеров, высотой около 20—25 см. Формы их часто совпадают с формами кувшинов для воды, принятых в отдельных местах. Отличительной чертой служит то, что они всегда имеют носик» (Пещерева, 1959, с. 70, рис. 22, 1—4).

В керамике Гардани Хисор имеются большие и маленькие (детские) офтоба. Целых форм нет, но найден большой фрагмент верхней части офтоба (табл. VIII, 3), изготовленной на матерчатом шаблоне из грубой глины с примесью толченого сланца и гипса. Это первое изделие, которое изготовлено на матерчатом шаблоне. Диаметр устья 5,5 см. Слив больше и выше, чем устье.

Кумская офтоба изготовлена из хорошей глины на гончарном круге (табл. XI, 8) и покрыта розовым ангобом, слева от слива на тулове прочерчен знак. Кувшины такой формы в опубликованных материалах Пенджикента VII—VIII вв. отсутствуют. Но в более раннем периоде, в слоях V—VI вв., встречаются детские офтоба-поильники (Маршак, 1964, рис. 23, 5). Офтоба были предназначены для воды. Возможно, что, как и сейчас, они употреблялись при умывании и при совершении ритуального омовения перед молитвой (Ершова, 1966, с. 245).

Офтоба такой же формы найдены в Чильхуджре. А. Пулатов датирует их IV—VI вв. н. э. (Пулатов, 1975, рис. 27, 3). Вполне вероятно, что эта форма родилась в V в. н. э. и продолжала существовать в горных районах до VI—VIII вв. н. э. В Чильхуджре найдена офтоба, форма которой ничем не отличается от этнографической (там же, рис. 27, 2; рис. 28, 1). Сосуды этого типа могли использоваться не только для воды, но и для вина.

3. **Обдаста** (кувшин для воды), название этнографическое (Пещерева, 1959, с. 259) (табл. VIII, 9—14, 16). Разных размеров и разные по форме обдаста (табл. VIII, 9—17, XI, 13, 19, 20) можно разделять на гончарные (табл. VIII, 10, 11, 13) и лепные (табл. VIII, 9, 12, 14—17). Целые большие обдаста типа (табл. VIII, 13; XI, 13) не сохранились. Но судя по верхней части, кувшины этой группы были большие.

В Пенджикенте большие кувшины названы кувшинами с широким горлом и смятым сливом, а также без слива. Они имеют яйцеобразную форму тулова, иногда приближающуюся к шарообразной. Размеры: высота — 38—40 см, диаметры тулова — 28—30 см, дна — 12—14 см, горла — 6 — 8 см (Бентович, 1964, с. 269, рис. 6). Орнаментированы по плечикам рядами параллельных или волнистых линий, или сочетанием тех и других (там же, с. 27).

Венчики гарданихисорских и кумских кувшинов аналогичны венчикам пенджикентских кувшинов. Диаметр горла 8 см. Изготовлены из местной грубой глины с большой примесью гипса и дробленого сланца на гончарном круге. Венчик профилирован. Горло от тулова отделено рубчиком. Сохранилась нижняя часть от этого кувшина. Дно, нижняя часть кувшина обработаны ножом. Ножом обработана и майдаста (табл. VIII, 7). Возможно, кувшины (табл. VIII, 11, 13) являются изделиями одного мастера. Стенки тулова этого кувшина настолько тонкие, что не выдержали температуры обжига и деформировались, а потом, не выдержав вес груза, сломались. Диаметр дна — 14 см, высота кувшина — 38 см, т. е. размеры обдаста совпадают с размерами кувшинов верхнего слоя древнего Пенджикента.

Обдаста (табл. XII, 20) изготовлена из хорошо отмученной глины с незначительной примесью дресвы и гипса на гончарном круге. Покрыта розовым ангобом. Изделие привезено из других мест. Диаметр устья — 2 см. Обдаста (табл. XII, 13) лепная, изготовлена из местной грубой глины с большой примесью толченого сланца и зернистого гипса. Диаметр устья — 8,5 см.

Обдастача (табл. XII, 19) изготовлена от руки из другого сорта местной глины с примесью крупнозернистого сланца. Диаметр устья — 5,5 см.

4. **Булбули** — бульканье воды (Пещерева, 1959, с. 53). Кувшины с небольшим устьем (3—4 см), названные нами булбули, или рамоли,—ритуальные, так как на них имеются знаки и надписи. В Гардани Хисор найдено два булбули (табл. IX, 1—2). Оба изготовлены на гончарном круге из хорошо отмученной глины с незначительной примесью песка и гипса. От первого не сохранилось дно, венчик прямоугольный в сечении, с выступающей частью наружу. По ребру процарапаны 6 знаков, 3 из них эпиграфические, два — растительные, последний — солярный. Нижняя часть растительного орнамента не сохранилась. Тулово орнаментировано тремя рядами зигзагообразных линий и двумя нижними аркообразными, обрамленными горизонтальными линиями. Стенки сосуда от горла ко дну равномерно утолщаются (от 0,5 до 1,2 см). Диаметр венчика — 5,5 см, диаметр тулова — 28,5 см, высота 30 см. Изготовлена из хорошо отмученной глины с незначительной примесью песка и гипса. Цвет поверхностей и сколов розовый. Тип (табл. IX, 1).

От второго булбули не сохранилось и средней части. Знаки на кувшине были расположены на безорнаментной полосе тулова. Сохранились только остатки двух Е-образных знаков. Очень возможно, что эти кувшины имели культовое значение. Первый булбули найден в доме № III, второй — в доме № XI. Оба дома относятся к богатым домам Мадма.

В Куме, в помещении № 1, найдена верхняя часть станкового привозного кувшина (табл. XI, 2). Кувшин покрыт белым ангобом. Диаметр устья — 7 см. На кувшине сохранились следы от знака, но какого рода — установить не удалось. Здесь же найден лепной кувшин (табл. XI, 12) с разными знаками, их было не

меньше четырех, знаки разные. Только один знак — трилистик с круглым основанием — сохранился целиком. Возможно, это символ бессмертного растения белого хаума (см. резное дерево). Кувшин несомненно имел культовое назначение. Такой же кувшин найден в Пенджикенте (Бентович, 1964, рис. 20, 8). В помещении 1 найден бесформенный фрагмент стенки лепного кувшина (табл. XI, 7) с изображением горного козла и непонятного знака с надписью? По-видимому, тоже имеющей ритуальное значение.* Булбули Гардани Хисор и ритуальный кувшин Кума не имеют аналогий в опубликованных материалах Средней Азии.

5. **Обкуза** — кувшины для воды (табл. IX, 4—14; X, XI, XII). Кувшины этой группы, как и другие керамические изделия, делятся на три вида. Кувшины лепные (табл. IX, 5—8, 12, 13; табл. X, 1—16, 36—40; XI, 1, 3, 5); кувшины, изготовленные на гончарном круге из местной глины (табл. 4, 7, 9; табл. X, 19—21, 23—24, 29—30, 32—33), и привозные кувшины с профилированным венчиком, изготовленные на гончарном круге из хорошей глины (табл. X, 17—18, 22, 34, 35, 41—43; XI, 2, 4, 6, 10; XII, 16). Обкуза (табл. XI, 4, 6) покрыты светлым ангобом и находят аналогии в керамике Пенджикента (Бентович, 1964, рис. 20, 6—7). Привозные обкуза имеют профилированные венчики и привезены или из Пенджикента или из Шахристана.

Лепные обкуза очень разнообразны и много целых. Размеры большой обкуза: высота — 36—38 см, диаметр венчика — 12 см, диаметр тулова — 35 см, диаметр дна — 23 см, размеры маленькой кузача: высота — 13 см, диаметр венчика — 4 см, диаметр тулова — 13 см, диаметр дна — 8,5 см.

В Куме изделия типа кузача больше, все они изготовлены от руки из местной грубой глины (табл. XII, 1—10). Все имели ручки. В Куме станковая обкуза местных гончаров отсутствует.

На обкуза (табл. IX, 11) имеется знак в виде змеи с открытой пастью. Изображение нанесено острым инструментом до обжига на сыром теле кувшина. Изображение змей на сосудах, на настенных росписях в Средней Азии встречаются с древнего периода вплоть до наших дней. Е. М. Пещерева собрала очень интересный материал по этому вопросу. Выходит, что таджики изображают змея на офтоба (в Дарвазе), в настенной росписи (в Хорезме) над окном дома и на зернохранилищах (в сел. Нанаи Боло, в Ташкентской области) (Пещерева, 1959, рис. 34, 1—5).

Очень интересный флакон с налепным изображением змеи найден в замке на горе Муг. Флакон имеет шаровидное тулово, стоит на небольшом поддоне. Змея обвивает его до самого верха. По мнению А. М. Беленицкого, изображение змеи на флаконе имеет магическое значение оберега (Беленицкий и др., 1973, с. 66, рис. 37). Можно предположить, что согдийцы знали полезность яда и поэтому изображали змею на стенках флакона, где хранились лекарства.

---

* Ритуальным кувшинам Гардани Хисор и Кума будет посвящена специальная статья.

Среди археологического материала имеется изображение змей на верхней части ручки якгуша, найденного на Большом Ташкентском канале (Пещерева, рис. 34, 6а), и на плечике дугуша на Каунчи (там же, рис. 34, 7). По мнению Е. М. Пещеревой, среди таджиков и узбеков существовало представление о змее как о существе, которое может взять человека под свое покровительство (там же, с. 103). М. С. Андреев пишет, что «остаткам культа змей относится обычай вышивать их на спинке халатика или рубашки, носимой ребенком. Следы былого почитания змей широко распространены по Туркестану, сохранились во многих местах. И змею, живущую в доме, в особенности если она белого цвета, таджики не убивают — грех...»

Подобно тому, как в Ташкенте и некоторых других местах змеи называются «фаришта» (ангелы) и считаются воплощением таковых, в Касане точно так же считают, что под ними могут скрываться «пари». Эти пари, проживающие под видом змей, во время еды принимают вид кошки, а при путешествии — голубей. Но могут в образе змеи быть и джины—демоны, злые духи. Если змея является воплощением злого духа, она ползет прямо, не извиваясь (Андреев, 1928, с. 114).

Следует отметить находку, обнаруженную в сел. Сох в Фергане в начале 90-х годов прошлого столетия. Изображение сделано из черного камня в виде изогнутой в форме перевернутого сердца змеи с двумя головами, обращенными друг к другу открытыми пастями. По мнению Е. М. Пещеревой, в этом изображении отражены представления о парности змей, т. е. о наличии мужского и женского начала и плодородия (Пещерева, с. 107).

Нам кажется, в этом скульптурном талисмане изображен символ злого духа Ахримана (Захака). Исследование в области домусульманских верований показывает, что существовало почитание злого духа.

Гулосак — кружки, название этнографическое. Гулосаком таджики называют металлические современные заводские глиняные и деревянные местные кружки. Иногда называют их обхурак, т. е. кружки для питья воды (Пещерева, 1959, рис. 68, 10; 76, 1).

Гулосак (название кружек) (табл. XIV, 10—11, XV, 1—3, 5—9) по форме можно разделить на четыре вида. К первому относятся гулосак (табл. XIV, 10 — 11; XV, 1—3, 6—7) с прямым высоким бортиком (табл. XV, 3) или слегка выгнутым наружу венчиком (табл. XV, 1, 2, 6, 7). Ручки прикреплены по-разному. На некоторых из них между бортиком и корпусом проходит рубчик. На других рубчик проходит по корпусу. Размеры гулосак этого вида варьируются: высота — от 7 до 13 см, диаметр устья—от 7 до 10 см, диаметр корпуса — 10—15 см, диаметр дна — 7—8,5 см.

На ручках некоторых гулосак имеется налеп в виде круглого щитка. Такие кружки найдены в Пенджикенте (Бентович, 1964, рис. 21, 2, 3, 6—9; рис. 23, 1—4), Чильхуджре (Булатов, 1973, рис. 32, 1; рис. 35, 1, 10, 21), Кулдортепе (Ставиский, Урмано-

ва, 1958, рис. 3, 1—2), Афрасиабе (Тереножкин, 1950, рис. 71, 5), Кафыркале (Маршак, табл. 2, рис. 2, 3). Гулосак такого вида встречаются на всех памятниках этого периода: в Актепе (Тереножкин, 1948, рис. 6; Филанович, 1983, табл. III), Зангтепе (Альбаум, 1963, рис. 2, 1—3), Беркуткале (Неразик, 1959, рис. 6, 16) и Фергане (Горбунова, рис. 22, 8; 23, 3).

Гулосак первого вида бывают лепные, изготовленные из грубой красной или серой глины (табл. XV, 1), из местной глины на гончарном круге (табл. V, 3; 4, 5); привозные, изготовленные из хорошо промешанной глины на гончарном круге. Некоторые венчики гулосак станкового производства снаружи и изнутри покрыты красным ангобом. Есть гулосак, которые снаружи покрыты светло-желтым ангобом. Лепные гулосак не имеют ангоба.

Гулосак второго вида встречаются часто. Они, как правило, изготовлены из серой или красной глины от руки (табл. XV, 5). Стенки снизу вверх расширяются. Кружки такой формы найдены в Пенджикенте (Бентович, 1964, рис. 23, 6). Размеры гулосак второго вида варьируют: высота — от 7 до 12 см, диаметр устья — 10—15 см, диаметр дна — 7—10 см.

Гулосак третьего вида (табл. XV, 9) изготовлен на гончарном круге из светло-желтой хорошо промешанной глины. На корпусе сохранились следы от ручки. Тулово конусообразное, сужается ко дну. На корпусе сделанные пальцем вертикальные желобки. Размеры: высота — 9 см, диаметр устья — 12 см, диаметр дна — 4 см. Эта кружка (хотя и можно предполагать ее происхождение из Пенджикента) не имеет прямых аналогий среди кружек древнего Пенджикента. Формой напоминает кружку, найденную в Пенджикенте (Бентович, 1964, рис. 21, 11), но не тождественна ей. Продольные ямки на другой кружке (там же, рис. 22, 6), на ножках, похожи на изображение таковых на другой кружке.

В Куме найдены гулосаки четвертого вида (табл. XIV, 4—5). Изготовлены от руки из грубой глины. Форма у них похожа на хурмача с одной ручкой, но они имеют волнистые бортики, эти гулосак точную аналогию не имеют.

Дулча — кружки (название этнографическое). Таджики дулча называют глиняные, деревянные кружки типа (табл. XIII, 5), обязательно со смятым сливом, ручка прикреплена сбоку. Судя по этнографическим материалам, дулча в дореволюционном Верхнем Зеравшане была широко распространена (Пещерева, 1959, с. 274, рис. 84). В Куме найдены две дулча (табл. XIV, 1, 7), изготовленные из местной глины с незначительной примесью дресвы и гипса от руки. Они имеют волнистые бортики, т. е. венчики, один из них оформлен в виде трехлепесткового, другой — пятилепесткового цветка, ручки прикреплены сбоку. Размеры: высота — 7 см, диаметр устья — 10,5 см, диаметр дна — 7,5 см; высота — 10, диаметр устья — 11 см, диаметр дна — 10,5 см. В Гардани Хисор найдены две дулча, покрытые копотью. Очевидно, в

них варили пищу, кипятили молоко, топили масло и др. Дулча изготовлены от руки из местной грубой глины. Размеры дулча (табл. XIII, 5): высота — 11 см, диаметр устья — 9 см, диаметр дна — 9,5 см. Вторая дулча без ручки (табл. XV, 4). Размеры: высота—4 см, диаметр устья — 9,5 см, диаметр дна — 7,5 см. Такие дулча сохранились до наших дней.

Косагул-кружки (табл. XVI, 1—8, XIV, 1—3, 8—9), название этнографическое. Такого типа кружки в Гардани Хисор и Куме найдены в большом количестве. Много целых форм, фрагментов венчиков, донцев и бесформенных стенок. Они изготовлены из грубой местной глины от руки, с волнистым бортиком. Венчики некоторых косагул (табл. XV, 1, 2, 3) прямые, другие — округлые (табл. XVI, 7—8), слегка отогнуты (табл. XVI, 6). Среди найденных косагул только один (табл. XVI, 1) имеет отличительную форму. В отличие от других он изготовлен из очень некачественной глины или с большой примесью мелкого сланца. По форме круглодонный. Бортики волнистые, снаружи выступают от поверхности тулова. Размеры: высота — 7,6 см, диаметр устья — 17,5 см, диаметр дна — 10 см.

В Айтугдытепе найдены большие и малые косы с полусферическими поддонами. По мнению С. К. Кабанова, при изготовлении этих сосудов, их донных частей применялись формы, оставлявшие после себя ровные поверхности днищ, обрамленные валиками (Кабанов, 1972, с. 82—83, рис. 6, 6, 7). Сосуды, изготовленные этим методом, найдены в Шортепе близ Карши.

Таким образом, в раннесредневековом Согде в его горных районах и периферии гончары при изготовлении нижних частей сосудов пользовались специальными формами. Сосуды этого типа с внешней стороны выглядели эффектно.

Косагул изображают в форме шести, пяти, четырех и трехлепестковых цветков. Расположение ручек разное. Одна из кружек имеет небольшой поддон (табл. XVI, 2). Размеры варьируют: высота — от 7 до 11 см, диаметр устья — 12—17 см, диаметр дна— 7—12 см. Отметим, что косагул в большом количестве найдены в Пенджикенте (Бентович, 1964, с. 21; 1953, табл. X, 5, Маршак, 1961, табл. 7, рис. 1—6), а также и на других памятниках Средней Азии того же периода, например в Актепе (Терешожкин, 1948, рис. 6), Зангтепе (Альбаум, 1963, рис. 2, 1—3), Фергане (Горбунова, 1979, рис. 23, 1).

Особняком стоит большой фрагмент от кубковидной чаши (табл. XIV, 12). Изготовлена из хорошо отмученной глины с незначительной примесью дресвы на гончарном круге. Чаша покрыта красным ангобом. Она найдена в помещении дома XI в Куме. Чаша, по-видимому, относится к более раннему периоду. Возможно, что в Куме есть слой более раннего периода.

Надо отметить, что кумские гулосак и косагул по составу глины разделяются на четыре группы. К первой относятся дулча (табл. XIV, 1, 7; косагул, 8). Изделия этого мастера изготовлены из местной зеленоватой глины с меньшим количеством дрес-

вы. Они покрыты бело-зеленоватым густым ангобом.

Вторая группа — **гулосак** (табл. XIV, 4—5). Изделия этого мастера изготовлены из красной глины со значительной примесью дресвы и зернистого гипса. От сильного обжига часто обожжены ангобы и треснуты поверхности чаш и кружек.

К третьей группе относятся **косагул** (табл. XIV, 9) и др. Они отличаются от предыдущих групп тем, что в составе их глины еще меньше примеси дресвы. Покрыты серовато-желтоватым густым ангобом.

К четвертой группе относятся косагул (табл. XIV, 2—3) и другие изделия из каменистой глины. Изготовленные не аккуратно, обжиг неравномерен.

Косы-миски. Найдено много целых и форм, фрагменты венчиков и донцев. По форме их можно разделить на три вида: глубокие (табл. XV, 11, 21), неглубокие (табл. XV, 12), менее глубокие (табл. XV, 13).

Большая часть кос изготовлена на гончарном круге из серой местной глины (табл. XV, 11—14) с примесью зернистого гипса. С наружной стороны проходят неглубокие бороздки. Некоторые косы покрыты розовым, другие — серым ангобом. Лепные косы ангоба не имеют.

Размеры кос первого вида варьируются (табл. XV, 11): диаметр устья — 16—19 см, глубина — 4,5—7,5 см, диаметр дна — 5—7 см. Размеры кос второго вида: диаметр устья — 15—17 см, глубина — 3—5 см, диаметр дна — 5—7 см. Размеры кос третьего вида: диаметр устья — 14—16,5 см, глубина — 4—5 см, диаметр дна — 5—6 см. Косы этой группы найдены в Пенджикенте (Бентович, 1964, рис. 17), в Айтундепе (Кабанов, 1981, рис. 61, 44), в Чильхуджре (Пулатов, 1975, рис. 34, 7—8).

Особняком стоит коса (табл. XV, 8), изготовленная от руки из серой грубой глины. На ее стенках снаружи имеются вдавленные при помощи пальцев ямки. Нижняя часть не сохранилась. Диаметр устья — 15 см. Судя по стенкам, она была неглубокая. Аналогичные нимкосы найдены в Куме. Кумская нимкоса имеет волнистые борта. На дне также имеется шишка от вдавления пальцем снаружи. Такие косагулы найдены в Пенджикенте (Бентович, 1964, рис. 21, 16).

Нимкоса (название этнографическое), т. е. коса средних размеров (Пещерева, 1959, с. 281) (коса, нимкоса и косача). Нимкоса более многочисленные по сравнению с косой (табл. XV, 14, 21—25). Все нимкоса, кроме фрагмента (табл. XV, 14) изготовлены от руки местными гончарами. Нимкоса № 14 изготовлена из более качественной глины с примесью зернистого сланца и гипса на гончарном круге. Покрыта розоватым ангобом. Диаметр нимкоса 12,5 см. Такие нимкоса полной формы найдены в Пенджикенте (Бентович, 1964, рис. 17, 8).

Нимкоса (табл. XV, 22, 23, 25) повторяют формы гулосак и косагул. Размеры второго вида нимкоса (табл. XV, 22) варьируют: высота от 7—8 см, диаметр устья — 13—15,5 см, диаметр

дна — 8—9 см. Размеры третьего вида (табл. XV, 23): высота — 7—10 см, диаметр устья — 12—14 см, диаметр дна — 9—10 см. Размеры четвертого вида (табл. XV, 24); высота —4 —5,5 см, диаметр устья — 13—14 см, диаметр дна — 7—9 см. Размеры пятого вида (табл. XV, 25): высота — 7—9 см, диаметр устья — 10—12 см, диаметр дна — 8—9 см. У многих нимкоса ручного производства поддон выделяется.

Табакча — блюдце. Название этнографическое (Пещерева, 1959, с. 164). В Гардани Хисор имеется одна археологически целая и большой фрагмент верхней части табакча (табл. XV, 20). Оба изготовлены на гончарном круге из хорошо промешанной глины и покрыты розовым ангобом. По венчикам с внешней стороны проходят опоясывающие углубленные линии. Аналогичный табакча найден в Куме (табл. XIV, 15).

В Куме обнаружено много табакча, в том числе целые, изготовленные из местной грубой глины от руки типа (табл. XVIa, 16). Размеры: высота — 9—12 см, диаметр устья — 25—33 см, диаметр дна — 12—16 см. Табакча такой же формы и размеров найдены в Пенджикенте (Бентович, 1964, рис. 2, 4, 6, 7, 9—10). Возможно, они привезены из Пенджикента. Размеры табакча: высота — 5,5—7 см, диаметр устья — 20—26 см, диаметр дна сохранившейся табакча — 5 см.

Из Гардани Хисор происходит еще один лаълитабак (табл. XVII, 12) (блюдце неглубокое). Изготовлен из местной глины на гончарном круге, с внутренней стороны имеет ребристые полосы. Лаълитабак покрыт коричневым ангобом. Аналогий не имеет. Так как фрагмент лаълитабак незначителен, диаметр его устья не установлен.

Лаълича — блюдце. В Гардани Хисор найдено много разноразмерных, небольших форм, названных нами лаълича (название этнографическое). Относится к небольшому, неглубокому блюдечку (табл. XV, 15—16). Размеры: высота — 3—5 см, диаметр устья — 11 см, диаметр дна — 9—10 см.

Намакдон — солонка (название этнографическое) — изделие меньше чем лаълича (табл. XV, 18—19, XIV, 14). В нем могли держать соль, перец и др. Размеры: высота — 3 см, диаметр устья — 8,5—7,5 см, диаметр дна — 5,5—8 см. Намакдон изготовлены из местной глины от руки. Встречаются они и из гипса (табл. X, 23—24).

Обполо — цедильник. Незначительное количество сосудов составляет обполо. Местные обполо изготовлены от руки, а привозные — на гончарном круге. Эти сосуды представляют собой миску на подставке, диаметром 15—18 см. В одних случаях подставка имеет вид небольшого (высотой 2 см) поддона, а в других — это уже высокая ножка. В обоих случаях поддон и ножка полые внутри (табл. XV, 10; XVIa, 4—7). Эти сосуды использовались для мытья свежих фруктов перед подачей на стол, а также в качестве десертных ваз. Аналогичные сосуды найдены в Пенджикенте (Бентович, 1953, с. 142—143; 1964, с. 274). По мнению Бен-

тович, эти сосуды использовались и в молочном хозяйстве (там же, с. 275). Судя по данным этнографии, для фильтрации молока использовали сито, изготовленное из шерсти (хвоста) коней, коров, а для изготовления творога использовали матерчатые мешки, как и сейчас. Один фрагмент нижней части обполо на ножке найден в Куме (табл. XVIa, 12). Изделие из хорошо отмученной глины с незначительной примесью песка и зернистого гипса на гончарном круге, ножка прикреплена ручным способом. На дне имеются отверстия. Однако в Балаликтепе найдена хурмача на трех аналогичных ножках (Альбаум, 1960, рис. 28, 8). Л. И. Альбаум не дает описание сосуда на трех ножках. На дне кумского сосуда с внутренней стороны имеются следы огня, поэтому можно предположить, что в нем разжигали какой-то ритуальный огонь, а отверстия служили продухами.

Обполо (табл. XV, 10) изготовлено из хорошо отмученной серой глины на гончарном круге. Размеры: общая высота — 10 см, диаметр устья — 15,8 см, диаметр поддона — 9 см. Возможно, что оно привезено из Пенджикента.

Ширхора — поильник. Слово «ширхора» этнографическое и применяется к детской посуде со сливом или соском (джумак, нулак). Среди керамических изделий Гардани Хисор встречаются детские миниатюрные котелки, кувшинчики, чашки и кружки и др. Однако здесь мы отмечаем только детскую молочную посуду. К этой категории относится лепной кувшинчик (табл. VIII, 13) с соской-джумак. Размеры его: высота — 11,5 см, диаметр устья — 3,5 см, диаметр дна — 8 см.

Ширхора (кувшинчик) найдена в Пенджикенте (Маршак, 1964, с. 233, рис. 21, 7). Форма пенджикентской ширхора другая (датируется V—VII вв. н. э.).

Детскими поильниками в какой-то степени являлись небольшие дульча со сливом в виде головки теленка (табл. XIII, 5, 10). Такие же дульча без ручки найдены в Пенджикенте. Носики пенджикентских дульча реально изображают головки телят (Беленицкий, 1958, рис. 23). Такие ширхора-кувшинчики с соской были в быту горных таджиков до 50-х годов нашего столетия. Когда появились резиновые соски, их надевали на глиняный сосок кувшинчика и поили детей.*

Това — сковородки. Слово «това» — этнографическое. Е. М. Пещеревой в Файзабадском районе в к. Гумбулок зафиксировано, что женщины изготовляют из глины специальные сковородки — това, на которых жарят блины и слоеные лепешки. Эти това представляют собой диск с небольшой закраиной, слегка загнутой кверху и внутрь (Пещерева, 1959, с. 68). Е. М. Пещерева пишет, что в 1945 г. во время археологических работ на городище Вашгирд были найдены обломки круглых плоских предметов из обожженной глины, имевших плоские закраины. Жители сел. Саримазара, присутствующие при разборке материалов, немедленно признавали в них такие же това, какие имелись в ряде домов их

* Наблюдение автора.

селения (там же, с. 68—69). Таким образом, до 40—50-х годов това еще была в обиходе. Мы уже отмечали, что в доме № IX на поселении в очаге нашли това с остатками обугленного хлеба (Якубов, 1977, с. 149). Благодаря этой находке мы точно узнали назначение этих сковородок.

Среди находок Гардани Хисор това занимают значительное место. Они найдены в каждом доме и изготовлены из огнеупорной глины от руки (табл. XVII, 1—6). На них в основном пекли хлеб. Размеры това варьируют: высота — 4—8 см, диаметр устья — 11—40 см, диаметр дна — 16—41 см. Това найдены на всех памятниках древнего средневекового периода.

Гуппи — маслобойки. В доме № VI впервые найдены два фрагмента маслобоек. Одна изготовлена из грубой глины от руки, с большой примесью сланца и ганча, имеет более тонкие стенки с небольшим отверстием, диаметр которого 10 мм, и большую вертикальную ручку. Второй фрагмент стенки лепной гуппи (табл. XVII, 7). На нем сохранилось отверстие диаметром 1,5 см и горизонтальной ручкой (табл. XVII, 2).

Два фрагмента гуппи найдены в Куме (табл. XVIa, 14, 19). Обе изготовлены из грубой местной глины от руки. Одна имеет вертикальную ручку, другая — без ручек. Аналогичная гуппи с вертикальной ручкой найдена в Пенджикенте (Бентович, 1964, рис. 16). Найдена детская гуппи, изготовленная из серой глины от руки (табл. VII, 17). Ее форма скопирована с гуппи больших размеров: высота — 11 см, диаметр устья — 3 см, диаметр дна— 5 см.

Тагора — название этнографическое. Таджики называют тагора глиняную, деревянную и металлическую посуду. Такая посуда употреблялась для стирки белья, мытья головы, ног и др. В горных районах Таджикистана глиняные тагора всегда употреблялись для мытья головы детей и взрослых, стирки белья (Пещерева, 1959, с. 72).

В Гардани Хисор и Куме найдено очень много фрагментированных тагора, фрагмент венчиков и донцев, встречаются и целые. Они имеют разные формы, изготовлены из грубой местной глины от руки (табл. XVIII, 1—6). Тагора встречаются и из ганча (табл. XIX, 16—19, 22; XVIa, 21). Некоторые глиняные тагора имеют ровные стенки и гладкие поверхности (табл. XVIII, 4—6). В них вполне могли приготовлять тесто, пищу, печь хлеб, т. е. они имели широкое назначение. В ганчевых тагора не стирали, а хранили сухие продукты и использовали их в других бытовых делах. И. Б. Бентович пишет, что в Пенджикенте часто встречаются большие плоскодонные с высокими плечами или вертикальными бортами миски. Они изготовлены из такого же теста, что и котлы. Поверхность покрыта красным ангобом (Бентович, 1964, с. 290, рис. 33, 10). Эти миски являются тагора.

Котлы. Среди керамического материала из Гардани Хисор и Кума наиболее многочисленными являются котлы, в основном лепные. Изготовлены из местной глины с большой примесью

дробленого сланца, встречается незначительное количество гипса. Котлы разноразмерные: диаметр устья — 18—26 см, диаметр тулова — 23—35 см, высота — 19—33 см. Котлы по форме тулова и венчика, ручки можно разделить на 14 видов.

1. *Найден большой фрагмент верхней части бронзового котла* (табл. XVII, 10) (Якубов, 1975, с. 203—204). Котел отлит в форме. Судя по стенкам и венчику, работа очень тонкая, хорошая. Нижняя часть изделия не сохранилась, поэтому точно судить о его форме трудно. Стенки от венчика расширяются к ручке и от ручки сужаются и утончаются ко дну. Венчик по краям ровный, отогнут к плечикам. Очевидно, впоследствии он подвергался вторичной обработке. На плечике котла сохранилась подковообразная ручка, два конца которой припаяны к плечикам. Посредине верхней части ручка имеет выступ в виде шишки, причем выступ един с ручкой, т. е. он отлит одновременно с ней. Ручка в поперечном сечении круглая. Тулово котла украшено двухниточным веревочным орнаментом. Ручка и орнаментальная веревочка припаяны к тулову. Поверхность котла снаружи неровная, покрыта бугорками. Внутренняя поверхность — гладкая. Размеры котла: высота фрагмента — 16 см, диаметр устья — 34,7 см, диаметр корпуса в самом широком месте тулова — 37 см.

2. Среди керамических котлов второго вида (табл. XX, 3) есть котел, изготовленный в стиле бронзового котла. Верхняя его часть — венчик, горло, веревочный орнамент — по плечикам и ручке очень похожи на бронзовый котел.

3. Среди керамических котлов третьего вида лепного производства имеется также много фрагментов, которые по форме похожи на бронзовый котел (табл. XVI, 8, 9). Несмотря на то, что котлы изготовлялись от руки из местной грубой глины с большой примесью крупнозернистого песка, керамисты старались добиться максимального подобия их металлическим котлам, которые, очевидно, бытовали в это время в Согде и в других местах Средней Азии. Даже ручки на этих котлах делались точно такие же, как и у металлических котлов, несмотря на то, что керамические ручки более хрупкие и не выдерживали веса котла с пищей.

Несколько слов о происхождении бронзового котла. Котел привезен в Гардани Хисор, но откуда? Возможно, он изготовлен в Самарканде или других городах Средней Азии и привезен сюда, а может быть, изготовлен в самом Буттаме? В пользу последнего предположения говорит то обстоятельство, что в горах Буттама в VII—VIII вв. добывали медь, железо, и др. металлы. Об этом свидетельствуют мугские документы. Большой интересе в этом отношении представляет документ Б-3 из мугского архива, где говорится, что «из селения Евшист принесли 11 конских доспехов, другие предметы военного снаряжения и один металлический котел» (Лившиц, 1962, с. 154—155).

Надо отметить, что селение Евшист часто упоминается в мугских документах, когда речь идет о металлических предметах, полученных фрамандаром (правитель Буттама в начале VIII в.). Учитывая тот факт, что, как правило, места вывоза тех или иных

предметов, по мугским документам, совпадают с местами их производства, можно предположить, что изделия, вывезенные из Евшиста (современный Вешист), изготовлены именно в этом кишлаке. Это тем более вероятно, что источник сырья находился неподалеку от места древних медных выработок Кштута и Ёри (Якубов, 1979, с. 94).

О том, что в средние века в горах Буттама добывали медь, сообщают письменные источники и более позднего периода (IX—X вв.). Но нам кажется, что освоение здесь медных выработок относится и к более древнему периоду — к эпохе неолита и бронзы (Исаков, 1977, с. 557). Котел не имеет аналогий.*

Сохранилось много целых котлов, по которым можно судить о формах, бытовавших в горном Согде.

4. Среди котлов четвертого вида сохранился один целый (табл. XX, 1). Его размеры: высота — 28 см, диаметр устья — 23—24 см, диаметр дна — 24 см.

5. Среди котлов этого вида целого нет. Судя по фрагментам верхней части, венчики у них отогнуты к плечам, стенки расширяются от венчика к тулову. Имеются переплетенные из двух жгутиков ручки (табл. XX, 2). Диаметр устья — 27 см.

6. Котел этого вида (табл. XX, 3) единственный, изготовлен из серой светлой глины на гончарном круге со значительной примесью дробленого сланца. Плечи котла украшены налепом — веревочным орнаментом. Ручки сделаны из жгутиков, имеют подковообразную форму. Ручки в месте прикрепления их к венчику имеют вертикальный налеп. Налеп в виде полукольца охватывает ручку и прикреплен к венчику. Размеры котла: высота — 23,5 см, диаметр устья — 19 см, диаметр дна — 21,5 см. Котел не имеет аналогий.

6а. Котлы шестого вида многочисленны, сохранился один целый. Размеры его: высота — 24,5 см, диаметр устья — 21 см, диаметр дна — 23 см. Выделяется поддон котлов этого вида. Ручки на этих котлах состоят из двух параллельных переплетенных жгутиков.

7. Целых котлов седьмого вида нет (табл. XX, 5). Они имеют сравнительно хорошо выделенную шейку. Ручка подковообразная и ребристая. Котлы с такой ручкой найдены в Пенджикенте (Маршак, 1970, рис. 1966). Диаметр устья котла (табл. XX, 5) — 19 см.

8. Котлы восьмого вида самые многочисленные (табл. XX, 6), имеется много целых, начиная от большого до самого маленького котелка (табл. XIII, 2). Размеры варьируют: высота — от 30 до 10 см, диаметр устья — 35—20 см, диаметр дна — 18—25 см. Котлы восьмого вида имеют широкие, по сравнению с другими котлами, устья. Они имеют подковообразные ручки. Котлы с такой ручкой найдены в Пенджикенте (Маршак, 1970, № 164).

9. Изделия этого вида (табл. XX, 7) условно названы нами кот-

* Этому котлу автор посвятил специальную статью, которая находится в печати.

лами, так как в них иногда варили пищу. В Гардани Хисор такие котлы встречаются лепные и станковые (табл. XX, 9). Котел (табл. XX, 8) изготовлен из местной* глины на гончарном круге. Плечи некоторых из них имеют волнистый орнамент. Целых форм нет. Диаметр устья (табл. XX, 8) — 21 см.

10. Котлы десятого вида по форме похожи на предыдущие. Они имеют банкообразное тулово и подковообразные ручки. Целые формы отсутствуют. Диаметр устья котла (табл. XX, 9) — 18 см.

11. Котлы одиннадцатого и двенадцатого видов изготовлены из местной глины на гончарном круге. Котлы широкогорлые, стенки сверху по дну сужаются (табл. XX, 12—13). Венчики хорошо выделяются. Целых котлов нет. Однако один фрагментированный котел аналогичной формы найден на III объекте в Пенджикенте (Большаков, 1964, рис. 8). Котел имеет плоское дно. Возможно, формы гарданихисорских котлов этих видов заимствованы от пенджикентских котлов. Диаметр устья котлов (табл. XX, 12, 13) —21 см и 16 см. Котлы № 10 и 13 были котелками. Все котлы плоскодонные.

14. Котел четырнадцатого вида найден только в Куме. Он изготовлен от руки из грубой местной глины с примесью толченого сланца и зернистого гипса. Нижняя часть его выделена рубчиком. Имеет две подковообразные ручки. Размеры: высота — 9 см, диаметр устья — 25 см, диаметр дна — 18 см. Котел такой формы найден в Пенджикенте (Бентович, 1964, рис. 30, 10).

Кроме вышеописанных в Куме найдены несколько лепных котлов со своеобразными ручками (табл. XVIa, 17, 18, 20). Особенно массивная ручка № 20. Она принадлежала крупному котлу или тагора.

Из тринадцати видов вышеописанных котлов только некоторые имеют аналогии в пенджикентском материале, остальные формы присущи горному Согду. Вся лепная керамика изготовлена на ручном круге. На дне некоторых котлов сохранилась форма креста, т. е. следы от подставки ручного круга. Эти же крестообразные следы сохранились на некоторых ганчевых столиках (табл. XXI, 3, 4, 15, 16). Надо отметить, что так называемые ганчевые столики в основном играли роль подставки, т. е. на них гончары формовали свои изделия, а лепешечники делали лепешки. Ганчевые столики не являлись столовыми столами.

Изделия из ганча. В Гардани Хисор найдено очень много изделий из ганча, начиная от хумов и кончая намакдонами (табл. X). Техника изготовления ганчевых изделий очень проста. Все ганчевые сосуды изготовлены ленточными слоями из ганчхока, т. е. смеси глины и гипса изнутри, а снаружи обмазаны чистым ганчевым раствором. Причем мастера-гончары ганчевых изделий при формовке своих сосудов подражали керамистам. Много фрагментов табаков, блюдцев (табл. XIX, 16, 19, 22); хумов, осо-

---

* Когда мы употребляем термин «местная глина», то это означает, что глина грубая, т. е. в ее составе много камней.

бенно банкообразных форм (табл. XIX, 13), типа усеченной пирамиды (табл. XIX, 1—2, 6—11). Стенки ганчевых изделий снаружи и изнутри неровные. Из ганча много крышек (табл. XXI, 5—7), столиков на трех ножках и подставок без ножек. Имеются крышки из обожженной глины (табл. XXI, 12, 10, 16).

В Гардани Хисор и Куме найдено более 100 пряслиц, служивших для производства различных ниток (табл. XXII).

а) Керамика V—VI вв.

В горном Согде исследованы несколько памятников со слоями V—VI вв. н. э. Один из них — Калаи Муг в Магиане. Керамический материал этого памятника опубликован (Ставиский, 1958, 66—71, рис. 2; 1961, с. 102—105, рис. 2), поэтому нет необходимости останавливаться на нем. Несколько памятников этого периода опубликованы частично (Исаков, 1979, с. 306—307, рис. 4).

В 1975 г. во время составления археологической карты горного Согда нами была собрана керамика V—VI вв. на городище Санджаршах, поселений Наврузшах, Тали Адат, Кулулатепе III и др. В 1984 г. на поселении Наврузшах был заложен раскоп и шурф. Мы получили значительный керамический материал V—VI вв. Поэтому в основе классификации керамики V—VI вв. горного Согда лежат материалы из поселения Наврузшах.

Хумы. Найдены два фрагмента венчика, один из них (табл. XXIII, 1) на Наврузшахе, другой (табл. XXIII, 3) на Тали Адат. Оба изготовлены из хорошей глины с примесью дресвы и гипса на гончарном круге. Венчик хума из Наврузшах находит аналогию в Калаи Муг в Магиане в слоях IV—V вв. (Ставиский, 1961, рис. 2), в Кулдортепе в слоях IV—VI вв. н. э. (Ставиский, 1960, рис. 6, 1). Фрагмент хума Тали Адат имеет аналогию в керамике V—VI Пенджикента (Маршак, 1970, рис. 7, 132).

На поселении Наврузшах найден один фрагмент хумчи, изготовленной из хорошо отмученной глины с примесью гипса на гончарном круге (табл. XXIII, 5). Хумча покрыта красным ангобом. Фрагменты венчиков от аналогичной же хумча найдены в Калаи Муг в Магиане (Ставиский, 1961, рис. 2).

Горшки — хурма. Фрагмент венчика хурма из Санджаршаха изготовлен из хорошо отмученной глины с незначительной примесью гипса на гончарном круге. Покрыта розоватым ангобом (табл. XXIII, 6). Хурма аналогий не имеет. Судя по опубликованным материалам, в это время были хурма с двумя ручками без слива (Маршак, 1964, рис. 23, 9), со сливом и одной ручкой (там же, рис. 23, 12), без ручки (Кабанов, 1981, рис. 15, 4; 31, 11); со сливом без ручки (там же, рис. 31, 9—10). В Аултепе найдена хурма со сливом и на противоположной сливу стороне не одна ручка, как обычно, а две (Кабанов, 1981, с. 61, рис. 29, 4). Таким образом, хурма были разные по форме.

Нимхурма. Найдены три фрагмента нимхурма на поселении Наврузшах (табл. XXIII, 11, 12, 13), изготовленные из хорошей глины с примесью дресвы и гипса на гончарном круге. По вен-

чику, плечику и ручке проходит полоса коричневого ангоба. Две нимхурма имеют пластинчатые ручки, одна их них со смятым сливом. Венчики с желобком наверху. Хурма со сливом, или с так называемым рожком, находит аналогию в керамике V—VI вв. Пенджикента (Маршак, 1964, рис. 23, 13), в Аултепе в слоях V—VI вв. (Кабанов, 1981, рис. 29, 3). Пенджикентская и аултепинская нимхурмы на противоположной стороне слива имеют ручки. Б. И. Маршак, исследуя широкогорлые сосуды, т. е. хурма, пишет, что они могли не иметь ни ручек, ни рожка (Маршак, 1964, с. 233). В Аултепе найдены нимхурма со сливом и без ручки (Кабанов, 1981, рис. 31, 9—10). Таким образом, нимхурма и хурма были со сливом и без ручки. Второй и третий фрагменты нимхурма имеют ручки. Возможно, у них было по две ручки, судя по находкам из Пенджикента (Маршак, там же, с. 233).

Венчик четвертой нимхурма отличается от выше описанных тем, что он покрыт светлым ангобом. Венчик (сверху) и корпус украшены полосами коричневого ангоба (табл. XXIII, 9). Таким образом, нимхурма, как и хурма, были с двумя ручками (дудаста), с одной ручкой (якдаста) и без ручек (калак).

Горшочек — хурмача. Найден один фрагмент венчика хурмача (табл. XXIII, 7). Хурмача снаружи покрыта белым ангобом, а венчик (сверху) и корпус — полосатым черно-коричневым ангобом.

Верхняя часть хурмача (табл. XXIII, 10). По внутренней стороне венчика имеется небольшая выемка-желобок для крышки. Венчик и плечики хурма покрыты полосатым красным ангобом. Венчик первой хурмача очень незначительный, и мы не можем судить о ее форме. Вторая хурмача была без ручки. Обе они изготовлены из хорошо отмученной глины с примесью зернистого гипса на гончарном круге.

Судя по материалам древнего Пенджикента, хурмача были без ручек, с одной ручкой и с двумя ручками (Маршак, 1964, рис. 22, 23, 24).

Кроме хурмача найдено несколько мелких фрагментов венчиков от красноангобированных сосудов небольших размеров (табл. XXIII, 2, 4), изготовленных на гончарном круге, из хорошо отмученной глины, венчики отогнуты, по внутренней стороне идет желобок. Аналогии в опубликованных материалах не имеют, хотя сосуды с такими же венчиками имеются в Пенджикенте (Маршак, 1970, рис. 7, 123, 124). Такой же венчик найден в поселении Караулато этого же периода (Исаков, 1979, рис. 4). Возможно, эти венчики относятся к небольшим хурмача.

Кувшины — куза. На поселениях Наврузшах, Санджаршах и Тали Адат найдено несколько фрагментированных кувшинов, фрагментов венчиков донцев и целых кувшинов. Все кувшины изготовлены из хорошо отмученной глины с примесью дресвы и гипса на гончарном круге.

Кувшин для воды —обкуза— с низким горлом. Найдены четыре фрагмента венчика обкуза этого типа. Один из них (табл. XXIII,

15) из Наврузшаха. По его венчику и тулову проходит полосатый красный ангоб. Между туловом и шейкой отмечен рубчик. Диаметр венчика — 9,5 см. Второй фрагмент венчика происходит из Тали Адат (табл. XXIII, 17). Его венчик был украшен коричневым ангобом. Диаметр венчика — 10 см. Третий фрагмент—из Наврузшаха (табл. XXIII, 19). Снаружи покрыт белым ангобом. Венчик внутри и снаружи украшен коричневым ангобом. Диаметр венчика — 9 см. Четвертый фрагмент тоже происходит из Наврузшаха, он в отличие от других изготовлен из песочной глины с примесью зернистого гипса на гончарном круге (табл. XXIII, 24). Венчик покрыт светло-розовым ангобом. Диаметр венчика — 10,5 см.

В Пенджикенте найдены целые кувшины с такими же венчиками и горлом, называемые «кувшинами с низким горлом и объемистым туловом» (Маршак, 1964, с. 131, рис. 1—2). Обкуза этого типа встречаются в Аултепе (Кабанов, 1981, с. 63, рис. 31, 1—7).

Обкуза с цилиндрическим горлом. Имеются три венчика с цилиндрическим горлом. Один из них — из Наврузшаха (табл. XXIII, 23) и два—из Санджаршаха (табл. XXIII, 18, 25). Все три покрыты светлым ангобом. По венчикам трудно говорить о форме этого типа кувшинов. В керамике V—VI вв. аналогии не имеют. (Хотя такие венчики присущи кувшинам этого периода).

Кувшин для воды — обдаста—с расширяющимся горлом. Найдены два кувшина такой формы: один целый, от другого осталось горло. Первый представляет собой небольшой обдаста (кувшинчик) с расширяющимся горлом и грушевидным, сужающимся к шейке, корпусом (табл. XXIII, 20). Обдаста имеет пластинчатую ручку, перекинутую от шейки к плечику. Горло профилировано тремя валиками. Два валика украшают тулово. Кувшин окрашен коричневым ангобом в виде двух крупных лепестков. Размеры: высота — 20 см, диаметр устья — 7 см, диаметр дна — 7 см. Эта обдаста имеет точную аналогию в керамике V—VI вв. Пенджикента (Маршак, 1964, с. 131, рис. 23, 6).

Горло второго кувшина (табл. XXIII, 14) украшено коричневым ангобом. Венчик сверху обработан ножом, на сужающемся месте горла имеется валик. Кувшины с такими же горлами найдены в Аултепе: один целый, другой с отбитым венчиком. У целого тулово эхоявидное, горло профилировано валиками, а устье специально примятое в виде лодочки (Кабанов, 1981, с. 62—63, рис. 30, 30). Другой, в отличие от первого, стоит на небольшом поддоне, и горло от тулова выделено валиком (там же, рис. 30, 2). Таким образом, кувшины этого типа были без ручек и с ручками, с расширяющимся устьем и примятыми устьями, без поддона и с поддонами.

Кувшин для вина — майдаста. На городище Санджаршах найдена верхняя часть майдаста с примятым устьем и низким горлом (табл. XXIII, 16). Венчик отбит и покрыт серым ангобом. Майдаста имел грушевидную форму. В Пенджикенте найдены кувшины с низким горлом, примятым устьем и пластинчатой руч-

кой (Маршак, 1964, с. 231). Однако, судя по статье Б. И. Маршака «Код для описания керамики Пенджикента V—VI вв.», в Пенджикенте были кувшины, аналогичные нашим (Маршак, 1970, рис. 5, 59). Целые майдаста такой же формы найдены в слоях позднекангюйского времени в Койкрылган-Кале (Воробьева, 1959, с. 130, рис. 27, 1; 29, 1). Возможно, майдаста из Санджаршаха относится к более поздним периодам — к VI—VII вв. Обдаста найдена в могиле конца VI—начале VII вв. на поселении Наврузшах и имеет шаровидное тулово, небольшую шейку. Венчик отогнут, на плечике расположен слив. Пластинчатая ручка имеет три вертикальных желобка с валиками. Тулово снабжено ребристым поясом. Плечики украшены волнистым орнаментом и горизонтальными линиями. По венчику с внутренней стороны проходит желобок для крышки (табл. XXIV, 1). Размеры: высота — 25 см, диаметр устья — 9 см, диаметр дна — 15 см. Такие же кувшины найдены в Пенджикенте, в слоях V—VI вв. (Беленицкий, и др., 1973, рис. 23), в Чильхуджре, в слоях, которые У. Пулатов датирует IV—VI вв. н. э. (Пулатов, 1975, рис. 27, 3; 28, 1—3). Нам кажется, что в Чильхуджре слои IV в. н. э. отсутствуют. Правильно было бы Чильхуджринский материал датировать не IV—VI, а V— VI вв. н. э.

Второй кувшинчик имеет шаровидное тулово (табл. XXIII, 21). Венчик профилирован и отогнут к плечику. Плечики украшены параллельными глубокими линиями, на венчике и плечиках сохранились следы полосатого коричневого ангоба. Размеры: высота — 15 см, диаметр устья — 5 см, диаметр дна — 7 см. Кувшинчик аналогий не имеет.

Ширхора—поильник (табл. XXIII, 22). Венчик и плечики покрыты красным ангобом. Размеры: высота — 9 см, диаметр устья — 4 см.

Косы — миски. На поселении Наврузшах найдены фрагменты большой глубокой косы (табл. XXIV, 2). Диаметр венчика — 24 см. Вторая нимкоса (табл. XXIV, 3) целая, высотой — 5,2 см, диаметром устья — 18,4 см, диаметром дна — 7 см. Третья косача (табл. XXIV, 4) археологически целая. Стенки от дна расширяются к венчику, а в районе венчика изгибаясь, сужаются к верху. Размеры: диаметр венчика — 14 см, высота — 6,5 см, диаметр дна — 8,3 см. Все три изделия изготовлены из серой глины с большой примесью толченого сланца и зернистого гипса от руки. Покрыты красным ангобом. Косы, нимкосы и косача таких же форм найдены в Калаи Муг в Магиане (Ставиский, 1961, рис. 2).

Имеются два фрагмента венчика от кубковых чаш. Обе изготовлены из хорошо отмученной глины на гончарном круге. Чаши покрыты коричневым ангобом. Диаметр венчика одной из них (табл. XXIV, 5) — 23 см. Диаметр второй (табл. XXIV, 23) не восстанавливается. Косы сначала были покрыты светлым ангобом, а потом коричневым. С внутренней стороны — ребристые поверхности.

Есть три нижних части от кубковидных чаш на небольшом кольцевом поддоне (табл. XXIV, 12, 14). Изготовлены из хорошей глины на гончарном круге, покрыты красным ангобом. Следовательно, вышеупомянутые венчики от кубковидных чаш не относятся к этим поддонам.

Две косача с коническим корпусом найдены одна на поселении Тали Адат (табл. XXIV, 8), другая — на Наврузшахе (табл. XXIV, 9). Обе изготовлены из одной хорошей глины на гончарном круге. Косача сначала были покрыты белым, а потом коричневым ангобами. Диаметр венчика первой — 16 см, второй — 13,5 см. Такая же косача целая найдена в Пенджикенте (Маршак, 1957, с. 94, рис. 1, 4). Целые косача аналогичной формы найдены в Большой Кызтепе в Южном Согде, в слоях V—VI вв. (Кабанов, 1981, с. 89, рис. 45, 7).

Имеются шесть фрагментов венчиков от небольших кубковидных чаш: одна (табл. 32, 18) из Кулула III, другая из Тали Адат (табл. XXIV, 21), остальные из Наврузшаха (табл. XXIV, 17, 19, 22, 25). Все фрагменты покрыты коричневым и красным ангобами. К сожалению, фрагменты настолько малы, что об их формах невозможно судить.

Косача (табл. XXIV, 11) отличается от всех вышеперечисленных кос и кубковидных чаш. С внутренней и внешней стороны, включая венчик и корпус, покрыта красным ангобом. Дно снаружи обработано ножом, а с внутренней стороны — пальцами. Размеры: высота — 6 см, диаметр устья — 12 см, диаметр дна — 6 см. Снаружи по корпусу идут три прочерченные параллельные линии.

Горшочек — гудора (название этнографическое, Пещерева, 1959, с. 58, рис. 15, 2—3). Два таких женских горшочка найдены школьниками в могиле на северном склоне холма Наврузшах. Они стояли с остатками пищи и костей. В ногах обнаружена разбитая гудора (школьники взяли только фрагмент венчика). Горло гудора украшено линиями и рубчиком, а по корпусу идут прочерченные палочкой пунктиры (табл. XXIV, 10). Венчик и корпус покрыты полосами коричневого ангоба. Размеры: высота — 8,5 см, диаметр устья — 14 см, диаметр дна — 7 см. Такие же гудора найдены в Пенджикенте (Маршак, 1964, рис. 22, 5).

Надо отметить одну особенность косы и подобных сосудов. Высота их составляет половину диаметра устья, т. е. соотношение диаметра устья и высоты 1:2.

Котлы. На поселении Наврузшах найдено много фрагментов венчиков и один целый котел. Все котлы кроме одного (табл. XXIV, 29) изготовлены из грубой глины с примесью дресвы и зернистого гипса. На плечике одного из них сохранилась подковообразная ручка. Диаметр лепных котлов варьируется от 26 до 15 см (табл. XXIV, 26, 28—31). Один котел (табл. XXIV, 29) изготовлен из хорошей глины с примесью дресвы и гипса на гончарном круге. Такие же котлы найдены в Пенджикенте (Маршак, 1964, рис. 24, 6). Пенджикентский котел имеет ручку, на ручке

перлы. Эта хурма превращена в котел. Аналогичные котлы найдены в Пенджикенте.

Один котел (табл. XXIV, 27) происходит из поселения Тали Адат. Он изготовлен с большой примесью толченого сланца и зернистого гипса от руки. Нижняя часть его изготовлена в форме, диаметр венчика 21,5 см. Подобные котлы найдены в Пенджикенте (Маршак, 1970, рис. 12, 5). Возможно, пенджикентские изделия, изготовленные в форме, происходят из горного Согда.

Таким образом, мы коротко остановились на керамическом материале V—VI вв. горного Согда. Если сравнить керамику этого периода и городскую керамику V—VI вв. равнинных районов Согда, в том числе Пенджикента, то по технике изготовления они мало чем отличаются.

Б. И. Маршак, занимавшийся керамикой Пенджикента V—VI вв., пишет: «Ремесленная керамика за редкими исключениями формована на круге быстрого вращения и обожжена в горне с окислительным режимом. Цвет черепка — разные оттенки розоватого. Поверхность часто отбелена. Ангоб красный, коричневый, черный, редко розовый или белый» (Маршак, 1964, с. 228). Все эти признаки имеются в станковой керамике горного Согда. В тесте станковой керамики древнего Пенджикента имеются те же примеси (толченого сланца, гипса), что и в керамике горного Согда. По словам Б. И. Маршака, «станковые сосуды средних размеров формовались на неровной прокладке, тогда как под крупные обильно подсыпали песок. Мелкие сосуды отделяли после формовки ниткой. Подсохший сосуд обтачивали косыми ножевыми срезами по нижней части стенок» (там же, с. 228).

Целые большие сосуды — хумы и хумчи — нами не найдены, что касается хурмы, нимхурмы, кувшинов, косы, в отличие от пенджикентских, нижние части стенок обработаны ножом. Не обработаны только ножки кубковидных чаш. Некоторые кувшины и косы после снятия их с гончарного круга поправлены руками. На поддоне одной косы сохранился формовочный речной песок. По-видимому, гончары Наврузшах не все умели снять формованные сосуды ниткой. Они часто свои изделия отделяли от формы руками. Так как сосуды были еще неподсохшими, мастер дно поправлял пальцами. Эти отличительные черты керамики горного Согда свидетельствуют о том, что она местная. Ангоб и методы его крашения совпадают с пенджикентскими.

Большинство кувшинов из поселения Наврузшах имеют толстые стенки и очень тонкое лицо. Стенки их с внутренней стороны полосатые. Такие же ребристые полосы есть у некоторых кубковидных чаш.

Ребристые полосы снаружи отмечены на кувшине из могилы третьего помещения конца VI в. или начала VII вв. Уникален кувшинчик с шаровидным туловом (табл. XXIII, 21). Он изготовлен с большим искусством.

В целом керамическое ремесло горного Согда развивалось вместе с другими районами Согда и Турана. Основные формы,

ангобы керамики горного Согда тождественны формам керамики V—VI вв. не только Согда, но и Хорезма, Тохаристана, Ферганы и Чача.

В VII—VIII вв. в горном Согде взамен старым появляются новые формы и ангоб, отличающиеся от керамики V—VI вв. н. э. Все формы керамических изделий VII—VIII вв. представлены в материале Гардани Хисор и Кума, поэтому керамическое производство горного Согда приводится по керамике этих двух памятников.

Итак, мы коротко охарактеризовали основные группы керамики Гардани Хисор и Кума. В каждой группе имеется много видов, столько, сколько помещено в таблицах, даже остались не выделенные некоторые привозные формы. Мы надеемся керамике V—VIII вв. горного Согда посвятить специальную работу.

Из вышеизложенного керамического материала выходит, что в горном Согде существовало несколько керамических центров, по крайней мере, не меньше пяти-шести.

Раньше, когда не была достаточно изучена керамика этого района, мы предполагали, что она состоит из привозной и местной лепной (Якубов, 1979, 160). Сейчас керамический материал делится на три части. Привозная — из других керамических центров Согда (Пенджикента, Самарканда) и Уструшаны (Бунджиката); лепная и гончарная — местная.

1. Привозная керамика отличается от местной тем, что она изготовлена из хорошо промешанной, светлой или светло-желтой глины с незначительной примесью толченого камня и гипса на гончарном круге. Другой отличительной чертой привозной керамики является то, что она изящная, хорошо формованная, аккуратно прикреплены ручки и носики. Некоторые кувшины, хурма, хурмача, коса, гулосаки и даже хумы имеют сложные профилированные венчики горла. Привозная керамика — хорошего обжига и покрыта светло-розовым или розоватым ангобом. Она очень разнообразна по размерам и формам, т. е. встречаются формы, начиная от хумов, кончая хурма, хурмача, кувшинами и кружками.

2. Местная керамика горного Согда делится на две группы: лепная и гончарная. Лепная — массовая и занимает 60—70% керамики. Лепная керамика очень разнообразна по форме и размерам. Примерно 50% лепной керамики занимают котлы и котлоподобная посуда. Они изготовлены из очень грубой (каменистой) темно-серой и красной глины, с примесью зернистого гипса.* Стенки лепных изделий неровные, обжиг на некоторых из них неравномерен. Большинство изделий лепной керамики не имеют ангоба.

---

* Выше, при описании местной керамики, мы часто употребляли выражение, что она изготовлена из грубой глины с большой, значительной, незначительной примесью толченого сланца. Это визуальные определения. Может быть, и не было никакого искусственного добавления дробленого сланца, так как сама местная глина настолько камениста, что не нуждалась в добавлениях.

По поводу техники изготовления керамики можно сказать следующее: как было отмечено выше, имеется только одна офтоба, изготовленная на матерчатом шаблоне, и один косагул (табл. XVII, 1), изготовленный в круглодонной форме.

В Куме тоже найдено одно изделие, изготовленное в форме (табл. XVIa, 2). Так как эти изделия в единственном экземпляре, то можно предполагать, что они привезены из других районов Согда. Остальная лепная керамика изготовлена на ручном круге.

Выше, при описании хумов, нимхумов и хумчи отмечали, что где-то в горном Согде изготовляли лепную керамику из хорошей серой глины без примеси камушек. Венчики изделий из этого центра сделаны очень аккуратно, формованы на гончарном круге. Поэтому можно предположить, что существовало несколько производственных центров лепной керамики. На венчиках хумов, нимхумов и хумчи последнего производственного центра иногда делали налепные орнаменты — мухрабанди, мавдж и др.

Лепную керамику обжигали костровым способом, названным таджикскими мастерами пури (пурмони) (Пещерева, 1959, с. 40—41). Об этом свидетельствует то, что на лепных изделиях сохранились черные, белые и др. полосы, пятна от неравномерного обжига. Судя по составу, цвету и формам, существовало три керамических центра станкового производства. Гончарную станковую керамику Гардани Хисор изготовляли в трех центрах. Хумы, нимхумы и хумчи второй группы изготовлялись в одном из них. Изделия этого центра отличаются тем, что целиком изготовлены из красной глины на гончарном круге.

Керамические изделия второго центра изготовлены из серой, грубой глины со значительной примесью толченого сланца. Многие из них покрыты светлым ангобом.

Керамика третьего центра изучена на хумах. Она изготовлена из песчаной глины песочного цвета. В составе глины были зернистые камешки. Изделия из этого центра покрыты желто-серым ангобом.

Мы выше отмечали, что керамика Кума по составу глины отличатся от керамики Гардани Хисор. Кумские керамические изделия изготовлены по крайней мере в трех местах, или тремя мастерами. В Куме в отличие от Гардани Хисор очень мало керамических изделий местного станкового производства.

Пока ни в Гардани Хисор, ни в Куме не найдены материалы гончарных печей. Возможно, они находились ближе к воде на месте современных кишлаков. Поэтому места производства керамических изделий вышеупомянутых центров не установлены. В данный момент мы можем предполагать, что эти центры были не в Пенджикенте и не в Шахристане. По составу глины похоже, что они были в районах горного Согда.

Хумы, нимхумы и хумчи с налепным орнаментом находят большие аналогии в керамике Уструшаны, чем в Согде. Следовательно, керамисты этого круга были связаны с уструшанской керамической школой. Хурма, нимхурма, хурмача, гулосак, майдаста, обдаста, обкуза находят аналогии не только в изделиях

Согда, но и Уструшаны. Керамисты горного Согда при формовке своих изделий подражали работе городских мастеров. Поэтому можно с уверенностью говорить, что гончарное ремесло горного Согда развивалось во взаимосвязи с керамическим ремеслом Согда, Уструшаны и других регионов Средней Азии.

Вместе с тем, керамика Гардани Хисор очень богатая и разнообразная по форме. Керамисты не только шли по стопам городских мастеров, но и сами создавали много нового. Особенно это заметно среди кувшинов и хурмача. Многие кувшины (обкуза и хурмача) не имеют аналогий в керамическом материале Средней Азии этого периода. Следовательно, керамисты горного Согда не только копировали изделия городских мастеров, но и сами создавали новые керамические формы. Существование лепной керамики горного Согда не является признаком отсталости керамического производства этих районов. Существование лепной керамики было связано с некачественной негодной глиной для использования ее на гончарном круге. Нехватка керамических изделий станкового производства, дороговизна и другие причины заставляли жителей этих районов изготовлять самим из местной грубой глины лепные сосуды. Это было дешевле для употребления в повседневной жизни. Таким образом, в раннесредневековом периоде керамическое ремесло было очень развито.

2. КУЗНЕЧНОЕ И ДРУГИЕ РЕМЕСЛА

Металлические находки из Гардани Хисор и Кума

В помещении 83 Гардани Хисор найдены предметы кузнечного производства: а) массивное зубило, длиной 14 см, округлое в сечении (диаметр 5 см). Верхняя площадка имеет шляпку для ударов кувалдой (рис. 9). Такое же зубило найдено в Пенджикенте (Распопова, 1980, с. 55, рис. 36, 14); б) зубило в виде лопаточки. Его всаживали в чурбак острием кверху. На нем кузнец молотком отрубал куски железа (рис. 46, 11). Оба вида зубил сохранились у современных таджикских кузнецов и называются калам (Ершов, 1966, рис. 37, 3, 4; 39, 3); в) кусок железного метеорита с рабочим отверстием, т. е. местом для вращения сверла или подобного инструмента (рис. 46, 7); г) два железных дискообразных предмета (рис. 48, 1, 3) диаметром 2 и 15 см. В центре одного из них сохранилась гвоздообразная ось высотой 1 см для крепления. Назначение этих предметов не совсем понятно. Если считать их умбонами, то они слишком тяжелые; д) железные ножницы с отломанными концами лезвий и кольцами ручек (рис. 48, 5) ножницы очень массивные, возможно, применялись для резания металлических изделий. В Куме найдены средние ножницы (рис. 49, 13); ж) железный наконечник-копье, который представляет собой втульчатый стержень длиной 20 см. Конец рабочей части отломан. Боевая часть копья четырехгранная, утончающаяся и заостряющаяся к концу. Длина сохранившейся боевой части 14 см, диаметр отверстия от ручки 2,5 см. Такие наконечники ко-

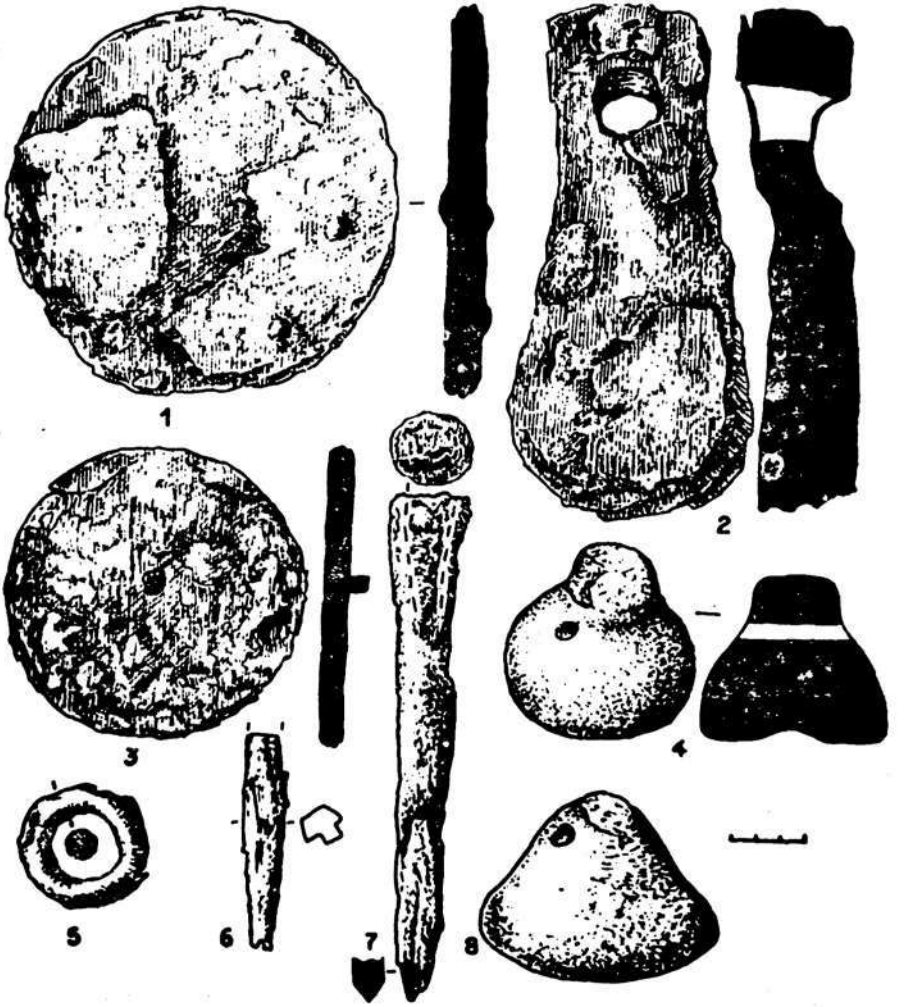


Рис. 48. Металлические предметы из Кума: *1, 3* — железные диски; 2 — железный каланд; *5* — железное кольцо; *7* — железный предмет, наконечник копья. Пряслица из помещения 83.

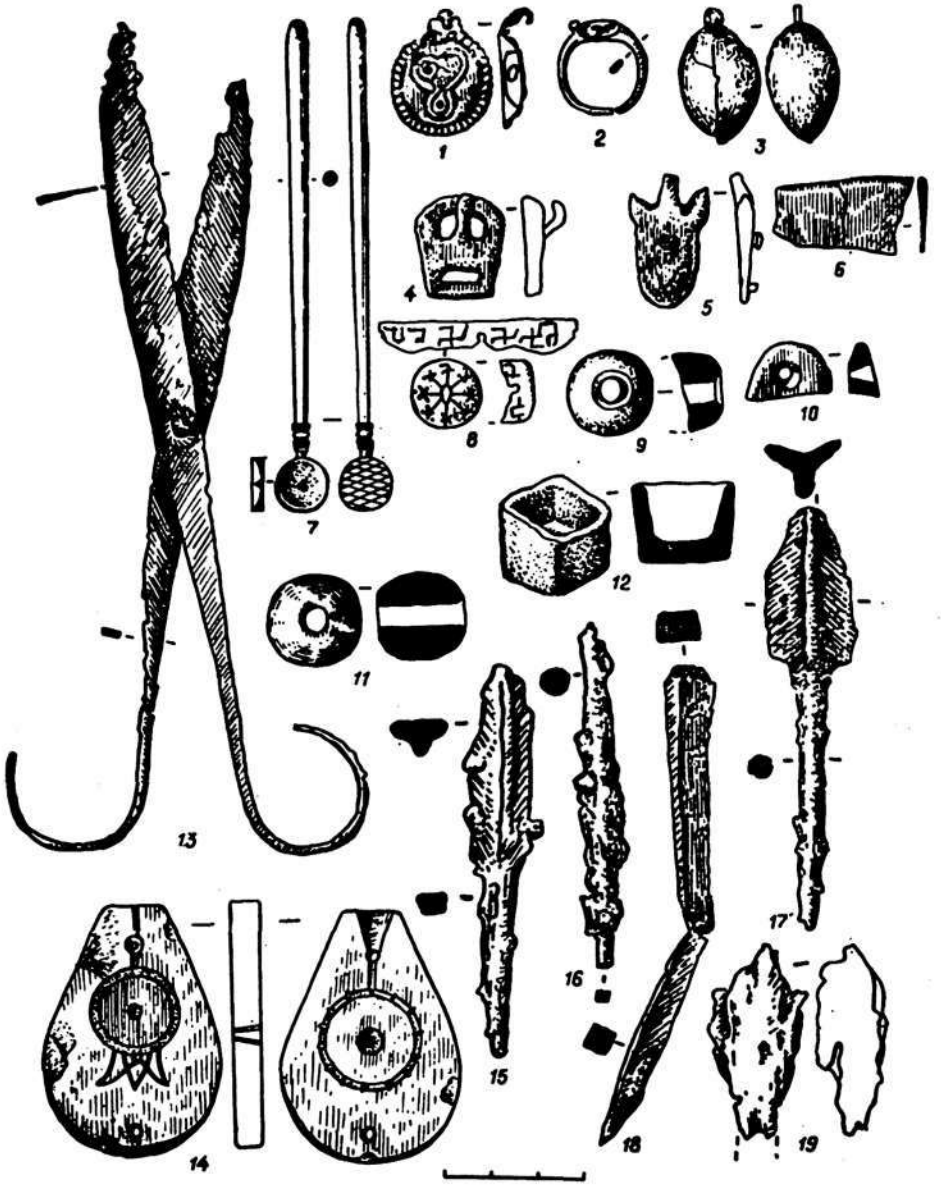


Рис. 49. Металлические предметы из Кума: *1, 4, 5* — пряжки; *2* — перстни; *8* — серьга; *8 — 9* — фрагмент медной чаши, бусы; *10* — каменные изделия; *11* — прясло; *12* — льячка; *13* — ножницы; *14* — матрица; *15, 16, 17, 19* — наконечники стрел; *18* — железный гвоздь

пий найдены в Пенджикенте (Распопова, 1980, с. 74, рис. 49, 10—11); з) кроме этих предметов найдены фрагментированные железные удила и фрагмент железной фигурной бляхи с бронзовым позолоченным украшением в виде цветка, с двумя ручками (рис. 46, 6, 16—17).

Несколько слов о помещении 83. Оно вместе с помещением 71 и 74 составляло дом № XXI. Помещение очень большое: 8×4—5 м. Кроме небольшого участка у западной стены, остальную часть комнаты занимала сплошная суфа. В суфе вкопаны четыре зернохранилища с ганчевой обмазкой. В районе западной стены имеется углубление. У юго-западной стенки суфы стояла каменная печь. Она была разрушена, по-видимому, во время похода арабов в 722 г. Второй очаг находился в восточной стене суфы. На полу были найдены железные шлаки. Очевидно, здесь находилась кузница-мастерская.

В помещении 68 Гардани Хисор найден железный каланд (рис. 48, 2), который по форме ничем не отличается от современных калапдов горных таджиков Дарваза (Ершов, 1966, рис. 12, 4). Рабочая часть его в результате коррозии расслоилась. Размеры: общая длина 20 см, максимальная ширина 9,5 см, минимальная 6 см, диаметр отверстия от черенка 2,5 см.

Доспаркол. В помещении 63 Гардани Хисор найдено два железных массивных доспаркола (рис. 46, 1—2). Слово «доспаркол» состоит из двух частей: дос — серп, паркол — рубящий, т. е. рубящий серп — специальный тяжелый серп, который заменяет теши и топорики. Им легко и быстро рубят небольшие деревья и ветки. Доспаркол до недавнего времени был в употреблении. Один сохранился хорошо (рис. 46, 1), имеет изогнутое лезвие. От деревянной ручки сохранился гвоздь. Размеры: длина 20,5 см, максимальная ширина 7,5 см.

2. От второго доспаркола остался небольшой фрагмент. Он, очевидно, был меньше, чем первый. На месте ручки сохранилось отверстие. Размеры: длина 11 см, ширина 4,5 см.

Серпы. Найдено три разноразмерных, но одинаковых по форме серпа Гардани Хисор. Один из них (рис. 46, 3) сохранился хорошо. Имеет изогнутое лезвие. На месте ручки остались следы от деревянной части и место крепления. Размеры: длина 21 см, ширина рабочей части 3,5 см. От второго серпа осталась часть лезвия, гвоздь и место крепления деревянной ручки (рис. 47, 4). Третий серп сохранился частично. Конец его отломан. Ручка прикреплена железным гвоздем. Такой же серп найден в Куме (рис. 50, 3). Размеры: длина 23 см, максимальная ширина 3 см, минимальная 1,5 см.

Место крепления ручки на серпах, их конструкции похожи на современные серпы горных таджиков Дарваза и Каратага (Ершов, 1966, рис. 12, 7—8). Они отличаются от современного серпа тем, что не имеют длинной изогнутой шейки. Аналогичные гардани-хисорские серпы найдены в Пенджикенте (Беленицкий и др., рис. 43; Распопова, там же, рис. 36, 16—18; 38, 1).

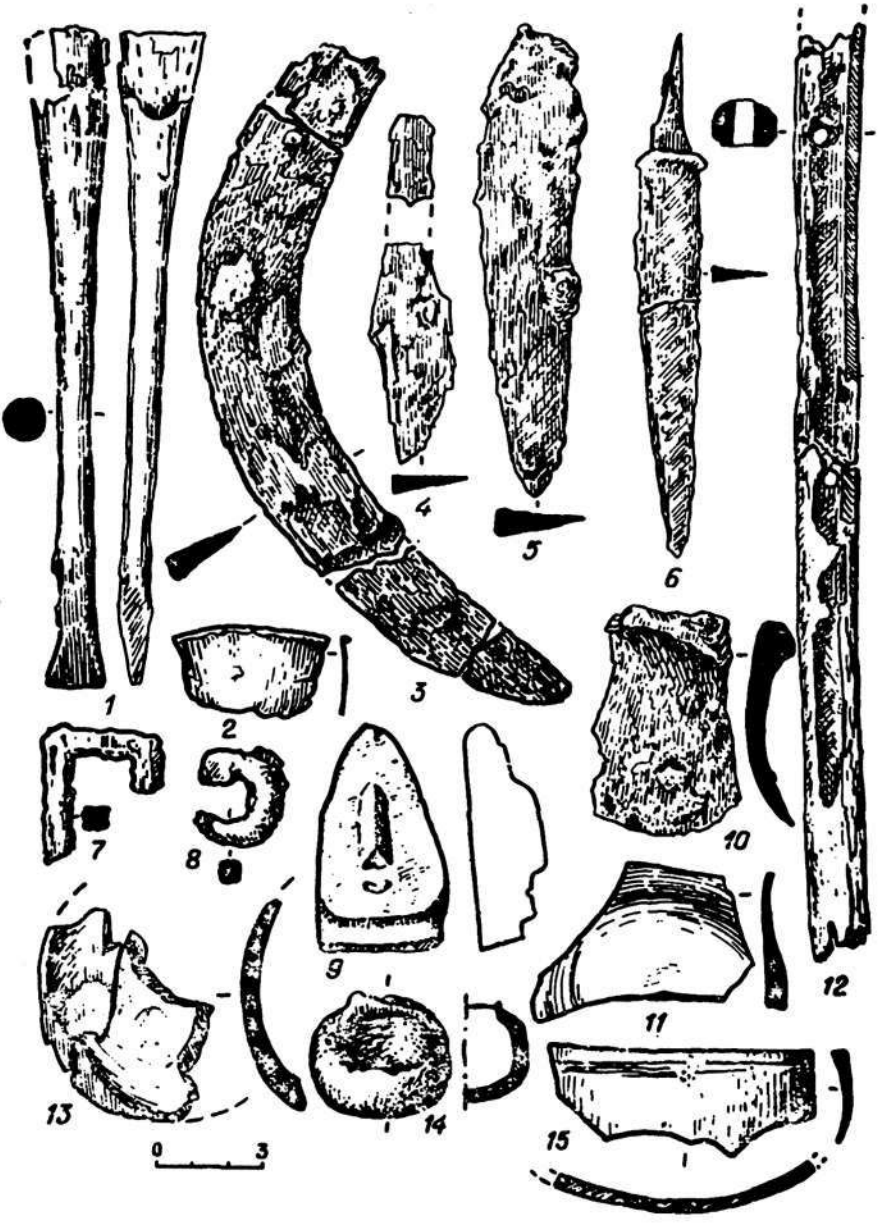


Рис. 50. Металличѐские предметы: *1* — долото; *2* — фрагмент железной чаши; *3* — серп; *4 — 6* — ножи; *7 — 8*, *10* — железные изделия; *9* — головка алебастрового идола; *12* — гриф; *13* — фрагмент деревянной ложки; *14* — льячка; *15* — фрагмент венчика от медной косы.

Ножи. В Гардани Хисор и Куме найдено восемь ножей: три с изогнутыми (рис. 46, 10, 12, 14; рис. 46, 5), пять с прямым лезвием, среди них один целый. Размеры: общая длина 14,5 см, длина черенка 3,5 см. На черенке сохранились остатки от деревянной ручки. Черенок пластинчатый, от лезвия утоньшается к концу (3 мм до 1 мм). Максимальная ширина лезвия 1,8 см. Ножи разноразмерные (рис. 46, 10—15, рис. 50, 4—6). Оба вида ножей были распространены в Согде и других районах Средней Азии. Аналогичные ножи в большом количестве найдены в Пенджикенте (Распопова, 1980, с. 63—64, рис. 40, 41), в Кайрагаче (Брыкина, 1982, р. 37), в Шахристане (Негматов и др., 1966, табл. XX, 1, 2, 7) и др.

В Куме найдено целое долото. Рабочая часть острая, лопатообразная. Место ручки втульчатое, диаметром 2 см. Размеры: длина 18 см, максимальный диаметр 2 см, минимальный 1 см (рис. 50, 1). Долото аналогий не имеет.

Наконечники стрел. Три железных наконечника стрел найдены в Гардани Хисор (рис. 47, 9, 10, 12)и четыре в Куме (рис. 49, 15, 16, 17, 19). Три из них (рис. 47, 9; рис. 49, 15, 17) трехлопастные. Гарданихисорский трехлопастный сохранился с отломанным черенком. Длина боевой части 4 см. В Куме найден целый трехлопастный наконечник (рис. 49, 17). Размеры: длина боевой части 3,5 см, длина черенка 5, 7см. Другой наконечник (рис. 49, 15) тоже хорошо сохранился. Однако у него не такие широкие перья, как у двух вышеописанных. Его размеры: длина боевой части 5 см, длина черенка 4,5 см.

В Гардани Хисор найден один хорошо сохранившийся трехгранный бипирамидальный наконечник стрелы (рис. 47, 10). Размеры: длина боевой части 4 см, длина черенка 3,5 см. К этому типу очевидно, относится плохо сохранившийся наконечник стрелы из Кума (рис. 47, 19).

Трехгранный наконечник стрелы (рис. 47, 12) из Гардани Хисор относится к третьему виду. Черенок отломан, длина боевой части 4 см. Все наконечники стрел находят аналогии в Пенджикентском материале (Распопова, 1980, с. 68—69, рис. 44/46).

Ювелирные изделия. В помещении 68 Гардани Хисор найдена льячка (рис. 47, 13), изготовленная из огнеупорной глины от руки. В стенках два сквозных отверстия, диаметром 3 мм. Размеры ее: высота 2 см, диаметр устья 2,8 см, глубина 2,5 см. Льячка предназначена для плавки золота, серебра, других драгоценных металлов и отливки ювелирных изделий. Однако она не была использована: на ее стенках не сохранились никакие следы от металлических окислов и огня.

Льячка другой формы (рис. 49, 12) найдена в помещении 14 в Куме, но она тоже не была в производстве. Тем не менее в Куме найдены две вещи ювелирного дела, которые свидетельствуют о ювелирном производстве. Это каменная матрица из помещения 1 дома № 1 (рис. 50, 14). Она имеет грушевидную форму, с хорошо отшлифованной поверхностью. Матрица двухсторонняя,

т. е. она является средней частью колыба. Ее лицевые стороны не найдены. На одной стороне кольца серьги сделаны 14 насечек. На другой — высечена серьга в виде формы граната. Диаметр серьги: серьги с насечками — 2 см, толщина кольца — 1,5 см, диаметр гранатообразной серьги — 1,8 см, толщина кольца — 1,0 мм. Форма служила для отливания серег.

Другой предмет — это бронзовая ювелирная ложечка (рис. 49, 7). С обратной стороны выполняла роль напильника. Размеры: длина ручки — 9,5 см, диаметр рабочей части — 5 мм. Аналогичные ложечки найдены в Пенджикенте. Они названы «стили» и, по мнению В. И. Распоповой, служили для стирания написанного (Распопова, с. 129, рис. 86, 5—7). Эти два предмета и льячки из Гардани Хисор и Кума свидетельствуют о том, что здесь были местные ювелиры.

В Куме найдена грушевидная медная серьга (рис. 49, 3). Такая серьга изображена на многих персонажах настенных росписей древнего Пенджикента (Беленицкий, 1958, рис. 48).

В помещении 80 Гардани Хисор найден бронзовый перстень с гнездом (рис. 47, 5). На щитке имеются четыре зубчика для удерживания камня. С четырех сторон щитка имеются выступы с насечками.

Из помещения 72 происходит половина бронзового бубенчика —зангул (рис. 47, 6). Бубенчик литой в. форме, имеет ушко с отверстием. Такие бубенчики найдены в Пенджикенте (Распопова, 1980, с. 119, рис. 78, 12—14).

Среди находок Кума имеется два фрагмента венчика бронзы от кубковидных чаш (рис. 50, 15).

Кроме того, в Гардани Хисор и Куме имеются детские и взрослые браслеты, пряжки, перстень из бронзы, очень возможно, производства местных мастеров.

Очень интересная сердоликовая бусина найдена в помещений 24 дворца Кума. Она имела цилиндрическую форму. Нижняя часть отломана, на верхней нарисован круг (солнце) и восемь отходящих от него линий в виде лучей, на концах которых имеются крестики, изображающие звезды. По бокам выбиты четыре солярных знака в виде свастики и две буквы(?). Размеры: диаметр 1,5 см, высота 0,5—06 см. В центре имеется сквозное отверстие шириной 0,1 см.

Такая же бусинка происходит из Гардани Хисор (рис. 47, 2). На ней аналогичной техникой, т. е. белым кристаллом, нанесен растительный орнамент. Эти бусинки, конечно, привозные, но они изготовлены и орнаментированы в духе «национальной» религии иранцев, т. е. согдийцев.

В помещении 35а Гардани Хисор найден фрагмент бронзового зеркала (рис. 47, 7).

Стеклянные изделия. В помещении 52 найден фрагмент стекла с оттиском изображения бородатого человека. Глаза выпуклые, брови длинные, отогнутые, нос большой, прямой. На лбу имеется выпуклый медальон, возможно, от головного убора. Рот помят при оттиске (рис. 47, 8).

В Пенджикенте найден целый стеклянный флакон. Он небольшой, тулово его яйцеобразное, с уплощенным к середине вогнутым дном. Горлышко невысокое, несимметричное, слегка расширяющееся кверху. Флакон украшен налепным орнаментом. На двух противоположных сторонах тулова в арочке из плоской полосы стекла помещены медальоны, сделанные оттиском штампа. На каждом изображено человеческое лицо: глаза удлиненные, нижняя часть лица, рот и борода нечетко оттиснуты штампом, на лбу диадема в виде двух рядов перлов (Беленицкий и др., 1973, с. 66—67, рис. 37). Возможно, гарданихисорское изображение было на аналогичном флаконе. В этих флаконах, вероятно, держали парфюмерию и лекарство.

В помещении 75 найдено дно стеклянного графина. На обратной стороне имеются следы откола понтии (и спиралеобразные рельефные изображения). Диаметр дна — 9,5 см. Такое же дно от графина найдено в Куме.

Монеты. В Гардани Хисор было найдено пять медных монет: одна — согдийского царя Тархуна, другая — царя Согда Гурека, две — царицы Панча Наны и одна — царя (Саточари или Раханч) Уструшаны (Смирнова, 1963, № 8, 144, 163; Давутов, 1980, с. 58—60).

В Куме, в пощении 12, имеются данные о кузнечном деле. Помещение в плане квадратное (6×5,9 м). В нем два периода жизни. В первом периоде здесь была кузнечная мастерская. Вдоль восточной, южной и западной стен помещения идет суфа. В северо-восточном углу суфа на 10 см шире и выше. Здесь прямо в суфу вкопан хум венчиком вниз. В хуме имеется отверстие, которое, очевидно, служило поддувалом. Перед поддувалом, в напольном слое, найдено много фрагментов железного шлака (Якубов, 1983, с. 158, рис. 1).

На расстоянии 1,5 и 2,6 м от северной стены в суфе имеются две ямы, стенки которых обмазаны толстым слоем водонепроницаемой глины. На дне ямы тщательно уложены каменные плиты. Очевидно, в них была вода для закаливания металлических предметов. К западу от второй ямы имеется еще одно прямоугольное углубление с остатками железного шлака, древесного угля и золы. Аналогичная яма была обнаружена в юго-восточном углу суфы. В ней также были железный шлак, угли и зола. Кроме того еще один очаг был пристроен к северо-западному концу западной суфы и один большой — между северными колоннами. На полу восточной части вдоль суфы найдены и собраны более 150 кг кусков кричного железа. Все эти данные свидетельствуют о том, что здесь была крупная мастерская, где из железных криц изготовляли разные изделия, в том числе оружие.

Выход из помещения 8 этого дома на оборонительную стену наводит на мысль, что в военные дни изготовленное здесь оружие сразу применялось при обороне поселения.

Возможно, в первом периоде в этом доме была только кузнечная мастерская, и помещение 8 служило своего рода складом. Такие мастерские с аналогичным материалом найдены в Пенд-

жиценте В. И. Распоповой на объекте XVI (Распопова, 1980, с. 13—30, рис. 5, 9).

Все эти данные свидетельствуют о том, что в Гардани Хисор, Куме и других крупных населенных пунктах горного Согда были кузнечные мастерские, где изготовляли различные хозяйственные бытовые предметы. Мы уже касались данного вопроса (Якубов, 1969, с. 93—95), но у нас тогда не было фактического материала. Наши суждения основывались только на данных письменных источников.

В 1980 г. вышла работа В. И. Распоповой «Металлические изделия раннесредневекового Согда». В ней собраны все металлические находки из раскопанных поселений Согда. В Пенджикенте найдено много кузнечных мастерских, помещений с кузнечными предметами. На наш взгляд, она правильно отмечает, что металлические находки Пенджикента в основном изготовлены местными мастерами (Распопова, 1980, с. 112). Эти мнения подтверждают письменные источники и обнаруженные геологами и археологами места древних выработок в горном Согде.

В мугских документах специально не говорится об изготовлении того или иного вида оружия или орудия труда в селениях Верхнего Зеравшана. Однако в некоторых документах отмечается вывоз металлических изделий из селений древнего Паргара. Так, например, в документе Б-4 сообщается, что «писавшим было получено в селении Евшишт в числе других предметов 4 шлема» (Лившиц, 1962, с. 183). В другом документе, Б-3, говорится, что из Евшишта принесли 11 конских доспехов и другие предметы военного снаряжения и один металлический котел (там же, с. 155).

В обоих документах упоминается одно селение Евшишт (совр. Вешист), из которого привезли военное снаряжение. Вряд ли это случайность. Учитывая тот факт, что, как правило, по сведениям мугских документов, места вывоза тех или иных предметов совпадают с местами их производства, можно предполагать, что изделия, вывезенные из Евшишта, изготовлены там же. Это тем более вероятно, что источники сырья для этого находились неподалеку. Селение Вешист расположено недалеко от места древних выработок, в районе Кштута и Ери. Еще в 1897 г. в районе Ери неким пастухом было найдено бронзовое кайло, которое ныне находится в Самаркандском музее.

В начале 30-х годов геологами около селения Яка-хона по реке Артуч были найдены следы древних железных плавок (Иванова, 1932, с. 183). Геолог Т. И. Иванов, обследуя район современного Кштута, пишет, что территория « к западу и к югу от Кштута представляет большой интерес. По саю Конинукра встречены старые выработки очень неправильной формы... Медное орудие встречено на востоке от первого в виде довольно большой площади окремненных сланцев, пропитанных медной зеленью и синью. На поверхности остались следы работ в виде засыпанных ям» (там же, с. 183).

В 1959 г. Б. Я. Ставиский в верхнем течении р. Сор в Магна-

не обнаружил древние железные выработки (Ставиский, 1959, с. 101).

В 1963 г. группа ТАЭ (нач. группы М. А. Бубнова) обследовала район Кштута и установила, что в этом районе имеются (более чем в 56 местах) древние выработки (материал не опубликован).

Места медных выработок обнаружены нами в 1975 г. в районе селения Реват. По керамическим материалам они датируются VII—VIII вв.

Письменные данные, с одной стороны, и современные геологические и археологические исследования в районе древних выработок, которые обнаружены в окрестностях и в местах, лежащих недалеко от селения Вешист, говорят в пользу того, что это селение уже в VIII в. могло быть одним из центров кузнечного дела. В документе Б-12 сообщается, что в месяц Хурешанич день фрават-роч некий Вакачиан в селении Заравадк у Сардума взял пять конских доспехов и 250 стрел составных и 150 седел (Лившиц, 1968, с. 155). Возможно, что Сардум — это имя мастера-кузнеца, у которого брали готовую продукцию. В документе Б-19 заравадский арспан пишет фрамандару, что он (араган) послал одну кольчугу и одно седло (там же, с 152), а в документе Б-18 сообщает, что послал руδmz (какие-то предметы снаряжения), а также конские доспехи (там же, 164).

Из документов Б-12, Б-18 и Б-19 вытекает, что заравадский арспан неоднократно посылал фрамандару седла, доспехи, стрелы и другие предметы военного назначения. Если все это было изготовлено в Заравадке, то, видимо, там были специальные мастерские или хотя бы отдельные мастера-кузнецы.

К сожалению, мы не имеем сведений о том, где производились медь, железо, серебро и другие металлы, поэтому трудно судить об устройстве и системе работы кузнецов-ремесленников этого времени. Однако, мы можем предполагать, что существовало какое-то разделение труда или специализация между ремесленниками. Очевидно, были такие мастерские, где изготовляли котлы, шлемы, кольчуги и др., но о них мы ничего не знаем. В мугских документах не упоминается о добыче металлов на территории верхнего Зеравшана в VIII в. Китайские источники (IV—VI вв.) сообщают, что к востоку от владения Ми-ми в горах добывают золото (Бичурин, 11, с. 271; Массон, 1934, с. 49).

Ал-Белазури пишет, что арабы во время завоевания Буттамона захватили много золотых идолов (Белазури, с. 417). Автор Худуд-ал-алам сообщает, что в Буттамане в горах много нашатыря (Худуд-ал-алам, с. 46). Истахри говорит, что в рудниках Буттамана добывают золото, серебро, железный купорос и нашатырь (Истахри, с. 33—34). Бируни сообщает, что в Буттамане кроме нашатыря добывают купорос, ртуть, железо, медь, свинец, иляхскую бирюзу, серебро и золото (Бируни, 1963, с. 180).

Кроме того, как мы отмечали выше, и геологические, и археологические исследования показали, что в районе средневекового

Буттамана — по Кштут-дарье, Фан-Дарье, в районах селений Ери, Урмитан и др. местах имеются железо, ртуть, серебро, медь, свинец и др .

Сведения письменных источников VIII—XII вв., с одной стороны, обнаруженные древние выработки, с другой, и многочисленные археологические предметы из железа, бронзы, меди, серебра и других металлов в этом районе позволяют предполагать, что обработка железа, золота, серебра, меди, нашатыря и других полезных ископаемых была известна буттаманцам с древнейших времен. Очевидно, эти металлы добывались и в интересующий нас период (V—VIII вв.), и кузнецы, ювелиры горного Согда из них изготовляли самые разнообразные изделия.

ГЛАВА VII

СОЦИАЛЬНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ

Материалы, полученные из раскопок Гардани Хисор, Кума и других памятников сельских поселений этого района, в сочетании с мугскими документами являются важным источником для социальной реконструкции согдийского общества, в том числе семьи, общины, социального состава и строя.

1. **Семья.** Одним из малоизученных вопросов истории раннесредневекового периода Согда является согдийская семья. В отличие от Хорезма для Согда этим вопросом до сих пор никто не занимался. Однако попутно его касались многие исследователи истории народов Средней Азии. В. В. Бартольд, анализируя слово «кет» (кад), писал, что оно означает «дом», но в более широком смысле, чем хона. В понятие «кад», кроме собственного жилища главы дома, входили отдельные жилища его сыновей и других родственников, хозяйственные постройки, которые находились внутри одной общей ограды. Отсюда кадивари — обитатели када и кадхудод — глава дома, када (Бартольд, соч. II, ч. I, 1969, с. 209).

А. И. Васильев, связывая термин «кад» с мугскими документами, писал, что в согдийском каде жила большая патриархальная семья, которая состояла из ближайших родственников — матери, отца, жены, детей, «близких», «родственников вообще» (домочадцев), сыновей и «зависимых», или «клиенты», «учителей» (9), рабов, рабынь, слуг. По мнению А. И. Васильева, первоначально всеми этими группами управлял «совет семьи», а затем власть перешла в руки «главы семьи», т. е. «кадхудота» (Васильев, 1936, с. 6—7).

С. П. Толстов, на основе сообщения Наршахи о кашкашонах, пришел к выводу, что в каде, «помимо патриархального главы дома — кедхуда» и его близких и отдаленных родственников, жили также адаптированные в «кед» на правах неравноправных его членов, обозначаемых Наршахи термином «кедивар», и рабы (Толстов, 1948, с. 151). Поэтому были сделаны выводы о существовании патриархальной семьи доарабского периода (Толстов, 1948, с. 151; Якубовский, 1951, с. 174).

По мнению М. М. Дьяконова, слово «кадхудод» первоначально означало главу семьи, а потом семейной общины, и домовладельца (Дьяконов, 1961, с. 282).

Как видно из вышеприведенного, исследователи применяли термин в основном «кадхудод» к главе дома и рода. Но слово «кат(д)» означает не только дом, но и селение (Шашкад, Хушакад, Шавкад), город (Пенджикент — Бинокат, Уштуркат) и др. Поэтому «кадхудод» означало не только главу дома, семьи, но и селения, и в мугских документах оно переведено как «сельский староста» (Лившиц, 1962, с. 176).

Таким образом, на основе терминов «кад», «кадхудод» нельзя говорить ни о большом и малом доме, ни о большой и малой семье.

Большое значение для решения вопроса о согдийской семье имеют материалы из раскопок Пенджикента и его округи, Гардани Хисора и Кума.

Б. Я. Ставиский, изучая склепы древнего Пенджикента, пришел к выводу, что наусы являются усыпальницами малых семей (Ставиский, 1954, с. 14). Раскопки пригорода Пенджикента также показывают, что дома рассчитаны на малые семьи (Большаков, Негматов, 1958, с. 157—192; Мандельштам, 1964, с. 68; Неразик, 1976, с. 223).

Раскопки на поселениях Гардани Хисор и Кум показывают, что в это время в селениях горного Согда крестьяне жили небольшими семьями. В некоторых случаях четко прослеживается перепланировка помещений с целью изоляции части дома для удобства проживания двух семей (см. дома VI—VII, V, XXII) (Якубов, 1976, с. 51, см. гл. III). Что касается отдельно стоящих усадеб типа замка на горе Муг, Нафин, Калаи Филмандар и других памятников первой группы, то надо согласиться с общепринятым мнением (Гафуров, 1972, с. 299), что в них жила большая патриархальная семья: малой семье не по плечу построить такие мощные здания на труднодоступных безводных местах. Кроме того, крупной семье легче защищаться от неожиданных нападений врагов.

С. К. Кабанов, раскопавший третью часть холма (25×25 м) Таштепе в Кашкадарье, пишет, что там жило 50 чел., и здание являлось жилищем большой патриархальной семьи (Кабанов, 1966, с. 60; 1977, с. 110). Однако, поскольку поселение полностью не раскопано, его помещения сохранились фрагментарно, а некоторые из них не имеют дверного проема, пока еще нет достаточных оснований говорить о большой патриархальной семье Таштепе. В то же время С. К. Кабанов признает, что в поселениях типа Культепа, Айтугдытепа и Пишактепа (которые по структуре, очевидно, напоминали Гардани Хисор) крестьяне жили малыми семьями, так как при замках не было условий для их существования (Кабанов, 1977, с. 104).

Надо отметить, что С. К. Кабанов много лет занимается изучением разных памятников древнего и средневекового Нахшеба — Согда. Он много сделал для истории этого района, при помощи небольших раскопок, шурфовок и разведок составил археологическую карту, установил типологическую и хронологическую шкалу его памятников. Но для того, чтобы говорить о социальном

строе и тем более о сельской и городской семье, надо полностью раскопать хотя бы один хорошо сохранившийся памятник. Такого материала ни по городу, ни по сельскому поселению у С. К. Кабанова нет.

А. М. Беленицкий, изучая городские дома древнего Пенджикента, пишет, что они рассчитаны на одну семью (Беленицкий, 1973, с. 47). И совершенно правильно замечает Е. Е. Неразик, что односемейный дом может быть жилищем большой семьи (Неразик, 1976, с. 223).

О. Г. Большаков выделил в Пенджикенте четыре социальные категории домов. Дома дихканов, площадью 700—800 м², где кроме основных семей жило 6 слуг, 10—15 чакиров (всего 25—30 человек); в домах богатых, площадью 300—500 м², вместе со слугами — 12 человек, в домах зажиточных — по 9 человек, в бедных, площадью 60—100 м², — по 6 человек (Большаков, 1973, с. 259—260). В литературе по поводу неточности этого метода высказывалось сомнение, хотя и без специального разбора его (Неразик, 1976, с. 223).

Мы отметили выше, что В. Л. Воронина преувеличивала площадь пенджикентских богатых домов, такие же претензии можно предъявить к О. Г. Большакову. К тому же большая площадь не может быть критерием для суждения о количестве людей, семьи в данном доме. Можно говорить о состоятельности хозяина, но не о количестве людей. Приведу в качестве аналогии однокомнатный дом Х. Бобоева в к. Мадм, площадь которого составляет 26 м², а количество жителей — 12. Может быть и наоборот: площадь большая, а семья маленькая.

Площади городских домов, как богатых, так и бедных горожан, были больше, чем сельские. Судя по материалам древнего Пенджикента, самый маленький городской дом имел площадь 60 м². Это больше, чем современная пятикомнатная квартира. Однако дома здесь стояли плотно друг к другу, под одной крышей, вытянувшись вдоль улицы. Отсутствовали дворы и придомные сады, что свидетельствует о нехватке жилой площади в городе. Города были густонаселенными.

Для изучения согдийской семьи важное значение имеет брачный договор мугского архива, прочитанный и прокомментированный В. А. Лившицем. Исследователь справедливо отмечает, что в Согде до ислама существовала полигамия — многоженство, так как было три формы брака — с полноправной, подопечной и побочной женами, как в сасанидском Иране (Пигулевская, 1956, с. 181; Лившиц, 1962, с. 30; Переханян, 1973, с. 10—19). Справедливо отмечено, что многоженство, как и в последующем мусульманском периоде, было развито только среди богатых людей (Лившиц, 1962, с. 30; Кисляков, 1959, с. 43). Если учесть существование многоженства в этом периоде, то можно предполагать, что богатые согдийцы имели много детей, и, естественно, такие семьи жили в больших многокомнатных домах. Но их нельзя назвать большой патриархальной семьей. Не исключена возможность, что богатые пенджикентцы имели несколько жен. На-

до отметить, что жениться второй или третий раз было не так легко. Для этого нужно было согласие главной полноправной жены. Судя по брачному договору, получить согласие полноправной жены было нелегко. Даже в случае измены или любовной связи муж платил большой штраф — 30 драхм. Если учесть, что бык стоил 6—7 драхм, то 30 драхм было большой суммой, и не всем по плечу было платить такой штраф. Включение такого штрафа в обязательства жениха перед богом Митрой и присутствующими и обещание, что жених не продаст жену ни долговой рабыней, ни пленной (Лившиц, 1962, с. 25), показывают, что власть или обычай официально затрудняли многоженство.

На основе сообщения мугского документа (договора о продаже земельного участка) В. А. Лившиц предполагает возможность существования в VII—VIII вв. большой патриархальной семьи в Согде (Лившиц, 1962, с. 46). Действительно, в договоре о продаже земли участвуют по два брата с каждой стороны; это наводит на мысль, что главы семей (отцы) уже не были живы. В договоре братья Махач и Хшумвандак покупают землю для семейного кладбища, или науса. Эти данные, особенно участие братьев, наводят на мысль о существовании большой патриархальной семьи. Но можно предположить и другое: наусы могли быть семейные и родовые, т. е. для большой патриархальной семьи или рода. Судя по этнографическим материалам, до сих пор в кишлаках Дарваза на общем кладбище каждая семья имеет семейно-родовой участок, который ревностно оберегается от захоронения на нем представителей других родов — каумов, овлодов (Писарчик, 1976, с. 141). Такой обычай мы наблюдали и в других районах Куляба и Зеравшана. Нам кажется, что токкалинские наусы были связаны с родовыми наусами (Гудкова, Лившиц, 1967, с. 14).

Участие двух братьев в продаже земли может быть связано с общностью земли семейной общины. Судя по этнографическим данным, собранным нами в кишлаке Мадм, после смерти главы семьи — отца — семья размельчалась, но земля была неделима. 70-летний старик Рахмонов Х. из кишлака Мадм рассказывал, что «от отца осталось два сына — я, Хакназар и Бадал. Мы, особенно наши жены, не поладили между собой и разделили дом и имущество отца на две равные части. Землю мы делить не стали, так как ее уже было не так много. У нас не хватало и рабочего скота. У отца было два быка и мы поделили их между собой, поэтому для обработки земли и сбора урожая мы с братом объединялись.» Так делали и другие малоземельные люди дореволюционного Паргара. Урожай делили между собой, причем учитывалось количество рабочей силы с каждой стороны.

По этнографическим данным, в Ванче земля всегда была неделима даже в случае размельчения семьи (Кисляков, 1951, с. 34). Совместная обработка земли, связанная с рабочим скотом, называется алгоу. Алгов-супряга бывает и между двумя неродственными людьми сельской общины, у которых имеется по одному быку (Дынин, 1914, с. 44; Неменова, 1966, с. 66; Рассудова,

1971, с. 277). Поэтому не исключено, что в купле и продаже (документ В-8 из замка Абаргар) с обеих сторон участвуют представители двух семей. Но не исключена возможность, что братья жили вместе еще в период составления документа.

В документе В-4 договора об аренде мельниц говорится, что в случае нарушения договора и полной или частичной неуплаты за аренду перед законом будут ответственны не только арендатор и его сыновья, но и весь его род (Лившиц, 1962, с. 57). Эти данные свидетельствуют о том, что среди согдийцев существовали пережитки родового строя, круговой поруки, т. е. коллективной ответственности рода или сельской общины за поступки своих членов. Пережитки этого обычая среди народов Средней Азии дошли до нас. Например, крупные растраты зав. фермами, старших чабанов, бухгалтеров и завмагов возмещают их родственники, а иногда целый кишлак. Сохранился и такой обычай, который называется осол — помощь. Осол собирают менее состоятельные семьи для свадеб своих сыновей у родственников. Родственники помогают друг другу материально во время несчастных случаев (Кисляков, 1936, с. 23). Такая взаимопомощь отмечена среди таджиков горных районов современного Афганистана (Давыдов, 1976, с. 85). Однако несмотря на вышеперечисленные обычаи, внутри рода существовали малые семьи, которые вели самостоятельную жизнь (там же, с. 26).

Вообще, говоря о большой или малой семье, надо учесть то обстоятельство, что при жизни главы семьи его сыновья и после того, как женятся, остаются с женами и детьми в доме родителей. После смерти родителей семья расчленяется. Но малая семья со временем может стать большой и снова распасться на малые (Бежанова, 1959, с. 24—26; Давыдов, 1976, с. 26). Что касается жителей домов Гардани Хисор и Кума, то они жили малыми семьями.

Судя по этнографическим данным, в XIX в. среди афганцев племени Гельзаев «земля еще считалась общей собственностью семьи в лице ее главы. Однако обработка земли велась отдельными семьями, и земля (пахотная) находилась в пользовании таких семей. Во всяком случае малые семьи, входившие в состав большой патриархальной семьи, имели отдельные очаги и отдельные жилища» (Рейснер, с. 133, 134).

Секционные дома, подобные открытым в Гардани Хисор и Куме, раскопаны в Яккапарсане, Тешикале. Здесь, как и в Гардани Хисор, в каждой секции имеется жилое помещение, очаги для приготовления пищи и закрома. Это свидетельствует о существовании небольших семей, которые тоже вели хозяйственно-самостоятельную жизнь не только в потребительском отношении, но и в производительном тоже. Из вышеизложенного становится очевидным, что в домусульманском Согде существовали и большие патриархальные семьи в домах-усадьбах первого типа, и богатые малые семьи в домах типа Гардани Хисор и Кум. Очевидно, сходные с Согдом семьи были и в других областях Средней Азии.

Е. Е. Неразик считает, что «планировка замка Яккапарсан отражает сложную секционную структуру населявшего его коллектива. В нем имеется донжон с обширными, высокими, функционально различавшимися помещениями (для правителя — Ю. Я.); многочисленные жилые трехкомнатные секции в западной части; менее комфортабельные двухкомнатные секции — в северной; многокомнатный дом с коридором посередине — в восточной; маленькие комнатушки за крепостной стеной замка. В последних жила наименее привилегированная часть обитателей замка» (Неразик, 1978, с. 19—20). По мнению Е. Е. Неразик, в яккапарсанских домах, возможно, жили «отдельные сыновья правителя замка (?) или его жены (полигамия — явление, установленное для рассматриваемого времени)? Может быть, члены дружины — чакиры?» (там же, с. 20). В Яккапарсане и подобных ему замках этого периода Хорезма отражены существовавшие в эпоху раннего средневековья обширные родственные коллективы, которые мы склонны рассматривать как агнатические группы» (там же, с. 20; ее же, 1976, с. 220—221).

Какие категории людей жили в секционных домах Гардани Хисор и подобных ему памятниках? В письменных источниках нет данных по этому вопросу, а на основе археологического материала говорить об определенных социальных категориях невозможно. Основанием для деления на социальные слои жителей замков, усадеб служит сообщение Наршахи о кашкашонах, кедиварах и чакирах, т. е. во дворце жил правитель, члены его семейства, домашние слуги. На поселении или при замке-дворце жили кедивары — крестьяне, точнее, жители кеда — селения, среди них могли жить чакиры и родственники правителя. Но выделить дома, где могли жить родственники правителя, чакиры или крестьяне, невозможно. Раскопки древнего Пенджикента показывают, что население кварталов города по своему социальному составу было разнородное (Беленицкий, 1973, с. 25). Так было и в Гардани Хисор, и в других сельских поселениях Средней Азии.

Юридические документы V—VIII вв. Ирана и Согда показывают, что существовали большие (особенно среди богатых людей), средние и малые семьи. Малая семья преобладала, и к ней относятся бедные слои общества. Большая богатая семья состояла из многочисленных членов семьи во главе с ее отцом. Его первая жена считалась катбану и была главой дома. Наряду с главной женой от полноправного брака были и другие жены как равноправного, так и неравноправного брака. Права, как и доля наследства детей, зависели от того, в каком браке состояла их мать с отцом. Права и доля сына в семье были больше, чем дочери. Наследником являлся (по традиции) старший сын. Отец считался главой семьи. Его власть в семье была неограничена. В Согде, как и в Иране, глава семьи — катхудат — мог продать в рабство типа bntk—yh жену, в том числе и полноправную, главную жену, заплатив за это ее опекуну штраф в 100 драхм. Владыка дома (kty'k'r) мог продать в рабство и других членов своей семьи (Лившиц, 1962, с. 36).

2. Сельская община. Проблема изучения сельской общины древнего и средневекового периода в среднеазиатской исторической науке не разрабатывалась, хотя многие ученые упоминают о существовании сельской общины в древности и раннем средневековье (Якубовский, 1955, с. 18; Мандельштам, 1964, с. 58). Причиной неизученности этой важной проблемы является отсутствие достаточных данных письменных источников, хотя имеются этнографические свидетельства о том, что среди народов Средней Азии сохранились многие элементы общинного общества (Кисляков, 1936; Сухарева, 1976).

Теперь посмотрим, что нам дают мугские документы для суждения о сельской общине домусульманского Согда. В согдийских документах из замка Муг имеются данные о подати, или налогах, которые платило каждое селение государству, т. е. селение было податной единицей. Например, в документах Б-10 и Б-2 сообщается о том, что из селения Хишкат привезли ячмень и вино, из Фатьмева — пшеницу. В документах Б-13 и Б-15 сообщается о доставке фруктов и зерна из селения Искодар. Подробные данные мугских документов по этому вопросу приведены в работе «Паргар в VII—VIII вв.» и нет необходимости их повторять (Якубов, 1969). Подати, или налоги, собирали уполномоченные люди правителя Панча—Деваштича—из каждого селения. По-видимому, в селении собирал налог катхудод — староста (kty'βsyws), глава общины. Общины, как единое целое, выплачивали подати, или налоги, разными видами продуктов или продукции: ячменем, пшеницей, вином, скотом и т. п. Платили пошлину за пользование мостами (документ А-13), которые были построены на средства государства.

В документе Б-6 говорится: «из даргаутской (общины)—Анчандак, Гон и Хартак; из фатмаутской (общины) —Анутч и Фрихошак; из пахутской (общины)—Параз и Кажвицарт, из варзской (общины) — Wzγwβ'n и W'δy'n (Лившиц, 1962, с. 149). Из этого вытекает, что группы сельских жителей насильно, принудительно направлялись на повинные работы — барщину, переносили или перевозили груз и перегоняли скот (документ Б-11) для правителя (Якубов, 1969, с. 264—265). На основе изучения мугских документов (особенно документа Б-6) О. И. Смирнова пришла также к выводу, что земледельческая община была преобладающей (Смирнова, 1970, с. 95). Исследователи согдийских документов считают, что слова «наф» и «п'β» означают не только народ, людей, страну, но и общину (Лившиц, 1962, с. 34—37); Смирнова, 1970, с. 95).

Кстати, в Иране в раннесредневековом периоде община тоже называлась nāf-hamnaf, агнат, сородич, адехик, согражданин, члены общины (Периханян, 1983, с. 22). Е. Е. Неразик по мугским документам предполагает, что слово «катхудад» не выполняло функции жреца, судьи и сборщика налогов, как это было раньше, оно больше подходит главе сельской общины (Неразик, 1976, с. 22).

Наршахи сообщает, что в Пайкенте каждое бухарское селение имело рабат и в нем жила семья, которая находилась на иждивении сельской общины (Наршахи, с. 229). Таким образом, из вышеприведенного можно заключить, что в селениях существовала сельская община.

Какие общие работы выполняли члены сельской общины, письменные источники не сообщают, но можно предположить, что строительство мостов, дорог было общим для членов общины. Судя по сообщению Наршахи, в строительстве оборонительной стены вокруг Бухары участвовали представители каждой общины пригорода Бухары, и строили ее тоже на средства, собранные из тех же селений, которые стена защищала (Наршахи, с. 41—42). Очевидно, жители совместно защищали свои кишлаки, рустаки от внешних врагов. Судя по сообщению того же Наршахи, каждый день по очереди во дворце бухархудата служили чакири из одного рустака (там же, с. 8—9). Но на службу во дворец ходили только представители из знати, т. е. из числа богатых людей. Для жителей сельской общины общим был храм, место святых культов, куда ходили молиться, приносить жертву. Выше мы привели сообщение Табари о судебном процессе афшина Хайдара, обещавшего жителям Согда и Уструшаны оставить в своей вере каждую общину.

Отметим, что по мугским и другим источникам, для сельской земледельческой общины Согда характерной чертой было индивидуальное право на пахотную землю (обрабатываемая земля была давно закреплена за каждой семьей или семейной обшиной) и коллективное право на угодья (леса, пастбища, вода, горы, дороги и др.). Нет сомнения, что общину, ее членов объединяли единые культы (огня, идолов и предков) и обычаи (похоронные, свадебные праздники и т. д.). Этнографические данные, собранные нами из Верхнего Зеравшана, показывают, что территория каждого кишлака — земледельческой общины до Октябрьской революции была точно определена, и все жители его знали, какие обрабатываемые и необрабатываемые земли, горы, леса, реки, пастбища принадлежали им. Знали это и соседние кишлаки. Даже при создании первых колхозов учитывалась дореволюционная территория селения.

3. **Согдийское общество (сословия).** О согдийском обществе сообщается в документе А-9 из мугского архива, где говорится «И есть такой слух: кучинцы (?) и весь народ p'βw в брахманскую веру перешли («вышли») — и знать «z-tk-'r» и купцы — γw-'k-ry, и простой народ—k'ty-k'r («работники»)», и 14 тыс. духовных наставников (бахши). И гонца мы отправили, но затем так услышали, что якобы он вернулся в Хутталь. А (в день) хшеварроч военачальник остановился в Шавкате. Пеших воинов (?) всех, что были, я отправил через Буттаман против (?) него. А земли, которые в Паргаре самыми лучшими будут, ты ему не оставляй («не покидай») — этот военачальник до тебя не дойдет...» (Лившиц, 1962, с. 94).

Мы уже отмечали, что в этом документе, как и в других документах дипломатического характера с горы Муг, далеко не все ясно. Так, спорно чтение слова «кучинцы». В. А. Лившиц считает, что речь идет о жителях города Кучи в Восточном Туркестане (Лившиц, 1962, с. 96—97). О. И. Смирнова считает, что слово «kw'nth» — это «не что иное, как согдийский вариант названия города Ходжента (Худчанд), последнего убежища согдийцев, бежавших от арабов в Фергану в 721 г. Предлагаемая индентификация тем более вероятна, что название Ходжента китайцы передают с начальным мягким согласным kiu-tchan-t'i, что соответствует в таком случае его написанию в письме согдийца. Тогда в первых строках письма А-9 речь идет о Ходженте и событиях, имевших место в соответствующее время в Согде и Хуттале, а не о массовом переходе местного населения в «брахманскую веру» (Смирнова, 1970, с. 16). Нам кажется, чтение слова «кучанди» более подходит к контексту, чем «кучинцы», и в письме речь идет о массовом переходе населения Ходжента не в «брахманскую веру», а в ислам во время карательного похода ал-Хараши в Ходжент в 721—722 гг. (Якубов, 1979, с. 47).

Таким образом, в этом письме речь идет о разных категориях людей Согда и Ферганы (Ходжента, Уструшаны и др.). На основе этого документа исследователи согдийских документов установили, что в начале VIII в. н. э. в Согде народ (n'β-a) разделялся на три социальные категории: а) азаты ("zt) — благородные по происхождению; б) хвакар (Yw'krγ) — торговцы; в) карикари (k'rykarγ) — ремесленники, работники (Лившиц, 1962, с. 100; Смирнова, 1970, с. 70). По мнению В. А. Лившица, под термином «карикар» следует, видимо, понимать прежде всего крестьян-общинников (в том числе и общинников, привлекаемых к несению повинностных работ... Рабы в состав «народа-общины» не входят» (Лившиц, 1962, с. 37).

Для выяснения этого вопроса обратимся к источникам по Ирану. Знаток пехлавийских и авестийских текстов А. Г. Периханян пишет, что «согласно одному пассажу «Авесты» (V.19.17) сословий — (pištra—букв. «цвет» от pais—«окрашивать» и др.) было четыре. Они соответственно охватывали жрецов (ав. āθrvan), воинов (ав. raθaēšta (raθaēštar—букв. «колесничий»), земледельцев (ав. vastrūō. fšuyant) и ремесленников (ав. huiti). То же четырехчленное деление (4 pesakiden) мы находим и в пехлевийских текстах (Периханян, 1983, с. 12), однако в древнейших текстах «Авесты», отражающих наиболее древнее общественное деление, предшествовавшее отделению ремесла от земледелия, упоминаются только первые три сословия.

По мнению А. Г. Периханян, с распространением зороастризма сословие жрецов (ав. adarvan) стали обозначать термином маг (иран. magu), ср. — пер. moγ). Сословию воинов (radaestar) соответствует в парфянской и ранней согдийской номенклатуре сословие азатов — asatan (иран. azata — букв. «агнат», «член рода). В более специальном употреблении — «член» знатного

рода, благородный (там же, с. 15). В результате развития городской жизни, ремесла и торговли, а также появления многочисленной прослойки мелких чиновников — служащих административно-фискальных ведомств, писцов и др. вызвали существенные изменения внутри третьего и четвертого сословия. На месте земледельцев (букв. скотоводов, культивирующих пастбища, vastryo fsuyant) Авесты мы находим сословие простолюдинов (ram:ramak:ramik), включавшее плебеев города и деревни (там же, с. 17).

Во время правления Шапура II (309—379) были установлены четыре основных сословия (pesak), во главе которых стоял шахиншах (asravan, asrōn, 'srwn). Первое было разделено на подгруппы и включало наряду с подгруппой жрецов (moγan) подгруппы судей (dataβaran), духовных наставников, храмовых служителей и учителей, второе — воинов (artēstarān), подгруппой всадников и пехотинцев, третье — пешак добираи (dipiran), подгруппой писцов, составлявших официальные документы, счетоводов, писцов судебных ведомств и писцов канцелярских равно как и лекарей, хронистов, поэтов, музыкантов астрологов. Четвертое включало земледельцев (vastryosan, пех. w'stlyws'n) и ремесленников (hutuxsan букв. усердные, старательные), в него входили также торговцы (Периханян, с. 18).

По данным Фирдоуси, Джамшед разделил всех людей на четыре сословия: котузиё — жрецы, нисориён — воины, насуди — земледельцы и дастварзон — ремесленники (Фирдавси, т. 1, с. 51—53).

Примерно в таком же порядке даются сословия ибн Исфандиером, данные которого, как предполагают ученые, взяты из письма известного Тансара. У Исфандиера первое сословие называется асхоби дин, т. е. духовенство, владетели, владыки религии (в него входили судьи, служители храма — жрецы, маги, магупати, наставники). Второе сословие — воины, люди сражений (всадники и пехотинцы). Третье сословие — дабиры (писцы, судейские, протоколисты, летописцы, поэты и ученые). Четвертое — земледельцы и ремесленники (ибн Исфандиер, 1941, с. 14—15).

Данные об иранских сословиях встречаются также у иранских авторов Табари, Балами, Ибн Хурдодбеха, ал-Салиби и др. Эти данные приведены в книге А. П. Новосельцева (см. Новосельцев, 1980, с. 126—127).

В списке Мухаммеда Балами класс воинов отсутствует. Он первым классом называет доноён, вторым — дабиран, третьим — кишоварзан и четвертым — пешоварон (Балами, с. 21).

Как правильно отметил А. П. Новосельцев в своей интерпретации иранских сословий, Балами пользовался не столько письменной зороастрийской традицией, сколько реликтами религий, сохранившихся в его дни, когда никакого сословия воинов уже не было, не все прочие группы можно было как-то уловить в действительной жизни восточно-иранского общества IX—X вв. (Новосельцев, 1980, с. 126), в эпоху Саманидов.

Фирдоуси для обозначения вышеупомянутых категорий дает новые термины. Согласно его сообщениям, Джамшед разделил иранцев на четыре группы: катузиён — жрецы, нисориён — воины, насуди — земледельцы и дастварзон — ремесленники (Фирдоуси, ч. I, с. 51—53). Отсюда ясно, что с древнего периода в Иране существовало кастовое деление, каст сначала было три, потом стало четыре. Кастовое, или сословное, деление отражало зороастрийские традиции.

В Согде национальной религией был зороастризм среднеазиатского варианта, поэтому в мугских документах говорится о тех же сословиях, которые были и в сасанидском Иране, и в Согде. В документе А-9 не все сословия отражены, в нем речь идет о тех людях, которые перешли на сторону арабов. Таким образом в Согде существовали следующие категории людей (сословия).

А. Мугон. В согдийских документах встречаются слова ваганпат (Nov-6), магупат (А-5) и дастбар, свидетельствующие о том, что жречество в Согде, как и в Сасанидском Иране, разделялось на подгруппы судей, духовных наставников, храмовых служителей, учителей и др. (в документе А-9 уже упоминалось о 14000 бахши, перешедших в ислам. Цифра очень большая, но тем не менее она свидетельствует о большом количестве служителей религии).

По справедливому замечанию А. М. Беленицкого, термины, которыми назывались отдельные жрецы, говорят о наличии жреческой иерархии, клира и соответствующей организации. Таковы звания магупата и ваганпата. Эти звания предполагают наличие разных категорий служителей храмов, что хорошо иллюстрируется в одной из культовых сцен пенджикентских росписей (Беленицкий и др., 1973, с. 115). Жрецы были тесно связаны с государственными делами и политикой. Об этом свидетельствует письмо представителя арабского Хорасанского эмира Абдурахмана ибн Субха, где жрец Курчи в качестве посла назван лучшим другом Деваштича (Лившиц, 1962, с. 111; Беленицкий и др., 1973, с. 116; Якубов, 1979, с. 29).

Б. Азаты — азатон. Как отмечалось выше, в Иране в парфяно-сасанидский период на месте сословия воинов появляется азатон. Для Турана более древнего периода такие данные отсутствуют, но о том, что в раннесредневековый период сословие азатон существовало, свидетельствуют мугские документы. Какую роль играли и какое место занимали азаты в государстве и обществе, известно по материалам Ирана. А. Г. Периханян пишет, что будучи, подобно жречеству, сословием привилегированным, свободным от налогового обложения, азаты занимали особое положение в государстве — в администрации и при дворе. Внутри этого сословия существовала иерархия, в основе которой лежали два критерия: родовитость и место лица в его агнатической группе и официальная должность, придворная или государственная. Во главе иерархической лестницы стоял царь царей, за ним принцы царского дома, «наследники» — васпухри, которые могли быть

правителями зависимых от царя областей и носить титул царя (там же, с. 16). По мнению А. Г. Периханян, к этой группе относились «начальники областей, военно-административных округов, лиц, занимавших высшие придворные должности», равное с ними место по принципу родовитости занимали вазурги (vazrakan), главы наиболее влиятельных агнатических групп знати. За ними следовали младшие, рядовые члены этих групп, которым поручались также и различные посты в царской администрации, в армии и при дворе. Нижнюю часть этой иерархической лестницы занимала многочисленная мелкая знать, среди которых было множество людей, получивших за административно-фискальную службу в царском домене-остене земли в наследственное условное владение, и их потомки; из них формировался основной контингент царской конницы. В последней служили также и всадники незнатного происхождения (там же, с. 16—17).

Мы выше отмечали, что в Иране в раннесредневековый период вместо сословия воинов появляются азаты. Любопытно, что, судя по живописям Пенджикента, Афрасиаба, Шахристана и Варахши, азаты носили оружие, по-видимому, этим относя себя к древнему классу воинов.

По мнению А. М. Беленицкого, азадкори относились к военно-феодальному слою (Беленицкий и др., 1973, с. 116).

По данным источников Табари, Белазури, Наршахи, против арабов в основном воевали отряды азатов. Наршахи сообщает, что ежедневно у царицы Бухары Хутак хатуна (673—692) служили 200 вооруженных молодых представителей знати — дихканов (Наршахи, с. 12).

Во время правления халифа Али хорасанцы перестали платить джизью. Сбор этого вида налога был возложен на мервского марзубана Махуя. Он поехал с жалобой в Куфу к халифу Али, чтобы получить подтверждение своих прав. Халиф «написал для него дихканам и всадникам, и дихсаларам, чтобы они платили ему джизью» (см. Большаков и др., 1973, с. 145). Эти данные ал Белазури свидетельствуют о том, что во время арабского завоевания в Мавераннахре существовало сословие воинов: письмо обращено к местным властям, к людям, которые на месте собирали джизью, т. е. к дихканам — правителям областей, воинам и катхудатам. Отсюда вытекает, что среднеазиатские азаты — дихканы относили себя к воинам-правителям, а не к земледельческому сословию, хотя были тесно связаны с земледельцами. Азаты были первым сословием, а жречество — вторым. Первый огонь — огонь Варахрана, связывался с сословием азатов.

В. Карикари — наемные работники. Судя по мугским документам, в Согде широко применялись работы по найму. Например, в документе А-6 архива Девештича говорится, что «выдал пастуху Вану за пастьбу скота — шесть (драхм)... И когда государь ушел на летовку, то пастух принес приказ, и я выдал Гону и Футчаку три драхмы... и дал я rbwe-y за (возведение) крыши 100 драхм» (Лившиц, 1962, с. 182). Это говорит о том, что были свободные рабочие, которые работали по найму у Деваш-

тича и других крупных феодалов. Многие ремесленники свободно реализовали свои продукты на рынке и у них покупали за две драхмы шлем и за одну драхму башмаки для государя Девештича. Даже странно, что государственный или личный скот, стада Девештича пасли не рабы, а свободные наемники, которые получали жалование. О свободных работниках — карикари, возможно, идет речь и в документе Б-9 (Лившицц, 1962, с. 158).

В раннесредневековый период существовала большая армия ремесленников, работавших в текстильном, гончарном, строительном, художественном, кузнечном производстве. Много людей (работников) было занято в системе переработки сельскохозяйственных продуктов и т. п. (см. подробно Беленицкий, Бентович, и Большаков, 1973). Таким образом, карикари (коргари) составляли отдельное сословие.

Г. Отдельным сословием были и хвакари — торговцы. Об этом свидетельствуют многочисленные сообщения письменных источников периода арабского завоевания. Достаточно напомнить два таких сообщения. Наршахи, говоря о городе Пайкенде, писал, что, когда арабы окружили город, все мужчины находились по торговым делам на Дальнем Востоке (Наршахи, с. 22). Табари сообщал, что в 722 г. в Ходженте арабы задержали 400 согдийских купцов, прибывших с Дальнего Востока (Табари, 9, с. 4037—4038).

Наршахи пишет, что когда арабы завоевали Бухару, арабский полководец Кутейба приказал жителям отдать арабам половину своих домов и состояния. В Бухаре была группа (кавме) людей, которых называли кашкашон (возможно, что это искаженное слово «хвакарон»). Эти люди не были дихканами, они были «благородными по происхождению», из семей купцов, и были богаты и уважаемы. Они не пожалели своих домов и состояния и ушли за город (берун аз Шахр), где построили 700 замков (возможно, 70 замков — Ю. Я.) Наршахи, с. 39, 37). Примечательно то, что Наршахи их называет кавмом, т. е. прослойка, сословие.

Таким образом, согдийские хвакариен были самостоятельным сословием. Высшая прослойка хвакари называла себя благородной, т. е. азатами. У этой категории торговцев были чакари, слуги и другие подчиненные. Отделение торговли от ремесла Ф. Энгельс считал третьим, последним крупным общественным разделением труда (Маркс, Энгельс, 1980, с. 9).

Согдийцы-хвакари были очень богатыми людьми. Арабы во время завоевания Пейкента только у одного купца забрали 5 тыс. кусков шелка (Табари, 9, с. 3812). Внешняя и внутренняя торговля играла большую роль в хозяйственной жизни сел и городов Согда. В согдийских городах кроме ежедневной торговли на базарах шахристанов происходили еженедельные, месячные и годичные ярмарки, где участвовали не только согдийцы, но и многочисленные жители среднеазиатских областей и иностранцы. Согдийцы от внутренней и вешней торговли получали большие прибыли. Достаточно напомнить сообщение Наршахи о доисламской ярмарке в г. Тавависе, куда ежегодно на ярмарку приезжали из

разных концов Средней Азии. Ярмарка продолжалась десять дней, и ежедневно в ней участвовали более 10 тыс. людей. Причем среди множества разнообразных товаров встречались и бракованные вещи. Согласно обычаю ярмарки, купленный брак-товар не подлежал возврату (Наршахи, с. 13).

Торговый аппарат тавависской ярмарки составлял несколько сотен тысяч диргамов. Во многих городах и крупных селениях были внутренние базары, большие были за городом или за городской стеной. На базарах стояли токи, тимы — пассажи (Бартольд, III, с. 382).

По сообщению Беруни, согдийцы ежемесячно устраивали ярмарки в определенных деревнях (Беруни, 1957, с. 255), которые, несомненно, происходили при активном участии сельского населения.

Согдийцы играли доминирующую роль не только во внутренней, но и в международной торговле Средней Азии той эпохи.

Письменные источники — с одной стороны, и археологические —с другой, свидетельствуют о том, что согдийские торговые факторы и города(деревни) появляются в Ташкентском оазисе, Семиречье, Восточном Туркестане, Западной Монголии, Северном Китае, Китае, южных районах России (Судак, т. е. Согдак в Крыму), Индии, Иране, Кавказе и Византии (Беленицкий и др., 1973, с. 109).

Согдийские хвакари, таким образом, в раннесредневековый период действительно были многочисленными и составляли самостоятельную категорию или сословие согдийского общества.

Д. Зависимые люди, рабы. В брачном контракте упоминаются четыре категории зависимых людей: 1) бандак (βntk) и (δ'yh) — «раб» и «рабыня»; 2) нипак, нибак (np'k, ж. р. np'kh) — «заложник», «заложница»; 3) асир (wn'k ж. р. wp"kh) —«военнопленный», «завоеванный», «пленный»; 4) бандасман (γurδ) — «крепостной» (Лившиц, 1962, с. 351). Относительно того места брачного договора, где упоминаются четыре категории зависимых людей, В. А. Лившиц пишет: «это положение может отражать либо реальную обстановку периода начала VIII в. н. э., либо может указывать на наличие определенных форм зависимости в предшествующее время. В юридических документах, формуляр которых следует традиции, вполне возможны параграфы, выработанные ранее, но повторяемые без изменений на протяжении длительного периода (Лившиц, 1962, с. 35). Возможно, В. А. Лившиц прав и в начале VIII в. н. э. в Согде и других районах столько категорий зависимых людей не было. По мнению В. А. Лившица, слова "pty и γurδ означают, по всей вероятности, «отдавшийся под покровительство» (Лившиц, 1962, с. 36). Далее В. А. Лившиц отмечает, что от продажи (pr'yδ) в рабство типа βntk — δ'yh следует отличать долговую кабалу и долговых рабов np'k (ж. р. — np'kh) — обеспечение долга личностью должника. Нам неизвестно, являлось ли долговое рабство в Согде срочным или бессрочным. Можно полагать, что социальное положение долгового раба во всяком случае отличалось от статуса раба

βntk. Если термин wn"k' (ж. р. wn"kh) означал первоначально «побежденный, уведенный (в плен)», указывая, следовательно, на военнопленных как на одну из категорий рабов в Согде, то в нашем контракте это обозначение какой-то определенной категории зависимых людей, близких, возможно, по статусу к γγρδ—pty—«отдавшийся под покровительство». Последнюю группу можно скорее сравнивать не с «клиентами» (mawali) арабов, а с «усыновленными» ассирийских источников — людьми, входящими в дом «усыновителя», и обязанными работать на него и нести его повинности (Лившиц, 1962, с. 36).

По мнению О. И. Смирновой, из согдийских документов замка Муг вытекает, что в Согде были две формы несвободного состояния: 1) рабы — предмет купли и продажи; 2) заложники и пленные разных категорий. Не лишено, вероятно, смысла, что согдийское пр'k — «заложник» — понималось широко. В таком случае под ним подразумевался также долговой раб (Смирнова, 1970, с. 82).

По мнению А. М. Беленицкого, в брачном контракте речь идет о реальных долговых рабах знатного происхождения, так как никто не был застрахован от того, что он может оказаться в числе заложников (Беленицкий и др., 1973, с. 117). Нет сомнения, что в этот период у богатых людей были домашние рабы и рабыни.

Во время арабского завоевания рабство усилилось. Арабы даже часто брали заложников из числа согдийской знати. Приведем хорошо известный случай. В 675 г. арабский наместник Саид ибн Усман взял в Согде 59 человек из числа азатов, потом увел их в Медину, и там они были обращены в рабство (Табари, 7, с. 2871).

Кутейба в 712 г., после взятия Самарканда, по договору от царя Согда Гуркка получал 3 тыс. рабов, причем среди них не должно было быть ни малолетних, ни стариков, ни калек (Смирнова, 1960, с. 79). А. М. Беленицкий пишет, что в Средней Азии «на всем протяжении исторических периодов рабство играло в основном роль паразитарного нароста, задерживавшего поступательное развитие социально-экономического строя общества... В истории Средней Азии это нашло особо яркое воплощение в рабской гвардии (гулямства)» (Беленицкий, 1970, с. 75). Однако о гулямах в Средней Азии до мусульманского периода данных нет. Гвардия гулямов, по-видимому, приходит на смену дихканским чакирам и дружинам в IX—XI вв. Трудно согласиться с точкой зрения А. М. Беленицкого о том, что в Средней Азии рабство всегда играло роль паразитарного нароста. На наш взгляд, факты и выводы, приводимые в работах (ИТН, т. 1, Массон, 1971; Кошеленко, 1979; Периханян, 1972; Дьяконов, 1970; Гафуров, 1972; Лившиц, 1984) о древних периодах Средней Азии, достаточно убедительно доказывают наличие существования рабовладельческого строя.

Ж. Киштичкари — земледельцы. Вышеперечисленные социальные слои в основном охватывали жителей городов. Земледельческое население называлось другим термином. Основную

массу зависимого крестьянства составляли киштичкары (kst'yckr'k) — кишварзы (kswrzy mrty или kswrz'k), «хлебопашцы и земледельцы». Табари называл согдийских земледельцев харрасами, а их хозяев — сахибами (Смирнова, 1970, с. 101—102).

Наршахи сообщает, что бухорхудату принадлежало большинство земель в оазисе, в том числе селения, и на него работало много кадивари и хадмадгари (Наршахи, с. 6—7). А. Ю. Якубовский назвал кадиварами малоземельных земледельцев-издольщиков (Якубовский, 1949, с. 32—33; 1950, с. 174). По мнению В. М. Массона и В. А. Ромодина, «кадивары — это категория полузависимых людей, напоминающих по своему положению «клиентов» (Массон, Ромадин, 1964, с. 213—214). Относительно этих двух терминов О. И. Смирнова пишет, что «если первые из них, как полагают, были издольщиками, то вторые, вероятнее всего, должны были иметь общие черты с позднефеодальным ятимом (батраком, безземельным сельскохозяйственным работником), что соответствует позднефеодальному значению двух упомянутых терминов (Смирнова, 1970, с. 102).

В. Хенинг приводит очень интересное сообщение из согдийско-манихейских текстов относительно хозяйственной деятельности кадивара. В нем говорится: «мудрый и благочестивый муж пусть делит весь день на три части. Первая часть (да принадлежит царям (и) правителю (xwt'wt'xswδrtyh) дабы они были довольны, чтобы благодать (prn) их не была уязвлена и они не чинили бы ссоры и розыска. Вторая (часть) — забота о хозяйственных делах (ktyβryk'rk) — пахоте (и) посеву bγ-y (и) ptrkn-y, покупке и продаже, так, чтобы дом был содержан в порядке и чтобы жена (и) дети не терпели нужды» (Смирнова, 1970, с. 103—104). Дальше текст, к сожалению, не сохранился, но и так очевидно, что религия проповедовала, чтобы крестьяне по велению бога работали на феодалов и царей.

Таким образом, в раннесредневековый период, перед арабским завоеванием, социальный состав Согда был разнообразный, многосословный: согдийское общество делилось тогда на азатов, мугов, кишаварзов, хвакаров, карикаров. При этом в каждой из этих социальных категорий были богачи, люди среднего достатка, бедные и очень бедные люди.

4. **Феодальные отношения в сельских поселениях.** Проблемой феодальных отношений в сельских поселениях в истории Средней Азии ученые занимаются более 50 лет. Для решения этой важной и трудной проблемы много сделано С. П. Толстовым (1938—1939, 1946, 1949), А. Ю. Якубовским (1949, 1951, 1954), М .Е. Массоном (1940), А. Н. Бернштамом (1946, 1950, 1952), Б. Г. Гафуровым (1949, 1955, 1972), В. М. Массоном (1967, 1970, 1970а, 1977), А. М. Мандельштамом (1959, 1964), Н. Негматовым (1957, 1977), А. Джалиловым (1961, 1964), Б. Я. Стравинским (1957, 1964), Б. А. Литвинским (1963), Е. Е. Неразик (1966, 1976), С. К. Кабановым (1966, 1977), В. А. Лившицем (1962),

Г. О. Большаковым (1973), А. П. Новосельцевым, А. Губаевым, Г. А. Федоров-Давыдовым (1973), Е. А. Давидович (1955, 1964, 1983), Г. А. Кошеленко (1985) и др.

По справедливому замечанию А. М. Мандельштама, до конца 60-х годов «вопрос о социально-экономическом строе земледельческих областей Средней Азии VI—VIII вв. решался главным образом теоретически, исходя из того, что в последующий период (IX—X вв.) бесспорно происходило укрепление и победа феодальных отношений» (Мандельштам, 1959, с. 53).

Благодаря согдийским документам из замка Абаргар в начале 70-х годов появилась работа О. И. Смирновой «Очерки из истории Согда», в которой освещаются некоторые стороны вопроса землевладения и другие источники доходов крупных феодалов домусульманского периода (Смирнова, 1970). Другая важная работа — это «Средневековый город Средней Азии» А. М. Беленицкого, И. Б. Бентовича и О. Г. Большакова. Особенно важным является раздел «Социально-экономические отношения в городе», написанный О. Г. Большаковым. Здесь собраны и проанализированы данные, которые относятся не только к IX—XII вв., но и к домусульманскому периоду. О. Г. Большаков убедительно доказывает, что городская верхушка среднеазиатского города была связана с землей, и многие из ее представителей являлись крупными землевладельцами (Большаков, 1973, с. 312—317).

На основе анализа большого материала А. П. Новосельцеву удалось проследить пути развития феодальных отношений в странах Закавказья и в Средней Азии. В частности, он указал, что возникновение и развитие частной феодальной земельной собственности в Закавказье и Средней Азии определялись двумя основными факторами: во-первых, внутренним процессом классообразования, выделением знати и распадом общинного землевладения и, во-вторых, внешнеполитическими событиями, связанными с завоеванием данных стран другими государствами или племенными союзами. Повторяясь многократно, такие завоевания вели к перераспределению земельного фонда и к **возникновению форм землевладения**, являвшихся продуктом синтеза более развитых местных отношений с менее развитыми, отсталых пришлых кочевых и полукочевых племен» (Новосельцев, 1972, с. 121). Эти пути были отмечены Ф. Энгельсом в работе «Анти-Дюринг» (Маркс, Энгельс, 20, с. 183—185).

Примерно к такому же аналогичному выводу пришел Г. А. Кошеленко: «Здесь первоначально начался процесс классообразования по первому пути, но в дальнейшем он был осложнен фактором завоевания, причем кочевнического. Сам этот факт в конечном счете определил основные черты социальной структуры ведущих среднеазиатских обществ.

В обществах рабовладельческой формации, как правило, хотя и не всегда, внешние завоевания резко ухудшали положение трудящихся масс. Таким образом, в результате завоевания формирующийся класс мелких свободных непосредственных производителей (главным образом, крестьян) оказался в зависимости

от господствующего слоя, состоящего в основном из потомков кочевой аристократии и рядовых членов кочевых племен. Главное, что характеризует положение крестьянства первоначально, — это зависимость в целом от этих привилегированных слоев. Внешнее оформление эта система получила в виде сословных привилегий верхних слоев. Классовые сословия привилегий верхних слоев (Кошеленко, 1985, с. 346).

Но, несмотря на все эти ценные исследования, проблема феодальных отношений в Средней Азии все еще находится в значительной степени на стадии накопления материалов. Поэтому мы оставим в стороне многие спорные вопросы этой проблемы и приступим к изложению конкретного материала по горному Согду.

Все исследователи, которые касались вопроса о феодализме в Средней Азии (за исключением О. И. Смирновой), почти не использовали данных согдийских документов, найденных в верховьях Зеравшана. Не произведено также сравнительного анализа данных этих документов с аналогичными материалами раннесредневекового Ирана. Между тем, сопоставление сведений о Средней Азии VII—VIII вв. и Иране V—VIII вв. показывает, что общественный строй и социальные отношения в них были очень близки. Это очень важно, так как для Ирана этого периода имеется больше письменных источников, чем для Средней Азии. Поэтому для реконструкциии общественного строя и общественных отношений Средней Азии материалы по сасанидскому Ирану имеют, безусловно, большое значение.

Г. Формы землевладения. Прямо или косвенно установлено, что в домусульманский период существовали разные формы землевладения, хотя они и не совсем унифицированы, и количество их не установлено.

Государственные земли. Согдийские документы с горы Муг свидетельствуют о том, что селение Буттама платило поземельный налог Деваштичу (Якубов, 1979, с. 56—60). Не ясно, однако, получил этот налог как правитель земли или как государь Панча. О том, что личные земли правителя или царя и государственные земли — не одно и то же, свидетельствует Наршахи. Он пишет: «Мухаммед Лейе однажды (рузе) спросил у эмира (Исмаила Самани — Ю. Я.), от кого (аз ки) осталось у Абуисхака (Абуисхак Ибрагим ибн Халид ибн Буниат бухархудат — Ю. Я.) столько хороших зияъат (ضياعت)* и галла (غله)**. Эмир Исмаил ему ответил: «Эти зиеъ не его, а государственные (Ин зиеъ мулки ишон нест, мулки султонист)» (Наршахи, с. 14). Источником увеличения государственной земли были многочисленные конфискованные земли государственных «преступников». В качестве примера приведем рассказ Наршахи относительно бухархудата Нанивиата. Когда он за отступничество от ислама был казнен арабами, халиф конфисковал его земельные владения в пользу казны (мулки байт ал-мал кард) (Смирнова, 1970, с. 90).

---

* Зияъат — имение.

** Галла — доход, земельная рента с торговых предприятий (Большаков и др., 1973, с. 313).

В число государственных земель входили все земли, которые находились на территории государства и, собственно, составляли его территорию: общинные, городские и личные царские земли. За пользование ею все за исключением царя платили хирадж. Считалось, что хирадж платят за то, что государство защищает владельцев земли от внешних врагов. Государственная земля состояла из а) пахотной, которая сдавалась в аренду и весь доход с нее должен был поступать в казну государства и идти на содержание дивана (Большаков и др., с. 316); однако иногда цари присваивали их, и доход шел в личную казну царя (Наршахи, с. 31); б) земли мустагаллы, т. е. земли, доход с которых приносили расположенные на них постройки.

Частные земли. Как уже отмечалось, помимо государства, земли принадлежали феодалам и свободным общинникам, крупным феодалом был сам царь. Как известно из сообщения Наршахи, бухархудоту принадлежало большинство земель в оазисе, в том числе и селения. На него работало множество кадиваров и хидмадгаров (Наршахи, 1357, с. 6—7). Другим крупным феодалом был Хина. О нем в истории Бухары рассказывалось следующее: «Был некий дихкан, его имя Хина. Когда он принял ислам, он принял имя Ахмеда. Ему в квартале Ках принадлежало все. В этом квартале находился дворец (ках), принадлежащий ему. Эмиры Бухары постоянно жили в этом дворце. После (Хины — Ю. Я.) этот дворец (незаконно присвоил — Ю. Я.) перешел к другому человеку. В 150 (767) году наследники дихкана, именуемые кадараи Хина(?), обратились к Абу Джафару Даванаки, бывшему халифом, с исковым прошением (даъво) относительно этого дворца и предъявили кабалу. В этой кабале были упомянуты границы квартала. Первая граница — стена шахристана, прилегающая к торжку (Джуба), бакалов (атарон), вторая граница— стена шахристана, прилегающая к базару писташиканон (базару продавцов фисташки — Ю. Я.), третья граница — прямая дорога, по которой, войдя через ворота Дари Нур, ты дойдешь до середины шахристана. И все от ворот Дари Атторон до ворот Дари Нур является одной махалла (квартал — Ю. Я.), который составляет четверть шахристана, (кроме того) мы упомянули 1000 лавок на базаре города Бухары и 75 селений, составляющих частную собственность (хаса) по каналам бухарскому и верхнего Фаравеза, проведенному во время ислама. Относительно всего этого они обратились с исковым прошением к халифу и предъявили кабалы. Свидетели дали свидетельские показания. Халиф приказал составить судебный акт. Они привезли (этот акт) в Бухару и все получили обратно». (Наршахи, 1357, с. 64—65; Смирнова, 1970, с .92—93, прим. 15).

Относительно другого дихкана, Алои Согди, Наршахи говорит, что «он был крупным человеком (возможно, очень богатым —Ю. Я.) (марди бузург будааст). У него был в шахристане замок (кушк). Дворец очень величественный (багоят оли), какого не было ни у одного царя. Квартал Ало (Куи Алоъ) и ворота Ало, и ограду вокруг них построил он. От этих построек ежемесячно 1200 динаров получает. Кроме того, он в шахристане имеет муста-

галлов» (Наршахи, 1357, с. 65). Эти данные показывают, что а) городские постройки составляли основной доход патрициатов; б) городские постройки находились в руках нескольких групп богатых людей; в) богатые горожане Средней Азии были тесно связаны с землей. Эти особенности среднеазиатского города сохранились до Октябрьской социалистической революции.

Так, в дореволюционной Бухаре существовала прослойка людей, живших исключительно на доходы от земли. Такие собственники земли вне зависимости от того, обрабатывали ли они ее сами или эксплуатировали чужой труд, в Бухаре назывались «дехкон». Кроме того, в Бухаре были крестьяне, которые «лично занимались обработкой своей земли, а также и те издольщики, которые, арендуя землю, вели самостоятельное хозяйство». Кроме того, «в Бухаре владели землей и многие богатые горожане из среды духовенства, торговцев, а иногда и самостоятельных ремесленников» (Сухарева, 1966, с. 264—265).

Надо отметить еще одну особенность жителей среднеазиатского города — многие коренные жители Бухары и Самарканда хлеб-лепешку не покупают, а пекут сами дома, и у каждого дома есть танур для выпечки хлеба (Сухарева, 1966, с. 208—209). Во многих домах держат одну корову, а некоторые арендуют коров и баранов в кишлаках.

Раскопки в Древнем Пенджикенте и позднесредневековом Атраре показывают, что во многих домах там имелись закрома — хамбы для хранения муки, зерна и др. продуктов. Эти особенности среднеазиатских городов связывают их с сельскохозяйственным производством и с натуральным хозяйством.

В домусульманском периоде была очень развита арендная система. Это отражено даже в согдийских документах из замка Абаргара. Об этом свидетельствует «договор об аренде мельниц из мугского архива, где говорится: «Этот год согдийского царя самаркандского государя Девештича один год есть. Месяц жимтич, день апвах. И получил Махйан, сын Дапатшира, от царя Девештича, сына Иодхшетака, в Twtyskt? 3 мельницы со всеми каналами, строениями (и) жерновами, на следующем условии: пусть имеет Махйан эти мельницы в течение одного года в аренде, и пусть Махйан отдает в (течение) одного года царю Девештичу с трех этих мельниц в качестве арендной платы за один год 460 кавчей муки выверенными (?) кавчами. И ее (муку) каждый месяц, согласно договоренности, пусть он отдаст. И если Махйан эти условия не соблюдет, эту муку полностью не отдает, то несоблюдение (ложь) и нарушение закона да будет на Махйане. И также, если царь Девештич поручит чиновнику государя, в соответствии с законом, чтобы он для царя («им») муку ту полностью взыскал, то тогда за всю муку Махйан с сыновьями и со (всем) родом пусть будет в ответе и выплатит. И здесь («там») были: Апвахиан, сын Аротфарнча; 'ykkδk(?), сын Нанич; γrk'y, сын Хватенч. Запечатан документ подлинной печатью. И написал Саймич (?), сын Тйшйча, по приказу Махйана» (Лившиц, 1962, с. 57—58).

Из этого документа видно, что аренда заключалась по всем

правилам юридического закона. За нарушение наказывался весь род. Махйан в течение года должен был отдать Девашгичу 3,5 т муки (460×8=3680 кг) (там же, с. 60).

Для сравнения вспомним, что в Матикане говорится, что «если он заявит (следующее): «За эту вещь я буду платить («дам») тебе арендную плату в 400 (драхм), то даже если (у арендатора — А. П.) совсем не будет дохода («прироста»), (15) арендная плата должна быть выплачена полностью (MHD, 72, 14—15). Однако в том же законнике указывается, что если по поводу некоей собственности xvastak будет заявлено «ренту 50 монет тебе я дал» и эта собственность не дает необходимой суммы и предлагаемая доходность окажется ниже в данном году, то и аренда платится в размере, соответствующем полученному доходу, т. е. снижается (Пигулевская, 1956, с. 200). Арендовали земли, мельницы, постройки, вещи разного рода, орудия труда, рабочую силу и др. (MHD 6, 72, 15—16; 72, 16—17). Из юридических документов выходит, что арендовали на различные сроки, начиная с недели и кончая многими годами.

Пардиз* и сарбаг — особые виды землевладения. Известно, что богатые люди, дихкане, имели пардиз. Из мугских документов известно, что в административном аппарате Девашгича была должность начальника пардиза, и ему государство платило жалование. Пардизы, очевидно, были государственные и личные (охотничьи парки) (Смирнова, 1970, с. 107). Кроме того, в этих документах упоминается старшина сарбага (srbYk Ywysth), по-видимому, принадлежащий Девашгичу. В документе Б-2 говорится о сарбаге, из которого доставлялась в ставку (Девашгича) на ежедневную еду пшеница. В обоих случаях речь, по-видимому, идет о загородных землях, занятых под сады и зерновые культуры (о baY-ax), с возведенными в них укрепленными жилыми постройками» (Смирнова, 1970, с. 107).

Возможно, согдийские сарбаги в какой-то степени соответствовали иранскому дасткерту. Дасткерт — это обрабатываемая земля с домом, угодьями, каналами, колодцем, где в основном работали рабы (Пигулевская, 1956, с. 206).

Владения, дарованные за службу. Н. В. Пигулевская приводит данные письменных источников о том, что в сасанидском Иране существовал институт икти. Цари Ирана даровали землю своим подданным за государственную и военную службу. Во время правления Бахрама Гура такая раздача земли привела к запустению и оскудению земледелия. Оно процветало лишь на этих розданных землях, которые были избавлены от обязательства выплачивать харадж. Источники отмечают, что иммунитет этих дарованных земель привел к тому, что на них устремились производители, как на земли, находящиеся в привилегированном положении, и покинули свои земли. В государственную казну подати больше не поступали, и от этого пострадали армия и государство, поэтому возвратил часть этих земель прежним владельцам (Пигулевская, 1956, с. 112—114; Лившиц, 1971, с. 101).

Для Согда и других областей Средней Азии таких данных не

имеется. Однако из сообщения Наршахи и мугских документов известно, что в Согде был очень развитый государственный аппарат. У ихшида было большое войско и он вполне мог за хорошую службу даровать поместья своим приближенным.

В связи с вопросом о владениях и поместьях следует еще раз вернуться к вопросу о происхождении Деваштича. Среди документов из архива Деваштича нет такого, который мог бы указать его родину. Правда, есть один документ, где говорится, что некий Махйан, сын Депатшира, получил от царя Деваштича, сына Иодхшетака, в местности Twtyskt (?) три мельницы со всеми каналами, строениями, жернова (Лившиц, 1962, с. 57). В. А. Лившиц предполагает, что Twtyskt находится где-то в бассейне Зеравшана, в области Пенджикента (там же, с. 59). Но если это даже и так, у нас нет уверенности считать это место родиной Деваштича, так как он мог приобрести его во время своего правления.

Судя по мугским документам и многочисленным распоряжениям Деваштича через фрамандара и других лиц по хозяйственным делам Буттама, как будто можно было бы полагать, что его родное владение находилось в Паргаре, а родом он был из Буттама (возможно — из Кума). С другой стороны, если считать, что Буттам и Панч во время похода Джахма ибн Захра в 714—715 гг. был единым владением, то непонятно, почему арабы завоевали Буттам и не шли в Панч, где сидел правитель Буттама — Деваштич. Логичнее, видимо, предполагать, что во время Джахма в Буттаме был до того самостоятельным, отдельным от Панча владением.

Анализ мугских документов позволяет установить время владения Буттамом пенджикентским государем. В этой связи особенно важен для нас документ А-8. Вот текст этого документа: «Правлению господина Панча Деваштича восемь лет, месяц ниссанч, день хурроч (11-й день третьего согдийского месяца). И получил Вгашмарик от Фрамандара Утта 43 шкуры простые и ягнячьи». (Боголюбов, Смирнова, 1963, с. 63). Как видно из расписки, выданной Вгашмариком фрамандару Утту (или хранившейся у Вгашмарика копии), и документов А-4, А-10, В-2, В-5, Вгашмарик был подчинен Деваштичу, ведал обработкой кож и водоемом для их вымачивания в сел. Мартуш (вероятно, Мадрушкат в Матче). Фрамандар Утт — это управляющий владениями Деваштича в Паргаре и на Верхнем Зеравшане вообще (Ставиский, 1957, с. 86—94; Лившиц, 1962, с. 133—336; Боголюбов и Смирнова, 1963, с. 97). Резиденцией или местом пребывания его в Буттаме был, очевидно, Кум. Документ А-8, связанный с этими двумя подданными Деваштича, действующими в верховьях Зеравшана вообще, мы вправе рассматривать как свидетельство о распространении власти пенджикентского князя на верховья Зеравшана, т. е. на ранее независимый Буттам. Дата же этого документа — 708 год «господина Панча» Деваштича (т. е. 714—715 гг. н. э.) — дает основание предполагать, что весь Буттам достался Деваштичу после разгрома, учиненного в верховьях

Зеравшана отрядом Джахма ибн Захра. Таким образом, предположение, что Девашгич был родом из Буттама, не подтверждается фактами.

Ал-Майдани называет Девашгича просто дихканом, а ат-Табари, — дихканом Самарканда (Табари, II, с. 1441, 7). Если верить словам Ат-Табари, то можно предполагать, что Девашгич был действительно родом из Самарканда и приходился каким-то родственником царю Согда — Тархуну. Его письма эмиру Ал-Джарраху, где он выступает опекуном сыновей покойного царя Тархуна, еще раз показывают, что Девашгич был связан с Самаркандом и его троном. Правда, в документе В-4 (договоре об аренде мельниц) его отец Иодхшетак не называется царем, и В. А. Лившиц считает, что Девашгич не происходил из династии царей Согда (Лившиц, 1962, с. 66). Однако у Самани и Якута Девашгич называется сыном царя Согда — Шура (Лившиц, 1977, с. 45). Не лишено вероятности, что Девашгич после смерти Чыкин Чура, тюрка по происхождению (или его преемника), при помощи ихшида Тархуна стал царем Панча. Предположение, что он получил в правление Панч от царя Согда в качестве подарка за государственную службу, более вероятное. Девашгич был дихканом, а они называли себя азатами и связывали свою родословную с царями. Девашгич, став царем в Пенджикенте, мог приобрести его поместье в Буттаме.

Как известно, Кутейба ибн Муслим после взятия Самарканда в 712 г. вторично завоевал почти все районы Средней Азии, но в Панче он не был. Возможно, что Девашгич, как человек Тархуна и сторонник арабов, мирно управлял Панчем и с согласия арабов включил Буттам в состав своего государства. Все доходы из Буттама шли в казну Девашгича (Якубов, 1979, с. 56—71).

Храмовые владения. Нет сомнения, что храмы огня и богов имели большие земельные участки. Магупат в государстве был третьим лицом. В храмах стояли золотые, серебряные, деревянные идолы с золотыми и драгоценными камнями. Только из храма богов Самарканда арабы собрали с идолов 150 тыс. мискалов. Эти данные свидетельствуют о том, что храмы имели большие состояния, иначе бы в них не было идолов из золота, серебра и деревянных, украшенных золотом, драгоценными камнями, жемчугом (Табари, 9, с. 3859—3860).

Таким образом, мы можем предположить, что в домусульманском Согде существовали все формы — институты землевладения, которые были в IX—XII вв. Данные мугских документов наводят на мысль, что крупные землевладельцы были не только в равнинных, но и в горных районах. Выше мы отмечали, что С. П. Толстов и Е. Е. Неразик в топографии Беркуталинского оазиса видят отражение становления феодальных отношений. Исследования сельских поселений горных районов Согда, а также Чаганиана, Вашгирда, Кумеда, Рашта и др. показывают, что их количество и размеры зависят от посевных площадей и водных ресурсов данного района. Например, по Магиандарье сельские поселения расположены вдоль Ишанкарыза (см. карту). В этом районе в ниж-

ней части главным городищем было Санджаршах (см. выше). Санджаршах был хорошо укрепленным городком с цитаделью и шахристаном, центром ремесленного производства. В раннесредневековый период (V—VIII вв.) в районе Ишанкарыза были десятки разных по размерам памятников, начиная с одного дома (Кулула I—VIII)и кончая городищем Санджаршах. Батуртепа было городищем среднего размера (Якубов, 1980, с. 171—175).

В верхней части Магиандарьи был главным административным и производственным центром Калаи Мугон (II—XII вв.). Здесь, как и в нижней части, встречаются разные по величине памятники (Якубов, там же, с. 174—175).

В районе долины Заврона все памятники расположены вдоль террас и канала. Самым крупным было поселение Навруз шах — судя по подъемному материалу, крупный населенный пункт I—VIII вв. Он закрывал пути проникновения людей по левому берегу р. Согд из Пенджикента в Кштут, Паргар, Матчу и Уструшану. Вокруг Навруз шаха в древности было много богарных земель, но, очевидно, из-за нехватки воды всего 11—12 селений. Сейчас, после проведения канала Маргедар, здесь образовался один колхоз и два фруктово-овощных совхоза.

На противоположном берегу Зеравшана, в районе дореволюционного Офтобруя было три поселения типа Гардани Хисор. Это Мугтепа, Тилотепа в окрестностях Амондара и Кургони Ёри в кишлаке Ери. Главным из них, по-видимому, было Тилотепа, состоящее из замка и поселения. Поселение хорошо укреплено. Остальные памятники (их более 15) размерами были меньше, чем 1 га (Якубов, 1980, с. 171—175).

По Кштутдарье памятники расположены в районе кишлака Шашкат. Здесь в VII—VIII вв. на незначительном расстоянии друг от друга были расположены 6 разных по размерам памятников. Самым крупным (0,7 га) и укрепленным было поселение Хисрав. Центр рустака — крепость Хисорак. Она расположена на левом берегу Кштутдарьи при слиянии рек Негнот и Кштут, на высоком, скалистом холме, посередине котловины. Эти реки, омывая холм с запада, севера и востока, создали крутые, а местами отвесные скалы высотой до 300 м, совершенно недосягаемые для врага. Крепость связывалась с внешним миром небольшим узким язычком с южной стороны. Здесь была построена мощная оборонительная стена с башнями и бойницами. Крепость Кштут, как и замки на горе Муг, Кум, Хисорак, в Матче, Калаи Хисров в Шашкате и другие, была труднодоступна для врага. Крепость Кштут является многослойным памятником, здесь до русского завоевания (до 1870 г.) находилась резиденция кштутского бека. Стратегическое значение этого военного пункта было столь велико, что командование Искандеркульской экспедиции после взятия его решила крепость разрушить, а цитадель взорвать (Воронец, 1871, с. 586—587). Крепость Кштут состояла из замка и примыкающего к нему с юга поселения. Несмотря на то, что ранние слои скрыты здесь под более поздними, нам в районе замка удалось зачистить раннесредневековую сырцовую кирпичную сте-

ну (кирпичи размерами 52×25×10 см) и собрать небольшой керамический материал V—VIII вв. (Якубов, 1980, с. 175). По всей вероятности, в раннесредневековый период именно здесь было местопребывание кштутского правителя.

Среди мугских документов сохранилось уже упоминавшееся письмо мадрушкатского правителя кштутскому государю (Лившиц, 1962, с. 173). Как видно из письма, правитель Кштута Виштам был хозяином Паргара, в определенной зависимости от него находился и правитель Матчи. Кштутскому правителю подчинялись все согдийские каты и катхудаты бассейна р. Кштут.

В бассейне р. Искандердарьи крупным памятником является Қалаи Замаршах, расположенный в 1,5 км от современного кишлака Туда, на одном из холмов горных отрогов Зеравшанского хребта (Смирнова, 1948, ч. 119). Несомненно, Замаршах в раннесредневековый период был главным населенным пунктом района и играл важную роль в защите торгового пути из Согда в Северный Тохаристан через Искандеркуль и перевал Мура. Правитель Замаршаха был, вероятно, хозяином месторождений ртути, золота, серы и нашатыря в этом районе.

На пути в Матчу крупным населенным пунктом был Қалаи Сабис в Рарзе, крепость лежит на крутом берегу в излучине р. Матчи при впадении в нее р. Тагоби Сор. Она была расположена на островах, которые когда-то р. Матча омывала со всех сторон. Сейчас ее остатки лежат на двух холмах, овальных в плане: южном (50×40 м), где на поверхности сохранились каменные холмики с воронками (по-видимому, остатки помещений), и северном, (100×60 м), его строения тоже были из камней. Судя по подъемному материалу, крепость относится к V—VIII вв. н. э. «Рассматривая с наиболее высокой точки калы окружающие ее окрестности, нельзя было не вспомнить того впечатления, которое так ярко сложилось у нас при осмотре крупных памятников Верхнего Зеравшана. В раннесредневековый период владетели этих крупных поселений крепко держали в своих руках как само селение, так и маленькие соседние замки и крепости (Якубовский, 1950, с. 19).

Аналогичное расположение сельских поселений автор наблюдал при исследовании горных областей Тохаристана в Вашгирде, Раште и Дарвазе. И обязательно там, где посевных площадей с водой больше, видно скопление разновременных памятников различной величины. Здесь, так же как в Хорезме и Согде, имеется большой памятник — поселение, занимавшее ключевое место, что видно даже неспециалисту. Очевидно, оно являлось главным в этом районе. Памятники раннесредневекового горного Согда, таким образом, хорошо отражают многоступенчатость общества того времени.

5. Формы эксплуатации. Согдийские документы с горы Муг дали материал для суждения и по вопросу о закрепощении крестьян-общинников, а также по изучению того, какие формы феодальной эксплуатации тогда существовали.

Оброк. Выше мы отмечали, что все селения Буттама платили

налоги-хараджи разными видами продуктов или продукции: ячменем, пшеницей, вином, скотом, кожей, шкурой и ремесленными изделиями. Особо следует отметить явную специализацию различных селений (или местностей) в поставках разных продуктов сельского хозяйства и ремесла дворцовому хозяйству. Так, из селения Хшикат доставлялись ячмень и вино (документы Б-10 и Б-2), из Фатьмева — пшеница (документ Б-10), Искондар поставлял фрукты (документы Б-13 и Б-15) и зерно (документ Б-11), Вешест — предметы вооружения (документы Б-3, Б-4), Мадрушкат — кожу и кожаные изделия (документы А-4, А-8, А-10, В-3, В-5, В-19). Такая специализация поставок, объясняемая скорее всего местными природными условиями, отражала, по всей видимости, и своеобразную направленность хозяйственной деятельности отдельных местностей и селений горного Согда.

Натуральную форму налога Карл Маркс называет «продуктовой рентой». Он пишет: «В какой бы мере продуктовая рента ни представляла господствующую и наиболее развитую форму земельной ренты, она все же постоянно в большей или меньшей мере сопровождается остатками предыдущей формы, то есть ренты, которая должна доставляться непосредственно в виде труда, следовательно, барщинным трудом, и при этом все равно, является ли земельным собственником частное лицо или государство. Продуктовая рента предполагает более высокую культуру производства у непосредственного производителя, следовательно, более высокую ступень развития его труда и общества вообще» (Маркс, 1978, с. 864).

Отработочная рента (система). Как было отмечено выше, кедивари третью часть своего времени дня, недели, месяца, года тратили на принудительные работы на царя (великих дихканов) (Смирнова, 1973, с. 45). «Если мы рассмотрим земельную ренту в ее самой простой форме, в форме отработочной ренты, когда непосредственный производитель одну часть недели работает... даром в имении земельного собственника, работает на земельного собственника, то здесь дело еще совершенно ясно, рента и прибавочная стоимость здесь тождественны. Рента, не прибыль,—вот та форма, в которой здесь выражается неоплаченный прибавочный труд» (Маркс, Капитал, т. III, 1978, с. 858).

«Данная форма тем и отличается от рабовладельческого или плантаторского хозяйства, что раб работает при помощи чужих условий производства и не самостоятельно. Итак, необходимы отношения личной зависимости, личная несвобода в какой бы то ни было степени и прикрепление к земле в качестве придатка последней, необходима крепостная зависимость в подлинном смысле этих слов» (там же, с. 859—860). Таким образом, К. Маркс, этого вида эксплуатацию считает крепостническим трудом.

Издольная система ('sk'rt) — в сасанидском судебнике —tasak, по мугским документам — t's', distressed (Периханян, 1983, с. 154, примечание к разделу III, с. 332).

Как мы уже отмечали, в домусульманский период была очень развита арендная система, это отражено в согдийских докумен-

тах из замка Абаргара. Об этом свидетельствует «договор об аренде мельниц» из мугского архива. Вспомним, что и в предреволюционной Средней Азии основным способом эксплуатации земли горожанами была сдача ее в издольную аренду и получали от 2/3 урожая» (Сухарева, 1966, с. 264—265). Приблизительно так было в Согде в раннесредневековый период.

В. И. Ленин в работе «Переход землевладельцев от барщинного хозяйства к капиталистическому» писал: «... сущность тогдашней (феодальной — Ю. Я.) хозяйственной системы состояла в том, что вся земля данной единицы земельного хозяйства, т. е. данной вотчины, разделялась на барскую и крестьянскую; последняя отдавалась в надел крестьянам, которые (получая сверх того и другие средства производства — например, лес, иногда скот и т. п.) своим трудом и своим инвентарем обрабатывали ее, получая с нее свое содержание. Продукт этого труда крестьян представлял из себя необходимый продукт, по терминологии теоретической политической экономии; необходимый — для крестьян, как дающий им средства к жизни, для помещика, как дающий ему рабочие руки... Прибавочный же труд крестьян состоял в обработке ими тем же инвентарем помещичьей земли; продукт этого труда шел в пользу помещика» (Ленин, т. 3, с. 183).

Принудительные работы ('rkb). По приказам представителей власти отдельные лица или группы сельских жителей, которые назывались мардумкат, направлялись на повинные работы — барщину (документ В-9). Об этом свидетельствует и документ В-7, где правитель Мардушката сообщает правителю Кштута, что «с парагацами распря, ибо, господин, они сюда прибыли (спустились) и, господин, ни днем, ни ночью не прекращали работы и (исполнения) приказа. Но (затем) многие из них убежали. И, господин, я обращаюсь (к тебе) со следующим: те люди, что убежали,—ты их так прикажи задержать, чтобы тебя боялись, чтобы, господин, твоего (государя) приказа слушались» (Лившиц, 1962, с. 173). В письме не говорится, где и какие работы исполняли люди из Паргара. Ясно одно, что они работали днем и ночью, по принуждению. Для таких людей, работающих по принуждению, в согдийском языке был специальный термин «араккарак» (Лившиц, 1962, с. 154). Принудительные работы назывались rk'kt. Кроме того, члены общины обязаны были переносить или перевозить грузы (очевидно, налоги) и перегонять скот (документ Б-11) в приемные пункты.

Пошлины. Их платили за пользование мостами (документ А-13) и водой каналов, возможно, построенных на средства царя.

Подушный налог. В литературе о существовании домусульманского подушного налога пишут мало. Но его и не отрицают. Ю. А. Якубовский отмечал, что «арабы во всех покоренных странах наложили на все орошенные, а, следовательно, обработанные культурные земли земельный налог — харадж, а также подушную подать — джизью, заимствовав их у сасанидского Ирана (Якубовский, 1949, с. 33).

Существование подушного налога в Туране, в том числе Согде, отмечал О. Г. Большаков. Он пишет, что мусульманские авторы называют дань, взимавшуюся с области Средней Азии, то хараджем, то джизьей... Эта неясность объясняется фискальной автономией Мавераннахра в первые десятилетия после арабского завоевания. Сбор дани, обусловленный договорами, лежал на местных владетелях, и способ ее раскладки не касался арабов. Поэтому так трудно было отметить джизью, что ее не существовало, а была дань, которую, видимо, раскладывали подушно местные дехканы. Это подтверждается словами Абу-Сайда, отправившегося проповедовать ислам в Мавераннахр. «Я отправляюсь на условии, что с того, кто примет ислам, не будут брать джизьи, ведь харадж Харасана на головах людей» (Большаков, 1973, с. 153, со ссыл. на Табари, II, с. 1507). Харадж собирали местные чиновники, о чем свидетельствует приведенное выше письмо халифа Али, чтобы хорасанцы платили джизью правителю Мерва Махую.

Интересно в данном письме новоперсидское слово «дехсолор», буквально переводится как «обладатель деха». В мугских документах обладателем деха был ktybsyws (староста или катхудат). В согдийских катах (селениях) налоги собирали ktybyws..., т. е. дехсолоры.

Хашар. Мы предполагаем, что хашар был самой древней формой эксплуатации на Востоке. В хашаре бесплатно эксплуатировали большое количество людей во всех крупных работах, в том числе на строительстве каналов, мостов, оборонительных стен.

Из вышеприведенного можно сделать заключение, что в Согде верхушку общества составляли богатая земледельческая знать, военная аристократия, крупные торговцы и богатые религиозные люди. Они называли себя людьми благородного происхождения, а трудовой народ называли нечистым, неблагородным.

Основная масса земледельческого населения была свободной и объединялась в сельские общины, состоявшие из больших патриархальных и малых семей. Вместе с тем происходило расслоение общины: выделение из нее категории богатых людей в лице катхудатов, присваивавших земли общины, и обездоленных зависимых крестьян.

Богатые люди жили в роскошных домах, дворцах и замках. Одним из признаков распространения феодализма является появление многочисленных замков в земледельческих оазисах. Эти замки были сильно укреплены, вокруг них имелось несколько оборонительных стен. Эти стены часто были построены для защиты царя не только от внешних врагов, но и от восстаний обездоленных людей. Замки стояли под высокими, искусственно приподнятыми цоколями. Появление цоколя обычно связывают с оборонительной техникой, т. е. необходимостью обороны против манджаники (Толстов, 1948, м. 153; Неразик, 1966, с. 65—65; Нильсен, 1966, с. 215—221). Однако главная причина появления цоколя была не в его оборонительной роли, а в его социальном

значении. Высокий мощный цоколь подчеркивал авторитет и положение хозяина в государстве. Таков, по нашему мнению, например, цоколь Гардани Хисор.

Многоступенчатая социальная иерархия, существовавшая в это время в Средней Азии, по мугским согдийским документам, оставила отпечаток в архитектуре. Внушительные замки на высокой платформе с многочисленными парадными помещениями — эстрадами (тах), с величественными сценами монументальной живописи, скульптурой и другим красочным и парадным декором свидетельствовали о могуществе своего хозяина. Археологические открытия последних лет — дворцы Деваштича в Пенджикенте, афшинов Уструшаны в Шахристане наглядно демонстрируют роль, которую играли отдельные представители этих государств (Деваштич, Хайдар). К Деваштичу его подданные обращались следующим образом: «Господину, государю, великому оплоту, величайшему из всех оплотов Согдийскому царю... от его презреннего, ничтожнейшего («миллионного») раба». Это обращение и величественный дворец его в Пенджикенте с четырьмя огромными залами показывают, сколь высокое положение занимал Деваштич среди согдийцев в начале VIII в.

Расселение замками в Согде появляется в VI—V вв. н. э. (Кабанов, 1984, с. 50). По согдийским документам (Б-16, Б-17), каждое селение имело правителя и к нему обращались как к государю. Такие правители назывались Хуву. Цоколь был наглядным показателем социального ранга правителя, жившего в замке, в то время, как бедные люди жили в маленьких и неуютных домах. Бедные люди (кедивари) зависели от феодала, работали на него. В зависимость от землевладельца кедивари попадали разными путями. Вышеперечисленные формы эксплуатации в конце концов привели к закабалению кедивари феодалом.

В хозяйстве землевладельцев работали и рабы — бандаки. Это часто бывали военнопленные. Но мы не знаем, на сколько в производстве применялся в этот период рабский труд. Все основные продукты сельского хозяйства производились крестьянами. Зависимые крестьяне имели небольшие земельные наделы, лошадь или пару волов, орудия труда и дом. Но этого было недостаточно, чтобы прокормить семью. Поэтому они вынуждены были работать у феодала. Эти данные свидетельствуют о сложившихся феодальных отношениях в Согде в период арабского завоевания.

В литературе принято считать, что процесс феодализации общества в Средней Азии начинается с V в. и завершается в X—XII вв. (Мандельштам, 1964; Гафуров, 1972).

Вышеприведенные данные свидетельствуют, что этот процесс начался раньше, так как институты феодального землевладения уже существовали до арабского завоевания.

Если верить сообщению Наршахи о движении Абруя, которое датируется V в., суть его заключается в том, что крестьяне подняли восстание против своих феодалов-дихканов. Восстание возглавлял некий Абруй. Были изгнаны дихканы во главе с пра-

вителем Бухары — бухархудатом. Абруй стал правителем Бухары вместо бухархудата и сам стал эксплуататором, а положение народных масс еще более ухудшилось. Поэтому народ вновь поднял восстание, на этот раз против Абруя. Этим восстанием воспользовались убежавшие дихкане во главе с бухархудатом, и Абруй был убит. Наршахи отмечает, что вернувшемуся бухархудату принадлежало большинство земель в оазисе и у него было много кедивари и слуг (Наршахи, с. 6—7). Таким образом, восстание крестьян Бухары были оба раза направлены против владетелей-феодалов. Следовательно, судя по данным Наршахи, процесс феодализации и закрепощения крестьян начинался не в V в., а раньше.

Теперь обратимся к археологическому материалу. С. К. Кабанов, исследовав памятники Нехшебского оазиса в Южном Согде, писал: «В IV—V вв. произошли значительные изменения в расположении поселений, число их возросло в восточной части оазиса, среди них начали появляться поселения нового типа, овальные в плане, двухъярусные с вышкой — развалинами замка и прилегающей площадкой. К концу периода забрасываются некоторые поселения на северной и западной окраинах, приходит в упадок или вовсе покидается жителями столица оазиса (Еркурган).

В керамическом производстве наблюдается некоторый упадок — сосуды изготовлялись только высокого качества, много изделий лепной работы (Кабанов, 1984, с. 49). С. К. Кабанов, сопоставляя материалы Нехшеба и Хорезма этого периода, пришел к выводу, что «в III—V вв. происходило разложение рабовладельческого строя» (там же, с. 54).

К такому же выводу пришел А. Губаев на основе изучения археологического материала Северо-восточного Хорасана (Губаев, 1981). Таким образом, мы на основе анализа письменных источников, а С. К. Кабанов и А. Губаев на основе археологических материалов пришли к одинаковому выводу: процесс разложения старого общества и переход к новому приходятся скорее всего на III—V вв. Как происходила эта смена — революционным или эволюционным путем? Для утверждения первой версии у нас нет никаких данных, и более вероятным представляется путь, показанный А. П. Новосельцевым для стран Закавказья и Средней Азии—внутренний процесс классообразования, выделение знати и распад общинного землевладения. Сейчас отметим, что для перехода от старого к новому обществу, по-видимому, возможности появились в кушанский период. За столетия существования кушанского государства не было вторжений кочевников и значительных потрясений и разрушений. Среднеазиатскими областями правили представители одной местной династии (Бичурин, II, с. 27). Тогда в Средней Азии богатели города и села, развивалась культура, искусство, ремесла, торговля и сельское хозяйство. Все это и вело к дифференциации социальных слоев и переходу к феодальному обществу.

6. Система управления

В ходе работы над данной темой мы привели многочисленные сравнения согдийского материала с материалами древнего и средневекового Ирана в области социального строя. Мы пришли, по-видимому, к справедливому мнению, что иранские народности, начиная от Фарса и кончая Восточным Туркестаном, имели близкие друг к другу образ жизни, культуру и системы управления государством.

Говоря о последней, отметим близость титулатуры правителей. Например, в Иране царь назывался шахиншах — царь царей, в Согде — ихшид (MLK), что тоже означало царь царей. Царьки, т. е. правители областей, называли себя царями (MRY) (Смирнова, 1981, с. 17). Они носили разные титулы. Например, царь Бухары и Чаганиана носили титул худата (слово худо — бог, по-видимому, в титуле правителей Бухары связано с обожествлением царя); многих согдийских царей, в том числе и Девештича, арабы называли дихканом. Подданный Худуд-ал Алама правитель Рошта, носил титул дихкани Рошт, а владетели Шумана, Хутталяна, Кабула, Хорезма и др. носили титул шаха. Правитель Балха носил титул испахбада, Мерва и Герата — мирзубона, а Багдиза — тархана. По данным Хордадбеха, правители Буттама носили титул Зу-ал-наъ-наъх (Хордадбех, с. 40).

Недавно сотрудник Института востоковедения АН ТаджССР Г. Гаибов в статье «Историческая география и политическая история Буттама и Пенджикента в VIII—X вв.» (Гаибов, 1984, с. 88) дает новое толкование слова Зу-ал-наъ-наъх. Он пишет, что «имя и титул правителя Буттама в тексте ибн Хордадбеха должно читаться только как согдийское слово, т. е. вместо «Зу-н-на'а» нужно читать «Девештич», которое мы считаем нисбой правителя Буттама. В экземпляре «А» сочинения ибн Хордадбеха это имя пишется следующим образом اوداالنفه سنغ что по написанию близко «Девештичу» ديواشته.

Трудности, связанные с передачей неарабских имен арабским шрифтом, общеизвестны, а неточности в написании имени «Девештич» можно отнести к ошибкам переписчиков сочинения ибн Хордадбеха. Данное прочтение этого слова служит еще одним доказательством в пользу нашей догадки о тождестве Буттама и Пенджикента (Гаибов, 1984, с. 88). В этой статье Г. Гаибов сделал много «новых научных выводов», два из которых отражены в приведенной цитате: отождествление города Буттама с Пенджикентом, а Зу-ал-наъ-наъх с Девештичем. В статье затронут круг вопросов, о которых уже писалось (см. Ставиский, 1957, 1959; Якубов, 1971, 1969, 1981). Сейчас остановимся на вопросе о титуле правителя Буттама. Как пишет Г. Гаибов, «во многих работах, касающихся политической истории Буттама, титул его правителя приведен и принят всеми исследователями без исключения как арабская Зун-на'-на'а» (там же, с. 87). Это правильно, а вот его отождествление с именем Девештича очень сомни-

тельно. Табари — единственный автор, который сообщает о Деваштиче, пишет его имя в двух вариантах: Дивошни (ديواشنى) и Дивошнак, Девошнак (ديواشنک), причем отмечает, что среди арабов Деваштич известен как Дивошни, а действительное его имя Девошнак (Табари, 9, с. 4038). В согдианских документах из замка Абаргара он назван Деваштич (Dy'-wsty-c) (Лившиц, 1962, с. 57). Это чтение принято всеми согдологами. Его отца звали Иодхшетак (Y-w ysy-tk) (там же, с. 56). Если учесть, что у согдийцев, как и у современных таджиков, имена были ритмичны, например, Вахакан сын Вархуман (согдийское), Хайрулло сын Абдулло (таджикское), то Девошнак, или Девоштак сын Иодхшетак по Табари вполне правомерно. Откуда взял Г. Гаибов арабское имя Деваштича Девоштиз — (ديواشتض), он не указывает. Но в любом случае переписчики никак не могли из ذوالنعنعة сделать ديواشتى. Нам кажется, что в одном Г. Гаибов прав: слово Зу-ал-наъ-наъх в корне — согдийское. Мы предполагаем, что слово Зу-ал-наъ-наъх является искаженной арабской транскрипцией имени главной согдийской богини Наны (Анахиты) — покровительницы княжеств Панча и Буттама. Она была богиней города Пенджикента (с ее именем выпускали монеты Нана-госпожа) (Смирнова, 1981, с. 241—255). Возможно, правители Буттама носили титул госпожи Наны, а в IX в. арабоязычными и арабскими авторами это имя не было понято и они из него сделали понятное для себя Зун-наъ-наъх — бодающийся. Относительно того, что на пенджикентских монетах отражено имя Нана, В. А. Лившиц пишет: «... монеты с надписью «госпожа Панча Нана» выпускались Деваштичем: он не хотел ставить свое имя на пенджикентских монетах, ибо это, очевидно, было равнозначно признанию отказа от претензий на самаркандский престол, а потому помещал на монетах имя и титул своей старшей жены» (Лившиц, 1977, с. 47). О. И. Смирнова придерживается иного мнения. Она пишет, что «пенджикентские монеты с женскими титулами скорее всего были выпущены двумя царицами, возможно, царицами разного ранга: δβ'mpnh — супругой царя (MLK') и bnpnwh — супругой господина (MR'У). Оба эти титула, по документам с Муга, носили два правителя Пенджикента (Смирнова, 1981, с. 49).

У царей были назтагрив (n'ztyγrγw) — помощники (Лившиц, 1962, с. 164—165; Смирнова, 1970, с. 238). По мугским документам, титул царька носили правители рустаков Кштута, Магиана, Матчи и др., а правители отдельных селений — титул γwβw (хус. 162—165; 173—174).

Из данных мугских документов вытекает, что в Согде, даже в Пенджикенте, были деваны на правах министерств, каждый имел своего начальника. В мугских документах встречаются главы отдельных деванов. Например, в документе А-5 упоминается говпат (Ywpt), глава финансового девана. Нет сомнения, что бы-

ли деваны хараджа, так как в мугских документах (А-13) упоминается божкарам — сборщик налогов, и деваны, которые занимались государственной, частной и духовной деятельностью.

Большую роль играл в государственной деятельности фрамандар — управляющий дворцовым хозяйством царя, один из важных чинов в государстве. При Шапуре I фрамандар (Фраматр) ведал всей хозяйственной жизнью страны и считался первым министром шахиншаха. У фрамандара был штат дабиров — секретарей во главе с дабирпатом (Луконин, 1969, с. 66). Мы, вероятно, не ошибемся, если предположим, что фрамандар Деваштича имел аналогичную сасанидскому фрамандару должность, права и штаты. С именем фрамандара связано более 25 хозяйственных документов мугского архива. Судя по мугским документам, он следил за доходами и расходами хозяйства Деваштича. Раньше мы предполагали, что фрамандар жил в Паргаре, в Гардани Хисор (Якубов, 1966, с. 44—45), однако данных для подтверждения этого мнения нет. Скорее всего, фрамандар жил в Пенджикенте и ведал всей хозяйственной жизнью Панча. Что касается мугских документов, связанных с Верхним Зеравшаном, а также с пребыванием и ведением хозяйственных дел этого района в 20-х годах VIII в., то очевидна их связь с политическими событиями и уходом Деваштича вместе с восставшими в Паргар (Якубов, 1979, с. 44—45).

В Пенджикенте, на объекте XVI раскопано богатое здание с многочисленными парадными, хозяйственными и жилыми помещениями. Мною в помещении 3 были найдены 47 глиняных булл с оттисками различных печатей (Беленицкий, 1964, с. 60). Возможно, что в этом доме жил глава канцелярии или сам фрамандар государя Панча. Судя по сообщениям письменных источников, в сасанидском Иране для оформления различных хозяйственных, дипломатических и юридических документов применялись разные печати (Пигулевская, 1946, с. 214—216). Нет сомнения, что буллы, найденные в помещении 3, предназначались тоже для оформления различных государственных документов. Одним словом, можно предположить, что в Согде у ихшида в больших областях, в том числе в Панче, существовали, как в сасанидском Иране, дифференцированные отрасли управления.

В государственном аппарате важное место занимал дабирпат δр'угрt (Б-17) с множеством дабиров — писцов.

Важную роль в жизни государства играло жречество во главе с магупатом. Маги были не только главами духовенства, но и решали судебные и гражданские дела.

Из мугских документов известно, что были судебные чиновники, подобные паржеваипат — судебным чиновникам в сасанидском Иране, принимающим иск и участвующим в следствии и в подготовке дела к процессу; следователь, databarpat — судья, datpat (компетент) в деле изъятия учреждения и исчисления на имущество (MHD, с 366, 363), судя по согдийскому документу, назывался dstbr.

В аппарате государства работал парджбан — начальник царских парков и садов (см. выше).

У иранских шахиншахов были большие поместья, лесные дачи с обильной дичью для царской охоты, фруктовые сады и саженые леса с питомниками (Авдиев, 1970, с. 486). Возможно, такие поместья были у Девештича в горных рустаках Буттама, которые специально охранялись, за ними ухаживало определенное количество людей во главе с начальником пардиза.

В согдийских документах упоминаются следующие должности: rwtpt (дарватпат) — начальник дворца (А-5); Ср'ys (чапиш) — полководец (А-14), s'ykn (офицер) (А-14, А-19, 13-17); 'tYw'nk — палач (А-15); 'wrnyk'n — чиновник (В-4); и 'stk — курьер (В-18); Ywyst — старший, глава (NOV-3, NOV-4); Yyn'w'nt — господин, владыка (В-16), p br — чин, степень (В-17); pr yzp'n — начальник парка, заповедника (А-5); wy pt — начальник канала (NOV-6); zwtpt — главный виночерпий (А-5); mwYpt — главный жрец (А-5); 'ps'rspn — помощник араспана (Б-17); zwtpt — главный виночерпий (А-5), rwtpt — главный лекарь (А-4). Нет сомнений, что были и другие военные и гражданские и административные чины, о которых мы не знаем. Несмотря на отрывочные данные об административном аппарате согдийского княжества Панч, мы все же вправе сказать, что он был достаточно развитым.

Исследователь согдийских документов В. А. Лившиц выделил следующие должности: 1) «государь» (Ywbw) — правитель селения и прилегающей сельской округи; 2) «сельский староста» (kpy'βsyws) (Б-17); 3) «араспан» ('rspn) (NOV-2, Б-18, Б-12); 4) «глава» (Ywyst), Ywystk — «административный титул или духовный чин» (Лившиц, 1962, с. 177). Эти важные данные согдийских документов теперь дополняются археологическим материалом.

Среди мугских документов сохранилось одно письмо (документ Б-16) правителю Ката Крута, где к нему обращаются как к царю, «господину, государю, великому оплоту, крутскому государю». Археологические исследования в сел. Крут и его окрестностях показали, что в домусульманский период кроме одного небольшого селения Крута другого не было. Следовательно, титул государя — Ywbw носил правитель небольшого ката Крута. Такой же титул носил правитель другого селения Искодар (Лившиц, 1962, с. 174). Отсюда можно предположить, что кадхудат мог называть себя правителем, государем, т. е. слово «кадхудат» соответствует слову «государь». Если сравнить «кадхудат» — хозяин ката и «бухорхудат» — хозяин Бухары, то получается правитель области, селения, страны. Поэтому к кадхудату его подчиненные обращались как к государю. Многоступенчатое пышное обращение к главе ката свидетельствует о большом авторитете, самоуправлении главы сельской общины.

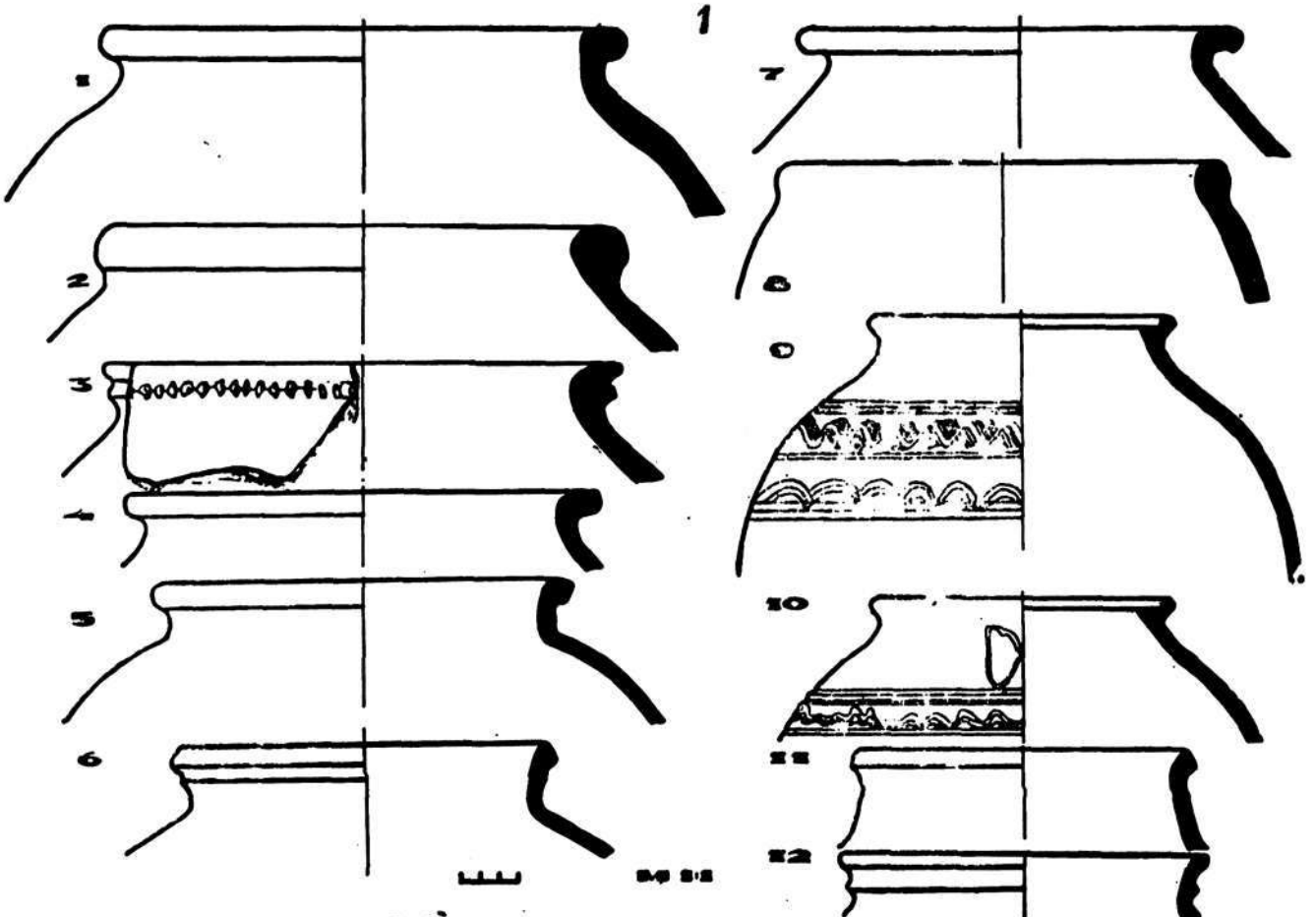
Судя по мугским документам (Б-17), араспан в кате был представителем государства и имел при себе помощника. Возможно, аспаран осуществлял государственный контроль над сельской общиной.

Раскопанные святилища в Гардани Хисор и в Куме свидетельствуют о том, что в кате были маги — магупат — глава духовной религиозной общины. По мнению О. И. Смирновой, в документе Б-1 речь идет о главах религиозной местной общины (Смирнова, 1970, с. 101). Кроме того, возможно, при араспане или кадхудате был дабир — писец, который вел все канцелярские дела. Правители катов — кадхудоды — подчинялись правителям рустаков. Если в кате было 4—5 должностных лиц, то у правителя рустака административный аппарат, вероятно, содержал гораздо больше людей и должностей, в том числе отряд чакиров.

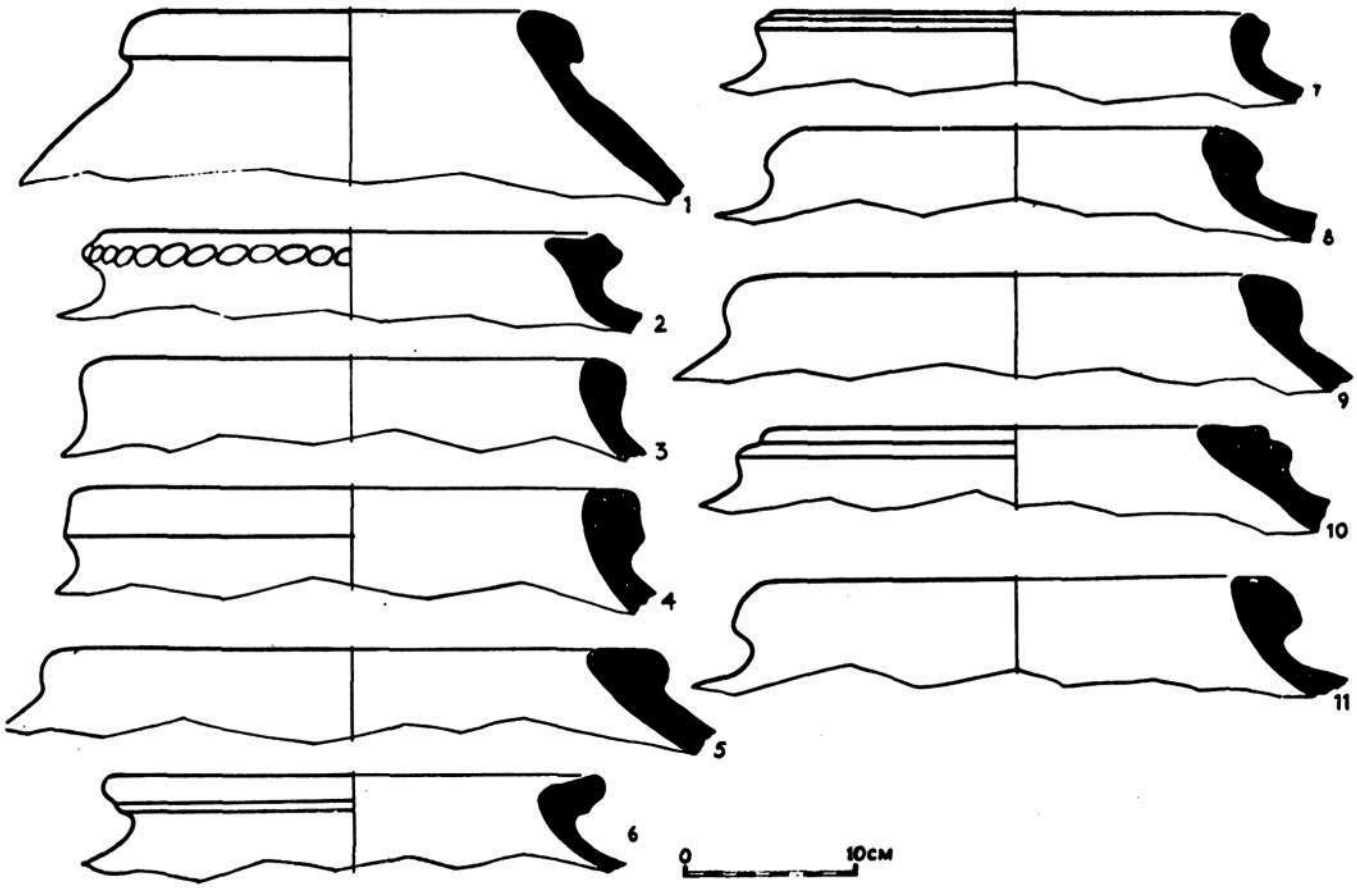
***

Так как в каждой главе в ходе изложения и анализа проблемы давались выводы, то из-за ограничения объема работы специальное заключение не дается.

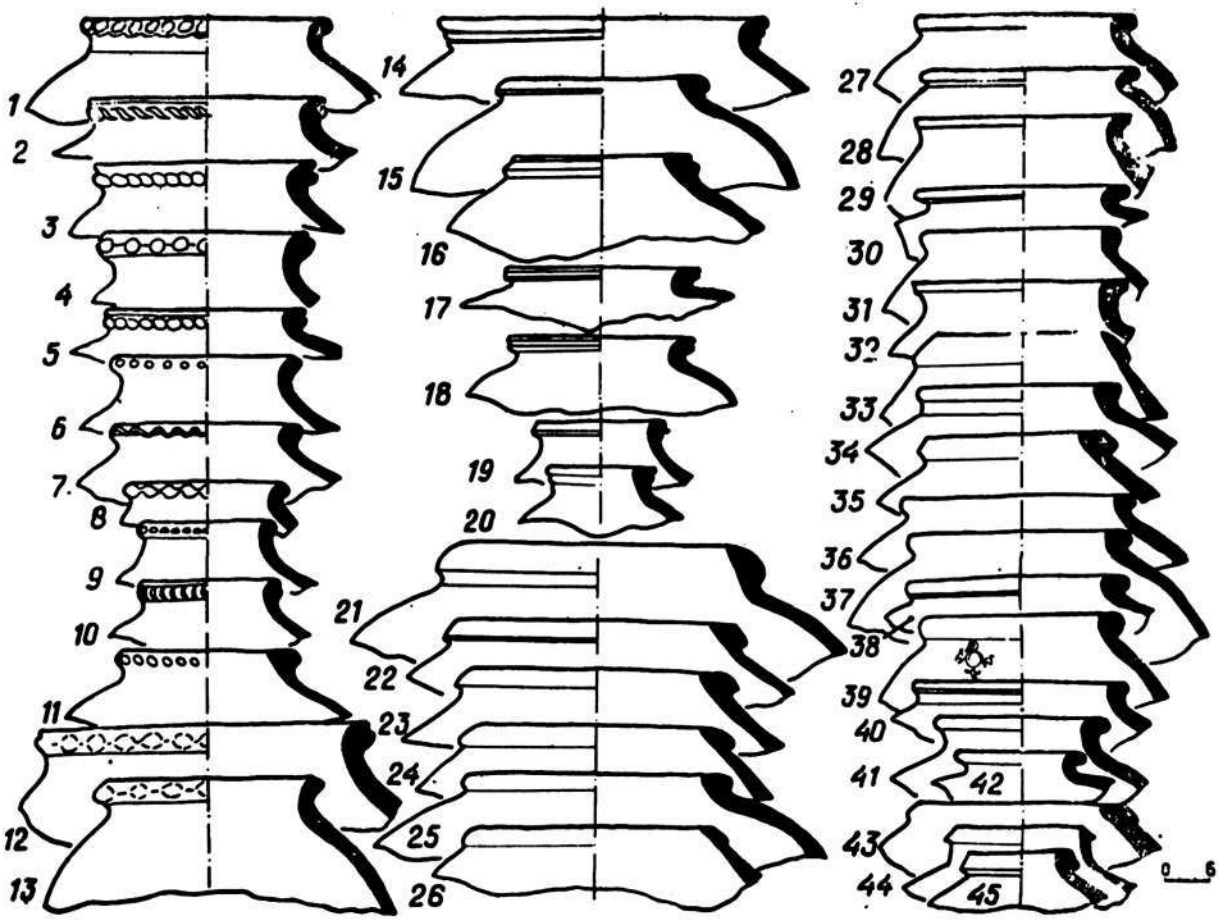
КЕРАМИКА VII—VIII вв.



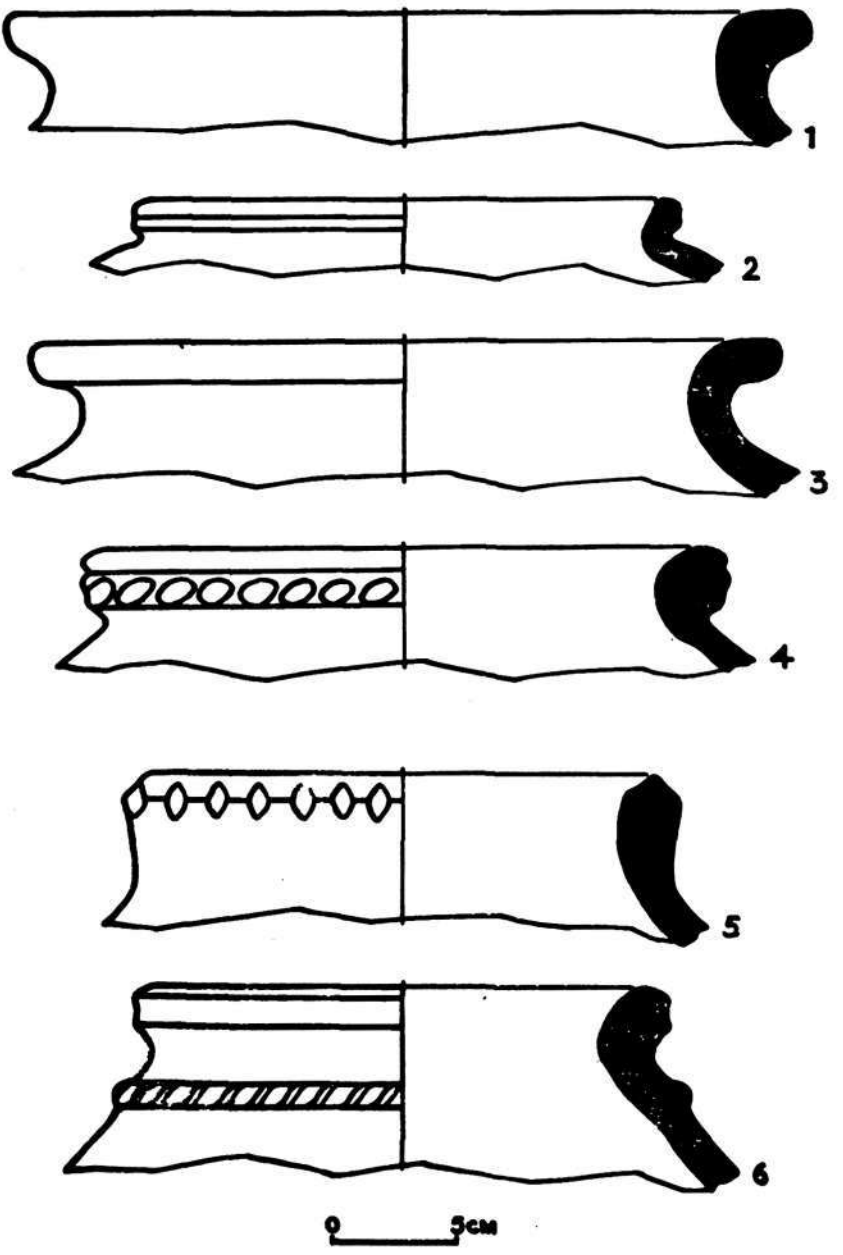
I. Хумы, нимхумы и хумчи из Гардани Хисор



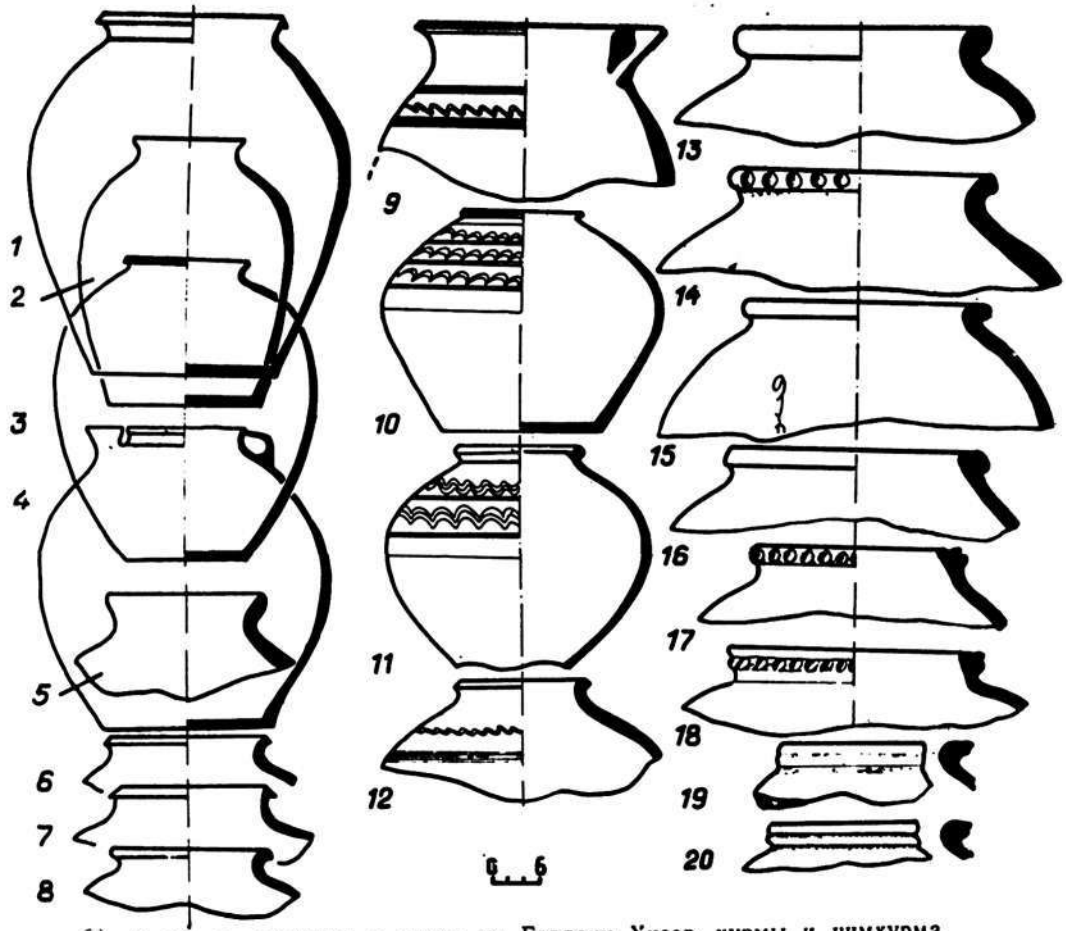
II. Хумы, нимхумы и хумчи из Гардани Хисор



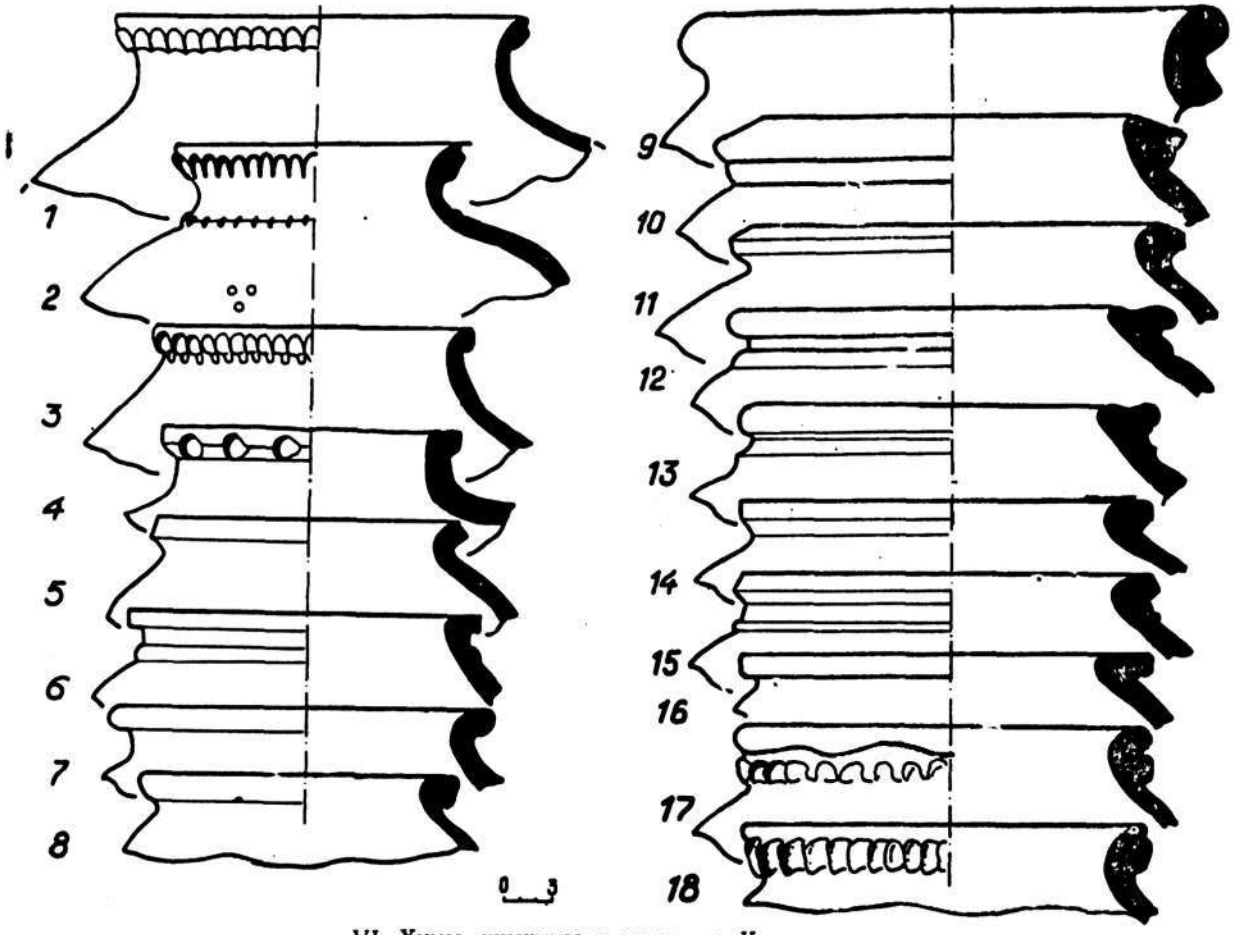
III. Хумы, нимхумы и хумчи из Гардани Хисор



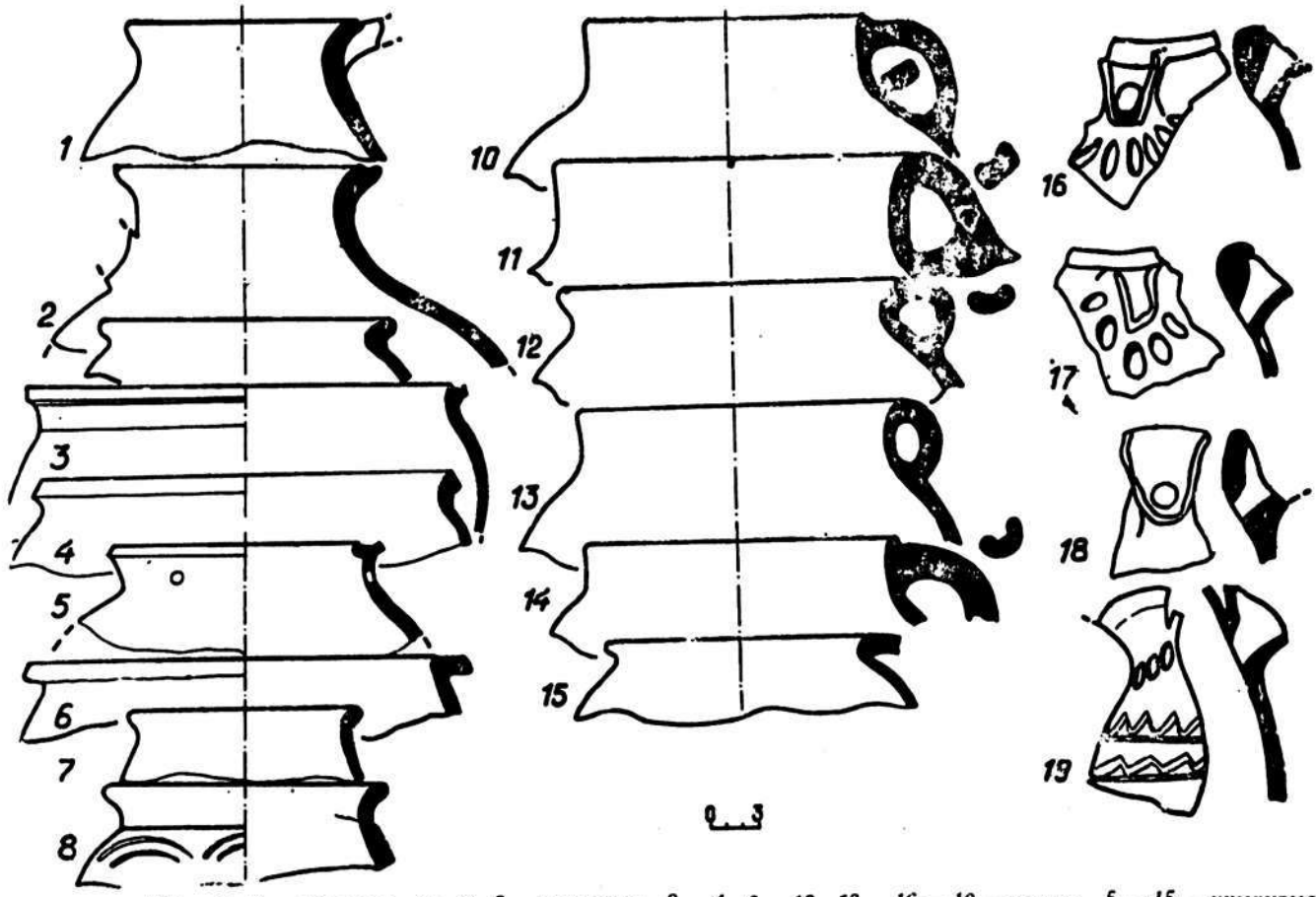
IV. Хумы, нимхумы и хумчи из Гардани Хисор



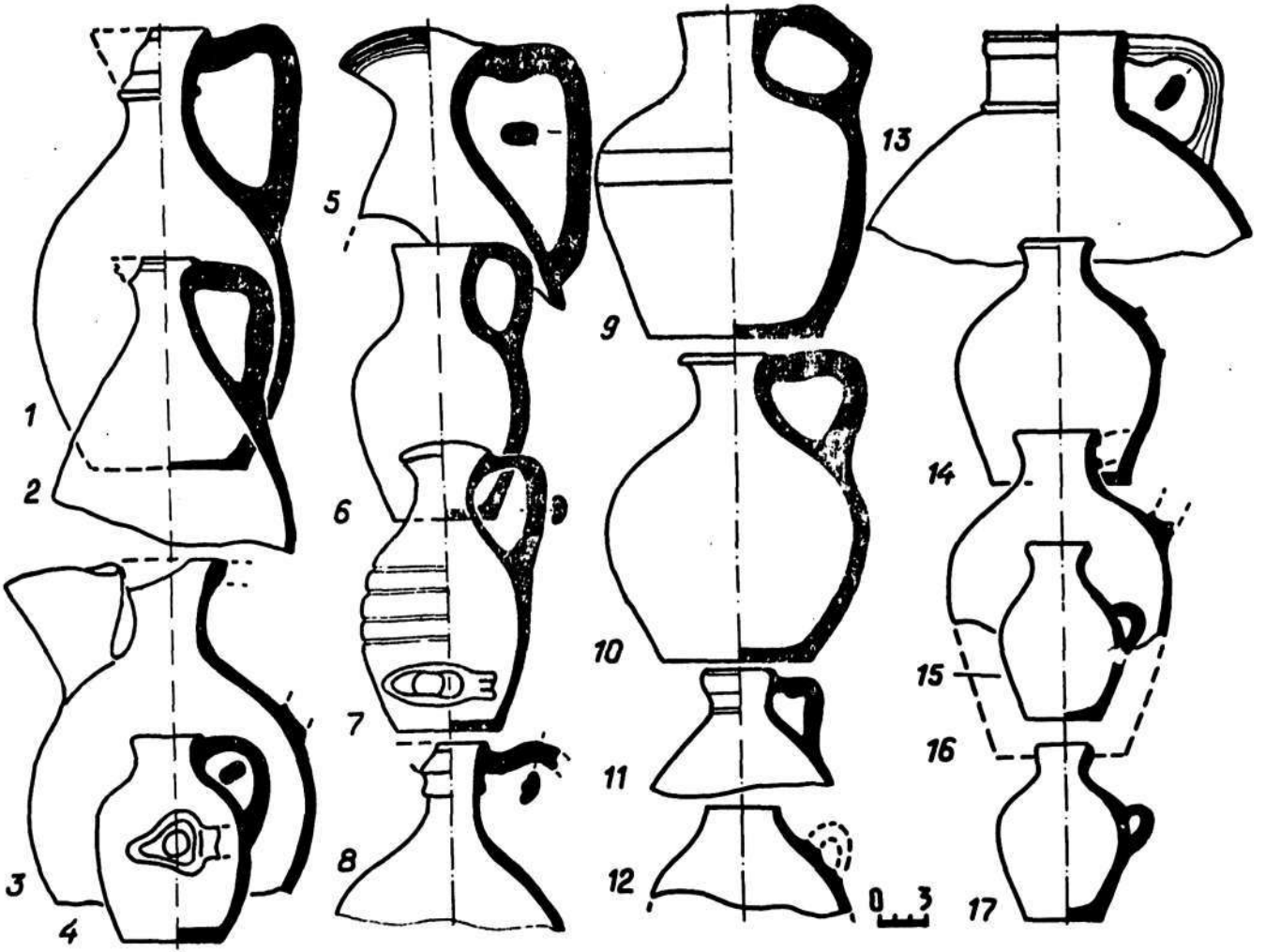
V. Хумы, нимхумы и хумчи из Гардани Хисор, хурмы и нимхурма



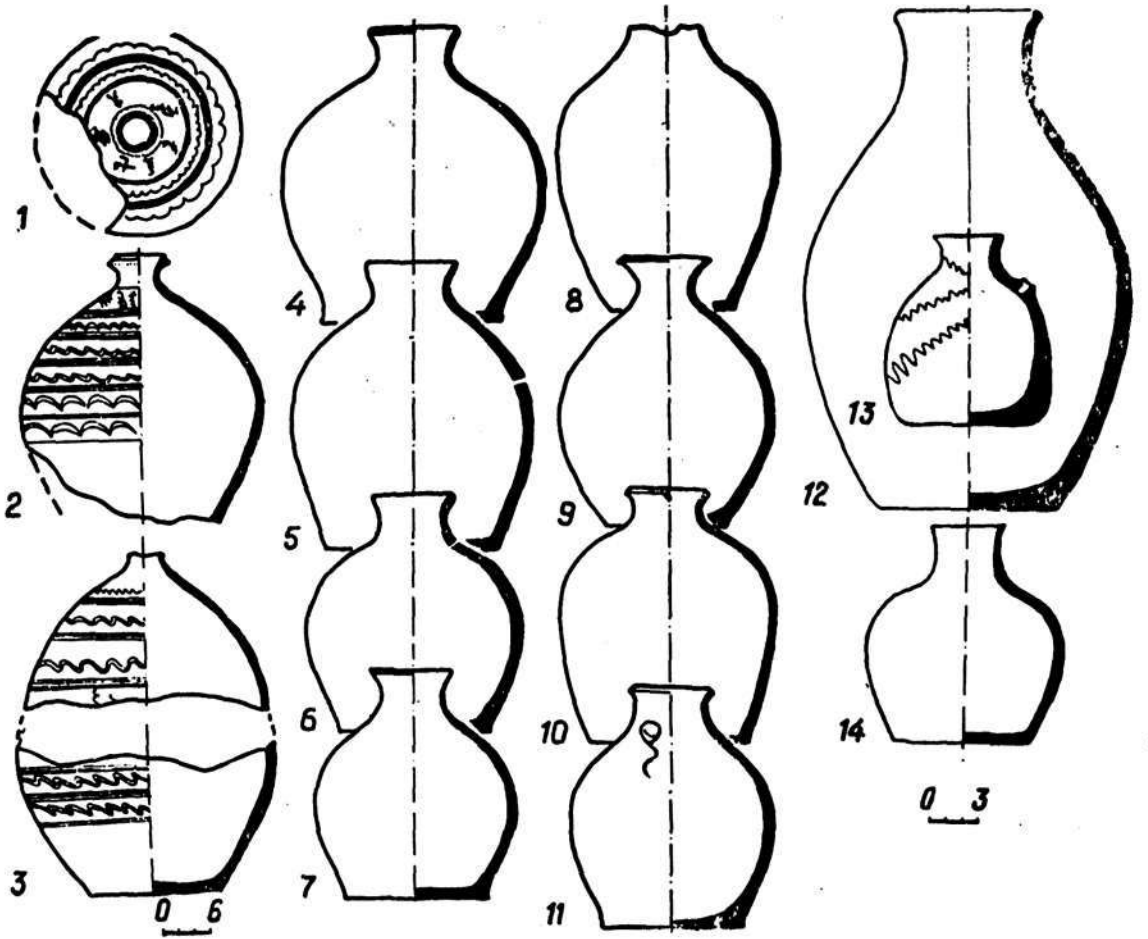
VI. Хумы, нимхумы и хумчи из Кума



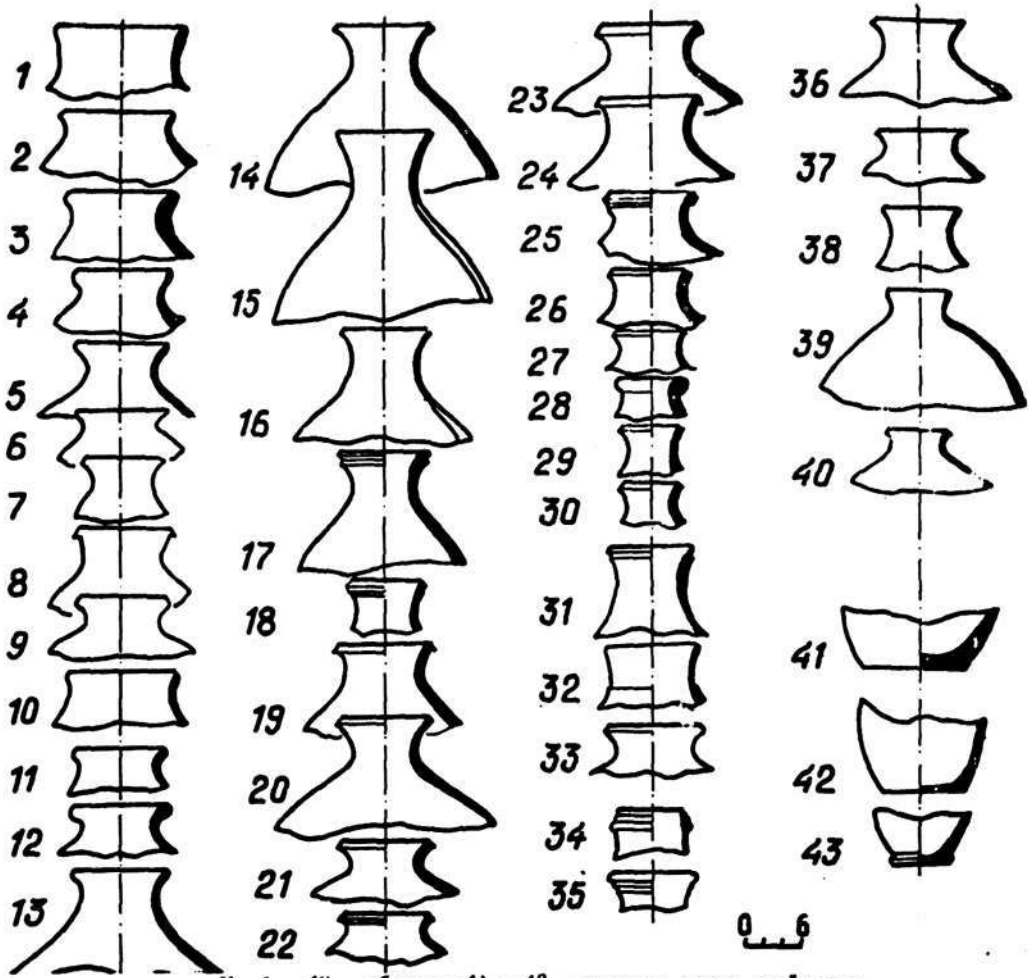
VII. *1, 2* — обдаста; *2а, 7, 8* — хурмача; *3 — 4, 6, 10, 13, 16 — 19* — хурма *5 — 15* — нимхурма



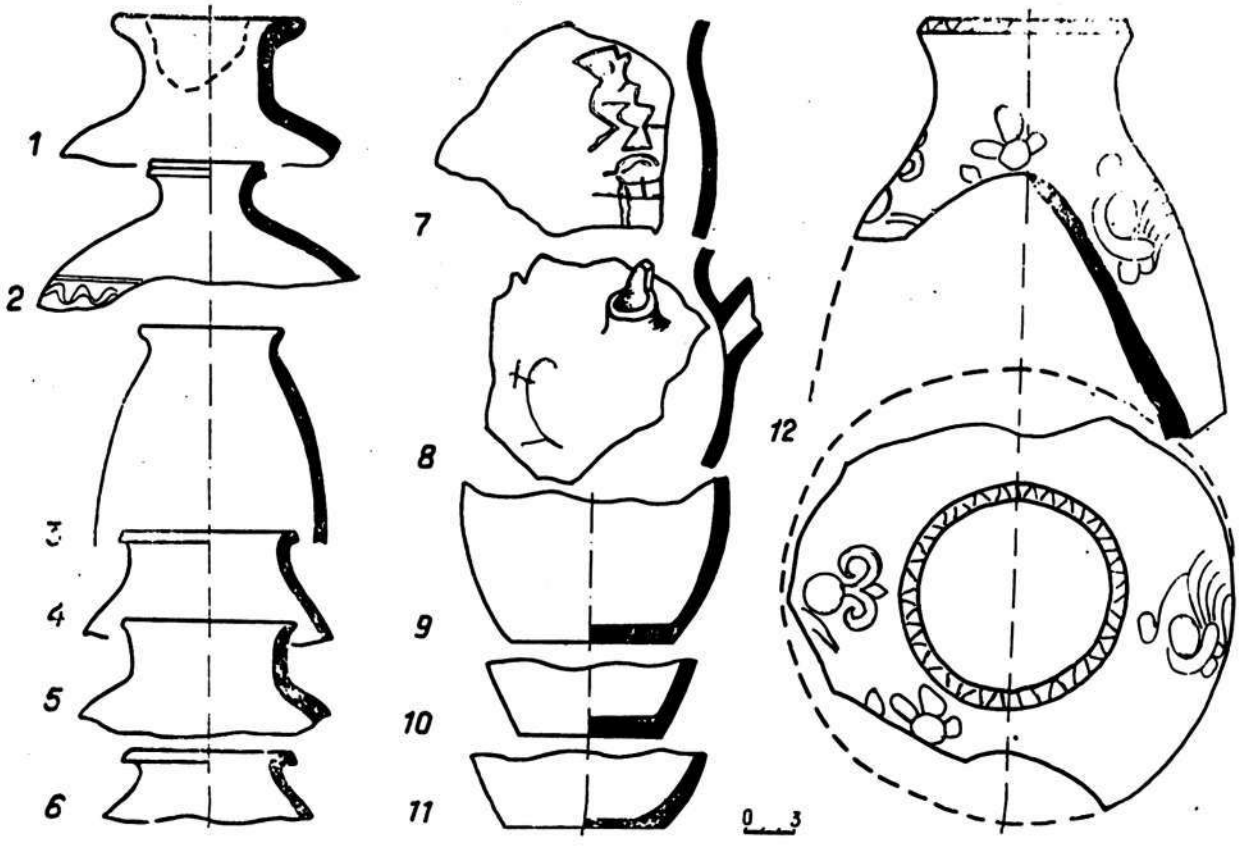
VIII. *1, 2, 4—8* — майдаста; *3* — офтоба; *9—14* — обдаста; *15—17* — кузача



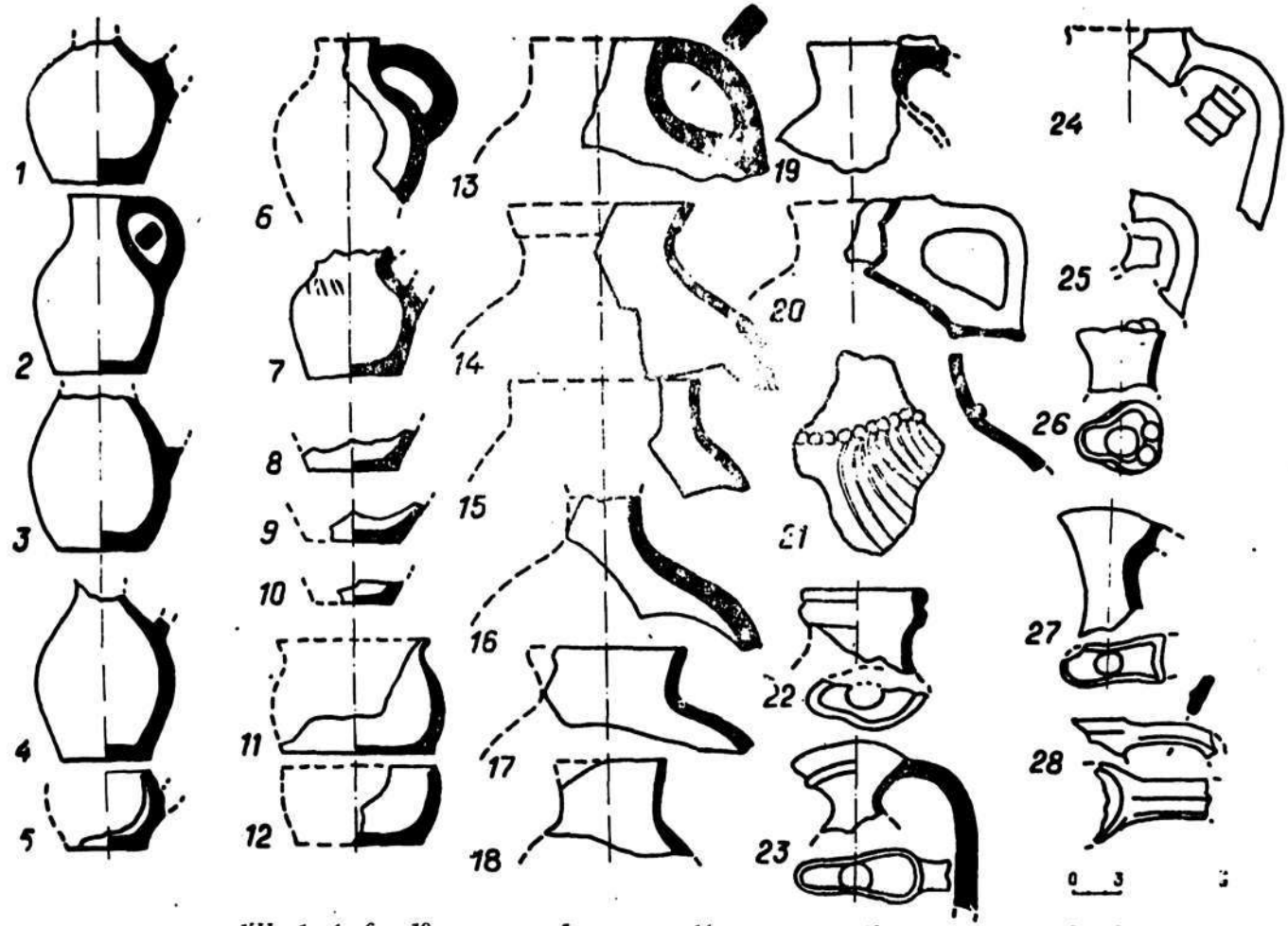
IX. *1—2* — булбули; *4*, *12*, *14* — обкуза; *13* — ширхора



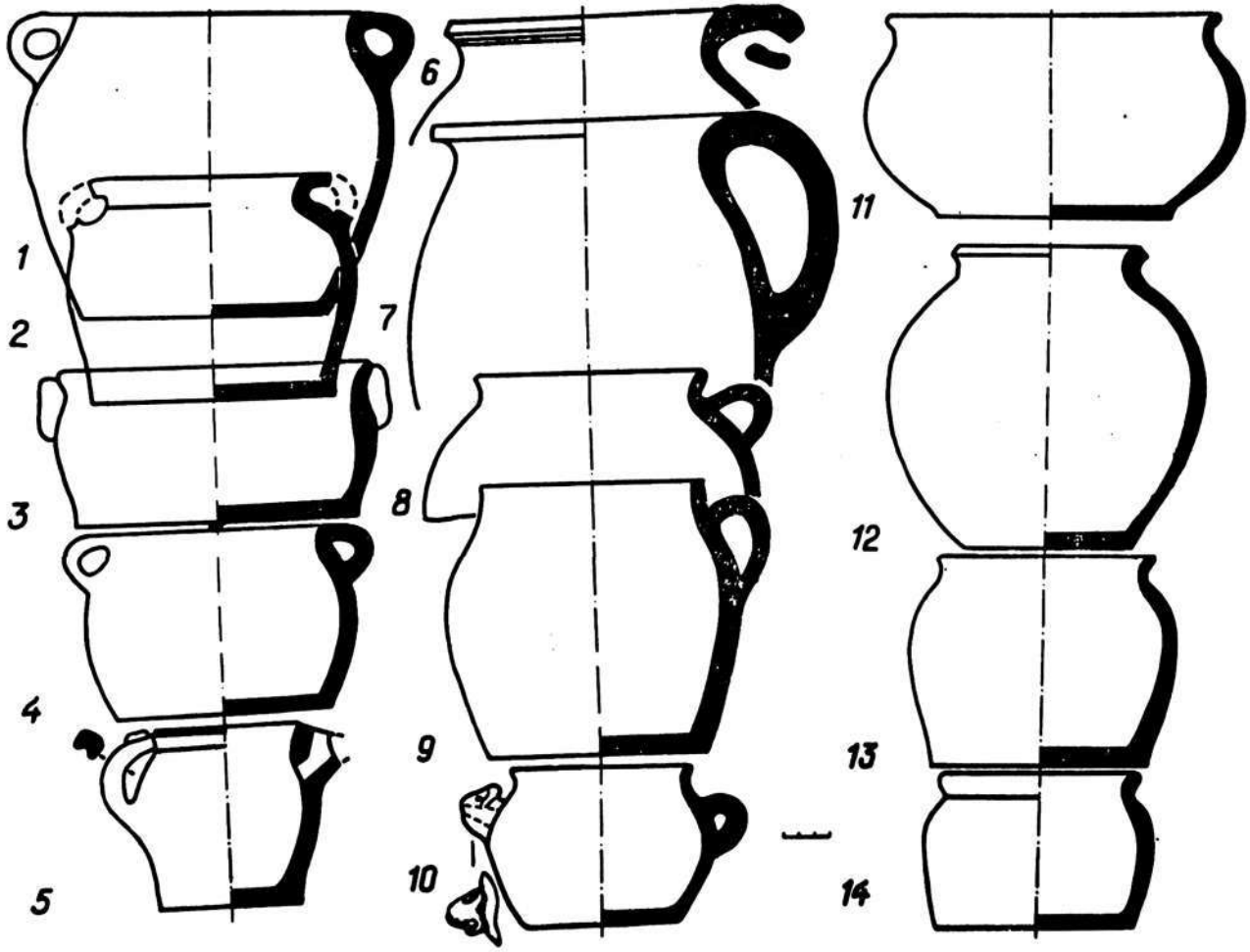
X. *1—40* — обкуза; *41—43* — нижние части майдаста



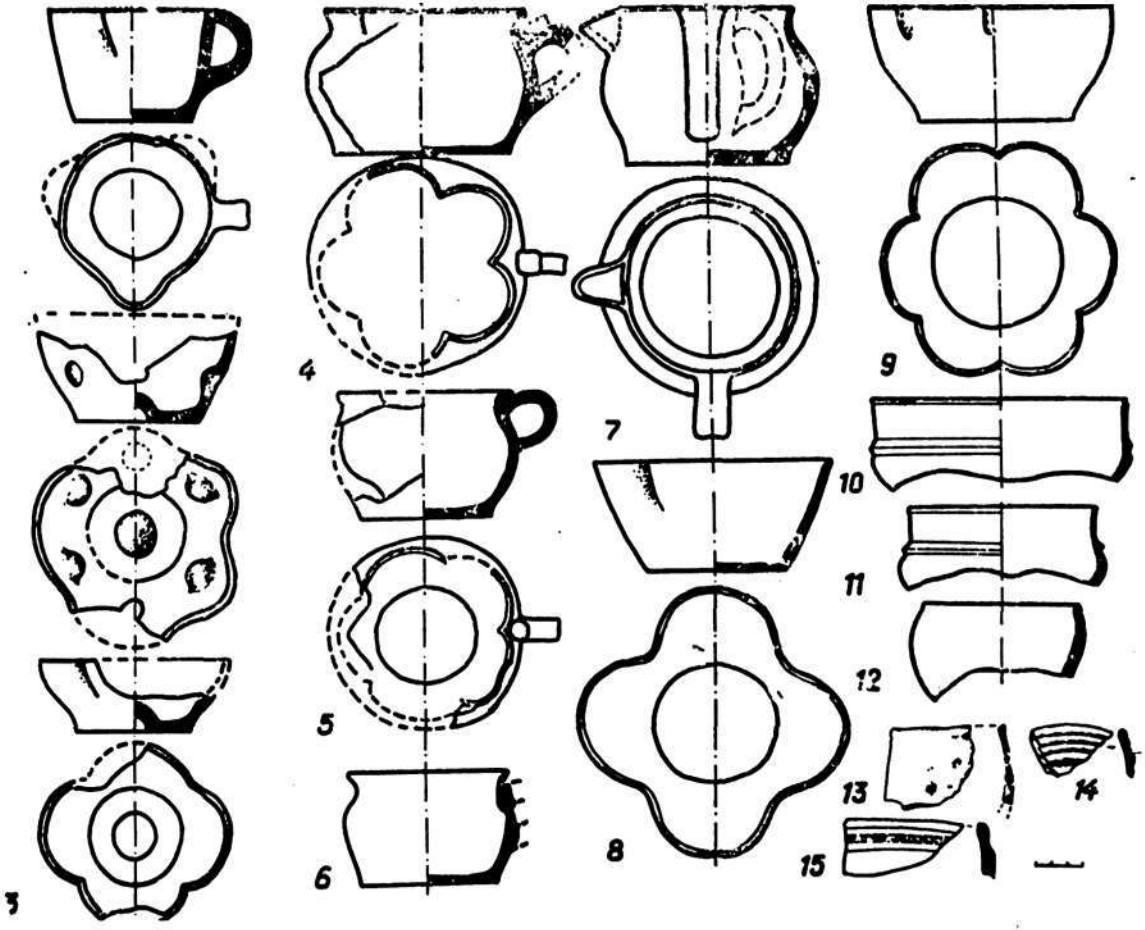
XI. *1, 3, 5, 12*—обкуза; *2*—булбули; *4, 6*—хурмача; *8*—офтоба; *9—11*—донцы майдаста



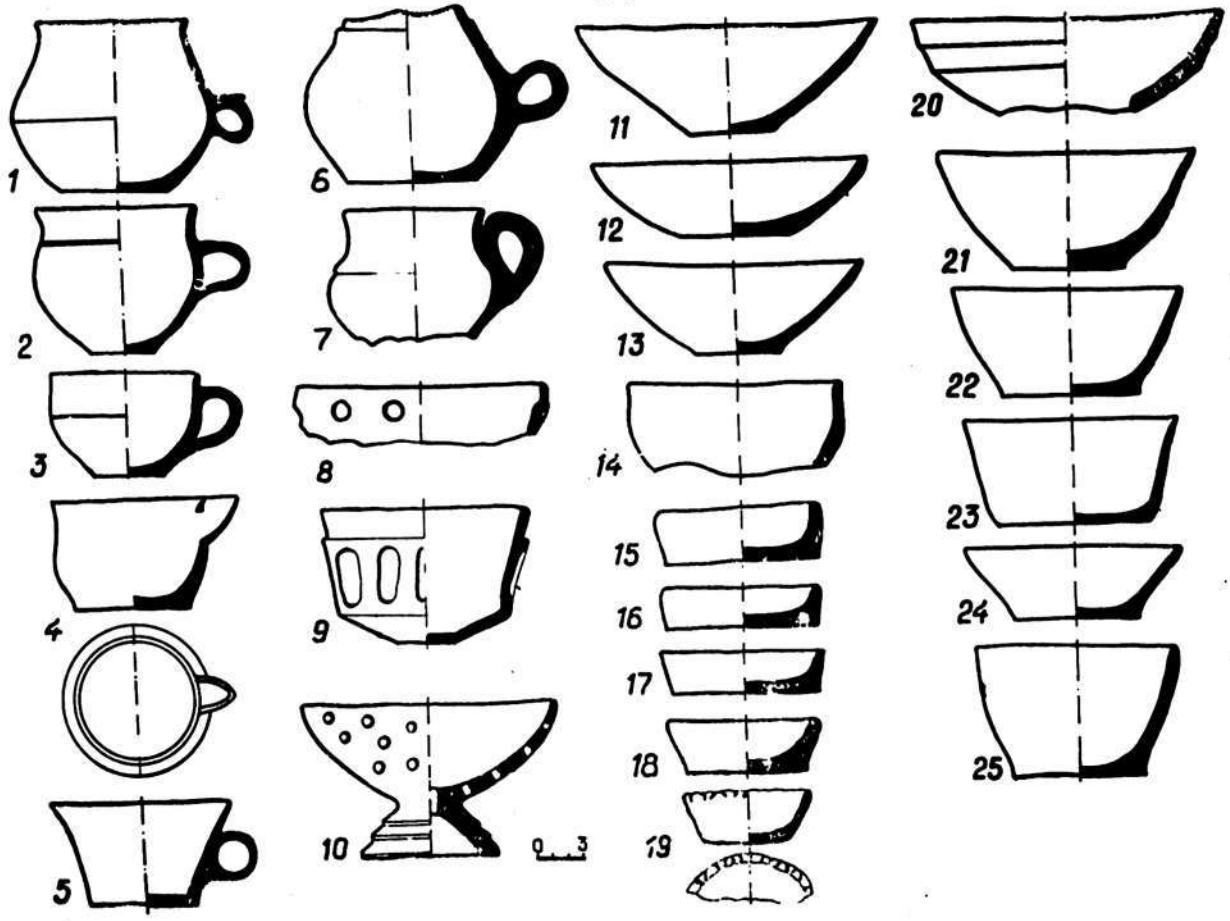
XII. *1, 4, 6 — 10* — кузача; *5* — дулча; *11* — хурмача; *12* — косача; *13, 19 — 21, 24* — обдаста; *14, 18* — обкуза; *22, 28* — майдаста



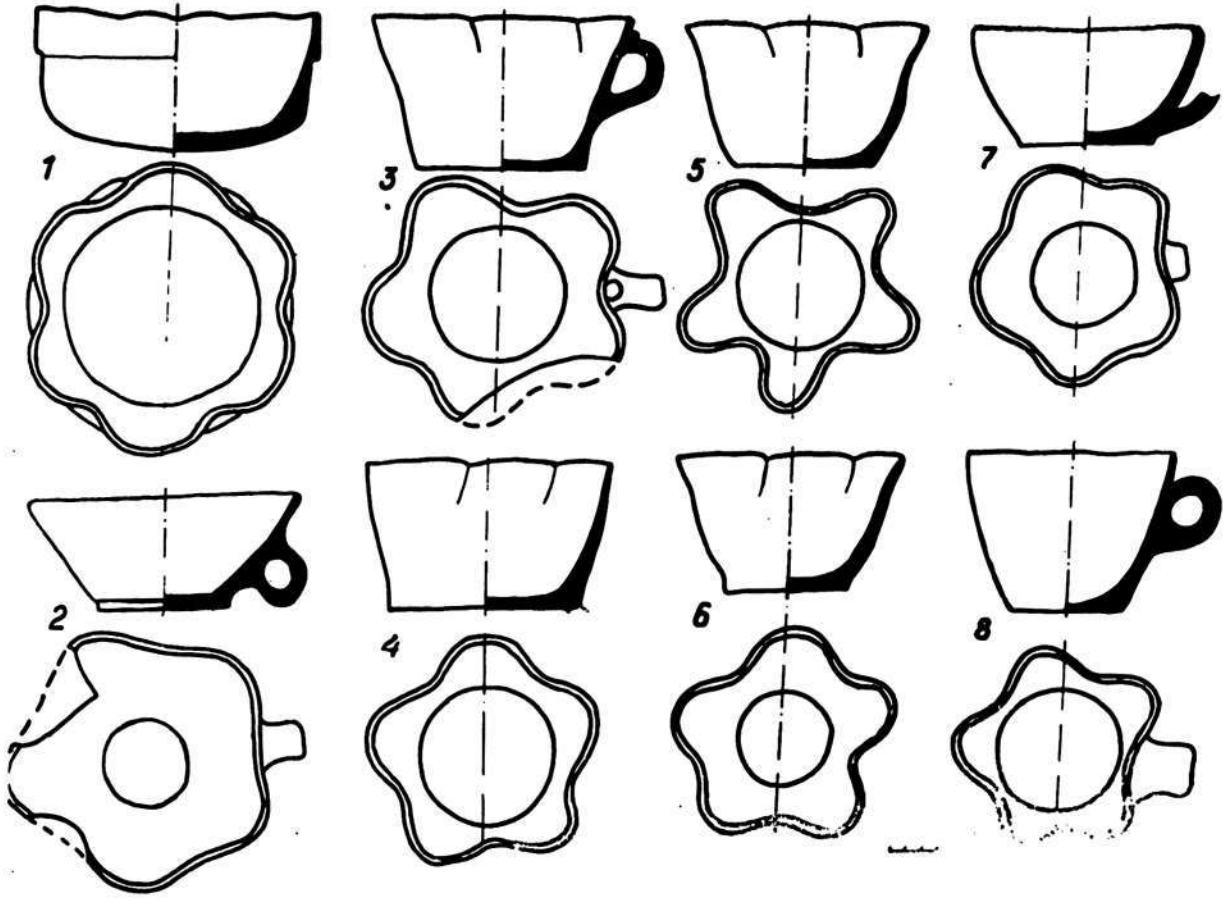
XIII. *1*, *6—7* — нимхурма; *2*, *4*, 8, *9*, *11—14* — хурмача; *5—10* — ширхора; *3* — котелок (дегча)



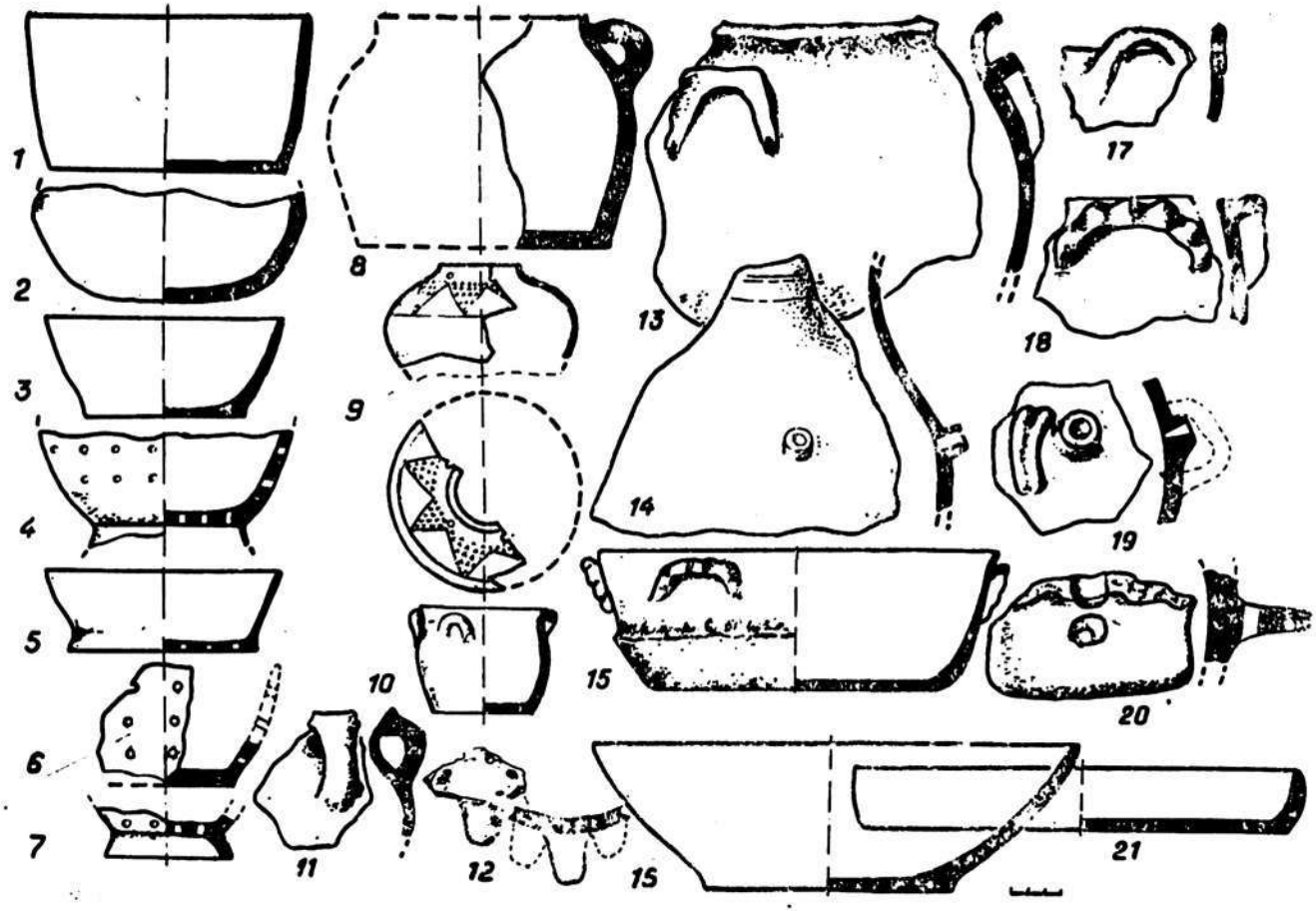
XIV. *1—3, 8—9* — косагул; *4—6, 10—11* — гулосак; *7* — дулча; *12* — кубковидная чаша; *13* — коса *14* — намакдон; *15* — табак



XV. *1 — 3, 5 — 7, 9* — гулосак; *4* — дулча; *8, 11 — 13* — коса; *14, 21 — 25* — ним-коса; *20* — табакча; *10* — обполо; *15 — 17* — лаълича; *18 — 19* — намакдон

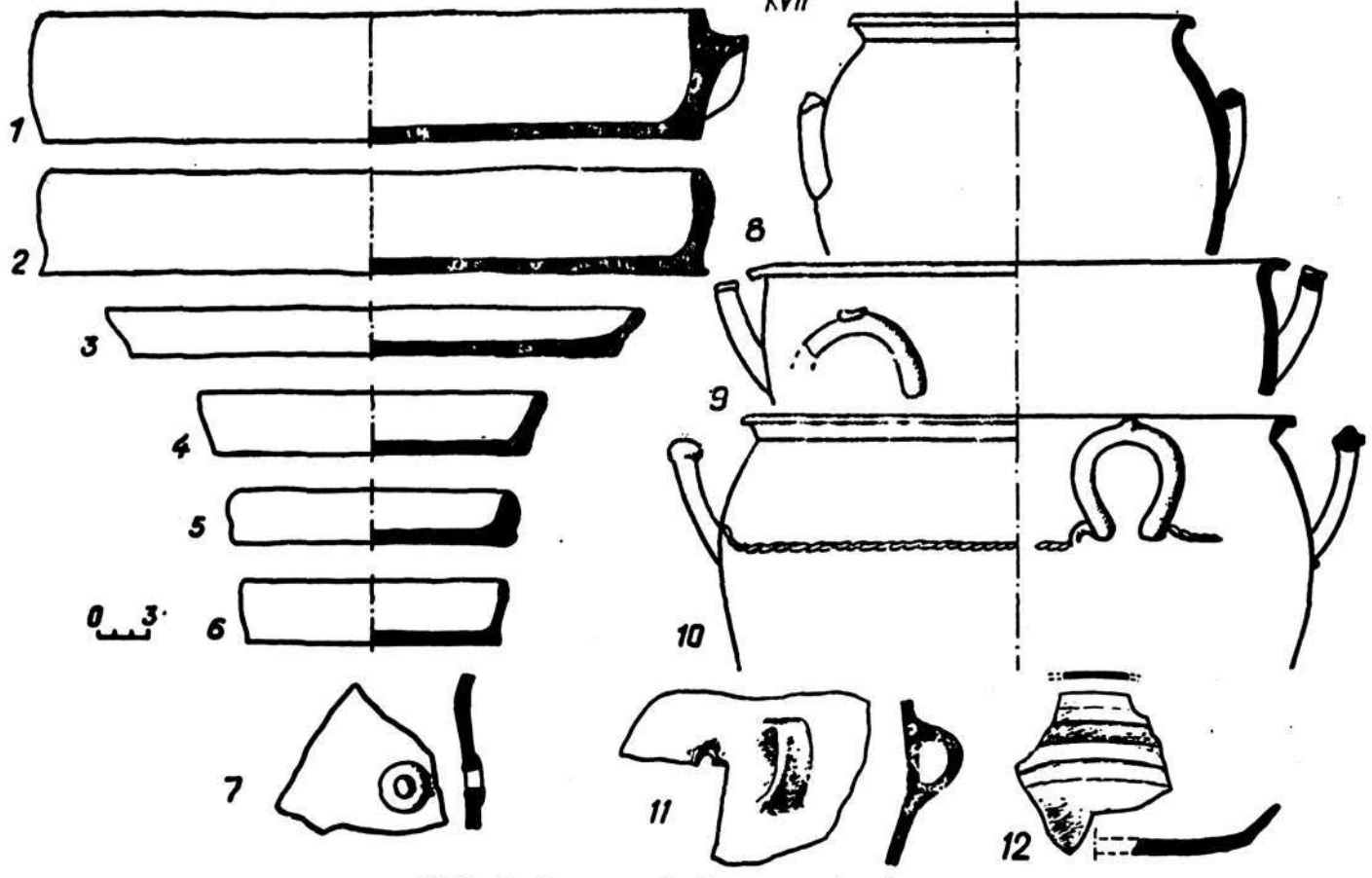


XVI. *1 — 8* — косагул

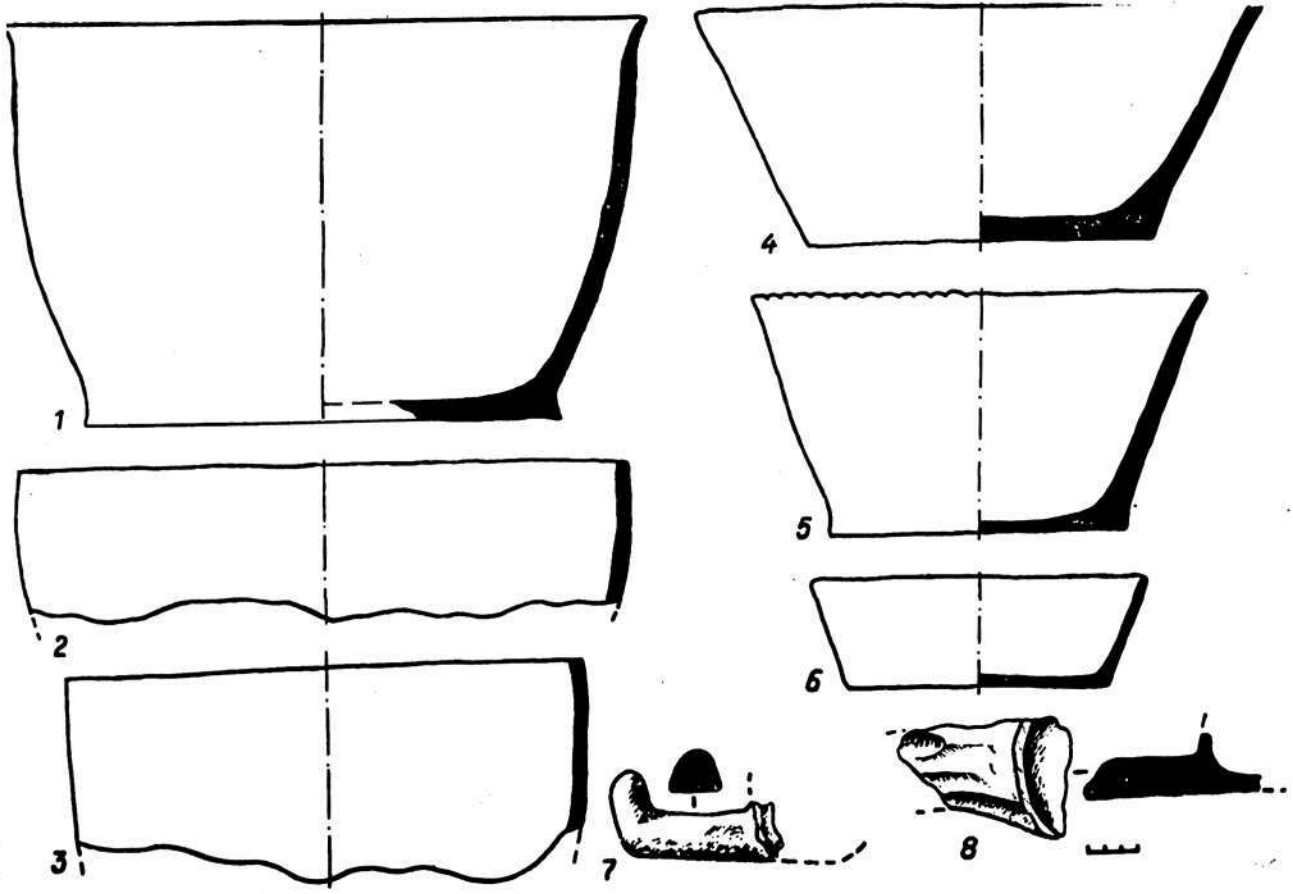


XVIa. *1* — тагорача; *2* — коса; *3* — косача; *4* — *7*, *12* — обполо; *8*, *9*, *11* — хурмача; *10* — котелок; *13*, *15*, *17* — *18* — котлы; *14*, *19* — гуппи; *16* — табак; *20* — ручка от котла; *21* — това

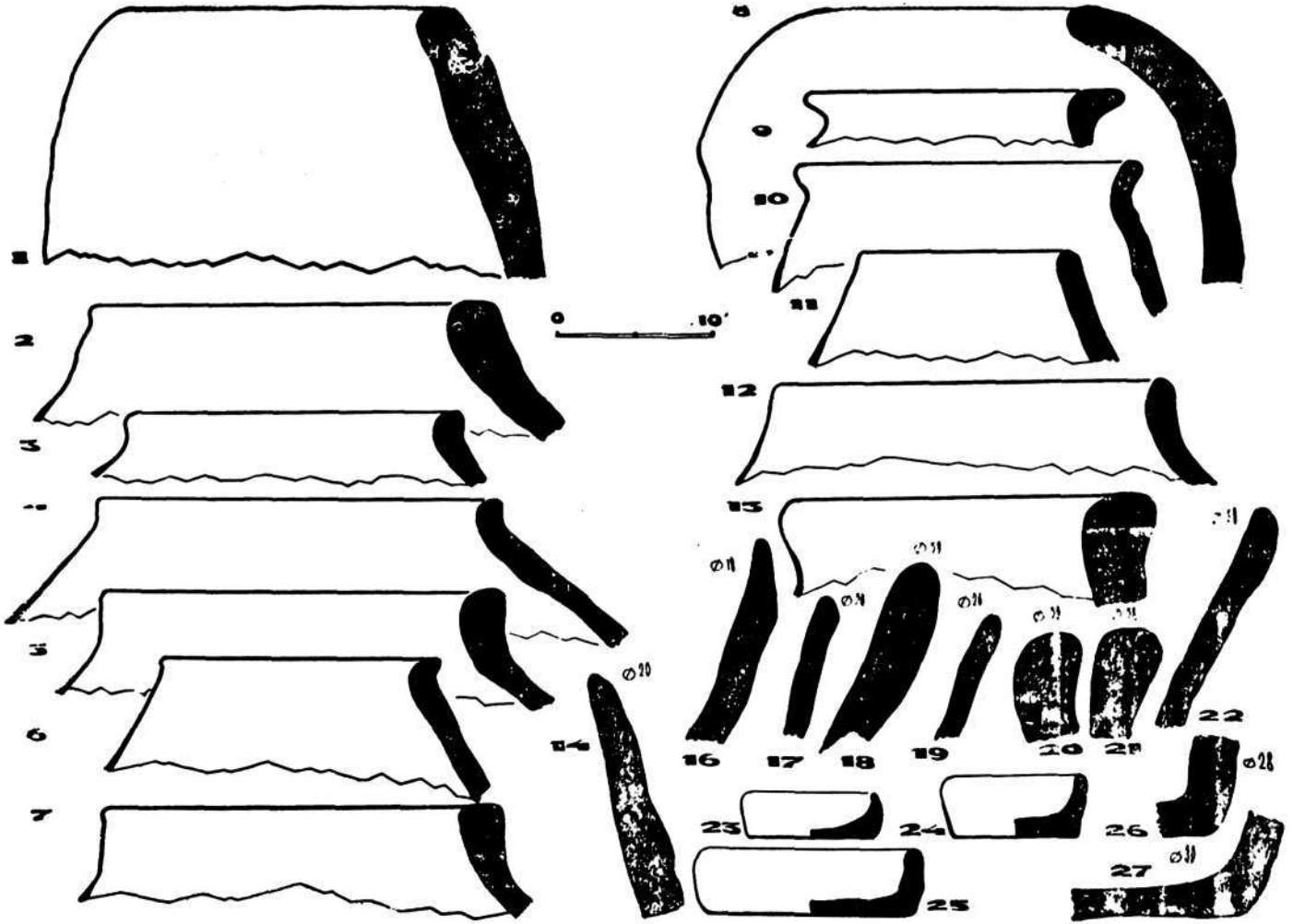
XVII



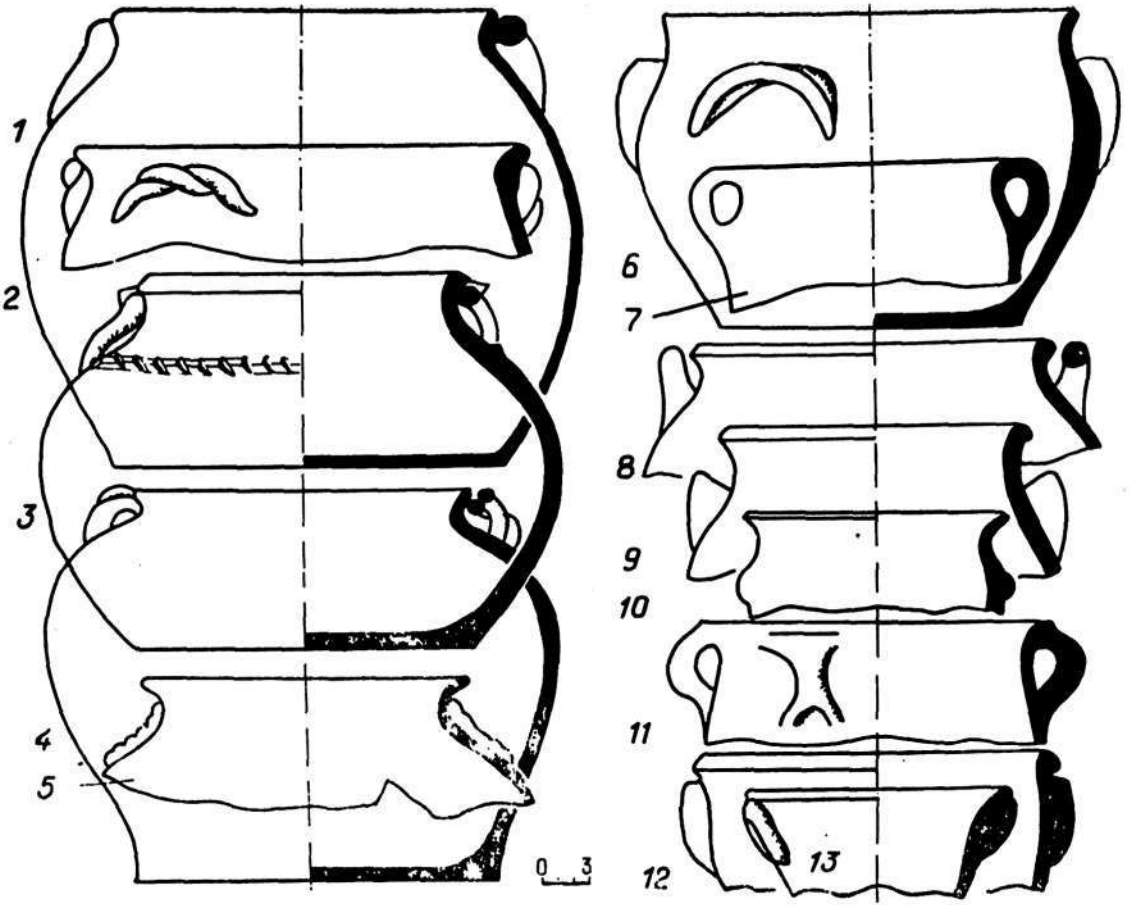
XVII. *1—6* — това; *7*, *11* — гуппи; *8—10* — котлы; *12* — лаълитабак



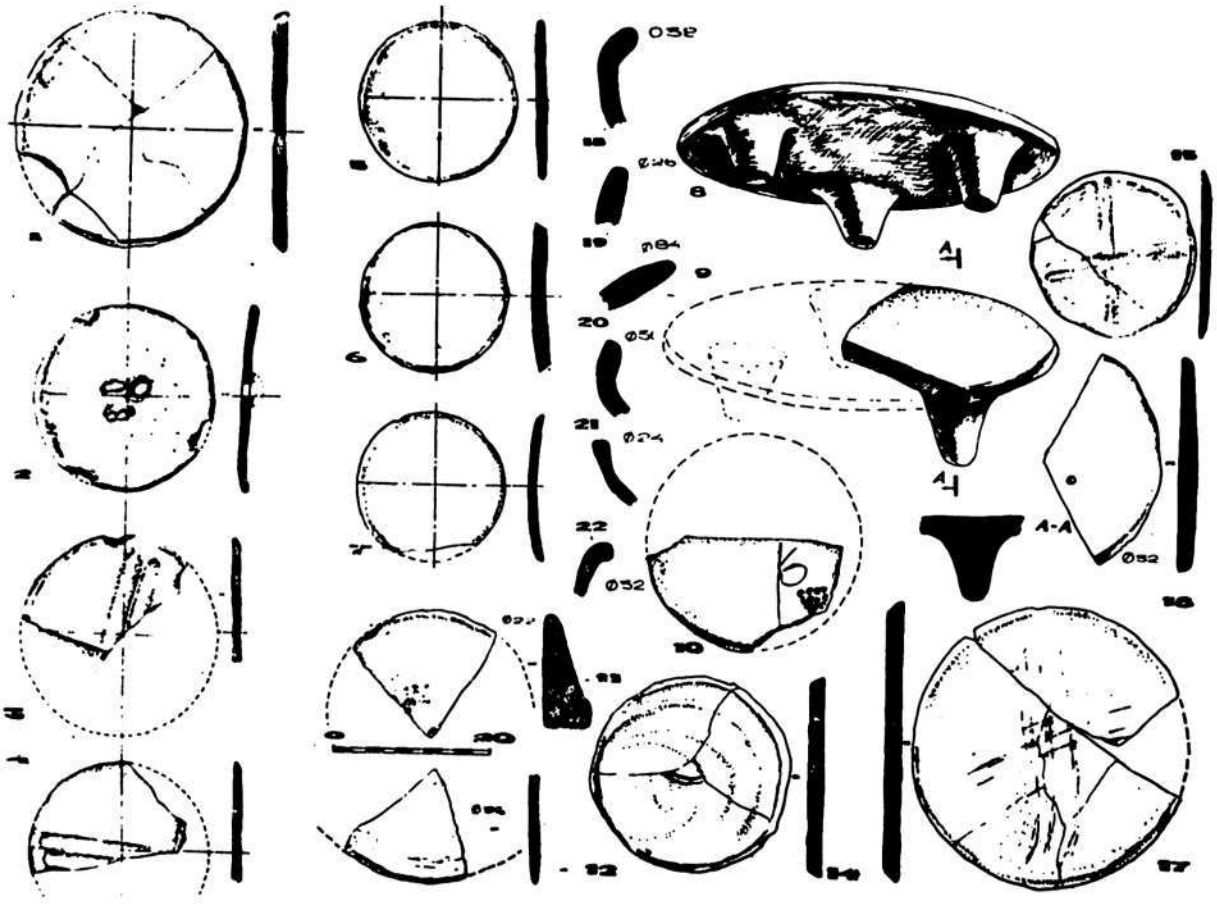
XVIII. *1—16*—тагора; *7—8*—чираги



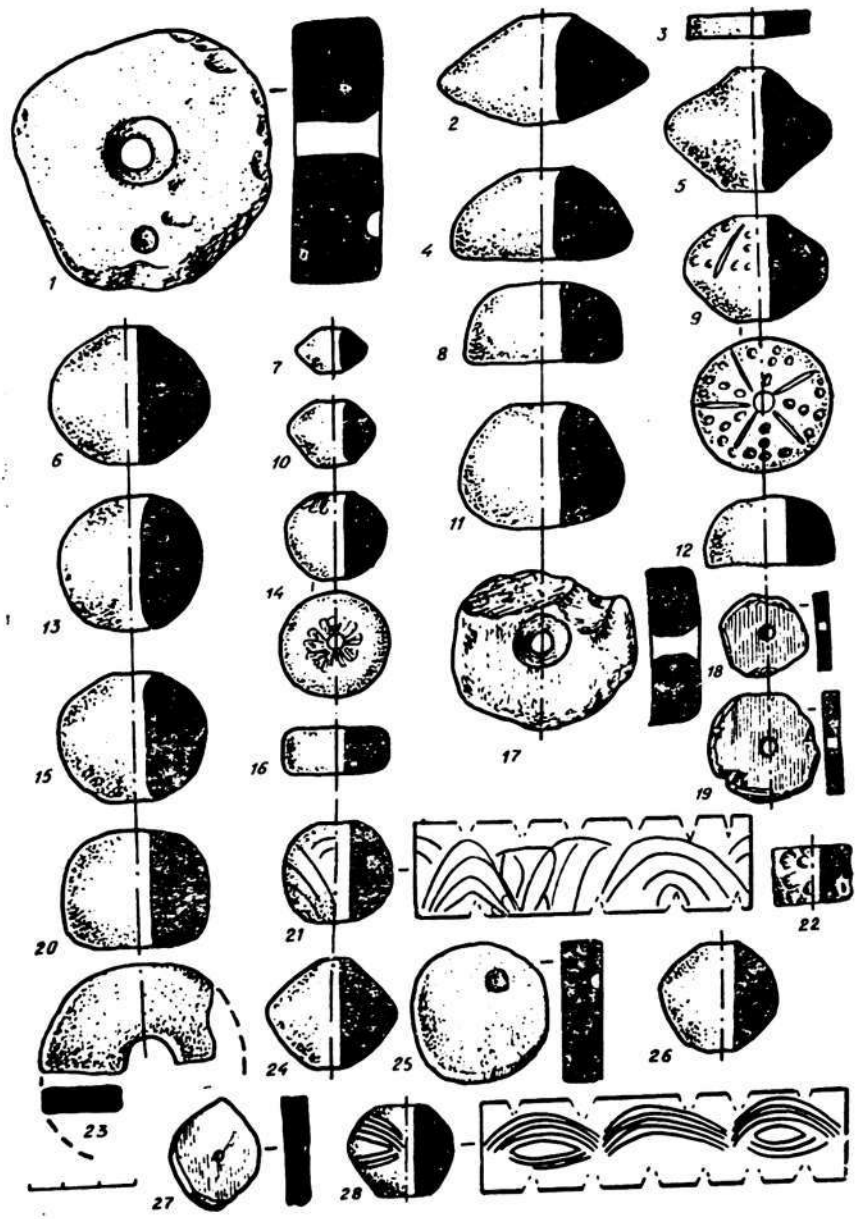
XIX. Изделия из Ганча



XX. *1 — 13* — котлы

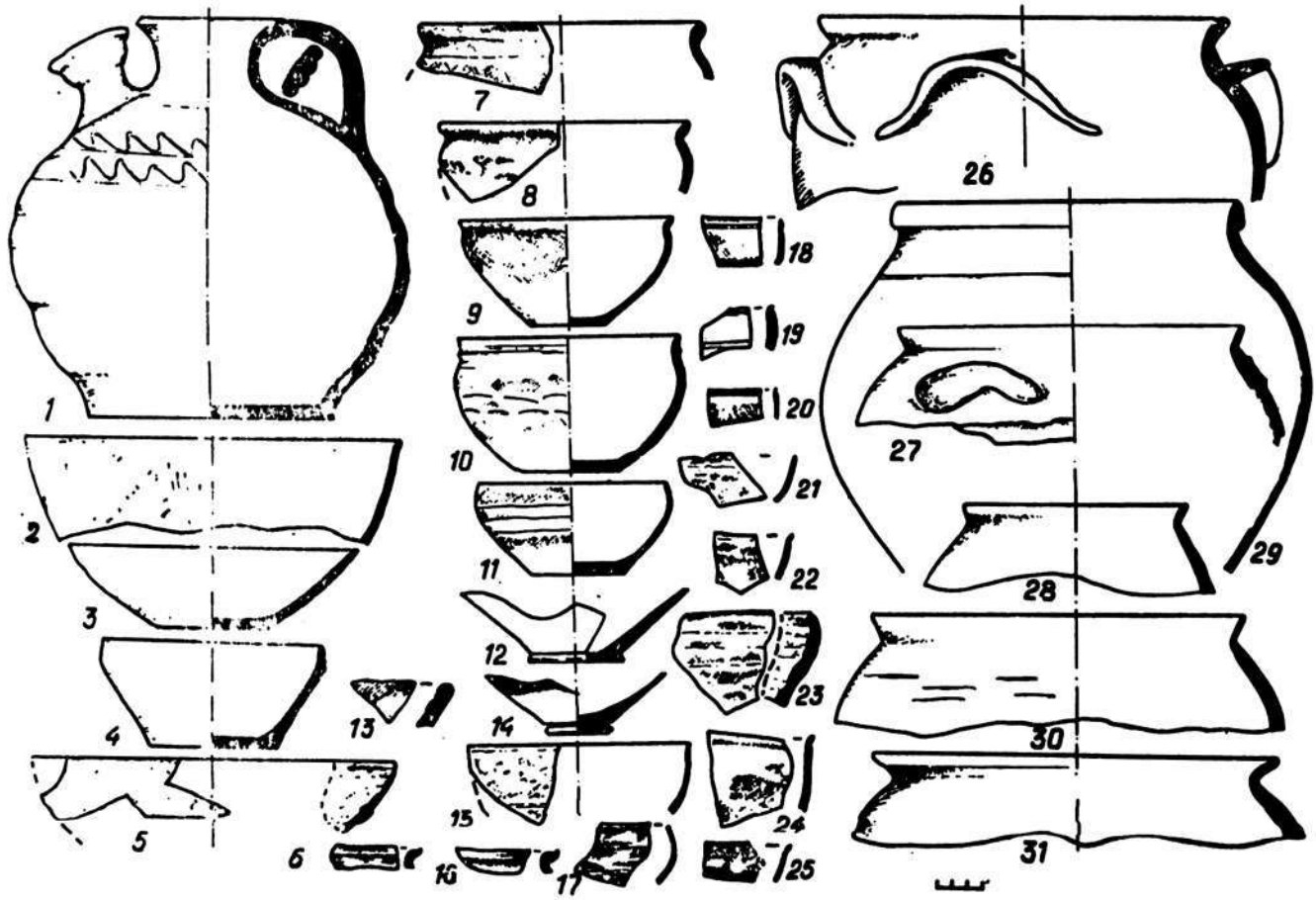


XXI. Крышки и столы



XXII. Прясяицы из Гардани Хисор

XXIII. Керамика V—VI вв.: *1—3* — хумы; *5* — хумча; *6* — хурма; *9, 11—13* — нимхурма; *2, 4, 7, 8, 10* — хурмача; *15, 19, 21, 23, 25* — обкуза; *16* — майдаста; *20* — обдаста; *22* — ширхора



XXIV. *1* — обдаста; *2*, *5*, *8*, *12*, *15* — коса; *3*, *9* — нимкоса; *4*, *11* — косача; *6* — *17* — *22*, *24* — *25* — фрагменты коса; *17*, *23* — кубковидные чаши; *7*, *27* — хурмача; *26*, *27*, *29* — *31* — котлы

ЛИТЕРАТУРА

1. Произведения классиков марксизма-ленинизма.

Маркс К. Критика политической экономики.—Капитал, т. 3, ч. III. Политиздат—М., 1978.

Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология.—К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 3.

Маркс К. и Энгельс Ф. Подготовительные работы для «Святого семейства».—К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 3.

Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные сочинения в 3-х томах. Политиздат, т. 1—3.

Энгельс Ф. Анти-Дюринг. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 20.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. —К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 21.

Ленин В. И. Аграрная программа русской социал-демократии.—ПСС, Политиздат, т. 20.

Ленин В. И. Переход землевладельцев от барщинного хозяйства к капиталистическому — ПСС, Политиздат, т. 3.

Ленин В. И. Экономическое содержание народничества.—ПСС, Политиздат, т. 1.

2. Источники

Бабур. Бабурнаме.—Ташкент, 1958.

Балами. Таърихи Табари. — Лукнау, 1221 х.

Белазури. Фатух ал-Булдан.—Техрон, 1346 х.

Бехаки. История Масъуда.—Ташкент, 1962.

Бируни.—Аль-Асар аль-Бакия.—Ташкент, 1957.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II.—М.; Л., 1950.

Боголюбов М. Н., Смирнова О. И. Хозяйственные документы (согдийские документы с горы Муг), вып. 3. — М., 1963.

Джами. Джами в миниатюрах XVI в.—М., 1966.

Истахри. Масолик ва мамолик.—Техрон, 1340 х.

Кудума. Китоб ал-Хиродж.—Техрон, 1353 х.

Лившиц В. А. Юридические документы и письма (согдийские документы с горы Муг), вып. 2. — М., 1962.

Мукадраси. Ахсан ат-таксим фи маърифаит ал-аколим. — Lugduni Batаverum (BGA II), 1877.

Наршахи. Таърихи Бухоро.—Техрон, 1357 х.

Наршахи. Таърихи Бухоро.—Душанбе, 1979.

Нишобури. Таърихи Нишобур.—Техрон, 1339 х.

Табари. Таърихи Табари, ч. 1—10.—Техрон, 1969—1974 х.

Табари Мухаммад Джарир. Таърихи ал-мулк ва ал-расул.—Кохира, 1960—1969.

Согдийские фрагменты центрально-азиатского собрания Института востоковедения —М., 1980.

Страбон. География.—М., 1964.

Фрейман А. А. Описание, публикация и исследование документов с горы Муг (согдийские документы с горы Муг), вып. 1.—М., 1962.

Хаукал. Сурат ал-Арз.— Техрон, 1340 х.
Хурдодбех. Китоб ал-масолик ва ал-Мамолик. — Lugduni Bataverum, 1889, (BGA II).
Худуд ал-Алам.—Техрон, 1340 х.

3. Использованные монографии и статьи.

Абдиримов Р. 1979. К изучению памятников Аксачтепа. — ИМКУ, вып. 15.—Ташкент.
Абдуллаев Д., Гуревич Л. Л., 1979. Чертежи строителей древнего Пенджикента.—В кн.: Успехи среднеазиатской археологии, вып. 4.—Л.
Абдураимов М. А. 1964. О некоторых категориях феодального землевладения и положения крестьян в Бухарском ханстве в XVI—начале XIX в.— ОН в Узбекистане, № 7.
Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. 1982. Жилище позднесредневекового Отрара. — Жилище народов Средней Азии.—М.
Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. 1975. Отрар XIV—XVIII вв.—В кн.: Древности Казахстана.—Алма-Ата.
Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. 1981. Позднесредневековый Отрар.—Алма-Ата.
Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. 1974. Прошлое Казахстана по археологическим источникам. — Алма-Ата.
Алаев Л. Б. 1971. Соседская община и кастовая община.—НАА, № 4.
Алаев Л. Б. 1972. Типология индийской общины.—НАА, № 1.
Алимов У. 1969. Раскопки на Культепа в Каширском оазисе.—ИМКУ, вып. 8.—Ташкент.
Альбаум Л. И. 1960. Балалык-тепе. — Ташкент.
Альбаум Л. И. 1965. Занг-тепа.—ИМКУ, вып. 6.—Ташкент.
Альбаум Л. И. Некоторые данные по изучению Ангорской группы археологических памятников (1948—1949).—Труды ИИАН, вып. 7.—Ташкент.
Альбаум Л. И. 1958. Некоторые культовые предметы из раскопок Балалык-тепе.—КСИЭ, вып. 30.
Альбаум Л. И. 1963. Раскопки замка Занг-тепе.—ИМКУ, вып. 4.—Ташкент.
Аминов П. А. 1874. Военно-топографический очерк горной страны верховьев р. Зеравшан. Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник, вып. III.
Андреев М. С. 1925. Деревянная колонна в Мачe.—ИРАИМК, т. IV. —Л.
Андреев М. С. 1924. Некоторые результаты этнографической экспедиции в Самаркандскую область в 1921 г.—ИТОРГО, XVIII.—Ташкент.
Андреев М. С. 1928. Поездка летом 1928 г. в Касанский район (Северная Фергана). Известия общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами, т. 1.—Ташкент.
Андреев М. С. 1925. По этнографии таджиков.—В сб.: Таджикистан.— Ташкент.
Андреев М. С. 1958. Таджики долины Хуф, вып. II.—Сталинабад.
Андреев М. С., Чехович О. Д. 1972. Арк Бухары.—Душанбе.
Аннаев Т. Д. 1984. Раннесредневековые поселения Северного Тохаристана. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук.—Л.
Аскаров А. 1973. Сапаллитепа.—Ташкент.
Асмуссен Ч. П. Ахволи акоид ва иктикодот.—В кн.: Диёнати Зардушт. —Техрон, 1348 х.
Ашрафи М. 1966. Джами в миниатюрах XVI в.—М.
Ашрафян К. З. 1977. Феодализм в Индии: особенности и этапы развития.—М.
Байпаков К. М. 1974. О численности оседлого населения Илиской долины в средневековье.—В кн.: Глубь веков.—Алма-Ата.
Бартольд В. В. 1963. Географический очерк Мавераннахра. Собр. соч., т. 1.—М.

Бартольд В. В. 1971. К вопросу о феодализме в Иране. Собр. соч., т. 8.—М.
Бартольд В. В. 1964. О христианстве в Туркестане в домонгольский период. Собр. соч., т. II, ч. 2.—М.
Бартольд В. В. 1965. Работы по исторической географии, т. III.—М.
Бартольд В. В. 1963. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Собр. соч., т. 1.—М.
Бартольд В. В. 1963. Туркестан при исламе. Собр. соч., т. II, ч. 1.—М.
Бежанов М. А. 1959. Семья в колхозах Узбекистана.—Ташкент.
Беленицкий А. М. 1950. Историко-географический очерк Хутталя с древнейших времен до X в. н. э.—МИА, № 15.—М.; Л.
Беленицкий А. М. 1950. Железный ключ из Пенджикента.—МИА, № 15.—М.; Л.
Беленицкий А. М. 1958. Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента.—МИА, № 66.—М.; Л.
Беленицкий А. М. 1970. О рабовладельческой формации в истории Средней Азии.—КСИА, № 122.—Л.
Беленицкий А. М. 1964. Работы Пенджикентского отряда в 1961 г.—АРТ, вып. 9 (1961).
Беленицкий А. М., Большаков О. Г., Бентович И. Б. 1973. Средневековый город Средней Азии.—Л.
Беленицкий А. М., Маршак Б. И. 1977. Новые раскопки в Пенджикенте.—АО.—М.
Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И. 1974. Раскопки древнего Пенджикента.—АО.—М.
Бентович И. Б. 1964. Керамика верхнего слоя Пенджикента.—МИА, № 124.—М.; Л.
Бентович И. Б. 1953. Керамика Пенджикента.—МИА, № 37.—М.; Л.
Бентович И. Б. 1976. Музыкальные инструменты древнего Согда.—КС, № 147.
Бентович И. Б., Беленицкий А. М., Большаков О. Г. 1973. Средневековый город Средней Азии.—Л.
Березин И. 1852. Путешествие по Северной Персии.—Казань.
Бернштам А. Н. 1941. Археологический очерк Северной Киргизии.—Фрунзе.
Бернштам А. Н. 1952. Историко-археологические очерки Центрального Тань-Шаня и Памиро-Алая.—МИА, № 26.—М.; Л.
Бернштам А. Н. 1943. Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала.—Фрунзе.
Бернштам А. Н. 1950. Согдийский замок.—МИА, № 14.—М.; Л.
Бернштам А. Н. 1950. Согдийская культура и Тюркский каганат.—МИА, № 14.—М.; Л.
Брыкина Г. А. 1979. Итоги исследования усадьбы Кайрагач в Фергане.—УСА, вып. 4.—Л.
Брыкина Г. А. 1973. Городище Маида-тепе.—КС, № 136.
Брыкина Г. А. 1982. Юго-западная Фергана в первой половине I тыс. н. э.—М.
Булатов М. С. 1976. Мавзолей Саманидов — жемчужина архитектуры Средней Азии.—Ташкент.
Вайнберг Б. И. 1977. Монеты древнего Хорезма.—М.
Васильев А. И. 1936. Согдийцы и их вооружение.—Л.
Винклер В. В. 1952. Основные археологические коллекции Республиканского музея.—Сообщения РИКМ ТаджССР, вып. 1.—Сталинабад.
Вишневская О. А., Рапопорт Ю. А. 1979. Следы почитания огня в средневековом хорезмийском городе. Этнография и археология Средней Азии.—М.
Власова П. М. 1893. О поездке в 1892 г. по сев. окрестностям Хорасана с приложением.—В сб.: Географические, топографические, исторические материалы по Азии, вып. 52.—СПб.
Волин С. Л. 1940. К вопросу о замке на горе Муг.—Тр. Таджикской базы АН СССР, т. IX.—Л.
Воробьева М. Г. 1973. Дингильдже в древнем Хорезме (усадьба I ты-

сячелетия до н. э.).—М.
Воронец Е. 1871. Искандеркульская экспедиция в 1870 г. (записки сапера). Инженерный журнал, № 5.
Воронина В. Л. 1964. Архитектура древнего Пенджикента.—МИА, № 124.—М.; Л.
Воронина В. Л. 1969. Архитектура Средней Азии в VI—VIII вв. н. э. —В кн.: Всеобщая история архитектуры, т. 8.—М.
Воронина В. Л. 1953. Древняя строительная техника Средней Азии.— АН № 3.
Воронина В. Л. 1951. Жилище Ванча и Язгулема.—В кн.: Архитектура Средней Азии.—М.
Воронина В. Л. 1974. Замок Гардани Хисор и его резной орнамент. — ПИА (сборник научных трудов).—М.
Гафуров Б. Г. 1955. История таджикского народа в кратком изложении, т. 1, изд. 3-е испр. и доп.—М.
Гафуров Б. Г. 1972. Таджики.—М.
Гафуров Б. Г. 1977. Таърихи мухтасори халки точик, ч. 1.—Сталинабад,
Гиршман Р. 1975. Кушаны и Иран.—Центральная Азия в кушанскую эпоху, т. 2.—М.
Горбунова Н. Г. 1979.—Итоги исследования археологических памятников Ферганской области.—СА, № 3.
Горбунова Н. Г. 1965. На землях древнего оазиса в Фергане. —СГЭ, вып. 26. —М.; Л.
Горбунова Н. Г. 1979. О раннесредневековой керамике Ферганы.— УСА, вып. 4.—Л.
Горбунова Н. Г. 1966. Раскопки древних поселений в Фергане.—СГЭ, вып. 27.—М.; Л.
Горбунова Н. Г. 1972. Раскопки Куюк-тепе в Фергане. — СГЭ, вып. 34.— М.
Горбунова Н. Г. 1971. Ферганская экспедиция в 1968 г.—СГЭ, вып. 33. —М.; Л.
Горбунова Н. Г. 1974. Экспедиция. — СГЭ, вып. 38. — М.; Л.
Городков П. И. 1980. Через Афганистан. Путевые записки. — СПб.
Григорьев Г. В. 1940. Городище Тали-Барзу, ТОВГЭ, т. 2.—Л.
Гришин В. 1981. Новые материалы к археологической карте Ташкентского оазиса.—ИМКУ, вып. 16.—Ташкент.
Губаев А. 1971. Замок Ак-депе и его раскопки.—МТТ.—Ашхабад.
Губаев А. 1979. Замок Ак-депе у Артыка в свете новых раскопок (К динамике развития раннесредневековых поселений Северного Хорасана).—УСА, вып. 4.—Л.
Губаев А. 1968. Изучение раннесредневековых памятников в районе Артыка.—КД, вып. 2.—Ашхабад.
Губаев А. 1978. К вопросу о зарождении феодальных отношений в Южном Туркменистане (по материалам изучения средневековых памятников).— ИАСА.—Ашхабад.
Губаев А. 1972. Новые раскопки замка Ак-депе.—КД, вып. 4.—Ашхабад.
Губаев А. 1977. Раскопки на Ак-депе.—КД, вып. 5.—Ашхабад.
Губаев А. 1981. Раскрываются тайны замка Ак-депе. — Ашхабад.
Губаев А., Кошеленко Г. А. 1970. Парфянское святилище Мансур-депе и раннесредневековый замок Ак-депе.—КД, вып. 4.—Ашхабад.
Гуревич Л. Л. 1977. Архитектура Пенджикента в свете новых открытий. Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. Тезисы.—Душанбе.
Гуревич Л. Л. 1979. Анализ городского пространства древнего Пенджикента.—УСА, вып. 4.—Л.
Давидович Е. А. 1983. История денежного обращения средневековой Средней Азии.—М.
Давидович Е. А. 1964. Узбекское завоевание. Государство шайбанидов.—В кн.: История таджикского народа, т. II, к. 1.—Душанбе.
Давидович Е. А., Литвинский Б. А. 1955. Археологический очерк Исфаринского района.—Тр. ИИ ТаджССР.—Душанбе.

Давутов Д. 1979. Согдийские монеты из раскопок поселения Гардани Хисор—УСА, вып. 4.—Л.
Давыдов А. Д. 1976. Социально-экономическая структура деревни Афганистана.—М.
Давыдов А. С. 1973. Жилище.—В кн.: Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана. — Душанбе.
Дандамаев М. А. 1961. Иран при первых ахеменидах.—М.
Джалилов А. 1964. Борьба народов Средней Азии против арабских завоевателей.—В кн.: История таджикского народа, т. II, к. I.—Душанбе.
Джалилов А. 1973. Из истории культурной жизни предков таджикского народа и таджиков в раннем средневековье.—Душанбе.
Джалилов А. 1966. Согд накануне арабского нашествия и борьба согдийцев против арабских завоевателей в первой половине VIII в.—Тр. ИИ АН ТаджССР, т. 30.—Сталинабад.
Дресвянская Г. Я. 1980. Комплекс памятников Тырпасая. Материалы по истории, историографии и археологии.—Сборник научных трудов ТашГУ, № 630.—Ташкент.
Дресвянская Г. Я. 1981. Средневековые памятники в западном Яккабагском районе. Материалы по истории, историографии и археологии.—Сборник научных трудов ТашГУ, № 582.—Ташкент.
Дресвянская Г. Я., Сагдуллаев А. С., Усманова З. 1977. Классификация раннесредневековых памятников среднего течения Кашкадарьи. Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. Тезисы.—Душанбе.
Дынин В. 1914. Очерк быта горцев верховьев Зеравшана. ИТОРГО, X, вып. 1.
Заднепровский Ю. А. 1960. Археологические памятники южных районов Ошской области.—Фрунзе.
Заднепровский Ю. А. Типология и динамика развития городских поселений древней Ферганы.—Тезисы докладов сессий, посвященных итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР.—Ташкент.
Зак С. Д. 1975. Методологические проблемы развития сельской поземельной общины.—В кн.: Социология организации народов Азии и Африки.—М.
Зеймаль Е. Б. 1983. Древние монеты Таджикистана.—Душанбе.
Зеймаль Е. В. 1961. Кубок из погребения в Суджине.—АРТ, вып. IV (1958).—Душанбе.
Зеймаль Е. В. 1964. Раскопки объекта XIV на Пенджикентском городище (1956—1957 гг.).—МИА, № 124.—М.; Л.
Иванин М. И. 1878. Хива и река Аму-дарья. — СПб.
Илина М. 1916. Древнейшие типы жилищ Закавказья.—М.
Исаков А. 1981. Исследование поселения Саразма. — АО. — М.
Исаков А. 1976. О работах Косаторожского отряда.—АРТ, вып. XVI (1976).—Душанбе.
Исаков А. 1975. Работы Косаторожского отряда. — АО. — М.
Исаков А. 1979. Разведки и раскопки Косаторожского отряда в 1974 г. АРТ, вып. XIV (1974).—Душанбе.
Исаков А. 1980. Работы Косаторожского отряда в 1975 г.—АРТ, вып. XV (1975).—Душанбе.
Исаков А. 1977а. Раскопки городища Ак-тепе близ Пенджикента.—АО. —М.
Исаков А. 1977б. Цитадель древнего Пенджикента.—Душанбе.
Исаков А., Эшонкулов У. 1978. Работы Косаторожского отряда.—АО.—М.
Кабанов С. К. 1972. Айтугды-тепе.—ИМКУ, вып. 9.—Ташкент.
Кабанов С. К. 1984. Археологические данные к изучению генезиса феодализма в Средней Азии.—СА, № 3.
Кабанов С. К. 1978. Археологическая разведка в Придаргомской степи. ИМКУ, вып. 14.—Ташкент.
Кабанов С. К. 1971. Изображение Шивы на оссуарии. — СА, № 2.
Кабанов С. К. 1966. К изучению аграрного строя Согда в V—VI вв.—СА, № 3.
Кабанов С. К. 1981. Культура сельских поселений Южного Согда III—VI вв.—Ташкент.

Кабанов С. К. 1977. Нахшаб на рубеже древности и средневековья (III—VII вв.).—Ташкент.
Кабанов С. К. 1970. Раскопки сельского поселения III—V вв. н. э. близ Карши.—СА, № 1.
Кабанов С. К. 1958. Согдийское здание V в. н. э. в долине р. Кашкадарьи.—СА, № 3.
Кабиров А. К. 1959. Археологические памятники Чаткала.—Тр. КАЭЭ, т. 2.—М.
Кандауров А. Н. 1940. Патриархальная домашняя община в общинных домах у ягнобцев.—М.; Л.
Кастальский Б. Н. 1909. Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии, год XIII, приложение.—СПб.
Качановский Ю. В. 1971. Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства?—М.
Кисляков Н. А. 1939. Жилище горных таджиков бассейна реки Хингов. —СЭ, вып. 2.
Кисляков Н. А. 1969. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана.—Л.
Кисляков Н. А. 1959. Семья и брак у таджиков.—М.; Л.
Киселев С. В. 1928. Поселение. Социологический очерк.—РАНИОН. Институт археологии и искусствознания.—Тр. секции теории и методологии (социологической), вып. II.—М.
Кляшторный С. Г., Лившиц В. А. 1971. Согдийская надпись из Бугута.—СНВ, вып. X.
Кожемяко П. Н. 1959. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины.—Фрунзе.
Кошеленко Г. А. 1985. Средняя Азия.—В кн.: Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии.—М.
Крашенинникова Н. И. 1977. Восточные районы области Кеша в раннем средневековье. Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. Тезисы.—Душанбе.
Крашенинникова Н. И. 1977а. К археологической карте Китабского района. Материалы по истории, историографии и археологии.—Сборник научных трудов ТашГУ, № 583.
Крашенинникова Н. И. 1980. Об археологических работах в 1978 г. в зоне Гиссарского водохранилища. Материалы по истории, историографии и археологии.—Сборник научных трудов ТашГУ, № 630.
Кругликова И. Т. 1979. Настенные росписи в помещении 16 северо-восточного культового комплекса Дильберджина.—В сб.: Древняя Бактрия, вып. 2.—М.
Кызласов Л. Р. 1959. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг.—Тр. КАЭЭ, т. 2.—М.
Лавров В. А. 1950. Градостроительная культура Средней Азии.—М.
Лившиц В. А. 1971. Земледелие и аграрные отношения в период раннего средневековья (IV—VII вв.).—В кн.: Очерки истории земледелия и аграрных отношений в Туркменистане.—Ашхабад.
Лившиц В. А. 1962б. Иранские языки народов Средней Азии.—Народы Средней Азии и Казахстана, т. 1.—М.
Лившиц В. А. 1977. Правители Пенджикента VII—начала VIII в. Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. Тезисы.—Душанбе.
Лившиц В. А. 1970. Хорезмский календарь и эры древнего Хорезма.—Палестинский сборник, вып. XXI (84).—М.
Лившиц В. А. 1962а. Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии (Согдийские документы с горы Муг), вып. II.—М.
Лившиц В. А., Гудкова А. В. 1967. Хорезмийские надписи из некрополя Ток-Калы и проблема «хорезмийской эры».—Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР, № 1.—Ташкент.
Литвинский Б. А. 1979. Калаи Кафирниган.—АРТ, вып. XIV (1974).—Душанбе.
Литвинский Б. А. 1968. Кангюйско-сарматский фарн.—Душанбе.
Литвинский Б. А. 1963. Социально-экономический строй древней Средней Азии.—В кн.: История таджикского народа, т. 1.—М.

Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. 1971. Аджина-тепа.—М.
Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. 1970. Раскопки на Аджина-тепе и Кафыр-кале в 1970 г. — АРТ, вып. X (1970).—Душанбе.
Лунина С. Б. 1977. Разведочное обследование группы средневековых городищ и поселений долины Кашкадарьи. Археология Средней Азии.—Сборник научных трудов. ТашГУ, № 533.
Лунина С. Б. 1958. Средневековый дом.—«Памятники Туркменистана», 1 (5).—Ашхабад.
Магендович И. 1926. Хорезм, территория и население Бухары и Хорезма, кн. 2, ч. 2.—Ташкент.
Мандельштам А. М. 1959. О сложении таджикской народности в Среднеазиатском междуречье.—СА, № 22.
Мандельштам А. М. 1954. Предварительный отчет о работах Кафирниганского отряда в 1953 г.—Доклады АН ТаджССР, вып. II, Сталинабад.
Мандельштам А. М. 1956. Раскопки Батуртепе в 1955 г.—АРТ, LXIII (1955).—Сталинабад.
Мандельштам А. М., Певзнер С. Б. 1958. Работы Кафирниганского отряда в 1952—1953 гг. — МИА, № 66. — М.; Л.
Маршак Б. И. 1961. Влияние торевтики на согдийскую керамику VII—VIII вв.—Тр. ГЭ, т. 5, вып. 6.—Л.
Маршак Б. И. 1983. Восточные аналогии зданий типа выписанного креста. Педжикент и Бамиан V—VIII вв. Probleme ger Architektur ges Orients. WB 1983/26 (121).
Маршак Б. И. 1971. К вопросу о восточных противниках Ирана в V в. СНВ, вып. X.
Маршак Б. И. 1957. Керамика нижнего слоя Пенджикента. Изв. отд. обществ. наук АН ТаджССР, № 14.—Душанбе.
Маршак Б. И. 1970. Код для описания керамики Пенджикента в V—XI вв.—В кн.: Статистико-комбинаторные методы в археологии.—М.
Маршак Б. И. 1964. Отчет о работах на объекте XII за 1955—1960 гг.—МИА, № 124.—М.; Л.
Маршак Б. И. 1971. Согдийское серебро.—М.
Маршак Б. И. Беленицкий А. М., Распопова В. И. 1975. Раскопки в Пенджикенте.—АО. М.
Массон В. М. 1959. Древнеземледельческая культура Маргианы.—М.; Л.
Массон В. М. 1971. Земледелие и аграрный строй Туркменистана в эпоху развития рабовладельческих отношений.—В кн.: Очерки истории земледелия и аграрных отношений в Туркменистане.—Ашхабад.
Массон В. М. 1971. Поселение Джейтун.—Л.
Массон В. М. 1971. Согдийская эпоха и культурная интеграция.—В кн.: Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана (тезисы).—Душанбе.
Массон В. М.. 1964. Средняя Азия и Древний Восток.—М.; Л.
Массон В. М. 1967. Становление раннесредневекового общества на Древнем Востоке.—ВИ, № 5.
Массон В. М. 1970. Успехи среднеазиатской археологии в изучении средневекового города.—В кн.: Средневековые города Средней Азии и Казахстана.
Массон В. М., Сарианиди В. И. 1973. Среднеазиатская терракота эпохи бронзы.
Массон М. Е. Городища старого Термеза и их изучение.—Тр. Уз. АН., серия 1, вып. 1.—ТАКЭ, Ташкент.
Массон М. Е. 1934. Из истории горной промышленности Таджикистана.—Л.
Массон М. Е. 1977. Работы Кешской археолого-топографической экспедиции ТашГУ по изучению восточной половины Кашкадарьинской области УзССР. Археология Средней Азии.—Сборник научных трудов ТашГУ, вып. II, 533.
Мешкерис В. А. 1977. Коропластика Согда. — Душанбе.
Мухамеджанов А. Р. 1975. О землях древнего орошения Бухары.—ИМКУ, вып. XII.—Ташкент.
Мухиддинов И. 1975. Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима.—Душанбе.

Мухиддинов И. 1984. Особенности традиционного земдельческого хозяйства памирских народностей в XIX—начале XX в.—Душанбе.
Мухтаров А. М. 1966. Резьба по дереву в долине Зеравшана.—Душанбе.
Мухтаров А. М. 1978. Эпиграфические памятники Кухистана.—Душанбе.
Мухтаров А., Косимов И. 1975. Материалы по истории городов Таджикистана. — Душанбе.
Негматов Н. Н. 1977. Государство Саманидов.—Душанбе.
Негматов Н. Н. 1973. О живописи дворца афшинов Уструшаны.—СА, № 3.
Негматов Н. Н. 1976. Резное панно дворца афшинов Уструшаны. — ПК, М.
Негматов Н. Н., Хмельницкий С. Г. 1966. Средневековый Шахристан.—Душанбе.
Негматов Н. Н., Пулатов У. 1973. Тирмизак тепа и Уртакурган.—Душанбе.
Неразик Е. Е. 1958. Археологические обследования городища Куняуаз в 1952 г.—Тр. ХАЭЭ, т. 2.—М.
Неразик Е. Е. 1972. *Из истории хорезмийского сельского жилища.*—СЭ, № 2.
Неразик Е. Е. 1959. Керамика Хорезма афригидского периода.—В кн.: Керамика Хорезма. Тр. ХАЭЭ, т. 4.—М.
Неразик Е. Е. 1963. Предки таджикского народа в IV—V вв. н. э.—В кн.: История таджикского народа, т. I.—М.
Неразик Е. Е. 1959. Раскопки в Беркуткалинском оазисе в 1953—1956 гг. МХЭ, вып. 1.—М.
Неразик Е. Е. 1963. Раскопки Якке-Парсана, МХЭ, вып. 7.—М.
Неразик Е. Е. 1976. Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв. н. э.).—М.
Неразик Е. Е. 1966. Сельские поселения афригидского периода Хорезма.—М.
Нильсен В. А. Архитектура Средней Азии V—VIII вв.—Ташкент.
Нильсен В. А. 1965. К вопросу о назначении согдийского здания около Кафыр-калы под Самаркандом.—ИМКУ, вып. 6.—Ташкент.
Окладников А. П. 1958. *Исследования памятников каменного века* Таджикистана.—МИА, № 66.—М.; Л.
Пачос М. К. 1967. К изучению стен городища Афрасиаба.—СА, № 1.
Периханян А. Г. 1952. К вопросу о рабовладении и землевладении в Иране парфянского времени. — ВДИ, № 4.
Периханян А. Г. 1973. Частные целевые фонды в древнем Иране и проблема происхождения вакфа.—ВДИ, № 1.
Пигулевская А. Н. 1956. Города Ирана в раннем средневековье.—М.; Л.
Пигулевская А. Н. 1958. Зарождение феодальных отношений на Ближнем Востоке.—Учен. Запис. ИВ СССР, т. 21.
Пигулевская А. Н. 1953. Проблема распада рабовладельческого общества и формирование феодальных отношений на Ближнем Востоке.—ВИ, № 3.
Пилипко В. Н. 1977. Женские культовые статуэтки с берегов средней Амударьи.—СА, № 4.
Пилипко В. Н. 1973. *Парфянское сельское поселение* Кари-Кяриз. — Ашхабад.
Писарчик А. К. 1970. Жилище.—В кн.: Таджики Каратегина и Дарваза. — Душанбе.
Писарчик А. К. 1972. Народная архитектура Самарканда.—Душанбе.
Писарчик А. К. 1976. Смерть и похороны.—В кн.: Таджики Каратегина и Дарваза.—Душанбе.
Потапов А. А. 1938. Рельефы древней Согдианы как исторический источник.—ВДИ, VI, № 2/3.
Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. 1961. Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана.—Ташкент.
Чугаевский Л. И. 1971. Новые материалы к истории согдийской колонии в районе Дуньхуана. — СНВ, вып. X.
Пулатов У. 1977. «Дом огня» в Уструшане. Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. Тезисы.—Душанбе.

Пулатов У. 1976. Раннесредневековый замок Тоштемир-тепа.—АО.
Пулатов У. 1978. Раскопки на Калаи Саре.—АО.
Пулатов У. 1975. Чильхуджра.—Душанбе.
Пьянков И. В. 1972. Древний Самарканд в известиях античных авторов.—Душанбе.
Ранов В. А. 1959. Самаркандская стоянка и ее место в каменном веке Средней Азии.—Изв. АН ТаджССР, ООН, вып. 4 (58).
Ранов В. А., Несмеянов С. А. 1973. Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии.—Душанбе.
Распопова В. И. 1979. К вопросу о специфике города и сельских поселений раннесредневекового Согда.—УСА, вып. 4.—Л.
Распопова В. И. 1980. Металлические изделия раннесредневекового Согда.—Л.
Распопова В. И. 1981. Преемственность и изменчивость в развитии жилищ раннесредневекового Согда. — В сб.: Преемственность и иновации в развитии древних культур.—Л.
Расудова В. Я. 1975. Издольные отношения в некоторых районах Средней Азии (в конце XIX—начале XX в.)—В кн.: Социальная история народов Азии.—М.
Рейнер И. М. 1954. Развитие феодализма и образование государства у афганцев. Изд. АН СССР.—М.
Розенфельд А. З. 1951. Кала—тип укрепленного иранского поселения.—СЭ, № 1.
Ростовцев О. М. 1975. Изучение сельских поселений самаркандского Согда.—ИМКУ, вып. 12.—Ташкент.
Ртвеладзе Э. В. 1977. К периодизации раннесредневекового Чагания-на. Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. Тезисы.—Душанбе.
Ртвеладзе Э. В. 1978. Обнаружение средневекового селения Ковандок. —ИМКУ, вып. 14.—Ташкент.
Ртвеладзе Э. В., Исхаков М. 1979. Два средневековых чаганианских селения.—ИМКУ, вып. 15.
Рузиев М. 1967. Резные двери жилищ Бухары.—Душанбе.
Сариандиди В. И. 1977. Древние земледельцы Афганистана.—М.
Смирнова О. И. 1950. Археологические разведки в бассейне Зеравшана в 1947 г.—МИА, № 15.—М.; Л.
Смирнова О. И. 1950. Вопросы исторической топографии и топонимики Верхнего Зеравшана.—МИА, № 15.—М.; Л.
Смирнова О. И. 1970. Очерки из истории Согда.—М.
Смирнова О. И. 1981. Сводный каталог согдийских монет.—М.
Соловьев В. С. 1979. Городище Кафыр-кала. (К характеристике раннесредневекового города Северного Тохаристана).—УСА, вып. 4 —Л.
Соловьев В. С. 1973. Керамика Кафыр-калы (раскопки 1969—1970 гг). —АРТ, вып. 10 (1970 г).—Душанбе.
Соловьев В. С. 1977. Оборонительные сооружения городища Кафыр-кала. Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. Тезисы.—Душанбе.
Справочник. 1966. Нормативов для перспективного планирования по сельскому хозяйству. — Ташкент.
Ставиский Б. Я. 1959. Археологические работы в бассейне Магиандарьи в 1957 г. — АРТ, вып. V (1957 г.). — Сталинабад.
Ставиский Б. Я. 1958. Городище Кулдортепе.—СА, № 4.
Ставиский Б. Я. 1981. Древности Кара-тепе.—М.
Ставиский Б. Я. 1964а. Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1961—1962 гг.—М.
Ставиский Б. Я. 1957. Основные этапы освоения земледельческим населением горных районов верхнего Зеравшана (Кухистана). Материалы по этнографии Географического общества СССР.
Ставиский Б. Я. 1961. Оссуарии Бия-наймана.—Тр. Государственного Эрмитажа ОВ, т. 5.—Л.
Ставиский Б. Я. 1961. Работы Магианской группы в 1958 г.—АРТ, вып. VI (1958 г.).—Сталинабад.

Ставиский Б. Я. 1959. Работы Магианской группы в 1959 г.—АРТ, вып. VII (1959 г.).—Сталинабад.
Ставиский Б. Я. 1964в. Работы Магианской группы в 1961 г.— АРТ, вып. IX (1961 г.).—Сталинабад.
Ставиский Б. Я. 1950. Раскопки жилой башни в Кухандизе пенджикентского владетеля.—МИА, № 15.—М.; Л.
Ставиский Б. Я. 1964б. Раскопки квартала жилищ знати в юго-восточной части Пенджикентского городища (объект VI) в 1951—1959 гг.—МИА, № 124.—М.; Л.
Ставиский Б. Я. 1966. Между Памиром и Каспием. — М.
Савиский Б. Я., Большаков О. Г., Мончатская Е. А. 1953. Пенджикентский некрополь.—МИА, № 37.—М.; Л.
Ставиский Б. Я., Ураманова М. Х. 1958. Городище Кулдортепе.—СА, № 1.
Стрельбицкий. 1895. Записка о Восточном Хоросане.—Сб. географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. XII.—СПб.
Сухарева О. А. 1966. Бухара XIX—начала XX в.—М.
Сухарева О. А. 1976. Квартальная община позднефеодального города Бухары.—М.
Сухарева О. А. 1958. К истории городов Бухарского ханства. — Ташкент.
Сулейманов Р., Исхаков М., Исамиддинов М., НефедовН. 1977. Раскопки городища Еркурган.—АО; Они же. 1978. Раскопки на городище Еркурган.—АО.
Сулейманов Р., Нефедов Н. 1979. Раскопки святилища храма городища Еркурган.—ИМКУ, вып. 15.—Ташкент.
Сумбадзе Л. 1960. Грузинские дарбазы.—Тбилиси.
Тереножкин А. И. 1950. Раскопки в кухандизе Пенджикента. — МИА, № 15.—М.; Л.
Тереножкин А. И. 1950а. Согд и Чач.—КСИИМК, № 33.
Тереножкин А. И. 1948. Холм Ак-тепе близ Ташкента.—Тр. ИА АН УзССР, т. 1.—Ташкент.
Толстов С. П. 1948. Древний Хорезм.—М.
Толстов С. П. 1939. Древнехорезмийские памятники в Кара-Калпакии. ВДИ, № 3.
Толстов С. П. 1946. Новые материалы по истории и культуре древнего Хорезма.—ВДИ, № 1.
Толстов С. П. 1938. Основные вопросы истории Средней Азии. — ВДИ, № 1.
Толстов С. П. 1949. Периодизация древней истории Средней Азии.—КСИИМК, № 28.
Толстов С. П. 1972. По древним дельтам Окса и Яксарта. — М.
Толстов С. П. 1948а. По следам древнехорезмийской цивилизации.—М.
Толстов С. П. 1958. Работы Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг.—Тр. ХАЭЭ, т. 2.
Толстов С. П. 1952. Хорезмийская археолого-этнографическая экспедиция.—Тр. ХАЭЭ, т. 1.
Трисвятский Л. А. 1966. Хранение зерна. — М.
Усманова З. И. 1977. Историческая топография Шахрисябза в свете новых данных. Археология Средней Азии.—Сборник научных трудов ТашГУ, № 533.
Усманова З. И., Дресвянская Г. Я. 1975. Новые данные к изучению памятников среднего течения Кашкадарьи. Материалы по истории и археологии Средней Азии. Сборник трудов ТашГУ, № 473.
Усманова З. И., Сагдулаев А. С. 1981. К изучению памятников Яккабагского района. Археология Средней Азии.—Сборник научных трудов ТашГУ, № 533.
Федоров-Давыдов Г. Д. 1973. Общественный строй Золотой Орды.—М.: Изд. Московского университета.
Филанович М. И. 1978. Башнеобразные культовые курильницы из Мерва. ЮТАКЭ, т. 16.

Филанович М. И. 1978. Новые данные изучения Ак-тепе у Абразивного завода в Ташкенте. ИАСА.—Ашхабад.
Филанович М. И. 1983. Ташкент (зарождение и развитие города и городской культуры).—Ташкент.
Флиттнер И. А. 1958. Культура и искусство Двуречья.—М.; Л.
Хамиджанова М. 1973. Пища и одежда.—В кн.: Материальная культура таджиков Верхнего Зеравшана.
Шефер Э. 1981. Золотые персики Самарканда. — М.
Шишкин В. А. 1963. Варахша.—М.
Шишкин В. А. 1969. Калаи Афрасиаб. — В кн.: Афрасиаб, вып. 1.— Ташкент.
Шишкина Г. В. 1963. Замок Бад-Асия в окрестностях Пайкента.— ИМКУ, вып. 4.—Ташкент.
Шишкина Г. В. 1977. Функциональное назначение здания в окрестностях самаркандской Кафыркалы. Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. Тезисы.—Душанбе.
Шукин И. С., Гилярова М. А. 1936. Таджико-Памирская экспедиция 1933 г., вып. XXIII. Материалы экспедиций.—Л.
Юлдашев Х. А. 1957. Архитектурный орнамент Таджикистана.—М.
Якубов Ю. 1980. Географические сведения о Мавераннахре в трудах средневековых ученых Востока.—ИОФМХГН АН ТаджССР, № 3.
Якубов Ю. 1977. Дворец Гардани Хисор и его резное дерево.—ПКНО. —М.
Якубов Ю. 1977. О работах Зеравшанского отряда на поселении Гардани Хисор. — АРТ, вып. XIII (1973 г.).—Душанбе.
Якубов Ю. 1979. О работах Зеравшанского отряда на поселении Гардани Хисор в 1974 г.—АРТ, вып. XIV (1974 г.).—Душанбе.
Якубов Ю. 1980. О работах Зеравшанского отряда в 1975 г.—АРТ, вып. XV (1975 г.).—Душанбе.
Якубов Ю. 1982. О работах Зеравшанского отряда в 1976 г.—АРТ, вып. XVI (1976 г.).—Душанбе.
Якубов Ю. 1983. О работах Зеравшанского отряда в 1977 г.—АРТ, вып. XVII (1977 г.).—Душанбе.
Якубов Ю. 1973. О раскопках в Куме в 1970.—АРТ, вып. X (1970 г.). —Душанбе.
Якубов Ю. 1975. Отчет Зеравшанского археологического отряда за 1971 г. — АРТ, вып. XI (1971 г) — Душанбе.
Якубов Ю. 1979. О структуре сельских поселений горного Согда в раннем средневековье.—Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье.—М.
Якубов Ю. 1977. О типологии сельских поселений горного Согда V—VIII вв. Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. Тезисы.— Душанбе.
Якубов Ю. 1969. Паргар в VII—VIII вв. н. э.—Душанбе.
Якубов Ю. 1976. Раннесредневековое сельское жилище Верхнего Зеравшана. Тезисы докладов на сессии, посвященной итогам полевых этнографических исследований в 1974—1975 гг.—Душанбе.
Якубов Ю. 1979. Раскопки Гардани Хисор. (К проблеме становления городских поселений в горных районах Средней Азии.—УСА, вып. IV—Л.
Якубов Ю. 1982. Сельские поселения Горного Согда.—В кн.: Путешествие в Согдиану.—Душанбе.
Якубов Ю. 1980. Страницы из быта таджиков эпохи Абуали ибн Сино.— —В кн.: Абуали ибн Сино и его эпоха. — Душанбе.
Якубовский Ю. А. 1951. Главные вопросы изучения истории развития городов Средней Азии.—Тр. ИАЭЯЛ АН ТаджССР, т. 29.—Сталинабад.
Якубовский А. Ю. 1954. Вопросы изучения пенджикентской живописи. —В кн.: Живопись древнего Пенджикента.—М.
Якубовский А. Ю. 1949. Вопросы периодизации истории Средней Азии в средние века (VI—XV).—КСИИМК АН СССР, т. 28.
Якубовский А. Ю. 1950. Итоги работ согдийско-таджикской археологической экспедиции в 1946—1947 гг.—МИА, № 15.—М.; Л.
Якубовский А .Ю. 1953. Мавераннахр в борьбе против власти арабов в VIII—IX вв.—В кн.: История Узбекской ССР, т. 1.—Ташкент.

Якубовский А. Ю. 1951. Ожила легенда о Сиявуше.—В кн.: По следам древних культур.—М.
Bealg. 1906. Buddhist records of the Western World, vol. 1. London.
Chirshman R. 1946. Begram. MDAFA, XIII.—La Caire.
Marquart J. 1938. Wehret und Arang.—Leiden.
Mizuno E. S. 1970. Chaqlak tepe.—Kyoto.
Stein A. 1928. Innermost Asia, Detailed report of explorations in Central Asia, Kansu and Eastern Iran, Carried out and described; ...; vol 1.—Oxford.
Tarzi Z. 1977. L'architecture et la decor rupestre des grottes de Bamiyan. —Paris.
Tomaschek W. 1877. Centralasiatischt Studien I. Sogdiana.—Wien.
Jakubov J. 1983. Eine Holzskulptur vom oberen Zeravsan. Das Altermum Heft. 3.
Jakubov J. 1978. Giardani Chisor — der Palast des Herrschars von Pendzikent im Bergland von Buttam. Das Altermum Heft. 2.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО — Археологические открытия
АН — Архитектурное наследство
АРТ — Археологические работы в Таджикистане
ВДИ — Вестник древней истории
Газ. — Газета
ДАН ТаджССР — Доклады Академии наук Таджикской ССР
Журн. — Журнал
ЗВОРАО — Записки восточного отделения русского археологического общества
ЗРГО — *Записки русского географического общества*
ИАСА — История и археология Средней Азии
ИАЭЯЛ — История, археология, этнография, язык и литература
ИВАН УзССР — Институт востоковедения Академии наук Узбекской ССР
ИИАН ТаджССР — Институт истории Академии наук Таджикской ССР
ИИАН УзССР — Институт истории Академии наук Узбекской ССР
ИИЛЭ — Институт истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР, Сталинабад — Душанбе.
ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана. Ташкент.
ИООН — Известия Отделения общественных наук АН Таджикской ССР
ИОФМХГН — Известия Отделения физико-математических, химико-геологических наук АН Таджикской ССР
ИРАИМК — Известия Российской Академии истории материальной культуры
ИТОРГО — Известия Туркестанского отделения Русского географического общества
ИРГО — Известия Русского географического общества
Кар. — Кард
КАЭЭ — Киргизская археолого-этнографическая экспедиция
КД — Кайракумские древности
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М.; Л.
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИТТ — Материалы по истории туркмен и Туркмении
МКТ — Материальная культура Туркменистана
МХЭ — Материалы Хорезмийской экспедиции
НАА — Народы Азии и Африки
ОИКИВ — Отдел истории культуры и искусства Востока
ОИКП — Отчеты и исследования по кустарной промышленности
ОНУ — Общественные науки Узбекистана
ПБК — Пехлевийский брачный контракт
ПИА — Проблемы истории архитектуры
ПКНО — Памятники культуры. Новые открытия
РАНИОН — Российская Ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РГО — Русское географическое общество
РИКМ — Республиканский историко-краеведческий музей. Душанбе
СА — Советская археология. М.; Л.

СВ — Советское востоковедение. М.; Л.
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.
СЭ — Советская этнография. М.; Л.
СНВ — Страны и народы Востока. М.
СРИКМ — Сообщения республиканского историко-краеведческого музея
ТашГУ — Ташкентский государственный университет. Ташкент
ТИИА — Труды Института истории и археологии АН Узбекистана
ТОВЭ — Труды отдела Востока. Государственный Эрмитаж.
ТОИКИВ — Труды отдела истории культуры и искусства Востока
Тр. ХАЭЭ — Труды Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции
AOR — Archiv Orientalni Praha.
BGA — Bibliotheca Geographorum arabikum, ed. M. J. de Goeje, — I—VIII, Lugduni Batavorum
BSAOS — Bulletin of the school of Oriental and African Studies
HJAS — Hervard Jornal of Asiatic Studies
MDAFA — Memoires de la delegation archeologique francaise en Afqhanistana (Paris. le Caro).
MHD — Matakdani hazar datastan

Литература

1. Произведения классиков марксизма-ленинизма
2. Источники
3. Использование монографий и статей

PR — Persian Rivayats
SBE — The Sacred Books of the East
SPAW — Sietzungsberichte der Preussischen Academie der Wissenschaften. Berlin
WB — Wissenschaftliche Beitrage 1983 26 (121) Halle (Saale) 1983

УКАЗАТЕЛЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ V—VIII вв. ГОРНОГО СОГДА*

1. Чухкургон V—VIII, X—XII вв. 30
2. Каратепа V—VIII вв. 30
3. Мугтепа VI—XII вв. 30
4. Бойтепа VII—XII вв. 30
5. Безымянное тепа V—VIII вв. 30
6. Шуртепа VI—VIII вв. 30
7. Чимкурган VI—VIII вв. 30
8. Тепаи Сегона VI—XII вв. 30
9. Пенджикент V—VIII вв. 30
10. Актепа VI, VII—VIII, IX—XII вв. 30
11. Дашти Удакон (могильник) VII—IX вв. 30
12. Безымянное тепа № 6 VII—VIII вв. 30
13. Безымянное тепа № 7 VI—VIII вв. 30
14. Безымянное тепа № 8 V—VIII вв. 30
15. Шуртепа VI—XI вв. 30
16. Безымянное тепа № 9 VII—XII вв. 30
17. Гуртепа западное VI—IX вв. 30
18. Тепаи Говхона VII—VIII вв. 30
19. Тепаи Хакдод VI—VIII вв. 30
20. Коштепа V—XIII вв.
21. Безымянное тепа № 10 V—XII вв. 30
22. Буранбаи V—XII вв. 30
23. Безымянное тепа № 11 VII—VIII вв. 30
24. Гургантепа V—VIII вв. 30
25. Чильхуджра VII—VIII, X—XII вв. 30
26. Уйпаст (могильник) 30
27. Караулато V—VI, XI—XII вв. 30
28. Тали Малла Умар VII—VIII, XI—XII вв. 30
29. Калаи Фильмандар V в. 30
30. Тепан Хирманджо VII—VIII вв. 30
31. Калаи Куджарах VII—VIII вв. 30
32. Калаи Халикназар II в. до н. э. и I—VI вв. н. э. 30
33. Калаи Мирон V—XII вв. 30
34. Тупхона V—VIII вв. 30
35. Калаи дахони Обибодик VI—VIII вв. 30
36. Калаи Духтарак ва Писарок VII—VIII вв. 30
37. Калаи Шинг VII—XIV вв. 30
38. Калаи Нофин V—VIII, X—XII вв. 30
39. Тали Адат V—XII вв. 30
40. Тали Тути III—I вв. до н. э., I—IV вв. н. э. 30
41. Тупхона V—VII вв. 30
42. Калаи Муг I—IV, V—VII—XII вв. 30
43. Калаи Афросиаб VII—VIII вв. 30
44. Косим Кургон V—VI вв. 30
45. Дуньетепа VII—XI вв. 30

* Указатель относится к археологической карте, стр. 30.

45а. Хазориспанд V—XII вв. 30
46. Кириносир V—VIII вв. 30
46а. Хасанбойтепа VII—VIII вв. 30
47. Саидтепа VI—VIII вв. 30
48. Муттепа в к. Мугулон VII—XII вв. 30
49. Қалаи Муг в к. Амондара V—VIII вв. 30
50. Қалаи Тилоёбак V—XII вв. 30
51. Қургони Ёри V—VIII, XVI—XIX вв. 30
52. Муттепа в Миндоне VII—VIII вв. 30
53. Врункала VII—VIII вв. 30
54. Вешусткала VII—XII вв. 30
55. Городище Санджаршах V—IX вв. 30
56. Батуртепа IV—VII—VIII вв. 30
57. Батуртепа III VII—VIII вв. 30
58. Батуртепа VII—VIII, X—XII вв. 30
58а. Батуртепа I VII—VIII вв. 30
59. Батуртепа II VII—VIII вв. 30
60. Қулулатепа I VII—VIII вв. 30
61. Қулулатепа II VII—VIII вв. 30
62. Қулулатепа III V—XII вв. 30
62а. Наврузшах II—IV, V—VIII вв. 30
63. Қулулатепа IV IX—XII вв. 30
64. Хамтуда VIII—XII вв. 30
65. Қаландартепа VII—VIII вв. 30
66. Қалаи Муг в Шашкате VII—VIII вв. 30
67. Қалаи Хосрав VII—VIII вв. 30
68. Наврузкала VII—VIII вв. 30
69. Қалаи Рустамшо VII—VIII вв. 30
69а. Қалаи Мир VII—XIX вв. 30
70. Дунгиобид VII—VIII вв. 30
71. Қалаи Гурбак VII—XII вв. 30
72. Пушкат VII—XII вв. 30
73. Қалаи Парвин VII—VIII вв. 30
74. Қалаи Газа VII—VIII вв. 30
75. Қалаи Зимтут VII—VIII вв. 30
76. Қалаи Дуоба VII—XII вв. 30
77. Қалаи Мошу VII—XIII вв. 30
78. Қалаи Сармат VII—XII? 30
79. Қалаи Беговон VII—VIII вв. 30
80. Хисорак VII—VIII вв. 30
81. Зоитута VIII—XVI вв. 30
82. Қалаи Зиндон VII—VIII вв. 30
83. Мугманор VII—VIII вв. 30
84. Хисорак в Ревате VII—VIII вв. 30
85. Қалаи Боло VII—VIII вв. 30
86. Тудаи Хисорак V—VIII вв. 30
87. Мугманор в Урметане VII—VIII вв. 30
88. Мугкала VII—VIII вв. 30
89. Хисори Куни Лангар VII—VIII вв. 30
90. Сари Хисор VII—VIII вв. 30
91. Гардани Хисор VII—VIII вв. 30
92.Қалаи Кум VI—VIII вв. 30
93. Қалаи Муг (Абаргар) VII—VIII вв. 30
94. Қалаи Зароводк VII—VIII вв. 30
95. Қалаи Варзиминор VII, XIX вв. 30
96. Қалаи Давлатабад VII—VIII вв. 30
97. Қалаи Қанте VII—VIII вв. 30
98. Қалаи Джиджик VII—VIII вв. 30
99. Қалаи Туда VII—XII вв. 30
100. Пушти Хисор V—VIII вв. 30
101. Қалаи Зилчуш VII—XII вв. 30
102. Қалаи Семич VII—VIII вв. 30

103—107. Қалаи Сулайман, Қалаи Санг, Қалаи Чашма в к. Маргиб VII—VIII вв.? 30
108. Могильник Зосун II—XII вв. 30
109. Сабиекала VII—XII вв. 30
110. Джари Хисор VII—VIII вв. 30
111. Қалаи Қамондон VII—VIII вв. 30
112. Хадишар VII—XVI вв. 30
113. Қалаи Рогиф VII—VIII вв. 30
114 Қалаи Исиз VII—VIII вв.? 30
115. Қалаи Мадрушкат VII—VIII вв. 30
116. Табушин IX—XII вв. 30
117. Қалаи Хисорак V—VIII вв. 30
118. Қалаи Деманора IX—XII вв. 30

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 6
ГЛАВА I. Историко-географическая и административная характеристики горного Согда 14
ГЛАВА II. Проблемы типологии, структуры и динамики развития сельских поселений 25
1. Экологическая обусловленность типов раннесредневекового сельского поселения 25
2. Генезис поселений от раннего средневековья до современности . 58
Глава III. Структура сельского поселения 65
1. Сельский квартал 65
2. Рядовые дома 70
3. Дворцовые сооружения 88
ГЛАВА IV. Архитектура и искусство 93
1. Архитектурно-конструктивная характеристика 96
2. Планировочная характеристика дворцов и домов 113
3. Оборонительные элементы сельских поселений 124
4. Резьба по дереву 129
5. Изобразительное искусство 143
ГЛАВА V. Экономический потенциал и население сельского поселения (по материалам Гардани Хисор) 148
1. Однокомнатные дома 152
2. Двухкомнатные дома 158
3. Трехкомнатные дома 160
4. Четырехкомнатные дома 164
5. Пятикомнатные дома 165
ГЛАВА VI. Ремесла и ремесленное производство 169
1. Керамическое производство 169
а) керамика VII- VIII вв. 170
б) керамика V—VI вв. 191
2. Кузнечное и другие ремесла. 199
ГЛАВА VII. Социально-общественный строй 210
1. Семья 210
2. Сельская община 216
3. Согдийское общество (сословия) 217
4. Феодальные отношения в сельских поселениях 225
5. Формы эксплуатации 234
6. Система управления 240
Иллюстрации 245
Литература 272
Указатель названий археологических памятников 286

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук Таджикской ССР

ЮСУФ ЯКУБОВ

(к проблеме становления феодализма)

Ответственный редактор
Борис Ставиский

Редактор издательства **Л. Н. Картунова**
Технический редактор **Г. Ф. Кравченко**
Художественный редактор **Ю. Н. Ярочкин**

ИБ № 1636

Сдано в набор 17.03.1988 г. Подписано в печать 20.09.1988 г. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 18.25. Усл. краск.-отт. 18.43. Уч. изд. л. 20.0. Тираж 1000. Заказ 191. Цена 3 р. 00 коп. Цена в переплете № 7 3 р. 30 коп.

Издательство «Дониш», 734029, г. Душанбе, ул. Айни, 121, корп. 2.
Типография АН ТаджССР 734029, г. Душанбе, ул. Айни, 121, корп. 2.

3 руб.